КОМИТЕТ
ПО УВЕКОВЕЧЕНИЮ ПАМЯТИ Г. В. ПЛЕХАНОВА

ГРУППА «ОСВОБОЖДЕНИЕ ТРУДА»

ИЗ АРХИВОВ Г. В. ПЛЕХАНОВА, В. И. ЗАСУЛИЧ и Л. Г. ДЕЙЧА

Под редакцией Л. Г. ДЕЙЧА

СБОРНИК № 6

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА—ЛЕНИНГРАД

ГРУППА „ОСВОБОЖДЕНИЕ ТРУДА“

(Из архивов Г. В. Плеханова, В. И. Засулич и Л. Г. Дейча)
Под редакцией **Л. Г. Дейча**
При ближайшем участии Л. И. Аксельрод, Р. М. Боград-Плехановой, С. Я. Вольфсона, Э. М. Зиновьевой-Дейч и И. Н. Кубикова.
(Комитет по увековечению памяти Г. В. Плеханова)

СБОРНИК № 1

СОДЕРЖАНИЕ: **От Комитета и редакции.** Признательность. **Л. Г. Дейч.** Первые шаги группы „Освобождение труда“. **Г. В. Плеханов.** А. Н. Радищев (посмертная рукопись). **В. В. Позднякова-Плеханова.** Детство и отрочество Г. В. Плеханова. **Р. М. Плеханова.** Наша первая встреча с Ж. Гедом. **Е. Н. Игнатова.** Братья В. Н. и И. Н. Игнатовы (воспоминания сестры). **О. К. Буланова.** „Черный передел“. **И. Гецов.** Типография „Черного передела“. **Фр. Энгельс.** Письма к В. И. Засулич. **Г. В. Плеханов.** Письма к С. Кравчинскому. **Л. Г. Дейч.** Письма к П. Б. Аксельроду. **В. И. Засулич.** Письма к С. Кравчинскому. **С. Кравчинский.** Письма к В. И. Засулич. **Л. Тихомиров.** Письма к П. Л. Лаврову. **Ю. Сергеев.** Ушедшие (И. Аксельрод, Б. Гинсбург, А. Любимов, д-р Н. Васильев, А. Зон и Б. Цетлин). **Л. Г. Дейч.** Три свежие могилы (А. Успенская, А. Зунделевич и П. Моисеенко). **Л. Д.** Смерть Ленина. **Е. Н. Ковальская.** Печальное недоразумение. **С. Я Вольфсон.** Вокруг Плеханова (литературное обозрение произведений о Г. В. Плеханове в 1923 году). **Алфавитный указатель имен. Фотографии:** группа „Освобождение труда“, портреты В. Н. и Е. Н. Игнатовых и факсимиле-письма Фр. Энгельса. Стр. 310. Ц. 2 р.

СБОРНИК № 2

СОДЕРЖАНИЕ: **Г. В. Плеханов.** Философская эволюция Маркса (посмертная рукопись с предисловием Л. Аксельрод (Ортодокс). **В. И. Засулич.** Нечаевское дело (посмертная рукопись с примеч. А. И. Успенской и Л. Г. Дейча). **Л. Г. Дейч.** Был ли Нечаев гениален? **П. Б. Аксельрод.** О задачах научно-социалистической литературы. „Письмо к товарищам“. **О. Нельский.** Движение русской общественной мысли от идеализма к марксизму (Белинский, Чернышевский, Плеханов). **Л. Г. Дейч.** Из карийских тетрадей: 1. Жизнь Плеханова в Божи над Клараном. 2. Переговоры с придворными сферами. **М. Рыжанская.** Первый реферат Плеханова в Цюрихе. **М. Висконти.** Члены группы „Освобождение труда“. **П. С. Гуревич-Мартыновская.** Знакомство с Г. В. Плехановым и В. И. Засулич. **Н. Кулябко-Корецкий.** Эмигранты и наивный миротворец (из встреч с членами группы „Освобождение труда“). **Л. Г. Дейч.** Аарон Зунделевич (один из первых социал-демократов в России). **Письма:** Л. Дейч и В. Засулич—Плеханову. **В. И. Засулич**—Карлу Марксу. **К. Маркс**—В. Засулич. **Я. В. Стефанович**—Г. В. Плеханову. **Л. Г. Дейч**—В. И. Засулич и остальным членам группы „Освобождение труда“ (из тюрем, каторги и ссылки). **Г. В. Плеханов** и **Ф. Энгельс.** Переписка с предисловием Л. Дейча. **Е. Н. Ковальская.** По поводу книги О. В. Аптекмана. Общество „Земля и воля“ 70-х годов и прочее. **В тексте фотографии:** С. Г. Нечаев во время процесса, В. И. Засулич до Нечаевского процесса, В. И. Засулич в ссылке по Нечаевскому делу, П. Г. Успенский во время Нечаевского дела. Факсимиле письма К. Маркса В. Засулич. Стр. 372. Ц. 2 р. 75 к.

ГРУППА ОСВОБОЖДЕНИЕ ТРУДА

КОМИТЕТ
ПО УВЕКОВЕЧЕНИЮ ПАМЯТИ Г. В. ПЛЕХАНОВА

ГРУППА ОСВОБОЖДЕНИЕ ТРУДА

ИЗ АРХИВОВ Г. В. ПЛЕХАНОВА,
В. И. ЗАСУЛИЧ И Л. Г. ДЕЙЧА

Под редакцией
Л. Г. ДЕЙЧА

ПРИ БЛИЖАЙШЕМ УЧАСТИИ
Л. И. АКСЕЛЬРОД, Р. М. БОГРАД-ПЛЕХАНОВОЙ,
С. Я. ВОЛЬФСОНА, Э. М. ЗИНОВЬЕВОЙ-ДЕЙЧ
И Н. Н. КУБИКОВА

СБОРНИК № 6

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА ★ 1928 ★ ЛЕНИНГРАД

ОТПЕЧАТАНО
в 1-й Образцовой типографии
Гиза. Москва, Пятницкая, 71.
Главлит. А.-7489. Гиз 22048.
Зак. № 3822. Тираж 3000 экз.

Г. В. ПЛЕХАНОВ.

I.

ГРОМ НЕ ИЗ ТУЧИ [1]).

(ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ «[В]».)

Милостивый государь! Вы хотите знать мое мнение о статьях г. *А.*, напечатанных в «*В.*» под заглавием: «*У*». Я думаю о них то же, что и вы, т. е., что они *никуда не годятся*. Но вы говорите, что они производят некоторое впечатление на людей, не занимавшихся теми вопросами, о которых в них говорится. Поэтому я считаю не бесполезным подвергнуть эти статьи довольно подробному разбору. Начну с *философии*.

Г. *А.* чрезвычайно презрительно относится к философии Гегеля, которого он называет *реакционером*. Но назвать данного философа реакционером не значит еще характеризовать его философию. Мыслитель, сочувствующий *реакционным* стремлениям в общественной жизни, может, тем не менее, создать философскую систему, заслуживающую полного *внимания* и даже *сочувствия* со стороны *прогрессистов*. Надо уметь различать между *теоретическими посылками* данного писателя и теми *практическими выводами*, которые он сам делает из своих теоретических посылок. Практические выводы могут быть неверны или враждебны делу человеческого прогресса. Но в то же самое время *посылки*, лежащие в основе этих неверных или вредных *выводов*, могут

[1]) Подлинник этой статьи оказался в архиве Г. В. Плеханова. Статья была помещена в грузинском журнале «Квали» в 1901 году (№№ 26, 27, 28), под псевдонимом Idem и является ответом на статью «Путешествие по Бельгии» (в рукописи «У») известного анархиста В. Черкезова, псевдоним В. Марвели (г. А.), помещенную в легальной консервативной газете «Иверия» («В») в 1900 году. В подлиннике недостает нескольких страниц, они вставлены нами из переведенной с грузинского статьи и помещены в прямые скобки. — *Ред.*

Kniga 23 July 1978

быть и *верны*, и *полезны*, — полезны в том смысле, что, *будучи правильно истолкованы*, они дадут новый довод или даже целый ряд доводов в защиту *прогрессивных* стремлений. Вот почему такие эпитеты, как *реакционер* или *прогрессист* никоим образом не характеризуют *теоретических* заслуг или ошибок данного философа. Кто хочет уничтожить этого философа во мнении *мыслящих* людей, тот должен опровергнуть *теоретическую* часть его учения. Только после опровержения этой части он имеет право указать на то практическое *стремление* или на то *влияние* общественной среды, которое побудило мыслителя *исказить истину* или *помешало ему додуматься до нее*.

При соблюдении этого условия указание на политические симпатии мыслителя (реакционер, прогрессист и т. д.) будет содействовать выяснению генезиса (происхождения) его заблуждений. При отсутствии же этого условия *критика* превращается в *обвинение*, а *обвинение* оказывается простым *упреком*. Упрек может иметь под собою самую благородную подкладку, но *критики* он ни в каком случае заменить собою не может.

Г. *А.* не *критикует*, а именно только *упрекает* Гегеля. Делаемая им ссылка на Вундта ровно ничего не доказывает, потому что цитируемые им фразы не заключают в себе ничего, кроме ничем *не мотивированного приговора*. Или, может быть, г. *А.* думает, что мы должны верить *авторитету* Вундта? Но авторитет — плохой руководитель в философии, и если бы человечество всегда твердо верило в авторитеты, то у нас не было бы теперь ни философии, ни других знаний. Впрочем, я не думаю, чтобы г. *А.* требовал от нас *веры в авторитет* Вундта. Всего вернее, что он сослался на мнение этого писателя, просто как на мнение умного и ученого человека: мнение умного и ученого человека всегда интересно. Но беда в том, что умные и ученые люди далеко не во всем соглашаются между собою, и потому нет ничего легче, как противопоставить мнению одного умного и ученого человека мнение другого человека, столь же умного и столь же ученого. Г. *А.* согласится, что это обстоятельство очень усложняет дело.

Г. *А.* ссылается на Вундта. Он, разумеется, имеет полное право на это. Но я с таким же правом сошлюсь на другого,

на этот раз русского писателя, который был чрезвычайно умен от природы и который посвятил (как это видно из его «*Дневника*») не мало времени на внимательное изучение гегелевой философии. Этого человека звали *А. И. Герцен*. (Для цензуры можно поставить: этот человек — автор знаменитых воспоминаний, носящих название: «*Былое и думы*» и не менее знаменитого романа: «*Кто виноват*».)

«Когда я привык к языку Гегеля и овладел его методой, — говорит А. И. Герцен (или — этот автор: *для цензуры*), — я стал разглядывать, что Гегель гораздо ближе к нашему воззрению, чем к воззрению своих последователей; таков он в первых сочинениях, таков везде, где его гений закусывал удила и несся вперед, забывая «бранденбургские ворота». Философия Гегеля — алгебра прогресса, она необыкновенно освобождает человека и не оставляет камня на камне от... мира преданий, переживших себя. Но она может быть с намерением дурно формулирована».

Русские писатели народнического и «субъективного» направления, — подобно г. *А.*, — очень враждебно относятся к Гегелю, которого они, — опять подобно г. *А.*, — *совсем не знают*. Они считают, например, что Гегель имел очень вредное влияние на гениального Белинского, который будто бы только тогда и начал мыслить как следует, когда «*раскланялся с философским колпаком*» немецкого философа. Несколько лет тому назад в периодической русской печати было доказано, что увлечение гегелевой философией свидетельствовало об огромной теоретической требовательности Белинского и ни в каком случае не может быть рассматриваемо *как период застоя в его умственном развитии*. Тогда же было доказано, что, даже «раскланявшись с философским колпаком Гегеля», Белинский не покинул точки зрения гегелевой философии [1]). Но *доказывать* эти вещи господам народникам и субъективистам нужно было только потому, что эти господа совсем ничего не знают в философии и совсем ничего не понимают в философских взглядах Белинского. А Герцену этого не нужно было бы

[1]) Тут надо, если можно, сослаться, на статью Каменского [псевдоним Г. В.—*Ред.*] в «*Новом слове*».

и доказывать, потому что он, — как человек, знакомый с философией, — сам хорошо знал это. «Белинский совсем не оставил вместе с односторонним пониманием Гегеля его философию, — говорит он. — Совсем напротив, отсюда-то и начинается его живое, меткое, оригинальное сочетание идей философских с революционными (*для цензуры:* прогрессивными)».

Выходит, стало быть, что философские идеи Гегеля легко могли сочетаться с прогрессивными. Выходит также, что русская литература чрезвычайно много обязана Гегелю в лице одного из самых талантливых представителей. Это совсем не то, что говорили нам господа русские народники и «субъективисты» и вслед за ними и наш строгий г. *А.*

Я предлагаю г. *А.* опровергнуть приведенное мною мнение А. И. Герцена.

Когда же он возьмется за это опровержение, то ему нужно будет обратить свое «критическое» внимание на другого русского писателя, который тоже был чрезвычайно умным человеком и который, — подобно А. И. Герцену и в отличие от г. *А.*, — знал и понимал гегелеву философию. Этого человека звали *Н. Г. Чернышевский.*

В «*Очерках гоголевского периода русской литературы*» Чернышевский довольно подробно говорит о Гегеле по поводу известного увлечения им в знаменитом кружке Станкевича и Белинского. По его словам, главной и огромной заслугой Гегеля является выведение философии из области отвлеченного мышления и внимательное отношение к *действительности.* «Объяснить действительность стало существенной обязанностью философского мышления. Отсюда явилось чрезвычайное внимание к действительности, над которой прежде не задумывались, без всякой церемонии искажая ее в угодность собственным односторонним предубеждениям... Но в действительности все зависит от обстоятельств, от условий места и времени, — и потому Гегель признал, что прежние общие фразы, которыми судили о добре и зле, не рассматривая обстоятельств и причин, по которым возникало данное явление, что эти общие отвлеченные изречения неудовлетворительны. Отвлеченной истины нет, истина конкретна, т. е. определительное суждение можно произносить только

об определенном факте, рассмотрев все обстоятельства, от которых он зависит» [1]).

В другом месте, — именно в статье, которую он посвятил разбору своего собственного сочинения: «*Эстетические отношения искусства к действительности*», — Чернышевский так характеризует свое отношение к Гегелю.

«Часто мы видим, что продолжатели ученого труда восстают против своих предшественников, труды которых служили исходною точкою для их собственных трудов. Так Аристотель враждебно смотрел на Платона, так Сократ безгранично унижал софистов, продолжателем которых был. В новое время этому также найдется много примеров. Но бывают иногда отрадные случаи, что основатели новой системы понимают ясно связь своих мнений с мыслями, которые находятся у их предшественников, и скромно называют себя их учениками; что, обнаруживая недостаточность понятий предшественников, они с тем вместе ясно высказывают, как много содействовали эти понятия развитию их собственной мысли. Таково было, например, отношение Спинозы к Декарту. К чести основателей современной науки должно сказать, что они с уважением и почти сыновнею любовью смотрят на своих предшественников, вполне признают величие их гения и благородный характер их учения, в котором показывают зародыши собственных воззрений. Н. Г. Чернышевский понимает это и следует примеру людей, мысли которых применяет к эстетическим вопросам. Его отношение к эстетической системе, недостаточность которой он старается доказать, вовсе не враждебно; он признает, что в ней заключаются зародыши и той теории, которую старается построить он сам, что он только развивает существенно важные моменты, которые находили место и в прежней теории, но в противоречии с другими понятиями, которым она приписывала более важности и которые кажутся ему невыдерживающими критики. Он постоянно старается показать тесное родство своей системы с прежнею системою, хотя не скрывает, что есть между ними и существенное различие».

[1]) «Современник», 1856 г., кн. 9, Критика, стр. 12. Теперь есть, как известно, отдельное издание «Очерков гоголевского периода русской литературы», но я не имею его под-рукой.

Чтобы читателю было понятно это категорическое заявление Чернышевского насчет своего собственного отношения к своим предшественникам, полезно будет сделать некоторые пояснения. Г. *А.* хорошо сделает, если хорошенько вникнет в них.

Сочинение Чернышевского *«Эстетические отношения искусства к действительности»* посвящено было критике эстетической системы известного немецкого писателя *Фишера*, который был *чистым гегельянцем*. Если Чернышевский считал нужным открыто заявить о том, что он в своем сочинении вовсе не становится во враждебное отношение к Фишеру, то это значило, что он считал вредным распространение в русской читающей публике враждебного отношения к философской системе Гегеля [1]). Далее, кого имел в виду Чернышевский, говоря об основателях современной науки? Конечно, *Фейербаха*, взгляды которого он применял к вопросам эстетики, да и не одной только эстетики. По его словам, основатели современной науки с уважением и почти сыновнею любовью смотрели на своих предшественников, вполне признавали величие их гения и благородный характер их учения, в котором показывали зародыши собственных воззрений. Кто же были эти предшественники «основателей современной науки»? На этот вопрос без больших усилий ответит сам г. *А.*: предшественниками Фейербаха в философии были *великие немецкие идеалисты*. А ближе всех других немецких идеалистов был к Фейербаху *Гегель*, как это известно всем, знакомым с историей немецкой философии, и как на это указывал много раз сам Чернышевский. Выходит, стало быть, что, по мнению этого последнего, Фейербаху делало большую честь то обстоятельство, что он относился к Гегелю не враждебно, а с уважением и с почти сыновней любовью. И сам Чернышевский считает необходимым оттенить, что он относится к Гегелю именно так, как относился к нему, по его словам, Фейербах. Это очень непохоже на то отрицательное отношение к «реакционеру»

[1]) Кто читал *«Эстетику»* Гегеля и *«Эстетику»* Фишера, тот знает, до какой степени невозможно отделить изложенную там эстетическую теорию от общих положений гегелевой философии. Г. *А.*, разумеется, не читал названных сочинений, но, если он даст себе труд хоть заглянуть в них, то он не решится оспаривать меня.

Гегелю, которое мы видим в статье г. *А.* Чем объясняется это несходство? Да просто-напросто тем, что Чернышевский знал Гегеля, а г. *А.* не имеет о нем ни малейшего понятия [1]).

Но Чернышевский не ограничился простым *заявлением* о своем уважении к Гегелю. Он, — по своему обыкновению, кратко и просто, — *объяснил*, почему он относится к Гегелю именно так, а не иначе: он понимал (и это, как видел читатель, его собственные слова), что в системе Гегеля заключался зародыш той теории, которую старался построить он сам, и что он только развивал существенно важные моменты, которые находили место и в «прежней теории». Ввиду этого уважение Чернышевского к Гегелю перестает быть удивительным даже для невежд: кто же, кроме людей неискренних и болезненно тщеславных, позволит себе презрительно относиться к мыслителю, в учении которого он видит зародыш своих собственных взглядов?

Но если нет ничего удивительного в том уважении, с которым относился к Гегелю Чернышевский, то кто же, — *опять-таки, кроме невежд*, — может удивляться тому уважению, с которым относился к Гегелю автор *«Капитала»*? Ведь взгляды автора «Капитала» были естественным развитием взглядов Фейербаха, который был *учителем Чернышевского* в философии и который сам был *учеником Гегеля*. Маркс понимал, что (говоря словами Чернышевского) в философии Гегеля заключались зародыши и той теории, которую он старался построить сам; что он только развивал существенно важные моменты, которые находили место и в гегелевой философии, но в противоречии с другими понятиями, которым она (философия Гегеля) приписывала более важности и которые ему (Марксу) казались невыдерживающими критики.

Впрочем, здесь я забежал вперед. Прежде нежели говорить об отношении философских взглядов Маркса к философии Гегеля, надо решить, как должны относиться к этой последней *мы*, образованные и беспристрастные читатели и писатели начала XX века.

[1]) Замечу мимоходом, что и *реакционером* Чернышевский никогда не считал Гегеля. Он называл его *умеренным либералом*.

Выше я сказал, что невозможно решать философские вопросы ссылками на те или другие *авторитеты*. И я поступил бы очень плохо, если бы позабыл об этом *теперь*, т. е. после того, как в пользу Гегеля и против г. *А.* высказались такие авторитетные в философских вопросах писатели, как А. Герцен и Н. Чернышевский. Нет, как бы ни был велик авторитет этих людей, мы должны жить своим собственным умом; мы должны сами, своими собственными силами и на основании своих собственных знаний решить, как относиться нам к философии Гегеля, из которой выросло потом учение немца Фейербаха и [[его]] русского ученика Чернышевского.

А для того чтобы решить это, нам полезно будет выяснить себе, почему же Чернышевский видел в философии Гегеля зародыш своих собственных взглядов, или — если выразиться точнее — взглядов своего учителя Фейербаха.

Все дело здесь в том «*чрезвычайном внимании к действительности, которое, по мнению Чернышевского, составляет главную заслугу Гегеля сравнительно с его предшественниками в области философии*».

Люди, у которых г. *А.* научился своему презрительному отношению к Гегелю, — т. е. русские народники и субъективисты, — изображают обыкновенно философию немецкого идеалиста как одно сплошное искажение действительности в угоду спекулятивным построениям. Они так много кричали об этом искажении, что им стали верить читатели, незнакомые с историей философской мысли. Поэтому некоторых удивит, может быть, замечание Чернышевского о внимательном отношении Гегеля к действительности. А между тем оно вполне верно.

Гегель говорит в своей «*Энциклопедии*», что юности свойственно бросаться в отвлеченности, между тем как опытный человек не увлекается абстрактным *или-или* (entweder-oder), а ищет конкретной почвы. Очень возможно, что именно эти слова его имел в виду Чернышевский, говоря о внимательном отношении Гегеля к действительности. Но во всяком случае несомненно, что он был совершенно прав и что он мог бы сказать даже более того, что сказал: он мог бы с полным правом утверждать, что философия Гегеля, благодаря своему внимательному отношению к действительности, имела огромное, до сих пор еще *недостаточно* оцененное влияние на развитие общественной мысли XIX века, и что в значительной степени благодаря ей мыслящие люди этого века поняли неудовлетворительность точки зрения абстрактного *или — или*.

Чернышевский поясняет мысль Гегеля, беря в пример *войну*. «Пагубна или плодотворна война? — спрашивает он. — Вообще нельзя отвечать на это решительным образом: надобно знать, о какой войне идет дело, все зависит от обстоятельств времени и места... Марафонская битва была благодетельнейшим событием в истории человечества». Еще пример — дождь. «Благо или зло дождь? Это вопрос отвлеченный, определительно ответить на него нельзя: иногда дождь приносит пользу, иногда, хотя реже, вред; надобно спрашивать определенно: после того, как посев хлеба окончен, в продолжение пяти часов шел сильный дождь, — полезен ли он был для хлеба? Только тут ответ ясен и имеет смысл: этот дождь был полезен».

Кто рассуждает отвлеченно, тот рассуждает по формуле отвлеченного *или-или* (entweder-oder Гегеля): дождь *или* вреден *или* полезен; война *или* пагубна *или* плодотворна.

А кто, по совету Гегеля, ищет *конкретной почвы*, тот, подобно Чернышевскому, спрашивает, какой именно дождь имеется в виду; о какой именно войне идет дело.

На первый взгляд может показаться сомнительным самое существование людей, рассуждающих по формуле отвлеченного *или-или* (война *или* пагубна *или* плодотворна), но на самом деле таких людей до сих пор очень много[1]), а до Гегеля их было еще больше. Точка зрения отвлеченного *или-или* свойственна не только неопытной «юности». Можно указать замечательные исторические эпохи, в продолжение которых все мыслящие люди, за самыми немногими исключениями, стояли на этой точке зрения и очень удивились бы, если бы им сказали, что она неудовлетворительна. Так было, например, во Франции восемнадцатого века.

Французские просветители этого века смотрели на общественную жизнь с точки зрения отвлеченной противополож-

---

[1]) Пример: Л. Н. Толстой, пришедший к тому выводу, что *война всегда и безусловно вредна*.

ности между *добром и злом*, между *разумом и бессмыслицей*, покидая эту точку зрения только в самых исключительных случаях. Раз признав данное общественное явление, — например, *феодальную собственность*, — вредным и *неразумным*, они никогда не согласились бы с тем, что в свое более или менее отдаленное время оно могло быть *разумным*. Вот один пример из чрезвычайно многих.

Гельвеций в письме к Сорэну говорит по поводу знаменитой книги Монтескье «Esprit des lois» [«Дух законов»]: «Но чему он хочет научить нас своим трактатом о феодальных учреждениях? Такими ли вещами должен заниматься мудрый и разумный человек? Какое законодательство могло явиться в результате варварского хаоса законов, установленных насилием, державшихся невежеством и всегда мешающих всякой попытке установить правильный порядок» [1]). В другом месте тот же Гельвеций замечает: «Монтескье слишком феодалист, а между тем феодальное правительство есть *chef d'oeuvre* [верх] бессмыслицы» [2]).

Теперь мы иначе относимся к феодализму; теперь мы понимаем, что в свое время он вовсе не был бессмыслицей [3]). Но мы смотрим так именно — и только — потому, что мы знаем, до какой степени все зависит от обстоятельств времени и места и до какой степени несостоятельны те, будто бы,

---

[1]) Oeuvres Complètes, Paris 1818, t. III, p. 226.

[2]) Ibid., p. 314.

[3]) Фюстель-де-Куланж хорошо объясняет, как изменялось отношение низших сословий к феодальным замкам в зависимости от обстоятельств времени. «Six siècles plus tard, — говорит он, — les hommes n'avaient que haine pour ces forteresses seigneuriales. Au moment où elles s'élevèrent ils ne sentirent qu'amour et reconnaissance. Elles n'étaient pas faites contre eux, mais pour eux. Elles étaient le poste élevé où leur défenseur veillait et guettait l'ennemi. Elles étaient le sûr dépot de leur récolte et de leurs biens... Chaque château fort était le salut de son canton». Fustel-de-Coulanges, «Histoire des Institutions politiques de l'Ancienne France», tome VI, p. p. 682—683. [«Шесть столетий позже люди только ненавидели эти владетельные замки. Но в момент, когда они воздвигались, люди чувствовали к ним только любовь и благодарность. Они были созданы не против них, но для них. Они были возвышенным сторожевым пунктом, где их защитник бодрствовал и подстерегал врага. Они были верным складом для их жатвы и для их имущества... Каждый укрепленный замок был спасением своего округа». *Фюстель-де-Куланж*, «История политических учреждений старой Франции», т. VI, стр. 682—683.]

истины, к которым приводит точка зрения *отвлеченного или-или*: война *или пагубна или плодотворна*; феодализм *или разумен или бессмыслен* и т. д. А Гельвеций еще не знал этого; он, подобно огромнейшему большинству своих современников, придерживался именно точки зрения *отвлеченного или-или*.

А то возьмите историю социализма. Уже в начале XIX века вы найдете у некоторых социалистических писателей отрицательное отношение к отвлеченным рассуждениям по формуле *или-или*. Я мог бы привести здесь очень интересные в этом отношении цитаты из Сен-Симона и сен-симонистов. Но это отрицательное отношение к *отвлеченному или-или* составляет у них все-таки *исключение, а не общее правило*. Чаще и охотнее социалисты того времени придерживались унаследованной от восемнадцатого века отвлеченной точки зрения. С этой точки зрения они смотрели на важнейшие практические вопросы своего времени. Поэтому — и только поэтому — мы и называем их *утопистами*. Различные школы этих утопистов предлагали весьма различные планы общественного устройства. Но, как ни отличались один от другого эти планы, все они сходились в одном: в том, что основой каждого из них служил известный взгляд на *человеческую природу* [1]). Природа человека была верховной инстанцией для социалистов, к которой они обращались по спорным вопросам общественного строя. Так как природу человека социалисты того времени считали неизменной, то, ясно, мы должны полагать, что среди многих возможных систем общественного строя можно

---

[1]) По мнению Консидерана, «общий социальный вопрос» (le problème social général) должен быть поставлен так: «Etant donné l'homme; avec ses besoins, ses gouts, ses penchants, déterminer les conditions du système social le mieux approprié à sa nature». [«Имея данного человека, с его нуждами, его вкусами, его склонностями, — определить условия общественной системы, наиболее подходящей к его природе».] («Destinée sociale» 3-ème édition, tome I, p. 332.) Подобно этому Дэзами заявляет: «Mon criterium, ma règle de certitude c'est la science de l'organisme humain, c'est-a-dire, la connaissance des besoins, des facultés et des passions de l'homme» [«Мой критерий, мое мерило достоверности, — это наука о *человеческом организме*, т. е. знакомство с нуждами, способностями и страстями человека».] («Le Code de la communauté», par T. Dezamy, Paris, 1842, p. 9.) Я мог бы привести еще многое множество таких примеров.

ности между *добром и злом*, между *разумом и бессмыслицей*, покидая эту точку зрения только в самых исключительных случаях. Раз признав данное общественное явление, — например, *феодальную собственность*, — вредным и *неразумным*, они никогда не согласились бы с тем, что в свое более или менее отдаленное время оно могло быть *разумным*. Вот один пример из чрезвычайно многих.

Гельвеций в письме к Сорэну говорит по поводу знаменитой книги Монтескье «Esprit des lois» [«Дух законов»]: «Но чему он хочет научить нас своим трактатом о феодальных учреждениях? Такими ли вещами должен заниматься мудрый и разумный человек? Какое законодательство могло явиться в результате варварского хаоса законов, установленных насилием, державшихся невежеством и всегда мешающих всякой попытке установить правильный порядок» [1]). В другом месте тот же Гельвеций замечает: «Монтескье слишком феодалист, а между тем феодальное правительство есть *chef d'oeuvre* [верх] бессмыслицы» [2]).

Теперь мы иначе относимся к феодализму; теперь мы понимаем, что в свое время он вовсе не был бессмыслицей [3]). Но мы смотрим так именно — и только — потому, что мы знаем, до какой степени все зависит от обстоятельств времени и места и до какой степени несостоятельны те, будто бы,

---

[1]) Oeuvres Complètes, Paris 1818, t. III, p. 226.

[2]) Ibid., p. 314.

[3]) Фюстель-де-Куланж хорошо объясняет, как изменялось отношение низших сословий к феодальным замкам в зависимости от обстоятельств времени. «Six siècles plus tard,— говорит он, — les hommes n'avaient que haine pour ces forteresses seigneuriales. Au moment où elles s'élevèrent ils ne sentirent qu'amour et reconnaissance. Elles n'étaient pas faites contre eux, mais pour eux. Elles étaient le poste élevé où leur défenseur veillait et guettait l'ennemi. Elles étaient le sûr dépot de leur récolte et de leurs biens... Chaque château fort était le salut de son canton». Fustel-de-Coulanges, «Histoire des Institutions politiques de l'Ancienne France», tome VI, p. p. 682—683. [«Шесть столетий позже люди только ненавидели эти владетельные замки. Но в момент, когда они воздвигались, люди чувствовали к ним только любовь и благодарность. Они были созданы не против них, но для них. Они были возвышенным сторожевым пунктом, где их защитник бодрствовал и подстерегал врага. Они были верным складом для их жатвы и для их имущества... Каждый укрепленный замок был спасением своего округа». *Фюстель-де-Куланж*, «История политических учреждений старой Франции», т. VI, стр. 682—683.]

истины, к которым приводит точка зрения *отвлеченного или-или*: война *или пагубна или плодотворна;* феодализм *или разумен или бессмыслен* и т. д. А Гельвеций еще не знал этого; он, подобно огромнейшему большинству своих современников, придерживался именно точки зрения *отвлеченного или-или*.

А то возьмите историю социализма. Уже в начале XIX века вы найдете у некоторых социалистических писателей отрицательное отношение к отвлеченным рассуждениям по формуле *или-или*. Я мог бы привести здесь очень интересные в этом отношении цитаты из Сен-Симона и сен-симонистов. Но это отрицательное отношение к *отвлеченному или-или*, составляет у них все-таки *исключение, а не общее правило*. Чаще и охотнее социалисты того времени придерживались унаследованной от восемнадцатого века отвлеченной точки зрения. С этой точки зрения они смотрели на важнейшие практические вопросы своего времени. Поэтому — и только поэтому — мы и называем их *утопистами*. Различные школы этих утопистов предлагали весьма различные планы общественного устройства. Но, как ни отличались один от другого эти планы, все они сходились в одном: в том, что основой каждого из них служил известный взгляд на *человеческую природу* [1]). Природа человека была верховной инстанцией для социалистов, к которой они обращались по спорным вопросам общественного строя. Так как природу человека социалисты того времени считали неизменной, то, ясно, мы должны полагать, что среди многих возможных систем общественного строя можно

---

[1]) По мнению Консидерана, «общий социальный вопрос» (le problème social général) должен быть поставлен так: «Etant donné l'homme; avec ses besoins, ses gouts, ses penchants, déterminer les conditions du système social le mieux approprié à sa nature». [«Имея данного человека, с его нуждами, его вкусами, его склонностями, — определить условия общественной системы, наиболее подходящей к его природе».] [«Destinée sociale» 3-ème édition, tome I, p. 332.) Подобно этому Дэзами заявляет: «Mon critérium, ma règle de certitude c'est la science de l'organisme humain, c'est-a-dire, la connaissance des besoins, des faculutés et des passions de l'homme» [«Мой критерий, мое мерило достоверности, — это наука о *человеческом организме*, т. е. знакомство с нуждами, способностями и страстями человека».] («Le Code de la communauté», par T. Dezamy, Paris, 1842, p. 9.) Я мог бы привести еще многое множество таких примеров.

найти такую, которая более соответствует человеческой природе, чем все прочие, — отсюда родилось стремление найти лучшую, иначе говоря, такую систему, которая всего более соответствует человеческой природе. Основатель каждой школы полагал, что именно он открыл такую систему. Основатель каждой школы (учения) предлагал нам свою утопию. Но возможно ли найти наилучшую систему общественного строя? — Нет, это невозможно].

Просветители восемнадцатого века понимали, что характер человека изменяется в зависимости от окружающей его обстановки. «L'homme est tout éducation» [«Все в человеке — воспитание»], — говорил Гельвеций. И *в этом* отношении просветители восемнадцатого века были совершенно правы. В самом деле, *«природа»* древнего перса или египтянина не походила на *«природу»* древнего грека или римлянина, а *«природа»* древнего грека или римлянина была совсем не то, что *«природа»* современного нам англичанина или гражданина Соединенных Штатов Северной Америки. Если мы предположим, что данная общественная система совершенно соответствует природе человека, а все остальные системы более или менее насилуют эту природу, то мы тем самым объявим, что природе человека не соответствует вся история за исключением того (прошедшего, настоящего или будущего) времени, к которому мы отнесем господство излюбленной нами системы. Но такой взгляд на историю *исключает всякое научное ее объяснение*. Вот почему мы говорим теперь, что системы указанных нами социалистических писателей были *ненаучны*, что не мешает, разумеется, нам находить в них отдельные *частности*, составляющие чрезвычайно ценные вклады в науку. Творцы утопических систем стояли на точке зрения *отвлеченного или-или*, а *не на конкретной почве;* они еще не знали, что отвлеченной истины нет, что истина всегда конкретна, что в общественной жизни все зависит от обстоятельств места и времени.

Если бы я должен был в немногих словах определить заслугу Маркса в общественной науке, я сказал бы, что его учение *нанесло смертельный удар утопизму*. В самом деле, у него уже нет апелляций к человеческой природе. Он не знает таких общественных учреждений, которые *или* соответствуют этой природе, *или* не соответствуют ей. Уже

в «Нищете философии» мы находим замечательный и характерный упрек по адресу Прудона: «Г. Прудон не знает, что вся история является беспрерывным изменением человеческой природы...» (Paris, 1896, р. 204).

В «Капитале» Маркс говорит, что человек, изменяя своей деятельностью окружающую среду, тем самым изменяет свою собственную природу («Капитал», III, стр. 155-156). Возьмем хотя бы частную собственность на средства производства. Утописты много писали и много полемизировали друг с другом и с экономистами по вопросу о том, должна ли существовать частная собственность, т. е. соответствует ли она человеческой природе. Каждый утопист разбирал этот вопрос с точки зрения *или-или*. Маркс же поставил его на конкретную почву. Согласно его учению формы собственности и имущественные отношения определяются развитием производительных сил. Одной ступени развития этих сил соответствует одна форма собственности; другой — другая; но ничего абсолютного здесь утверждать нельзя, *так как абсолютное решение по] необходимости было бы отвлеченно, а отвлеченной истины нет, истина всегда конкретна, и все зависит от обстоятельств места и времени.*

При таком взгляде на дело совершенно естественно отрицательное отношение ко всякого рода попыткам найти наилучшую общественную систему: наилучшей общественной системой является в каждое данное время та общественная система, которая наиболее соответствует состоянию общественных производительных сил. А наихудшей системой в данное время оказывается та система, которая служит наиболее сильным препятствием для дальнейшего развития этих сил. Общественная система, бывшая совершенно разумной сто или двести лет тому назад, может оказаться совершенно нелепой в настоящее время.

Это отрицательное отношение к утопиям составляет именно ту черту марксовой теории общественного развития, которая дает ей вполне заслуженное право на название *научной теории*. Научные теории, разумеется, тоже небезошибочны. Маркс мог ошибаться, как и все люди. Но дело в том, что Маркс стал на ту конкретную почву, которая создала возможность научного отношения к предмету, т. е. отношения к предмету *с точки зрения законосообразности*

совершающихся в нем процессов, между тем как просветители восемнадцатого века и утописты всех веков смотрели на общественные явления с точки зрения *отвлеченного* (и. потому ненаучного) *или-или*, которая исключает возможность нахождения *конкретной истины* и которая оставляет место лишь для решений, подсказываемых субъективными симпатиями или антипатиями.

Но если Маркс нанес смертельный удар утопизму, то этим он обязан *именно той методе, которую он заимствовал у Гегеля и о которой с такой похвалой отзывался Чернышевский*. Метода Гегеля была хороша именно тем, что она исключала возможность отвлеченного суждения о предметах и требовала оценки их с точки зрения обстоятельств времени и места.

После сказанного понятно, почему гегелевой философии сочувствовали прогрессисты вроде А. И. Герцена и Н. Г. Чернышевского.

Эта философия говорила, что надо стать на конкретную почву и рассматривать предметы с точки [зрения] обстоятельств времени и места. Но эти обстоятельства изменчивы. Поэтому *все течет, все изменяется*, как говорил замечательнейший диалектик древности — *Гераклит*. Ни в природе, ни в общественной жизни, ни в понятиях людей нет и не может быть ничего такого, что могло бы претендовать на неизменность. Таким образом застой лишается всякого теоретического оправдания, а вечное движение оказывается основным законом всего существующего.

Это прекрасно выразил тот же Н. Г. Чернышевский: «Вечная смена форм, вечное отвержение формы, порожденной известным содержанием или стремлением, вследствие усиления того же стремления, высшего развития того же содержания», — восклицает он в своей статье «Критика философских предубеждений против общинного землевладения», — кто понял этот великий, вечный, повсеместный закон, кто приучился применять его ко всякому явлению, — о, как спокойно призывает он шансы, которыми смущаются другие! Повторяя за поэтом:

Ich hab'mein Sach' auf Nichts gestellt
Und mir gehört die ganze Welt...

он не жалеет ни о чем, отживающем свое время, и говорит: «Пусть будет что будет, а будет все-таки на нашей улице праздник!»

И эту-то *алгебру прогресса* (по выражению другого нашего прогрессиста) осмеливаются называть философией реакции жалкие люди, лишенные всякого философского образования, не прочитавшие ни одной страницы из сочинений Гегеля и вряд ли даже издали видавшие эти сочинения! Невежество всегда было самоуверенно, заносчиво и хвастливо, но в данном случае оно перешло всякую меру в своей самоуверенности и заносчивости, и в своем хвастливом стремлении «*критиковать*» совершенно незнакомые предметы!

Однако, — спросит иной читатель, — неужели Гегель в самом деле никогда не насиловал фактов и их действительных отношений в угоду своей теории? Неужели лишены всякого основания те горькие упреки, которые так изобильно сыпались и до сих пор сыплются на него со стороны его противников?

Пословица говорит, что дыма без огня не бывает.

Пословица не лжет, отвечу я; упреки, сыпавшиеся на Гегеля, не лишены основания; Гегелю действительно случалось насиловать *факты*, в интересах *теории*, хотя я и не думаю, что он грешил этим грехом больше, чем, например, Ф. А. Ланге, до неузнаваемости исказивший историю материализма в интересах так называемой *критической философии*.

Но во всяком случае *диалектика тут не причем*.

Гегель насиловал (*когда насиловал*) факты вовсе не потому, что он держался диалектического метода, который требовал величайшего внимания к действительным отношениям вещей. Насилие над фактами становилось иногда неизбежно для Гегеля *благодаря идеализму, насквозь пропитывавшему его философскую систему*. Чтобы понять это, достаточно припомнить, как обстояло дело в гегелевой философии истории.

В качестве *диалектика* Гегель, в противоположность просветителям XVIII века, смотрел на историю как на *процесс развития*, который мы должны понять в его *необходимости*, т. е., другими словами, в его *законосообраз-*

ности [1]). Для достижения этой цели должно служить прежде всего *исследование фактов*: «Мы должны брать историю как она есть, — говорит Гегель, — мы должны поступать эмпирически, и между прочим мы не должны поддаваться влиянию историков-специалистов — особенно немецких, которые пользуются большим авторитетом и которые делают то самое, в чем они упрекают философов, т. е. позволяют себе априорные выдумки в истории [2]). И не думайте, что это резкое осуждение «*априорных выдумок*» было в устах Гегеля простой фразой. Нет, кто внимательно прочитал его «Vorlesungen über die Philosophie der Geschichte», тот знает, как вдумчиво относился он к бывшему в его распоряжении эмпирическому материалу. В этих «Чтениях» рассыпана масса драгоценнейших указаний на реальную, не выдуманную, причинную связь исторических явлений. А что касается до высказанных в них соображений о влиянии *географической среды на историческое развитие человеческих обществ*, то они просто поражают своим трезвым реализмом. Прочтите главу «*Geographische Grundlage der Weltgeschichte*» и сравните ее с книгой Мечникова «La civilisation et les grands fleuves historiques» или с известным сочинением Ратцеля «*Anthropogeographie*», вы увидите, как близки в этой области взгляды Гегеля ко взглядам современной нам науки.

Но в своем качестве абсолютного идеалиста Гегель полагал, что логическое развитие *абсолютной идеи* составляет основную, самую глубокую причину всех явлений природы и общественной жизни. Поэтому естествознание и история являлись у него чем-то вроде *прикладной логики*. Таким образом диалектика была «*поставлена вверх ногами*», и тот самый человек, который говорил, что мы должны брать историю, как она есть, и предупреждал своих слушателей против «априорных выдумок», сам далеко не чужд был таких выдумок и насиловал свой эмпирический материал в тех случаях, когда он не входил в их рамки [1]).

[1]) «Die Weltgeschichte ist ein Fortschritt im Bewusstsein der Freiheit, ein Fortschritt den wir in seiner Nothwendigkeit zu erkennen haben». [«Всемирная история — это прогресс в сознании свободы, — прогресс, который мы должны признать в его необходимости».] («Philosophie der Geschichte», изд. Эд. Ганса, стр. 22.)

[2]) Ibid., S. 13.

Переворачивание диалектики «вверх ногами» составляет чрезвычайно интересную и для нас поучительную черту гегелевых «Чтений» о всемирной истории. Оно, без сомнения, подрывало их научное достоинство. Но виновата тут не диалектика, виноват *идеалистический характер гегелевой философии*. И когда Фейербах, а за ним Маркс, разоблачили несостоятельность гегелевского *идеализма*, то они тем самым поставили диалектику *на ноги* и сделали из нее могучее орудие научного исследования [2]). Относить на счет *материалистической диалектики* Маркса несостоятельность гегелевского *идеализма* значит или совсем не понимать положения дела, или умышленно искажать его до неузнаваемости.

Г. *А.* знать не хочет другой научной методы, кроме *индуктивной*. Нетрудно было бы показать ему, что в деле научного исследования *дедукция* имеет такие же права, как *индукция* [3]). Но это отвлекло бы меня в сторону. Я говорю о *диалектике* и не хочу уклоняться от своего предмета. Посмотрим же, исключает ли индукция диалектику.

В немецкой естественно-научной литературе есть сочинение, называющееся «Natürliche Schöpfungsgeschichte» и написанное тем самым *Геккелем*, «*монизм*» которого г. *А.* так охотно противопоставляет *материализму* Маркса. Первые главы этого сочинения содержат в себе характеристику взглядов Линнея, Кювье, Агассица и других естествоиспытателей старого, *до-дарвиновского направления*. Я очень советую г. *А.* внимательно вдуматься в эту характеристику. А чтобы помочь ему в этом, я спрошу его, с помощью какого метода выработали свои взгляды Линней, Кювье и Агассиц? Другими словами, умели ли эти первоклассные ученые пользоваться индукцией? Всякий, нелишенный есте-

[1]) Подробнее об этом см. в статье «Zu Hegel's sechszigstem Todestag» в «Neue Zeit» 1891 года.

[2]) Фейербах говорит о несостоятельности гегелева идеализма во многих своих сочинениях; для примера укажу на «Grundsätze der Philosophie der Zukunft». Маркс остроумно критикует идеализм Гегеля в книге: «Die heilige Familie oder Kritik der Kritischen Kritik».

[3]) Г. А. может прочитать об этом у часто цитируемого им Д. С. Милля в «System of Logic», vol. 1, pp. 536—539, eighth edition.

ственно-научного образования человек, ни минуты не колеблясь, ответит на этот вопрос утвердительно: да, эти ученые умели пользоваться индукцией и пользовались ею; они пришли к своим взглядам именно с помощью индуктивного метода. Прекрасно. Но чем же отличаются эти взгляды, выработанные путем *индукции*, от тех взглядов, которые Дарвин, Геккель и другие натуралисты выработали впоследствии тем же путем индукции?

[Сам Геккель отвечает на это так: «По мнению Дарвина и его последователей, разные виды, принадлежащие к одному и тому же роду животных и растений, представляют различно развившиеся породы из одних и тех же первоначальных форм... Затем, согласно учению о развитии, все роды одного и того же порядка также происходят от одной общей формы, и то же самое можно сказать относительно всех классов одного и того же порядка. Но, исходя из противоположной точки зрения, противники Дарвина держатся мнения, что все виды животных и растений друг от друга совершенно независимы, но от одной общей формы происходят лишь те индивидуумы, которые принадлежат к одному и тому же виду... Это понятие Линней формулировал в следующих словах: «Существует столько видов, сколько их сначала создало высшее существо».] (Species tot sunt diversae, quot diversas formas ab initio creavit infinitum ens [1]).

Заметьте это отличие и вспомните, как характеризует Энгельс миросозерцание *метафизиков:*

«Для метафизика вещи и их умственные образы, т. е. понятия, суть отдельные, неизменные, застывшие, раз навсегда данные предметы, подлежащие исследованию один после другого и один независимо от другого». Не правда ли, эта характеристика как нельзя лучше подходит к Линнею и к державшимся за Линнея противникам Дарвина, смотревшим на растительные и животные виды как на неизменные, застывшие, раз навсегда данные формы? Но если это так, то мы можем, употребляя терминологию Энгельса, назвать старое учение о видах *метафизическим*. А теперь посмотрите, как характеризуется тем же Энгельсом *диалектическое* миро-

[1]) Ср. «Natürliche Schöpfungsgeschichte» *Геккеля*, Берлин 1868, стр. 34.

созерцание. Диалектика рассматривает вещи и их умственные отражения (понятия) в их взаимной связи, в их сцеплении, в их движении, в их возникновении и исчезновении: «Природа есть пробный камень диалектики, и современное естествознание... доказало, что в природе, в конце концов, все совершается диалектически, а не метафизически, что она движется не в вечно однородном, постоянно сызнова повторяющемся круге, а переживает действительную историю. Здесь прежде всего следует указать на Дарвина, который нанес сильнейший удар метафизическому взгляду на природу, доказавши, что весь современный органический мир, растения и животные, суть продукты процесса развития, длившегося миллионы лет». Как видим, диалектическое миросозерцание Энгельса (а также, конечно, и Маркса) есть то самое миросозерцание, которое отстаивает — *в применении к природе* — Эрнест Геккель. Но ведь *диалектические взгляды Эрнеста Геккеля выработаны были индуктивным путем, точно так же, как и метафизические взгляды Линнея, Кювье, Агассица и других светил старой биологии*. Что же это означает? Это означает, что *диалектическое миросозерцание так же мало исключает индукцию, как и метафизическое*. А потому *противопоставлять индукцию диалектике по меньшей мере странно*.

Индукцией называется обобщение с помощью опыта [1]). Такое обобщение не вовсе исключается взглядом на предметы как на независимые, неизменные, раз навсегда данные. Поэтому *индукция совместима с метафизическим миросозерцанием*. И точно так же обобщение, основанное на опыте, совместимо со взглядом на предметы как на стоящие во взаимной связи и находящиеся в процессе постоянного изменения.

Поэтому *индукция вполне совместима* также и *с диалектическим* взглядом на вещи. Если же г. *А.* пугает нас, сторонников диалектики, индукцией, то это происходит единственно потому, что он так же мало понял природу индукции, как и природу диалектики.

[1]) «Induction properly so called... may... be summarily defined as Generalisation from Experience. [«Индукция, правильно так названная... может... быть в конечном счете определена как обобщение, полученное из опыта».] J.-S. Mill, l. c., vol. I, p. 354.

Индукция не только не исключает диалектики, но, накопляя запас наших обобщений, она необходимо обнаруживает рано или поздно несостоятельность *метафизического* взгляда и приводит к *диалектическому*. Это прекрасно доказывается историей биологии, в чем г. *А.* может убедиться, прочитав хотя бы только цитированную мною геккелеву «*Natürliche Schöpfungsgeschichte*».

Заметьте, кроме того, что *диалектическое мышление не исключает также и метафизического:* оно только отводит ему известные пределы, за которыми начинается царство диалектики. Этого не хотят принять во внимание «критики» диалектического метода, а между тем это было превосходно разъяснено еще Гегелем. По Гегелю, познание начинается с того, что существующие предметы берутся в их отдельности и в их различиях. Так, например, при изучении природы различаются отдельные вещества, силы, роды и проч., которые «фиксируются» в этой своей изолированности. Пока дело происходит таким образом, в научном мышлении господствует «*рассудок*» со своими *метафизическими* приемами [1]). Но знание не останавливается на этой ступени. Оно идет дальше, и дальнейший его успех состоит в переходе с *рассудочной* (или *метафизической*) точки зрения на точку зрения «*разума*» или *диалектики*. «Разум» не останавливается перед установленными рассудком разграничениями. Если рассудок фиксировал предметы и явления как неизменные, независимые и отделенные друг от друга непереходимою пропастью, то разум исследует эти предметы и явления в процессе их изменения, в процессе их возникновения и уничтожения, в процессе их взаимодействия и перехода одного в другое [2]).

Если вы захотите отвлечься от несколько странного впечатления, производимого необычной теперь терминологией («рассудок», «разум»), то вы согласитесь, что это рассуждение Гегеля о правах «*рассудка*» сравнительно с правами «*разума*» совершенно верно по своему существу и что оно чрезвычайно метко определяет ход развития науки. Если бы не странная теперь терминология, то, читая его, можно было бы подумать, что читаешь трактат какого-нибудь современного (№ 3 нелипенного философского образования) дарвиниста, задавшегося целью беспристрастно определить, как относятся взгляды Линнея и взгляды других сторонников учения о неизменности видов к более передовым взглядам Дарвина и его учеников. Возможно ли после этого болтать о «ненаучности» мышления Гегеля? Но г. *А.* не понимает, почему Энгельс называет метафизическими взгляды на виды животных и растений, подобные взглядам Линнея. По его мнению, слово «метафизика», «метафизическое» означает что-то совсем другое. Давайте будем «просвещать» господина «критика».

Что такое метафизика? Каков ее предмет? — Предмет метафизики «безусловное», или «первоначало» (безграничное, абсолютное). Но что является главным отличительным признаком «безусловного», «первоначала» в учениях старой до-кантовской философии? — Конечно, неизменяемость, постоянство. И это потому, что безусловное, неизменное, беспредельное не зависимо от условий времени и пространства, изменяющих всякий предмет и явление. Вот отчего оно (безусловное) неизменно.

Теперь рассмотрим, каков тот отличительный признак познания, которым пользуются лица, называемые Энгельсом метафизиками. Отличительным признаком этого познания, как это видно из познания видов Линнеем, является неизменность. Само познание в этом случае по-своему безгранично, безусловно. Следовательно, природа такого познания однородна с природой «безусловного», составлявшего предмет старой метафизики.

Вот почему Гегель называет метафизическими все те науки, которые, по его терминологии, создаются рассудком, т. е. которые неизменны, отделены друг от друга пропастью [1]). И если г. *А.* усвоит все это, для него неожиданно новое,

[1]) Гегель не только не игнорирует прав «рассудка», но энергично отстаивает их даже в таких областях, которые, казалось бы, очень далеки от рассудочности, например, в религии, в искусстве, в философии. Он делает чрезвычайно тонкое замечание насчет того, что всякое удачное драматическое произведение предполагает целый ряд точно определенных понятий. А что касается философии, то она, по его словам, требует прежде всего *точности* (Präcision) *мыслей*. (См. G. W. Hegel's Werke, sechster Band, SS. 150—151.)

[2]) См. восьмидесятый параграф так называемой большой «*Энциклопедии*» Гегеля (часть 1).

[1]) Для точной характеристики этих взглядов я привел учение Линнея о видах. Но, разумеется, в истории науки об обществе не меньше, если не

он поймет, что Энгельс не был первым писателем, употребившим термин «метафизическое», «диалектическое» в нашем смысле. Начало такой терминологии положено еще Гегелем.

Г. *А.* старается противопоставить Энгельсу Маркса. Он цитирует страницы, посвященные Марксом *истории французского материализма*. Из этих страниц видно, что, когда Маркс писал их, он употреблял слово «*метафизика*» не в том смысле, который я только что разъяснил и который имел в виду Энгельс. Маркс называл тогда метафизикой *всю идеалистическую немецкую философию*. Разумеется, г. *А.* торжествует, изловив это будто бы противоречие. Он и не подозревает, какое значение имеет оно в истории умственного развития Маркса.

Дело вот в чем. Страницы, цитируемые г. *А.*, составляют главу (впоследствии напечатанную отдельно) книги, написанной Марксом в сотрудничестве с Энгельсом под названием «*Die heilige Familie oder Kritik der Kritischen Kritik*» и вышедшей в свет во Франкфурте-на-Майне в 1845 г. В то время, когда писалась эта книга, разрыв с гегелевым идеализмом был для Маркса еще сравнительно свежим воспоминанием, да и сам этот идеализм оставался еще очень опасным врагом. «У реального гуманизма в Германии, — говорили Маркс и Энгельс в предисловии к названной книге, — нет более опасного врага, чем спиритуализм, или спекулятивный идеализм». В момент борьбы трудно предохранить себя от крайностей и почти невозможно уберечься от несправедливости по отношению к врагу. Не был справедлив и Маркс к немецкому *идеализму*. Он третировал его как *метафизику* [1]), противопоставляя ему *материализм*. Но впоследствии он увидел, что зашел слишком далеко.

больше, ясных примеров для этого. Вспомните сказанное выше об утопистах и просветителях. Для выяснения взглядов Гегеля на старую метафизику было бы полезно прочитать § 31 его большой «Энциклопедии».

[1]) Повод к этому дало то обстоятельство, что сам Гегель, так хорошо разоблачивший природу старой метафизики, находил, что без метафизики все-таки обойтись нельзя, и стремился выработать *новую*, которая, по его мнению, могла освободиться от недостатков старой. Он прямо говорил, что *диалектический* элемент философии должен быть дополнен *метафизическим*. Идеализм Гегеля состоял из этих двух элементов, и когда *Маркс называл его метафизикой*, он имел в виду не диалектический, а метафизический его элемент.

Он вспомнил *методологические* заслуги немецкого идеализма и понял, что старый материализм, нашедший свое выражение во французском материализме восемнадцатого века, далеко не свободен был от недостатков, свойственных старой *метафизике*. Тогда он перестал употреблять слово «*метафизика*» в том смысле, какой он придавал ему в книге «*Die heilige Familie*». Это слово получило у него более точный смысл, разъясненный мною выше и установленный еще Гегелем. Этот смысл и имеет оно в инкриминируемых г. *А.* сочинениях Энгельса. Значит, к чему же сводится открытое г. *А.* *несогласие Маркса с Энгельсом!* — К тому, что слово «*метафизика*» употреблено было Марксом в книге «*Die heilige Familie*» *не в том смысле*, в каком Энгельс употребил в семидесятых годах в книге «*Herrn Eugen Dühring's Umwälzung der Wissenschaft*» [1]). Вот и все. Это немного. Но это немногое станет еще меньше, если мы вспомним, что *в сороковых годах сам Энгельс употреблял слово метафизика в том же смысле, в каком употреблял его тогда Маркс* [2]), а в семидесятых годах (и уже гораздо ранее) *сам Маркс стал употреблять это слово в том самом смысле, какой придавал ему Энгельс в полемике с* Дюрингом. Доказательством могут служить между прочим те критические замечания о «*материализме естествоиспытателей*», которые г. *А.* встретил в первом томе «Капитала» и которые привели его в большое раздражение [3]). Эти замечания разоблачают именно то, что Энгельс называл *метафизическим элементом старого материализма*. Но это *косвенное* доказательство, смысл которого может оказаться скрытым для г. *А.* Вот более прямое: книга «*Herrn Eugen Dühring's Umwälzung der Wissenschaft*» написана была Энгельсом в тесном идейном общении и *даже в сотрудничестве* с Марксом. Энгельс не раз заявляет в ней, что он излагает взгляды, *общие ему с Марксом*. Если бы Маркс находил, что это не так и что Энгельс иначе, чем он, смотрит на метафизику, то он, раз-

[1]) Из этой книги взята выше приведенная характеристика метафизического и диалектического миросозерцания.

[2]) См. ту же книгу «Die heilige Familie», которая написана была, как я уже сказал, Марксом в сотрудничестве с Энгельсом.

[3]) О комичности этого раздражения я поговорю в одном из следующих писем.

умеется, дал бы понять это читателям. Он не сделал этого. Стало быть, его тогдашнему взгляду нимало не противоречила употребляемая Энгельсом терминология.

Изменение того смысла, в котором Маркс и Энгельс употребляли слово «*метафизика*», можно назвать интересной чертой из истории их умственного развития; но видеть в нем какое-то противоречие и противопоставлять Маркса *сороковых* годов Энгельсу *семидесятых* — может только человек, решительно не желающий или совсем не умеющий думать.

Г. *А*. огорчается также тем, что Бэкон и Локк выходят у Энгельса метафизиками. Но Энгельс дает им это название в том самом смысле, в каком он дал бы его и Линнею, т. е. в том, что они не стояли на *диалектической* точке зрения. *Прав* был Энгельс, или *неправ? Если неправ*, то г. *А*. должен был обнаружить ошибку Энгельса, показав диалектический характер философии Бэкона и Локка, то г. *А*. не делает этого по той простой причине, что он не знает ни Бэкона, ни Локка [1]), ни метафизики, ни диалектики. Он ограничивается тем, что *шумит по поводу употребления слов, смысл которых остался ему неизвестен*. Вот так критик!

Однако пора кончать. В следующем письме я рассмотрю этого критика с другой стороны; но я не ручаюсь за то, что эта другая его сторона произведет более благоприятное впечатление, чем та, с которой мы уже ознакомились. Напротив, я очень опасаюсь, что тогда, как и теперь, нам придется сказать, прислушавшись к раскатам его критического грома:

Этот гром не из тучи!

---

1) О Локке мне придется говорить в следующем письме, где я покажу, как плохо понял его г. *А*.

II.

ПЕРВОЕ МАЯ.

[«Социалист», № 40, 23 апреля 1899 г.]

«Une révolte? Non sire,—une révolution».
[Бунт? Нет, государь—это революция].

Когда на Парижском международном конгрессе в 1889 году делегаты социалистического пролетариата решили добиваться путем общей манифестации, назначенной в один и тот же день, ограничения законом рабочего дня до восьми часов, это их решение было очень плохо понято врагами пролетариата. Капиталистическая печать сейчас же создала басню о рабочем восстании, которое, будто бы, должно вспыхнуть первого мая 1890 года. Точно подобные восстания могут производиться по приказу! И точно представители современного социализма могут видеть в подобных восстаниях хоть слабое средство освобождения рабочего класса!

От Рима до Берлина и от Мадрида до Вены буржуазия была охвачена страхом и ожиданием в апреле 1890 года. Она, без сомнения, гораздо более спокойна теперь, при приближении девятого Первого Мая. Но она сохранила неприкосновенными все свои старые предрассудки относительно тактики социалистов.

Установление законом восьмичасового рабочего дня, требуемого пролетариатом в его ежегодной международной манифестации, будет означать великую победу политической экономии труда над политической экономией капитала. Она вместе с тем явится залогом новых побед для рабочего класса. Позволяя работнику гораздо раньше покидать мастерскую, короткий рабочий день дает ему известный досуг, который он сможет использовать для своего собственного просвещения и для лучшего уяснения себе того положения,

в котором он находится благодаря капиталистическому строю. Пролетариат же, обладающий ясным и верным сознанием своего положения, — обусловливаемого для него капиталистическим строем, — не удовольствуется восьмичасовым рабочим днем. Он захочет сделать дальнейшие шаги и неуклонно будет подвигаться вперед до тех пор, пока, завладев политической властью, он не станет в действительности господином положения и не сможет приступить к осуществлению своей экономической программы.

Таким образом восьмичасовой рабочий день является лишь задатком. Но чтобы пролетариат мог получить этот задаток, манифестация Первого мая должна, несмотря на свое крупное революционное значение, сохранить вполне мирный характер. Все социалисты согласны в этом, все бы они сочли за опасного сумасшедшего всякого того, кто предложил бы превратить Первое мая в день восстания. Почему же наши противники приписывают нам с таким редким упорством и постоянством намерения, которые ничего общего не имеют с нашей программой? Потому, что противники наши еще не отдали себе отчета в важности переживаемого нами момента. Потому, что, подобно доброму королю Людовику XVI, они воображают, что дело идет о *восстании*, в то время как перед их глазами грозно поднимается великая *революция*.

Совершится ли эта революция при помощи избирательного бюллетеня или при помощи так называемых революционных средств, — мы не знаем; это зависит от целой кучи обстоятельств, которых почти невозможно теперь предвидеть. Но что мы знаем и в чем мы убеждены, так это в том, что к этой революции пролетариат идет поспешными твердыми шагами и что никакая сила в мире не остановит его в этом победном движении.

III.

О СОВРЕМЕННОМ СОЦИАЛИЗМЕ.

РЕФЕРАТ [ПРОИЗНЕСЕННЫЙ В НАЧАЛЕ НАСТОЯЩЕГО СТОЛЕТИЯ В ШВЕЙЦАРИИ].

(Час 1-й.)

Тема: о современном социализме.

Какой это социализм? — Социализм Маркса и Энгельса. Это признает даже и немарксистский «В[естник] р[усской] р[еволюции]» [1]) в статье: «Мировой рост и кризис социализма». Да и не один он. В «В[естнике] р[усской] р[еволюции]» сказано: «Рост и кризис социализма». А другие говорят: «рост социализма и *кризис в марксизме*». Что обыкновенно значит: *кризис в марксизме? В какой мере он существует?* Рассмотрим сначала, как обстоит дело на Западе.

Бернштейн, а с ним и два-три других, более или менее — и скорее *менее*, чем более, — известных марксиста (напр., Кампфмейер) перешли в другой лагерь. Этого недостаточно для того, чтобы говорить о кризисе. Мне кажется, что в данном случае уместнее говорить о кризисе в голове Эд. Бернштейна. О крушении в марксизме можно было бы говорить только в том случае, если бы Бернштейн и компания представили хоть сколько-нибудь убедительные доводы против того или другого положения *Маркса и Энгельса*. Но именно этого-то и не было. Бернштейн и К° просто отступили назад, на ту точку зрения, на которой стояло очень много писателей *до* Маркса.

Пример. Взгляд на историю; так называемый *исторический материализм*.

---

[1]) Непериодический журнал, выходивший за границей в начале настоящего столетия под ред. эсеров: Русанова, Чернова и М. Гоца. — *Ред.*

Бернштейн указывает на два письма Энгельса, напечатанные в «Soz. Akademiker» за 1895 год (октябрь) и написанные Энгельсом одно — в 1890 году, а другое — в 1894 году. Содержание этих писем хорошо характеризуется *цитатами*, из них сделанными Бернштейном. Я приведу обе цитаты. Сделав эти цитаты, Бернштейн замечает, что они «звучат» не так, [как] приведенное им место из предисловия к «*Zur Kritik*», гласящее, что способ производства матер[иальной] жизни обусловливает собою процесс социальной, политической и умственной жизни. Положим, но Манифест Коммунистической партии написан еще раньше, а что мы видим там?

а) Манифест указывает, как экономические успехи буржуазии вели ее к политическим завоеваниям и как

б) политические завоевания *в свою очередь* ложились в основу ее дальнейших успехов в области экономии. Политический фактор *реагирует* на экономический.

в) *Умственный фактор. Цитата из Манифеста.* Идеи буржуазии были ее орудием в ее освободительной борьбе. Значение *умственного* фактора.

г) Последняя глава Манифеста. Выработка в умах рабочих ясного сознания враждебного.

д) Значение чувств. Цитата из «*Deutsch-Französischen Jahrbücher*».

Вывод: уже с самого начала своей деятельности *Маркс* и *Энгельс* выражали совершенно тот же взгляд на значение различных «факторов», какой мы встречаем в письмах Энгельса, относящихся к 90-м годам.

Если бы в начале своей карьеры Маркс и Энгельс не придавали значения политическому и духовному фактору, то они не вели бы пропаганды и не [указывали] на необходимость диктатуры пролетариата. Противоречие Бернштейна.

Вывод. С *этой* стороны кризис есть только в голове *Бернштейна.*

Перехожу к другому вопросу, вопросу *об общественных противоречиях* и к *тесно связанной с ним, так называемой теории обнищания.*

Тут приходится цитировать Струве, который, впрочем, выступает в этом случае как *западный писатель.* Общественные противоречия основываются *на неравномерном распределении общественного дохода.* Они увеличиваются, когда *она* [неравномерность. — *Ред.*] увеличивается, и *наоборот,* уменьшаются, когда она уменьшается. Как же обстоит дело с распределением национального дохода? *Учение Родбертуса.* С ним был согласен и Маркс. Теперь это считается опровергнутым. «*Fabian News*». Но это неосновательное мнение. Цитата из «В[естника] р[усской] р[еволюции]». Цифры.

1) *Соединенные Штаты Северной Америки.* См. цифры. *Причины: развитие машинного производства.*

2) *Англия:* см. цифры.

3) *Франция:* см. цифры.

Теория обнищания, абсолютная и относительная. Маркс об относительном обнищании.

Кризисы: мнение Бернштейна, см. его *книгу.* В этом же году «Торгово-промышленная газета» начинала поговаривать о вероятности краха. Рубинов из Америки. В половине 1890 года началось попятное движение в Германии, которое распространилось и на другие страны: Бельгию, Францию. Какую же роль играла здесь эластичность кредита? Какую роль играли картели? Посмотрим.

1. *Кредит.* Цифры из «*Deutschen Oekonomist*». Рост кредитных операций, неустойчивость положения. Кризис вызван был известием из Америки о том, что там обнаружилось *перепроизводство железа и стали.* Это заставило опасаться переполнения европейского рынка американскими изделиями и вызвало понижение дивидендных ценностей на бирже.

Средина октября крах *Прусского ипотечного банка.* Что было причиной его крушения? Ueberspannung des kredits [чрезмерное напряжение кредита].

Увлечение кредитом уступило место *недоверию.* Застой в строительном деле, в железной и стальной промышленности. Затем последовали крахи *Померанского и Мекленбург-стрелицкого* ипотечного банков. 25 июня 1901 года крах Лейпцигского банка, который участвовал в операциях *der Casseler Trebertrockungsgesellschaft.* Подобные случаи были: 1889 — *Comptoir d'Escompte* в Париже (150 миллионов), 1882 — Union général и 1891 — Baring Brothers в Лондоне. Затем последовали затруднения для *промышленных обществ.*

Картели. — Что сделали они? (Работа *Th. Vogelstein'a*: «*Die Industrie der Rheinprovinz*».)

Они способствовали *безмерному повышению цен*, на которых настаивали в то время, когда цены фабрикатов *уже упали*. Разница цен для заграницы и для внутреннего рынка: Бохумский коксовый синдикат продавал (1898 г.) *в Австрию* кокс для доменных печей *по 8,1 Mark*, а в Германии *по 17 марок. Колебания цен:* левобережная группа немецких производителей литого железа в промежуток времени от 22 декабря *1897* года по 21 апреля *1900* года изменила свои цены *10 раз*. Союз железопрокатчиков производил такие же колебания цен: *1889 г.* — 147,5 м. *pro tonne*, в 1890—210 м. и в том же году поднялись до 240. Балочное железо (картель) поднялось (1899—1900) с 108 на 140. Котельное железо в течение того же года поднялось со 170 до 260 и т. д. Они настаивали на высоких ценах и тем *увеличивали перепроизводство*. Нет, они не устранят кризисов. Но рабочих они давят сильнее.

О среднем сословии.

Появление этого среднего сословия. Его мнимая роль (*high-priced men*).

Америка. В железной и стальной промышленности уменьшение их числа на 50%. Об уменьшении числа приказчиков говорит президент их общества, *Dowe:* он говорит, что число лишившихся мест доходит до 35 000.

Пример: American Steel and Wire Company из числа 200—300 комми-вояжеров оставила только 15—20. *Destilling Company of America* уволила 300 *salesmen* и т. д.

Цитаты:

Марксова догма в аграрном вопросе. «N[eue] R[heinische] Z[eitung]», II, S. 60.

Если во Франции начался поворот от парцеллирования к концентрации, то в Англии крупное землевладение быстрыми шагами идет к своему *раздроблению* (курсив мой), чем наглядно доказывает, как земледелие постоянно вращается в этом кругу от концентрации к раздроблению и от раздробления к концентрации землевладения, пока буржуазные отношения вообще существуют.

Приемы борьбы в России.

Посмотрим, что говорит «В[естник] р[усской] р[еволюции]». Признает, что история идет не так, как мы желали бы. Намек на развитие капитализма. *Изменение* замечается в

рабочем классе. Мы это предвидели уже давно. Но и тогда нам отвечали: «Не заклеивайте ушей воском доктринерства».

Кое-где в лице меньшинства переходит от чисто экономических требований к политическим.

Возможность захвата власти в недалеком будущем. А развития пролетариата?

Террор: цитата программы «В[естника] р[усской] р[еволюции]».

Значение террора. Почему «Народная воля» не дошла до конца? — Не было поддержки со стороны масс. А теперь есть? — Есть, да мало. Наше отношение к террору. Отношение с *нравственной* стороны и с *политической*. С политической целесообразен только в руках организованной партии. Организована ли партия? — Нет. Террор возбуждает? — Нет, скорее *усыпляет*.

Террор теперь — это удачная агитация в массе. Она больше всего терроризирует правительство.

IV.

СОЦИАЛЬНЫЕ И ФИЛОСОФСКИЕ ВЗГЛЯДЫ МАРКСА.

(РЕЧЬ, ПРОИЗНЕСЕННАЯ ПО-ФРАНЦУЗСКИ НА МИТИНГЕ В ШВЕЙЦАРИИ В КОНЦЕ ПРОШЛОГО СТОЛЕТИЯ.)

Гражданки и граждане!

Имея в моем распоряжении мало времени, как и все ораторы сегодня вечером, я, быть может, слишком смел, желая дать оценку того, что Маркс сделал в области философии и социальной науки. Все же — попытаюсь. И тем хуже для меня, если это мне плохо удастся.

Философия Маркса — логическое и неизбежное следствие философии Гегеля. Вот что говорят нам те, кто трактует о происхождении современного социализма. Это верно, но это не все. Далеко не все.

«Мой диалектический метод не только в корне отличен от гегелевского, но представляет его прямую противоположность. Для Гегеля процесс мысли, который он под названием идеи превращает даже в самостоятельный субъект, есть демиург (творец) действительности, представляющей лишь его внешнее проявление. Для меня, наоборот, идеальное есть не что иное, как переведенное и переработанное в человеческой голове материальное» (Послесловие ко 2-му изданию I тома «Капитала»).

Маркс наследовал Гегелю, как Юпитер наследовал Сатурну: сместив его с престола, разрушив его империю, власть и трон и положив конец власти древних богов. Это настоящая революция. Возникновение материалистической философии Маркса является величайшей революцией из всех, о которых сохранилась память в истории человеческой мысли. Чтобы хорошо оценить значение этой революции,

нужно бросить взгляд на состояние материалистической философии XVIII века.

Материализм той эпохи — эта смелая и воинствующая философия — была почти совершенно чужда всякой идеи эволюции в природе и в человеческом обществе. Правда, один из ее самых блестящих умов, Denis Diderot, часто высказывал взгляды, которые сделали бы честь нашим современным эволюционистам. Но эти глубокие и блестящие взгляды не составляли части теории, проповедуемой материалистами; они были только исключениями и как таковые могли только подтвердить правило.

Я не могу останавливаться на подробностях и дам вам только два примера.

Прочтите знаменитую книгу Holbach'a «*Sistème de la Nature*», главу, где автор говорит о происхождении человека. Вы увидите, что наибольшими трудностями, представляющимися уму автора, являются именно те вопросы, которые касаются *зоологической* эволюции человека и *геологической* эволюции нашей планеты.

Другой пример возьму из области морали. Почти все историки философии обвиняют материалистов XVIII века в проповеди эгоизма. Это большая ошибка. Для Гельвеция, Гольбаха и их друзей *общественное* благо, а не *индивидуальное*, было основой всей морали. «Salus populi suprema lex (благо народа высший закон)», — говорит Гельвеций. Но тогда — откуда происходит эта ошибка, так сильно распространенная в философском и литературном мире? Она вытекает из указанного уже источника. Она происходит оттого, что философы-материалисты XVIII века не умели рассматривать мораль с эволюционной точки зрения. Только историческая эволюция может объяснить нам, как и почему общественное благо (le bien public) становится основой господствующей морали в данном обществе. Но эта эволюция происходит всего чаще без ведома индивидуумов, которые подчиняются требованиям морали их общества *или их класса* как предписаниям абсолютной морали, имеющей религиозную или мистическую санкцию.

Не субъективный разум инвидуумов, а объективная логика общественных отношений диктует индивиду то или другое поведение. Не понимая эволюции, философы проп-

лого столетия могли опираться только на то, что они называли разумом. Они старались *доказать,* что даже с точки зрения личного интереса лучше предпочесть общественное благо.

Нет ничего удивительного, что этот разум имел иногда вид человека, обладающего прекрасным сердцем, диктующим ему самые благородные чувства, — но имеющего в то же время рассудок, неспособный вывести его из логического лабиринта индивидуалистического утилитаризма.

В первой половине нашего века (XIX) мы видим полное восстановление идеалистической философии. О материализме не хотят больше и слышать, к нему относятся с величайшим презрением.

Но сравните идеалистическую философию XIX века с той, которая предшествовала расцвету материализма XVIII века. И вы увидите, что сильной стороной идеализма XIX века является именно идея эволюции, неизвестная (méconnue) материалистам. Итак, материализм был наказан тем, в чем он погрешил!

Идеалистическая философия нашего века, в свою очередь, оказалась неспособной разрешить задачи эволюции. Логические законы эволюции идеи — вот орудие, которое эта философия пускает в ход каждый раз, когда дело идет о том, чтобы выяснить законы эволюции вселенной или человеческого рода. Но логические законы эволюции идеи ничего не объясняют в природе и обществе. Идеалисты поэтому были вынуждены обратиться к обыкновенным (profanes) фактам и законам, к фактам и законам природы, к фактам и законам истории общества. Таким образом мы видим, что Гегель, величайший из идеалистов всех народов и всех веков, ищет объяснения исторических фактов в *экономической* эволюции, так как эти факты были совершенно непонятны с идеалистической точки зрения. Философия истории Гегеля является данью уважения материализму, данью невольной и бессознательной.

С другой стороны, то, что идеалисты называли философией духа (Philosophie des Geistes), разбивалось о трудности, которые можно было преодолеть только с помощью физиологической психологии, науки по существу материалистической, что бы о ней ни говорили иногда те, которые ее разрабатывают.

Именно таким образом философия становится материалистической во второй половине нашего века. Но материализм нашего времени обогащен всеми завоеваниями эволюционной теории.

Вам, вероятно, известно, что такое эволюция в различных областях великой науки о природе. Достаточно напомнить вам имена Канта и Лапласа, Лэйелля и Дарвина. А что такое эволюция в области социологии?

Теперь много говорят, — часто вкривь и вкось, — об эволюции в социологической литературе. Но недостаточно установить постоянные перемены социальных отношений, нужно указать двигатель этих перемен. Дарвин не удовольствовался констатированием изменяемости видов: он нашел и ее причину в борьбе за существование. Но в чем причина изменяемости общественных отношений? Откуда происходят различные виды общественных организаций?

Маркс доказал, что экономическая структура человеческого общества является основой, эволюция которой объясняет все другие стороны общественной эволюции. И в этом его главная заслуга, бо́льшая даже, чем его неотразимая критика современного общества. Его историческая теория дает нам впервые разгадку человеческой эволюции. Выписка [1]). Впервые мы обладаем материалистической философией истории человечества.

Социологи дарвинской школы много говорят о борьбе за существование, которую они готовы увековечить. Школа Маркса не только знает об этой борьбе, но она еще объясняет ее происхождение и все исторические ее фазы. Она доказывает, что как только человечество выходит из первобытного состояния, оно слагается из различных классов, антагонизм которых является главным двигателем общественного развития. В настоящий момент мы присутствуем при ожесточенной борьбе, борьбе на жизнь и смерть, между пролетариатом и буржуазией, между теми, кто работает, и теми, кто захватывает продукты их труда. Маркс нам опи-

[1]) См. предисловие «К критике политической экономии», изд. «Шиповник», Спб. 1907 г., стр. XIII и XIV. Также наш сборник № 4, стр. 38, 39. — *Ред.*

сывает фазы этой борьбы и указывает нам ее неизбежный исход. Он стал на сторону угнетенных, он призвал их к организации, к интернациональному объединению. И пролетарии массой ответили на этот призыв. Нет еще пятидесяти лет, как прозвучали великие слова: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», и в настоящий момент красное знамя интернационального социализма гордо развевается во всех странах, которые захватила капиталистическая система. И с каждым днем движение становится все сильнее, с каждым днем оно ускоряется, с каждым днем борьба ожесточается.

Будем же готовы, ибо время близко.

V.

ПИСЬМО К НЕИЗВЕСТНОМУ.

Сан-Ремо, март 1910 года.

Милостивый государь!

Вопрос, которым вы занимаетесь, имеет, по моему мнению, величайшую важность в истории общественных идей. Поэтому переписка по его поводу есть для меня keine Belästigung (не затруднение). Мне очень жаль, что недостаток времени помешал мне раньше написать вам. Прошу извинить меня.

Во взглядах всех мыслителей XVIII века, которые названы в вашем письме, можно найти *«зародыши»* экономического материализма.

Таких зародышей много между прочим и у Вольтера (Essai sur les moeurs и многие другие сочинения), которого вы не называли в вашем уважаемом письме. Точно также можно встретить den werdenden Begriff des Klassenkampfes [образующееся понятие классовой борьбы] (вернее — Ständeskampfes [сословной борьбы]) у Гельвеция, Holbach'a, Filangieri, Fergusson'a, Smith'a, Babeuf'a *и у всех theoretischen Vertretern des tiers-état* [теоретических представителей третьего сословия]. Но все это только *membra disjiecta* der materialistischen Geschichtsauffassung [разрозненные части материалистического понимания истории]. Как я показал это в моих «Beiträgen zur Geschichte des Materialismus», die Philosophen und die Aufklärer des XVIII Jahrhunderts [«Очерках истории материализма», философы и просветители XVIII столетия] не могли справиться с *антиномией:* c'est l'opinion qui gouverne le *monde;* c'est l'intérêt (de la classe, ou encore une fois, plutôt de l'état, stand) qui détermine l'opinion [мнения управляют миром, интерес (класса или, еще раз, скорее — сословия, состояния) определяет мнения].

Но сочинения таких людей, как Turgot, особенно Condorcet, показывают, что из указанной антиномии люди XVIII стол[етия] выходили, в конце концов, в сторону исторического идеализма: l'opinion [мнение] и вообще накопление знаний было в их глазах последней, самой глубокой пружиной общественного движения.

Только Гельвеций задался *вопросом* о том, чем же обуславливается накопление знаний (см. мои «Beiträge»), однако и он только сформулировал вопрос и указал *некоторые* данные, необходимые для его решения.

Писатели XIX века (Madame de Staël «De la littérature dans ses rapports avec les institutions sociales» и «Considérations sur la révolution française», Saint-Simon et presque tous les grands historiens du temps de la restauration [Сен-Симон и почти все крупные историки периода реставрации] (A. Thierry, Guiso, Mignet etc.) идут значительно дальше в направлении исторического материализма, т. е. в приложении к общественной жизни той материалистической теории, что *мышление* определяется *бытием;* но и они далеко не доходят до конца, постоянно возвращаясь к идеалистическому взгляду: le monde est gouverné par l'opinion [мир управляется мнениями]. *Подобно* Aufklärer'ам [просветителям] XVIII века, они держатся des Standespunktes der Gegenwirkung [точки зрения взаимодействия] (между бытием и мышлением). Разница между ними и Aufklärer'ами [просветителями] состоит в том, что, между тем как Aufklärer'ы, констатируя Gegenwirkung [взаимодействие] между «бытием» и «мышлением», занимались больше этим последним, Saint-Simon, Madame de Staël и другие обращались преимущественно *к бытию,* причем имеют несравненно более ясное понятие *о борьбе классов* как одной из главнейших пружин исторического движения (влияние колоссального *факта* классовой борьбы в эпоху франц[узской] революции). Но ни те, ни другие не проникают до того «третьего» (um mit Hegel zu sprechen) [говоря словами Гегеля], которое лежит в основе взаимодействия.

Только Маркс, выдвинувший учение о производственных отношениях, соответствующих определенной ступени развития их материальных производительных сил (см. «Vorwort zur Kritik der politischen Oekonomie») [см. «Предисловие к критике

политической экономии»], проник до этого «третьего» и «высшего» — точнее: *наиболее глубокого*.

Вот, М. Г., мысли, не один раз высказанные в моих *русских* сочинениях. Вы видите, что это те же самые мысли, которые содержатся и в знакомых вам немецких моих работах.

Очень скоро выходит (у Дитца) немецкий перевод моей брошюры: «Die Grundfragen des Marxismus» [«Основные вопросы марксизма»]. Я вменю себе в приятную обязанность выслать вам этот перевод немедленно по его выходе.

Еще раз прошу вас, мил. госуд., быть уверенным в том, что переписка по интересующему вас вопросу не может меня belästigen [утруждать]. Я льщу себя надеждой, что вы пришлете мне вашу диссертацию по ее выходе.

Примите и проч.

Адрес: до 15 мая: Villa Vittoria, № 2, San Remo, Riviera dei Ponente, Italien.

После 15 мая до 1 октября: 6, rue de Candolle, Genf, Schweiz.

VI.

РАССТРЕЛЫ РАБОЧИХ.

[«Социалист», 3 мая 1903 г.]

День Первого мая имеет огромное значение во всех странах с капиталистическим способом производства, в которых существует современное рабочее движение. Но в этом отношении во Франции он получил еще бо́льшее значение.

Социалистическая партия Франции решила вызвать в этот день перед сознанием французского пролетариата воспоминания о фурмийских убийствах.

Сто лет спустя после *провозглашения прав человека и гражданина* в свободной республике были расстреляны беззащитные женщины и мужчины, устроившие мирную манифестацию в пользу «трех восьмерок».

Все это ad hominem доказывает, что все прекрасные рассказы о прелестях *сотрудничества классов* — ни что иное, как колоссальная глупость или бесстыдная ложь.

В то время — расстреливания рабочих в Фурми — ни один социалист не «участвовал», не разделял еще политической власти буржуазии. Этот опыт был сделан позже.

В течение двух долгих лет г. Мильеран оставался «в плену» буржуазного министерства. И как раз в течение этих двух жирных... для г. Мильерана лет кровь рабочих пролилась в Мартинике, в Шалоне.

Мартиника ни в чем не уступает Фурми.

Шалон ни в чем не уступает Фурми.

Итак, не ясно ли, что социалист, заседающий в буржуазном министерстве, не лучше — или, вернее, гораздо хуже — откровенного буржуа.

До каких же пор некоторые французские пролетарии упорно будут отворачиваться от этой истины, столь ясной, однако, и столь дорого стоящей?

VII.

НАША ПРОГРАММА И НАШИ СОВРЕМЕННЫЕ ЗАДАЧИ.

[Конспект лекции, прочитанной в Берне в 1903 г.]

Гг.! Многие из вас помнят, вер[оятно], то замечание М[аркса], согласно которому один действительный шаг в развитии раб[очего] движения важнее целого десятка программ. Это замечание не раз припоминалось в послед[нее] время, в России и за гран[ицей], людьми, не любящими программных споров. Его вспомнили, мож[ет] быть, некоторые из вас, отправляясь на сегодняшнее собрание, посвященное программе. Припомнилось оно, как видите, и мне, и именно по поводу его я хочу прежде всего побеседовать с вами.

Один действительный шаг раб[очего] движ[ения] важнее целой дюжины программ. Пусть будет так. Но в чем же заключ[аются] [[серьезные успехи]] [1], действит[ельные] шаги в развитии раб[очего] движ[ения]?

В этом все дело, тут заключ[ается] вся сущность вопроса.

Попробуем же в ней разобраться.

Когда рабочему классу данной стр[аны] или хотя бы только некот[орой] его части удается добиться значительно лучших условий продажи своей силы капиталистам, такая победа[[это, несомненно, серьезный успех]], несомненно, представляет собою действит[ельный] шаг в развитии раб[очего] движения.

Когда тому же классу удается заставить законодателя положить некоторый предел эксплоатации наемного тр[уда] капиталом, напр[имер], на несколько часов сократить ра-

---

[1]) В двойных прямых скобках воспроизведены зачеркнутые Г. В. слова. — *Ред.*

б[очий] день, этот тоже серьезный успех пролетариата. Это тоже действительный успех рабочего движения [1]).

Подобные успехи очень важны, они необходимы. Но исчерпывают ли они собою все возможные успехи раб[очего] движения?

Нет. Далеко не исчерпывают.

Успехи раб[очего] класса измеряются не только его *матер[иальными]* приобрет[ениями], они определяются также *развитием его классового самосознания*. Если это сознание не развито, то сами матер[иальные] приобретения рискуют остаться *незнач[ительными] и непрочн[ыми]*. Это вообще довольно понятно, а для человека, стоящего на точке зрения совр[еменного] соц.-демократич[еского] движения, это не подлежит ни малейшему сомнению. Заметим же это и пойдем далее.

Что такое программа данной партии? Если только эта партия [2]) имеет серьезное общественное значение, *партия* представл[яет] и защищ[ает] интересы того или другого *класса* и им поддерживается, из него черпает свои силы, *она есть сознательная выразительница его интересов и стремлений*. А ее программа есть выражение ею того, как понимает она эти интересы и как собирается их защищать. Чем правильнее это ее понимание, тем лучше будут защищаемы интересы представляемого партией класса. А так как это понимание выражается в программе, то, значит, программа имеет важное значение; пренебрегать программными спорами нельзя, и противопоставлять программу действительным успехам движения неправильно.

Это ясно именно с точки зрения теории М[аркса], с точки зрения того учения, которое, вопреки россказням, придает такое огромное значение «духовному фактору» — развитию самосознания рабоч[их].

Но тогда почему же М[аркс] так выразился?

Заметьте, гг., что М[аркс] выразился так в своем знаменитом письме к Браке по поводу Готской программы,

---

[1]) Зачеркнуто: [[Но можно ли сказать, что каждый такой успех важнее 10 программ? Разве серьезные успехи раб[очего] движ[ения] огранич[ены] матер[иальными] приобретениями?].]

[2]) Зачеркнуто [: [заслуживает чести представлять тот класс, от имени которого она гово[рит]].

то есть в письме, сопровождавшемся горячей полемикой, в котором он с большим жаром, с истинной страстью, ведет именно программный спор и ведет его, — в этом никто не усомнится, — ради действительных успехов рабочего дви[жения] [1]).

Еще раз, почему же М[аркс] так выразился? — Par dépit [в раздражении]. Он, повидимому, опасался, что его письмо не произвед[ет] желательного действия, — да оно так и вышло, — и утешал себя заранее той мыслью, что будущие действительные шаги движения поправят то, что будет испорчено излишней уступчивостью по отнош[ению] к лассальянцам. Вот и все. А что на это письмо напрасно ссылаются люди, недолюбливающие программн[ых] споров, это доказывается следующим замечанием Маркса в том же письме: «Но при составлении принципиальных программ воздвигаются перед целым светом пограничные камни, по которым он измеряет достижения партийного движения» («Macht man aber Prinzipienprogramme... so errichtet man vor aller Welt Marksteine, an denen sie die Höhe der Parteibewegung misst»). И он думает, что его партии не следовало входить с лассальянцами ни в какие «Prinzipienschacher» [«принципиальные сделки»].

Это достаточно выразительно и достаточно ясно: программа — мерило развития партии.

Мы, марксисты, обязаны помнить это. И именно потому, что я это помню, я и решил говорить с вами о нашей программе сегодня вечером.

Тут я хочу напомнить вам [[прежде всего]] те [[внешние]] условия, при которых был выработан ее проект [2]).

Во всей Европе, от Казани до Лондона и от Палермо до Архангельска, происходило тогда т[ак] н[азываемое] *ревизионист[ское]* движение, цель которого заключалась,

---

[1]) В тексте — первая версия, частями зачеркнутая. Приводим вторую версию, только намеченную Плехановым, после слов: «в письме, сопровождавшемся горячей полемикой»: «в котором он с жаром [ведет спор] именно по поводу программных вопросов, М[аркс] отстаивал известные программы, — в этом никто не усомнится — ради действительных успехов рабочего дви[жения]». — *Ред.*

[2]) Как известно, этот проект был выработан ранней весной 1902 г. в Мюнхене. — *Ред.*

как это показывает само название, — в пересмотре основных положений теории М[аркса]. Пересмотр — дело недурное, почему и не пересмотреть? Но пересмотр пересмотру рознь. Пересмотр, о котором я здесь говорю, имел то главное отличит[ельное] свойство, что он во многих и многих отношениях *подрывал*, ослаблял теоретич[еские] позиции соц[иал]-дем[ократической] партии в ее борьбе с буржуазными партиями и сближал эту партию с ними. В этом отношении ревизионисты очень приближались к буржуазным экономистам школы Брентано. Нетрудно было бы показать, — да и было уже показано, — что, например, Эд. Бернштейн находился под сильным влиянием Шульце-Геверница и повторял многие из его положений. Даже знаменитое выражение: «Движение — все, конечная цель — ничто» взято Берн[штейном] у Ш[ульце]-Геверница.

У нас в России, где берн[штейнианство] существовало раньше апостазии г. Бернштейна, рев[изионизм] свирепствовал в *легальной* марксистской литературе, прокладывая путь для проникновения идей г. Бернштейна в русс[кую] соц[иал]-дем[ократию].

Надо сознаться, гг., что он занимался этим не без успеха. Одно время г. Бернштейн имел полное право сказать в споре со мною, что большинство моих русс[ких] тов[арищей] стоит на его, а не на моей точке зрения. Но у нас, ортодоксов, есть одно свойство, которое даже наши враги и противники, надеюсь, не откаж[утся] признать *достоинством: мы умеем, когда это нужно, плавать против течения*. Группа «Ос[вобождение] тр[уда]», вместе с сомкнувшимися вокруг нее молодыми товарищами, дала во вновь основанных ортодок[сальных] органах — «Искре» и «Заре» — такой дружный отпор *ревизионизму*, что в настоящее время в нашей партии от него, можно сказать, не осталось и следа. Под его знаменем шествуют теперь идеологи русской буржуазии — г. П. Струве и компания, — русские либералы, более или менее окрашенные в цвет более или менее розового социализма. Проект нашей программы вырабатывался именно во время споров с ревизионистами и в известном смысле он носит на себе отпечаток этих споров: он отвечает на вопросы, выдвинутые в этих спорах.

Прежде чем указывать вам, в [чем] именно заключается смысл этого ответа [[в каком именно смысле отпечатлелись на нем эти споры]], я позволю себе указать главную мысль, лежащую в основе нашей программы и определяющую собою всю ее архитектонику.

Я говорил об этом на съезде партии и теперь несколько подробнее разовью свою мысль.

Основной мыслью нашей программы является коренная мысль историч[еской] теории Маркса, — та мысль, что *развитие производит[ельных] сил определяет собою развитие производ[ственных] отношений*, которыми в последнем счете определяется все развитие общества. Но это еще не все. Это признает и Шульце-Геверниц. Для нас *как для партии действия* необходимо было выяснить, *в каком отношении производит[ельные] силы капит[алистического] общества нашего времени стоят к производственным отношениям этого общества*. [[Это был основной вопрос, подлежавший исследованию]]. Они их перерастают, вследствие чего растут противоречия, свойственные этому обществу. Это и был тот самый вопрос, к которому сводились все споры [[по поводу которого велись у нас самые горячие споры]] между т[ак] н[азываемыми] *ортодоксами* и т[ак] н[азываемыми] ревизионистами в международной соц[иал]-демократии. По мнению одних, — ортодоксов, — производствен[ные] отнош[ения] общества изменяются под влиянием развития производит[ельных] сил *к невыгоде:* 1) для пролетариата и 2) для средних промежуточных классов общества. *Общественные неравенства возрастают*. Расстояние между эк[сплоатируемыми] и эк[сплоататорами] увеличивается.

По мнению других, — ревизионистов, — они [противоречия] *сглаживаются*, расстояние уменьшается. Напомню хотя бы статью П. Струве в «Braun's Archiv'е» об уменьшении противоречий. Поскольку наши экономисты склонялись к *ревизионизму*, постольку они признавали — или должны были бы признавать, если хотели быть последоват[ельными], *это* сглаживание противоречий. Мы смотрели иначе, и это нашло свое выражение в нашем проекте. Замечание г. Бернштейна. Мое возражение. Бернштейн из нескольких положений произвольно взял одно. Если бы он взял все 3 [[то ясно было бы, что вся ревизионистская теория]] и если бы

он признал их правильными, то это означало бы полное отречение его от ревизионизма. Наше «более или менее» *не минус, а плюс*, а [для] г. Б[ернштейна] они имели значение минуса и даже более.

Теория обнищания. Мнение Акимова [1]). Наш взгляд на теорию обнищания не исключает борьбы за частичные улучшения. Т[ак] наз[ываемая] соц[иальная] реформа [[не устраняет]] *в пределах буржуазного общества*, не ведет к уменьшению неравенства, *но ослабляет его рост*. Этого уже довольно, чтобы мы работали. [[Да и независимо от вопроса о неравенстве.]] Но этого мало. Сокращение рабочего дня, сопр[овождающееся] увеличением интенсивности труда, *может оставить неизменным уровень эксплоатации рабочего класса*, но оно все-таки будет выгодно рабочему, потому что все-таки увеличит то время, которое он проводит вне мастерской и которое он отчасти может употребить на борьбу за свое освобождение. Но как бы то ни было, а факт тот, что, кроме т. Акимова, никто на съезде не возражал против основных положений нашей программы. Они признаны огромным, подавляющим большинством съезда, и именно это признание ее таким большинством съезда показывает, что *в нашей партии спор ревизионистов с ортодоксами решен в пользу этих последних*. Теперь ревизионизм не встречает защитников в рядах нашей партии (от него отрекся даже Акимов). Это значит, ч[то] в этой партии почти целиком восстановлено *идейное единство* на почве революционного социализма. На это обст[оятельство] мало обращают внимания те, внимание которых поглощено возникшими на съезде организационными разногласиями. Как бы велики ни были эти разногласия, надо помнить, что наш II съезд знаменует собою полную *победу рев[олюционной] соц[иал]-дем[ократии] над оппортунизмом*, и в этом заключ[ается] огромное его значение. В этом заключ[ается] также указание на то, как можем и как должны мы относиться к возникшим среди нас *организац[ионным] разногласиям*. Если люди несогласны между собою в принципах и если разногласия их доходят до таких размеров, до каких доходят разногласия между ревизионистами и ортодоксами, то им лучше разойтись в разные стороны. Пример — Франция. При таких условиях нечего бояться раскола, потому что он принесет для *крайнего направления* гораздо больше *пользы*, чем *вреда*. Но, когда идейное единство *не нарушено* или когда оно *восстановлено*, тогда раскол ничего не приносит, кроме вреда, тогда он ослабляет силы пролет[ариата], и тогда он становится непростит[ельной] полит[ической] ошибкой, огромным *политическим преступлением*. Скажу прямо: если бы мы не сумели теперь уладить между собою наши организационные разногласия, то мы этим показали бы только, что мы, — российская интеллигенция, — неспособны иметь широкий *политический горизонт*, что наше поле зрения не простирается до пределов *партии*, а ограничивается пределами *кружка*, и раскол, — который я назвал политич[еской] ошибкой и политич[еским] преступлением, — свидетельствовал бы не о нашей верности принципам, а только о нашей незрелости, о нашем неумении служить тому делу, которому мы должны служить до последнего издыхания, великому делу пролетариата.

[1]) Акимов (Махновец) — небезызвестный в конце 90-х гг. рабочеделец, ярый противник членов группы «Освобождения труда», а также «искровцев», возведенный Н. Сергиевским в «историка». — *Ред.*

Моя статья в № 52 «Искры». Упреки в оппортунизме. Но где же оппортунизм? Я говорю не то, что прежде. Но ведь прежнее положение партии *изменилось*. Если бы я твердил одно и то же, несмотря на перемену этого положения, я был бы *попугаем*, а не *политическим писателем*.

Теперь для нас обязательно *единение*, так же [как] 2-3 года тому назад обязательна была *борьба вплоть* до раскола. Не удивит[ельно], что тогда я написал «Vademecum», а теперь статью: «Чего не делать» [[Не препятствовать устранению односторонности наших центральных учреждений. Я сделал это в ЦО, теперь ЦК должен поступить так же. (Решение совета партии?)]].

Но я упомянул об этих внутренних разногласиях единственно затем, чтобы указать на их *незначительность*. Я не стану занимать вашего внимания *внутренними* нашими делами, ибо я не имею права предполагать, что они имеют большой интерес для моей аудитории. Я полагаю, что вам интереснее, т[ак] ск[азать], внешняя политика нашей партии. Тут я прежде всего остановлюсь на одном месте наш[ей]

программы, которое на первый взгляд имеет несколько *зловещий характер*. Вот это место: необходимое условие этой револ[юции] — *диктатура пролетариата*.

Здесь я опять вынужден коснуться наших разногласий с *ревизионистами*.

И нами и ими одинаково признается *необходимость завоевания политической власти пролетариатом*. Тут не согласиться с нами может только *буржуа* или *анархист*. В чем же разногласие? Ревизионисты неясно говорят об этом. Повидимому, в способах действия. Ревизионисты против того, что называется *насильственной революцией*, а ортодоксы все более и более проникаются тем убеждением, что без нее не обойдется. Но *характер* господства, — а диктатура и есть господство, — не изменяется, по крайней мере *существенно* не изменяется от того, каким путем пришли к нему. *Все дело в том, что оно необходимо*. Почему? (Кто виной?) Да потому, что, пока существуют классы, пока есть эксплоататоры и эксплоатируемые и их борьба, до тех пор неизбежна диктатура того или другого класса. Теперь существует диктатура буржуазии (плюс дворянство), когда *пролетариат* захватит власть, будет диктатура пролетариата и союзных с ним классов, если, напр[имер], мелкая буржуазия с ним соединилась. Разница в том, с какою целью добивается пролетариат власти и с какой целью добивалась ее буржуазия. Первый — для *уничтожения классов*, — вторая — для *увековечения классового господства*. Но это мимоходом. Пролетариат должен понимать значение своей диктатуры; но он должен знать, что падение абсолютизма еще далеко не равносильно с диктатурой пролетариата. Всякие иллюзии здесь великая и очень вредная ошибка.

(Конец 1-го часа.)

[[2-й час.

Гг.! Наша программа говорит: Выписка «На пути и т. д.» до слов: «демократической конституцией». Наше отношение к либералам. Этот вопрос обсуждался на съезде. *Мой спор с товарищем Мартыновым*. Резолюция съезда: *Староверa и моя*]].

Второй час.

Гг.! Для того чтобы выяснить вам то, что я назвал *внешней политикой* нашей партии, я буду держаться того же метода, какого я держался в течение 1-го часа. Я постараюсь определить, в чем заключается главная, основная мысль этой политики.

Она заключается в том убеждении, что развитие всякого данного общества создает, по выражению Ман[ифеста] Ком[мунистической] партии, могильщиков этого общества. Развит[ие] феодального общ[ества] вызвало появление буржуазии, которая и стала его могильщиком. Развитие капиталистич[еского] общества создает пролет[ариат], который роет могилу буржуазии. Пролет[ариат] — это револ[юционный] фермент, революц[ионный] фактор нынешнего общества. Почему? — Потому что, для того чтобы освободить себя от ига капитала, он должен устранить все капиталистич[еское] общество. И этого мало. Разрушая это общество, он не может вернуться назад, к тому периоду, когда в промышл[енном] классе общества еще не было больших неравенств. Он не может стремиться вернуть общество к тому состоянию, когда в его экономич[еской] жизни преобладал независимый производитель. Экономич[еская] структура соврем[енного] общества заставляет его итти вперед. Он — единственно революц[ионный] класс общества, поэтому и единственной революционной партией нашего времени является партия, [стоящая] *на точке зрения пролетариата*, — социал-демократия.

Стоять на точке зрения пролетариата — значит не препятствовать развитию капитализма, а опираться на это развитие. Слова Бебеля на Бреславском партейтаге.

Точка зрения *трудящихся*. Что это такое? Я уже не говорю о неопределенности выражения. Я допускаю, что здесь имеется в виду мелкий независимый производитель — рабочий. Но возможно ли стоять на этих двух точках зрения сразу? Можно, но эта возможность покупается ценою *непоследовательности*. Точка зрения пролетариата толкает вперед. Точка зрения мелкого независимого производителя толкает назад, к до-капиталистич[еским] порядкам. Одна нога идет вперед, другая пятится назад. Для нас мелкий

независимый производитель есть консервативная сила буржуазного общества. Он выводится из состояния консерватизма лишь тогда, когда он перестает быть независимым. Два рода зависимости: 1) как товаровладелец, 2) как производитель, как продавец рабочей силы. Революционен только во втором случае. Поэтому мы и поддерживаем его лишь как продавца рабочей силы, т. е. постольку, поскольку он сам становится в положение, а следоват[ельно], и на *точку зрения пролетариата*. У нас точка зрения *одна*. У соц[иалистов]-рев[олюционеров] их *две* — в этом слабая сторона их программы. О них можно сказать, как М[аркс] говорил о французских демократах: *Выписка*. Не приходилось ли вам слышать подобного упрека, посылаемого нам из лагеря с[оциалистов]-р[еволюционеров]?

Я сейчас скажу об этом, а пока замечу, что именно с точки зрения *пролетариата* мы определяем свое отношение к другим классам и партиям. 1) Либер[альная] буржуазия. Наши резолюции.

2). *Крестьянство*. Наши задачи I резюм[е]: выяснение нашего собствен[ного] отнош[ения] к пролетар[иату], 3) развитие его самосознания, его организаций, 4) поддержание всех движений, направленных против сущ[ествующего] порядка вещей, именно с той их стороны, с какой они являются в большей или меньшей степени прогрессивными. Из этих трех задач самая главная, конечно, вторая; остальные имеют лишь второстепенное, вспомогательное значение. У современного полиц[ейского] рус[ского] госуд[арства] и у современ[ного] капитала вообще нет врага более непримиримого, в теперешнем обществе нет класса более революцион[ного], чем пролетариат. Мы можем гордиться честью представлять его. Но мы *должны быть достойны этой чести*.

VIII.

О ВСЕОБЩЕЙ СТАЧКЕ.

[«Mouvement Socialiste» № 137, июнь 1904 г.]

Вы хотите знать мое мнение о всеобщей стачке? Вот оно.

Я думаю, что стачка стачке рознь и что всеобщие стачки не составляют в этом отношении никакого исключения.

На всеобщую стачку принято смотреть как на средство устроить социальную революцию с помощью единовременной приостановки работы во всех отраслях производства данной страны; в этом смысле она является в высшей степени утопическим и противоречивым понятием.

Если всякая деятельность в стране прекратится, то рабочие подвергнутся опасности умереть с голоду раньше, чем им удастся уморить голодом буржуазию.

Но это не все. Для того чтобы пролетариат мог устроить подобную стачку, его классовое самосознание, его организованность, развитая в дисциплине, должны достигнуть наивысшей своей ступени. А при этой высокой ступени развития пролетариат совершит непростительную и необъяснимую ошибку, если он ограничится *прекращением работы*, вместо того чтобы *действовать и устраивать свою собственную революцию*.

Но всеобщую стачку можно рассматривать совсем с иной точки зрения.

Вместо того чтобы видеть в ней высшее средство, при помощи которого можно *произвести* революцию, ее следует рассматривать как средство агитационное, *подготовляющее путь* к этой революции.

В этом последнем случае революционному пролетариату нет нужды ждать, сложив руки, пока буржуазное общество не рухнет благодаря его бездеятельности. Он должен перейти

в наступление, как только заметит, что во вражеском лагере царит смятение и беспорядок и что его собственные ряды достаточно многочисленны.

Всеобщая стачка не заменит в этом случае политическую деятельность пролетариата. Как раз наоборот, она *лишь облегчит завоевание политической власти всем рабочим классом*.

Наконец в данном случае — стачке вовсе не нужно непременно быть всеобщей в узком значении этого слова. Она только должна быть достаточно обща, достаточно повсеместна, чтобы позволить развернуться политической деятельности рабочего класса.

Я думаю, что в этом смысле понятие о всеобщей стачке теряет свою утопичность и что партия международного социализма неправильно поступила, отвергая ее.

Я знаю, что опыт наших бельгийских товарищей породил по этому поводу некоторые сомнения и недоверие у многих из наших товарищей. Но не следует забывать, что этот опыт был произведен при исключительно неблагоприятных обстоятельствах, — и было бы странно думать, что эти обстоятельства будут повторяться всегда и всюду.

Если мне будет позволено ссылаться здесь на пример моей собственной родины, — где нет еще речи о захвате политической власти пролетариатом, а лишь о борьбе против самодержавия, — я укажу на то, что *более или менее всеобщие стачки*, охватившие наши южные города летом 1903 года, несмотря на все ужасы правительственных репрессий, которыми они сопровождались, составляют эпоху в истории нашего рабочего движения.

Вот приблизительно, что я думаю о всеобщей стачке.

IX.

РУССКИЕ СОЦИАЛИСТЫ И ВОЙНА.

Дорогие товарищи!

Вы просите меня прислать вам мое мнение о русско-японской войне, — но после того, что было высказано по этому поводу социалистами различных стран на страницах «Mouvement Socialiste» (от 15 марта), мне остается прибавить очень мало.

То, что происходит теперь на Дальнем востоке, лишний раз доказывает, как прав был наш Международный социалистический конгресс в Брюсселе в 1891 году, когда постановил, что «все попытки, имеющие целью уничтожение милитаризма и водворение мира среди народов, должны будут оказаться утопическими и бессильными, если они не уничтожат самих экономических причин этого зла». До тех пор, пока причины, подмеченные конгрессом в обществе, в котором происходит эксплоатация человека человеком и вытекающая из этой эксплоатации борьба классов, будут существовать, было бы поистине бесплодно и наивно мечтать о водворении всеобщего мира. В своей ожесточенной борьбе за приобретение новых рынков капиталисты различных стран силой обстоятельств вынуждены нарушать время от времени этот мир. И пока будет существовать капитализм, будет существовать также и его неизбежный спутник — война, или же вооруженный мир, который в общем обходится не менее дорого.

Это и без того тяжелое положение значительно ухудшилось в последние годы. Причину этого ухудшения следует искать в царском правительстве, которое, вопреки всем распространяемым вздорным выдумкам о мирных наклонностях Александра III и Николая II, никогда не хотело мира. Теперь оно оказалось вынужденным прибегнуть к войне,

в наступление, как только заметит, что во вражеском лагере царит смятение и беспорядок и что его собственные ряды достаточно многочисленны.

Всеобщая стачка не заменит в этом случае политическую деятельность пролетариата. Как раз наоборот, она *лишь облегчит завоевание политической власти всем рабочим классом.*

Наконец в данном случае — стачке вовсе не нужно непременно быть всеобщей в узком значении этого слова. Она только должна быть достаточно обща, достаточно повсеместна, чтобы позволить развернуться политической деятельности рабочего класса.

Я думаю, что в этом смысле понятие о всеобщей стачке теряет свою утопичность и что партия международного социализма неправильно поступила, отвергая ее.

Я знаю, что опыт наших бельгийских товарищей породил по этому поводу некоторые сомнения и недоверие у многих из наших товарищей. Но не следует забывать, что этот опыт был произведен при исключительно неблагоприятных обстоятельствах, — и было бы странно думать, что эти обстоятельства будут повторяться всегда и всюду.

Если мне будет позволено ссылаться здесь на пример моей собственной родины, — где нет еще речи о захвате политической власти пролетариатом, а лишь о борьбе против самодержавия, — я укажу на то, что *более или менее всеобщие стачки,* охватившие наши южные города летом 1903 года, несмотря на все ужасы правительственных репрессий, которыми они сопровождались, составляют эпоху в истории нашего рабочего движения.

Вот приблизительно, что я думаю о всеобщей стачке.

IX.

РУССКИЕ СОЦИАЛИСТЫ И ВОЙНА.

Дорогие товарищи!

Вы просите меня прислать вам мое мнение о русско-японской войне, — но после того, что было высказано по этому поводу социалистами различных стран на страницах «Mouvement Socialiste» (от 15 марта), мне остается прибавить очень мало.

То, что происходит теперь на Дальнем востоке, лишний раз доказывает, как прав был наш Международный социалистический конгресс в Брюсселе в 1891 году, когда постановил, что «все попытки, имеющие целью уничтожение милитаризма и водворение мира среди народов, должны будут оказаться утопическими и бессильными, если они не уничтожат самих экономических причин этого зла». До тех пор, пока причины, подмеченные конгрессом в обществе, в котором происходит эксплоатация человека человеком и вытекающая из этой эксплоатации борьба классов, будут существовать, было бы поистине бесплодно и наивно мечтать о водворении всеобщего мира. В своей ожесточенной борьбе за приобретение новых рынков капиталисты различных стран силой обстоятельств вынуждены нарушать время от времени этот мир. И пока будет существовать капитализм, будет существовать также и его неизбежный спутник — война, или же вооруженный мир, который в общем обходится не менее дорого.

Это и без того тяжелое положение значительно ухудшилось в последние годы. Причину этого ухудшения следует искать в царском правительстве, которое, вопреки всем распространяемым вздорным выдумкам о мирных наклонностях Александра III и Николая II, никогда не хотело мира. Теперь оно оказалось вынужденным прибегнуть к войне,

ввиду внутреннего положения страны. Петербургское правительство надеялось, что конфликт с иностранной державой позволит ему вернуть давно утраченную популярность и восстановить свой упавший престиж в глазах русских «верноподданных», все менее и менее склонных восхищаться красотами самодержавного строя. Политическое равновесие, и без того крайне неустойчивое в капиталистических странах, еще более стало колебаться благодаря авантюристической политике нового царского правительства. Случилось то, что должно было неизбежно случиться.

Остается лишь узнать, насколько верны были расчеты тех, которые водят за нос несчастного манекена из Зимнего дворца. Для того, чтобы война оказалась выгодной для самодержавия, она должна была быть победоносной для русского оружия. Но... пока что счастье и успех находятся всецело на стороне японцев. Наша тихоокеанская эскадра в данную минуту почти вся уничтожена, а между тем в начале войны она ни в чем не уступала — ни в количестве боевых судов, ни в качестве вооружения — японскому флоту. Если мы терпим поражение за поражением, если наши мины взрывают только наши собственные суда, а нашим миноносцам удается пускать ко дну лишь невооруженные неприятельские корабли, — тогда как японцы с начала войны потопили у нас четыре броненосца, три крейсера и множество миноносцев, — то это объясняется неслыханной беспечностью и редкой бездарностью наших военноначальников. То, что совершается, если верить рассказам, в Порт-Артуре, переходит все границы вероятного.

Вы сами можете судить об этом по тем нескольким отрывкам из подлинного письма, написанного порт-артурским офицером, которое мы приводим ниже. Оно было помещено в «Освобождении», органе нашей либеральной буржуазии, выходящем в Штутгарте:

«Наше начальство не уставало говорить нам, что война не будет иметь места. Оно держало бо̀льшую часть судов в резерве, в то время как японцы становились все более и более вызывающими и лихорадочно готовились к войне.

Японцы еще за шесть месяцев до объявления войны успели мобилизовать свой флот, произвести целый ряд серьезных маневров и купить крейсера за границей. Офицеры наши знали и говорили между собой об этом, но начальство ничего не знало и ничего не хотело знать. 26 октября утром в порт прибыл какой-то иностранный пароход, остановился возле нашей эскадры, так как ему воспретили вход во внутренний рейд. Он простоял четыре или пять часов, потом поднял якорь и преспокойнейшим образом ушел из гавани. Никто и не подумал потревожить его.

Здесь все теперь убеждены, что на этом пароходе находились переодетые начальники тех миноносцев, которые впоследствии нас атаковали. Они, конечно, все осмотрели и сделали легкие наброски.

От 25 июля до 26 августа японцы стали массами покидать Порт-Артур и Владивосток. Японское правительство послало за ними специальные суда, но даже и эта мера не заставила наших начальников призадуматься и не открыла им глаза.

26 августа офицеры шутя держали пари, каким образом будет объявлена война. Они смеясь говорили, что японцы окажутся идиотами, если не атакуют нас в эту же ночь с десятью или двенадцатью миноносцами.

27 сентября наша эскадра должна была поднять якорь и отправиться по неизвестному назначению. Был отдан приказ быть готовыми к отплытию в восемь часов утра. Так что 26 вечером мы еще не были готовы. Эскадра вся была залита светом, и невольно возникала мысль о возможности атаки со стороны неприятельских миноносцев».

Когда это предположение оправдалось, японцам легко было совершить свое дело.

«Как волки в овчарню, — продолжает свой рассказ автор письма, — проникли японские миноносцы в нашу эскадру и сделали в ней свое дело. В это самое время тот, кто был причиной ужасного несчастия, кто явился виновником деморализации и гибели всей эскадры, кто из кабинета своего наместнического дворца командовал флотом, спокойно спал у себя, — а когда его разбудили, чтоб указать, что на рейде, где стояла эскадра, происходит что-то необычное, он ответил: «Знаю-знаю, это они упражняются в стрельбе».

Можно было бы подумать, что тут действовала скрытая измена, если бы безмерная глупость и тупость не били так резко в глаза. Наполеон как-то сказал про французских царедворцев, которых мимолетная прихоть госпожи Помпа-

дур ставила во главе французских войск во время семилетней войны, что все они, начиная от главнокомандующего и кончая простыми генералами, отличались совершенной бездарностью. То же самое следовало бы сказать и о русских военноначальниках, которых японцы с такой непостижимой легкостью разбивают теперь. Добившись чинов и теплых высоких местечек не в силу личных заслуг, а благодаря проискам и покровительству, они не имеют никакого представления о своем собственном ремесле.

Макаров составлял в этой клике бездарностей редкое исключение. Но он погиб роковым образом вследствие общего неустройства и беспорядка. Очень может быть, что и Куропаткин не лишен некоторого дарования и твердости характера. Но что может сделать один человек, когда вся система никуда не годится, ничего не приносит, кроме вреда? Один швейцарский журнал рассказывает, что, отправляясь на Дальний восток, главнокомандующий нашими сухопутными силами захватил с собой гроб, так как он был уверен, что не вернется назад живым.

Я, конечно, не утверждаю, что наше окончательное поражение является чем-то неизбежным. В войне неожиданности всегда играют очень большую роль. Но всего вероятнее, что мы находимся накануне страшного разгрома. И во всяком случае для меня не подлежит никакому сомнению, что мы испытаем еще немало бедствий и что цель камарильи, вызвавшей все эти ужасы, не будет достигнута.

Камарилья рассчитывала на войну, которая должна была помочь ей укрепить основы царизма. Но царская власть выйдет из этой войны еще более ослабленной, а ее престиж уменьшится не только внутри страны, но и вне ее, за границей. И чем больше в этой войне потеряет правительство, тем больше выиграет народ.

Тот, кто внимательно читал за последнее время французские газеты, мог заметить, что петербургское правительство уже теперь значительно потеряло во мнении французской буржуазии. Вчерашний Голиаф, которого еще накануне считали непобедимым и на которого сильно надеялись при сведении счетов с Германией, вдруг обнаружил необыкновенную слабость. Буржуа были ошеломлены; они не могут притти в себя от изумления, а между тем не может быть

ничего более естественного. Один военный французский писатель справедливо заметил, что «общественный порядок, свойственный каждой отдельной исторической эпохе, оказывает преобладающее влияние не только на военное могущество данного народа, но также определяет собой характер дарования и наклонности его военных людей». Наш общественный порядок мог сделать нас лишь слабыми с военной точки зрения.

Русский солдат издавна славился своим мужеством и выносливостью, но эти свойства русского солдата обусловливались прежде всего экономическим строем России. До тех пор пока ее внешняя торговля была мало развита, а вывоз хлеба производился в незначительных размерах, русский мужик, как бы он ни был беден и порабощен, все же был очень далек от тех экономических и физиологических лишений, которые превратили его в вечно голодное существо, легко становящееся добычей разных болезней. Тот солдат, который в детстве никогда не наедался досыта, не может быть выносливым солдатом. Прибавьте к этому, что наш солдат уже неспособен больше переносить так же безропотно и спокойно все несправедливости и варварства своего начальства, как он их переносил в доброе старое время. Он начинает понимать, в чем дело, и глухо роптать и волноваться; что же касается начальствующих, то мы уже сказали, что в большинстве случаев они представляют собой образцы бездарности и невежества. Иначе и не могло быть.

В военных школах, как и в гражданских, всякий молодой человек, отличающийся выдающимися способностями и упорной силой воли, уже по одному этому становится подозрительным в глазах школьного начальства. Он не может рассчитывать на быстрое повышение, и очень часто случается, что, возмущенный всем происходящим вокруг него безобразием, он оставляет всякую мысль о службе и переходит на сторону революционеров. Русское революционное движение насчитывает не один кровавый десяток лет, и кто скажет вам, сколько дарований и сил погибло среди бесчисленных жертв императорского Молоха, на виселицах, в казематах крепостей, в бесконечных ледяных пустынях Сибири!

Все, что есть даровитого в стране, примыкает к революции или же вступает в ряды оппозиции. Нет поэтому ничего удивительного, что среди служащих правительству в качестве гражданских чиновников или же в качестве офицеров армии и флота остается очень мало оригинальных и выдающихся людей. Между тем как в Японии народ и правительство почти всегда заодно, — социалистическое движение там едва только началось, — у нас глубокая пропасть уже теперь отделяет правителей от лучшей части управляемых. Русское правительство совершенно изолировано, ему не на что опереться в стране, где, кроме злобы и ненависти, оно ничего не встречает, и благодаря этой изолированности в его среде царит полное смятение и деморализация. Ясно, что в настоящей войне оно может обнаружить только свою крайнюю слабость.

Патриотические манифестации, которые иностранная печать окружила такой шумихой, не что иное, как ловкий прием со стороны полиции, не брезговавшей для этой цели даже самыми подозрительными подонками общества, вплоть до бывших преступников. Само правительство, как видно, разочаровалось в этих манифестациях, которые становятся все более и более редкими. В то же самое время антимилитаристическое движение охватывает широкие массы населения. Социал-демократия делает все возможное, чтобы разъяснить народу истинное значение этой войны.

Комитет неутомимо распространяет революционные прокламации, и его голос находит могучий отклик среди рабочих.

Вот в виде примера две резолюции, принятые, одна в Твери, другая в Ростове-на-Дону, на тайных собраниях организованных рабочих.

Первая из них гласит:

«Мы, организованные тверские рабочие как один из отрядов Российской социал-демократической рабочей партии единогласно протестуем против русско-японской войны, начатой самодержавным правительством без согласия народа. Мы признаем, что эта война ведется во вред народу: преждевременная смерть десятков тысяч работников, кормильцев своих семейств, потеря трудоспособности многими из оставшихся в живых, возрастание налогов и разорение — вот что несет она и без того уже обездоленным массам. Мы признаем, что эта война ведется в интересах самодержавия и буржуазии: первое шумом военных действий хочет заглушить все растущее народное недовольство, а вторая в случае удачного исхода войны может получить новые рынки для сбыта своих товаров.

Как один из отрядов всемирной революционной социал-демократии мы протягиваем братскую руку японским товарищам социал-демократам и дружно присоединяемся к их протесту против войны, выгодной только нашим правительствам и пагубной для рабочего класса, без различия языка и национальности.

Мы категорически высказываемся, как, вообще, против международных войн, так, в частности, и против русско-японской войны, и признаем лишь одну непримиримую войну с нашими врагами — самодержавием и буржуазией.

Долой самодержавие! Долой войну!

Да здравствует международная социал-демократия!

Да здравствует Российская социал-демократическая рабочая партия!»

А вот вторая из этих прокламаций:

«Принимая во внимание,

1) что война является, с одной стороны, следствием той политики захвата, которую царское правительство всегда вело на Дальнем востоке в интересах буржуазии, стремящейся к расширению внешнего рынка, и в интересах поддержания своего престижа внутри страны и за границей;

2) что война требует громадных жертв людьми и деньгами от народа, влечет за собой разорение крестьянства, усиление застоя в промышленности и безработицу и что эти жертвы не могут быть ничем вознаграждены даже в том случае, если война будет победоносна;

3) что всей своей тяжестью война ляжет, несомненно, на рабочий класс и крестьянство, как потому, что из этих слоев населения составляется армия, так и потому, что правительство возлагает на эти слои всю тяжесть государственных налогов;

4) что война, возбуждая и раздувая национальную рознь, отвлекает внимание народа от внутренних дел государства и мешает росту классового самосознания рабочих, —

собрание протестует против войны и призывает всех товарищей к борьбе против самодержавия, которое постоянно изменяет народным интересам ради интересов его эксплоататоров и собственного самосохранения.

Вместе с тем собрание, признавая, что международная социал-демократия является единственной надежной защитницей мира и братства народов, шлет свой привет японским рабочим, протестовавшим против войны, и выражает полную уверенность в том, что ни эта война, ни те осложнения в международной политике, которые она может повлечь за собой, не остановят роста социал-демократии.

Да здравствует международное братство народов!

Долой войну! Долой царское правительство!»

Вы видите, товарищи, наши организованные рабочие проникнуты всецело духом международного социализма; им нужно только упорно продолжать вести свою агитацию и пропаганду, чтобы нанести последний и смертельный удар издыхающему царизму. И не сомневайтесь, товарищи социалисты, этот удар будет нанесен, так как русские пролетарии сумеют исполнить свой великий долг.

Падение или ослабление самодержавия еще не будет означать наступления всеобщего мира, эра которого начнется только с падением капитализма, но один из крупнейших источников войны и реакции будет исчерпан, огромный шаг вперед к окончательному освобождению человечества будет сделан. И нам, русским социалистам, останется только порадоваться этому, а вместе с нами нашу радость, я уверен, разделит также и социал-демократия обоих полушарий.

Женева. 29 апреля 1904 г.

X.

О Г. ГАПОНЕ.

[Письмо в редакцию «Humanité», декабрь 1905 г.]

Дорогие товарищи!

Гражданин Гапон заявил в вашем органе, что он продолжает стоять на точке зрения международного социализма.

Оставляя в стороне нелишенный интереса вопрос о том, насколько ясна эта точка зрения гражданину Гапону, я обращаю ваше внимание на следующий факт.

В письме этого гражданина, прочитанном на собрании «Гапоновской партии», состоявшемся в Петербурге 21 ноября (старого стиля), между прочим говорится:

«Судьбу и дело свои не вручайте никому, кроме самих себя».

По внешности это напоминает известное положение международного товарищества рабочих: «Освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих». Но по существу здесь говорится совсем другое. Отец Гапон поясняет свою мысль следующими словами:

«Есть много течений в России, но они не спасут и не изменят положения ее».

Отец Гапон прекрасно знает, что между различными русскими «течениями» есть также и течение социалистическое. Но он не делает для него исключения. Он *предостерегает рабочих против него*, уверяя их на своем странном языке, что оно не «спасет» России. Стало быть, сказанное им о том, что рабочие должны надеяться только на самих себя, имеет совсем не тот смысл, какой придают им все люди, в самом деле стоящие на точке зрения международной социал-демократии. У отца Гапона эти слова значат только то, что члены «Гапоновской партии» не должны сливаться с социал-демократами, а существовать в виде особой секты.

Отец Гапон сеет теперь раздор и раскол между петербургскими рабочими. Он делает это во имя своей особой тактики, преимуществ которой, будто бы, не могут понять «крайние партии». В чем же заключаются преимущества этой тактики?

На это отвечает сам отец Гапон в том interview, которое он имел с одним из редакторов парижского «Matin».

Вот что сказал он этому редактору:

«Хотя г. Витте мне отказывает в амнистии, я изменил теперь дурное мнение о нем, которое у меня было раньше. Это, по моему мнению, единственный значительный человек, имеющийся у нас, и в нем одном спасение. Пусть революционеры сумеют найти связующую с ним точку прикосновения, и освобождение пролетариата сделает решительный шаг» (см. «Le Matin», 13 décembre 1905).

Если редактор «Matin» не исказил слов отца Гапона, то вся «тактика» этого последнего сводится к созданию в среде русского пролетариата своего рода лейб-гвардии для г. Витте, лейб-гвардии, которую можно было бы противопоставить *социалистическому «течению»*.

Международная социал-демократия не может одобрить такую тактику и не может доверять человеку, ее практикующему.

Очень возможно, что отец Гапон имеет хорошие намерения. Но не надо забывать, что весь ад вымощен хорошими намерениями.

С социал-демократическим приветом.

Г. Плеханов.

Р. ПЛЕХАНОВА.

НАША ЖИЗНЬ ДО ЭМИГРАЦИИ.

(ОТРЫВОК ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ.)

I.

Разрыв с товарищами на воронежском съезде вызвал тяжелые переживания в душе Г. В. Плеханова. Ко мне в Киев он приехал, чтобы отдохнуть от тревог, собраться с силами и решить, что делать и как быть дальше.

С глубоким волнением говорил он мне, что товарищей землевольцев охватило отчаяние в успехе пропаганды и организации среди народа, что вновь избранный ими путь ложен и бесплоден, в чем они скоро сами убедятся.

Но зло, причиненное революционному народничеству их решением перенести всю энергию партии на террористическую борьбу, будет неизмеримо, так как связи в народе, с таким трудом добытые, пропадут, не возобновятся.

С грустью и с возмущением говорил он о товарищах, которые на воронежском съезде стояли на его стороне, но не имели мужества признаться в этом и открыто разорвать с партией точно так же, как это сделал он.

«Несомненно, — сказал мне Георгий Валентинович, — этот шаг сделать трудно, — берешь на себя громадную ответственность перед историей и революцией, — но этот шаг необходим, чтобы спасти дело народного освобождения от гибели. Я много передумал и перестрадал, раньше чем решиться на него. Сконцентрировать все средства и материальную и личную энергию на терроре — это поведет к гибели имеющихся уже в народе организаций, это сделает невозможным дальнейшее их распространение и углубление. Агитация на почве народного недовольства будет парализована. Белый террор ответит на красный и уничтожит всякую

возможность работать в народе. Революционный террор, как неумолимый Молох, потребует все больше и больше средств людьми и деньгами. Это полный самообман, что оба метода революционного действия — террор и поселения в народе — могут ужиться вместе. Одно исключает другое. Увлечение партии террором — это наклонная плоскость к гибели революционного народничества».

На мой вопрос о том, каково настроение «деревенщиков», — они же не могут соглашаться с доводами Желябова, Зунделевича и других политиков! — Георгий Валентинович мне ответил: «Деревенщики вполне разделяют мои взгляды, критику и опасения, но они нерешительны. Один из них, «Егорыч», только и повторяет: «вали валом попрежнему». Осип Аптекман понимает трагические последствия превращения партии в партию террористов, но у него фетиш — целость партии. Он не понимает того, что целость при таких условиях — одна видимость: внутренний, идейный раскол слишком велик, чтобы возможна была целость. Софья Перовская по своим воззрениям и симпатиям осталась революционной народницей, но она убеждена в необходимости казни Александра II и для этого, и только для этого акта, присоединилась к террористам. По совершении этого акта она вернется к деятельности в народе. Эта половинчатость не гармонирует с умом и энергией этой необыкновенной женщины. Она рискует погибнуть из-за иллюзий: Александр II будет заменен Александром III — вместо двух палочек к имени Александра будут поставлены три. Вот к чему сведется вся перемена. Михаил Родионович Попов надеется, что, оставаясь внутри организации, можно будет воздействовать на «политиков», чтобы увлечение этих последних террором было ослаблено». Для Плеханова и это была иллюзия, в которой «Родионыч» скоро сам убедится.

В увлечении террором Плеханов видел большой вред для народного движения, угрозу его самодеятельности; уже тогда он часто говорил: «освобождение народа должно быть делом самого народа». В этих словах уже сказывается будущий поборник научного социализма.

Тяжело стоял перед ним вопрос: как быть? С кем итти по той дороге, которую он считал истинной? Георгий Валентинович переживал глубокую драму человека, который после

бурной, полной захватывающего интереса жизни с высокими устремлениями, окруженный товарищами и друзьями, верующими в его силу и поддерживавшими этим его боевой дух, — вдруг увидел себя одиноким, оставленным даже теми из друзей, которые находили его правым.

Зная бодрый дух, уверенность в себе и его бесконечную веру в торжество народного революционного идеала, я надеялась, что эти переживания не будут длительными, и бодрость возьмет верх.

Несмотря на тяжелую сцену, разыгравшуюся между Г. В. и Александром Михайловым на моей квартире в Киеве, — сцену, которую я описала в моей статье «Периферический кружок «Земли и воли» 1878/79 г.» [1]), Георгий Валентинович мне неоднократно говорил о своей любви и привязанности к своему недавнему закадычному другу, о том, как он его высоко ценит и как велика потеря для революционных народников вследствие увлечения террором этого выдающегося человека, с его железной волей и беспредельной преданностью делу. Как я говорила уже в этой статье, такие же сожаления о разрыве с другом я слышала и от Александра Михайлова. Естественно было, чтобы эти два человека, имевшие много общего в характерах и бесконечно преданные делу освобождения русского народа от его вековых цепей, шли неразлучно по революционному пути. Но судьба или скорей сложная русская действительность решила иначе. Одно можно сказать: несмотря на то, что они занимали резко противоположные посты в революционном движении с 1879 г., дружба и взаимная привязанность их длилась до гроба.

Насколько мне известно, по словам друзей, Александр Михайлов на воле и в Шлиссельбурге грустил по «Жорже». Что же касается Плеханова, то он с неусыпным вниманием и интересом следил, поскольку это возможно было, живя за границей, за перипетиями жизни, борьбы, успехов и страданий своего друга.

Мне живо припоминается наше общее с Плехановым горе, когда мы узнали, что этот строгий к себе и другим конспиратор попал в руки жандармов из-за совершеннейшего

---
[1]) См. сборник «Группа освобождения труда» № 4.

пустяка: отправился лично к фотографу, чтобы забрать заказанные карточки революционеров, осужденных по незадолго перед тем происшедшим процессам. Такое легкомыслие своего твердокаменного друга Плеханов объяснял усталостью.

Подпольная революционная деятельность требовала большого, длительного напряжения. После ряда лет этой жизни являлась потребность сбросить с себя, хоть на короткое время, цепи принуждения. Хочется свободно вздохнуть. Помню также восторг и сияющие глаза Георгия Валентиновича, когда он мне рассказывал о том, как прекрасно держал себя Михайлов на суде и какую блестящую речь перед судьями произнес этот заикающийся человек, неумевший в обыкновенное время произнести без затруднения ряда складных фраз. Сила воли и большой душевный подъем сделали на суде из Михайлова — оратора.

Здесь я считаю нужным сделать небольшое отступление, чтобы исправить не совсем точное определение, сделанное моим старым другом Л. Г. Дейчем относительно настроения Георгия Валентиновича в ту пору, к которой относятся мои воспоминания.

Лев Григорьевич пишет:

«Крайне недружелюбное мнение вынес также Плеханов и о Желябове, с которым впервые встретился и «сцепился» на воронежском съезде».

«Это совсем не наш товарищ, это споспешник либералов! — помню, восклицал Г. В. со злобой» [1]).

Мне припоминается другое: Плеханов приехал ко мне в Киев в конце июля 1879 г., сейчас же после воронежского съезда. Слово «злоба» не подходит к характеристике того настроения, которое вынес Плеханов от тяжелого столкновения со своими товарищами. Он не «злился», а страдал. О своих бурных схватках с Желябовым он мне говорил, но при этом отдавал должное силе, уму и талантливости будущего героя организации «Народная воля». Я помню ясно слова Плеханова, как будто они были произнесены передо мною вчера: «Мы здорово столкнулись с Желябовым во время

[1]) См. *Л. Дейч*, «Г. В. Плеханов», изд. «Новая Москва», 1922 г., стр. 47.

одной из наших встреч в Воронеже, и Желябов мне сказал по окончании разговора: «Я страстен, но вы превзошли меня, в вас сидит татарин». Этот инцидент рассказал мне Г. В., смеясь и с одобрением к остроте противника. Можно ли тут говорить о злобе? Не думаю, чтобы это чувство явилось у Плеханова несколько месяцев спустя, когда он встретился с Л. Г. Дейчем. О том, что Желябов не социалист, а конституционалист, он мне также говорил, но не со злобой, даже не с раздражением, а скорее с удивлением. Он был, видимо, поражен этим открытием. Несомненно, что влияние этого «конституционалиста» на воронежском съезде, этом соборе лучших представителей революционного народничества той эпохи, вызывало в душе Плеханова гнев на товарищей и тяжелые переживания. Но слово «злоба» слишком мелко для характеристики той драмы, которая происходила в душе Георгия Валентиновича.

Также не совсем, по-моему, правильно фигурирует это слово в применении к товарищу Николаеву, повторявшему на съезде свое излюбленное выражение: «вали валом попрежнему».

Плеханов мне тоже рассказывал этот эпизод, как иллюстрацию настроения «деревенщиков». Но рассказ его носил характер добродушного юмора. Плеханов очень любил этого товарища с хрустальной душой, как он отзывался о нем. Он мне не раз рассказывал о моральной красоте «Егорыча». Повторяю, Георгий Валентинович мог говорить позже в разговоре с Львом Григорьевичем, вспоминая жестокую ошибку, сделанную на воронежском съезде его единомышленниками, с гневом, с возмущением, но не со злобой [1]).

Читателю покажется странным и, может быть, не имеющим интереса, почему я так настаиваю на том, что впечатления, вынесенные моим старым другом из разговора с Георгием Валентиновичем, не соответствуют психике Плеханова. Я это делаю для восстановления истинного понимания души Плеханова. В некоторых биографических «опытах» и статьях последнего времени, как, например, брошюра

[1]) Охотно допускаю, что за истекшие сорок восемь лет в моей памяти не удержалось—«с гневом» или со «злобой» сообщал мне вышеизложенное Георгий Валентинович. — *Л. Д.*

Льва Тихомирова: «Плеханов и его друзья», и в статье Владимира Ильича: «Как чуть не потухла «Искра» — говорится о раздражительности Плеханова, о его болезненном самолюбии, абсолютной нетерпимости к чужому мнению и о других грехах.

Сорок лет жизни, как говорят «душа в душу», общих интересов и большой духовной близости с Плехановым, создали во мне совсем другой образ.

Несмотря на свою постоянную болезненность, Г. В. проявлял относительно очень редко черту, присущую почти всем, страдающим длительным легочным процессом, — раздражительность. Противников он умел не только выслушивать, но и внимательно вдуматься в их аргументацию. А уметь вслушиваться в аргументацию противника — это значит проявить к нему уважение. Как только покидалось поле битвы, Геор. Вален. всегда готов был оказать всякую услугу противнику как личную, так и общественную. Он забывал жестокие личные обиды, нанесенные ему противником, раз последний бросал свой ошибочный путь и становился на тот, который Г. В. считал истинным. К клеветникам он относился с презрением и никогда не унижался до пользования их оружием. Я этим совсем не хочу сказать, что Плеханов был преисполнен христианской добродетели и на удар в одну щеку — подставлял другую. Он, как известно, умел ответить обидчику кратко, но едко. В большинстве случаев у последнего пропадало всякое желание продолжать подвизаться на этом скользком пути. Но подобные случаи были чрезвычайно редки, как во время его подпольной революционной деятельности, так и в эмиграции. Когда же дело касалось его принципов, его святая святых, в Плеханове тогда проявлялся борец — неустрашимый гладиатор.

Я помню рассказ одного из товарищей, присутствовавших на Цюрихском интернациональном конгрессе в 1893 г. Плеханов дал там битву анархической братии, которая подняла сильнейший крик, почти рев, против известного места в прошумевшей тогда плехановской речи, а именно, что «если бы войска социалистического революционного конвента явились бы в Россию для освобождения русского народа от царского ига, то войска эти были бы встречены русскими рабочими с восторгом и радостью».

Плеханов стоял на трибуне непоколебимо твердо, с поднятой головой, с блестящими от возбуждения глазами. Из уст товарищей невольно вырывались крики: «Молодец-боец!» а старый, заслуженный деятель, немецкий социал-демократ т. Моттелер, не выдержав, подбежал к трибуне, обнял Плеханова с восторженными словами: «Plechanoff, das ist deine Schlacht!» [1]).

Таким же бесстрашным и неумолимым борцом он показал себя на Амстердамском конгрессе, когда выступал против реформизма Жореса и увлек за собой робко действовавших тогда столпов II Интернационала, которые не решались энергично выступить против гениального оратора.

Я не встречала человека, более глубоко привязывавшегося к своим друзьям и соратникам, более готового постоять за них и стать на их защиту от клевет и нападок, более уступчивого, когда этого требовали интересы дела, чем Плеханов. Но в нем появлялся разъяренный лев там, где он видел опасность тем идеям, которым он отдавал свою жизнь, и успехам того пролетариата, со счастьем которого неразрывно было связано для него счастье и освобождение всего человечества. Подозрения, высказанные некоторыми относительно искренности Плеханова, вытекают из абсолютного незнания и непонимания его характера. Менее всего было применимо к Г. В. заподазривание его в дипломатичности, как это сделал Владимир Ильич в вышеупомянутой статье его.

Я считаю обязанностью друзей Плеханова подробно разобрать посмертную статью Владимира Ильича и ответить на нее. Я надеюсь, что нам предоставят возможность сделать это в скором времени.

II.

Не в характере Плеханова было ныть, сожалеть и т. д. Отдыхая в обстановке близких и любящих его людей от пережитого, он вместе с тем не оставался во время своего короткого пребывания в Киеве без дела, встречался с местной революционной молодежью, посещал публичную библиотеку, читал и писал у себя дома, присматривался и намечал

[1]) «Плеханов — это твоя битва». — *Ред.* Цитирую на память. — *Р. П.*

товарищей для дела и продолжал думать и работать над теоретическими и практическими вопросами революционного движения.

В некоторых воспоминаниях, относящихся к этому периоду нашего революционного движения, мне пришлось вычитать совершенно ошибочное мнение относительно настроения Георгия Валентиновича после разрыва с организацией «Земля и воля». Плеханов, — говорится там, — так тяжело переживал разрыв с товарищами и так мало надеялся, что найдет среди революционеров таких, которые твердо стояли бы на его позиции, что почти склонялся к тому, чтобы бросить революционную деятельность и отдаться науке.

Я не помню такого настроения у Плеханова. Возможно, что сам Георгий Валентинович каким-нибудь восклицанием подал повод так думать, но, зная близко интимную натуру Плеханова, я могу сказать с полной уверенностью, что бурный революционный темперамент Г. В. никогда не нашел бы себе удовлетворения на научном поприще. Он высоко ставил науку, занимался ею с глубоким увлечением периодами, причем живое чувство революционера проникало все эти работы, но народная революция являлась их главной целью. Плеханов был прежде всего борцом. Кабинетного ученого из Георгия Валентиновича никогда бы не вышло.

Высказывалось тоже мнение, что если бы Георгий Валентинович не нашел поддержки среди своих товарищей, то ему действительно оставалось бы только посвятить себя научным занятиям, так как в единственную существовавшую тогда в России революционную организацию ни он сам не мог возвратиться, ни его прежние товарищи, насчет которых он немало отпустил колкостей, шпилек и острот, не хотели бы слышать об обратном его приеме. Ему же самому, никогда не бывшему практиком-организатором, не приходило даже на мысль создать новую группу или кружок. «Таким образом, Плеханов мог бы, как говорится, остаться совершенно за бортом, очутившись в стороне от происходившего в России революционного движения, подобно тому как это, например, случилось со многими выдающимися лавристами и некоторыми бакунистами».

Я несогласна с приведенным мною предположением. Я не сомневаюсь в том, что, заяви Плеханов через некоторое время после разрыва на воронежском съезде о том, что он передумал и решил, что организации не следует рвать, несмотря на внутренние несогласия, что он готов вернуться к старым товарищам, чтобы работать в их рядах, его встретили бы и «деревенщики» и «террористы» с распростертыми объятиями. Это убеждение у меня явилось и укрепилось после моего прощального разговора с Александром Михайловым, описанного в предыдущем моем очерке. Уход Плеханова со съезда и неминуемый его разрыв с организацией, я в этом убеждена, были для Александра Дмитриевича и других большим ударом. Это ясно было из его просьбы, почти мольбы: перейти к ним, работать с ними, т. е. с тогда еще не разделившейся организацией «Земля и воля». Я чувствовала всеми силами моей души, что просьба, почти мольба, относится только отчасти ко мне, а главным образом к Георгию Валентиновичу. Мне было ясно, что Александр Дмитриевич хочет через меня повлиять на Георгия Валентиновича.

Я думаю также, судя по тому, какую энергию Плеханов проявил, после некоторого отдыха в Киеве, в разыскивании людей, разрозненных товарищей, что даже, если бы не было такой неоцененной поддержки, какая ему неожиданно явилась со стороны славной тройки (Засулич, Дейч и Стефанович), он все же не остался бы один, а вскоре сгруппировал бы вокруг себя все лучшие силы революционных народников. Для него психологически невозможно было опустить руки после такой интенсивной деятельности, какую он проявил, начиная с 1876 г. Между ним и лавристами, даже наиболее крупными, не было ничего общего. Это были эклектики как в области теории, так и практики. Ни у кого из лавристов, даже наиболее крупных, как Смирнов, Кривуша, Антон Таксис, Л. Гинзбург и др., не было того революционного темперамента, какой был присущ Плеханову. Эту среду я знала близко, и утверждение мое не голословно.

Тяжелое настроение Плеханова после воронежской драмы усилилось неприятным известием, скорее личного характера. Георгий Валентинович узнал, что Мирский, оказавший при

аресте 6 июля 1879 г. вооруженное сопротивление, был захвачен с документами, между которыми находился адрес для переписки моей с ним. По этому же адресу Плеханов должен был разыскать меня в Киеве, где я жила нелегально, скрываясь от преследований полиции. В судьбе Мирского после покушения на Дрентельна Георгий Валентинович принимал близкое участие. Находясь на юге в Ростове-на-Дону, еще в мае 1879 г. он взял на себя попечение о блестящем, но неосторожном герое. На первое время он устроил его у отца Михаила Родионовича Попова, деревенского священника одного из сел, если не ошибаюсь, Таганрогского уезда. Я помню рассказы Плеханова, со слов Михаила Родионовича, о жалобах, редко по тому времени либерального священника, на неосторожность своего молодого гостя.

Недолго оставался Мирский в доме священника и уехал в Таганрог, несмотря на опасения и отговаривания Георгия Валентиновича. Известно, что в Таганроге он устроился у офицера Тархова, обратил на себя внимание одного из знакомых последнего, какого-то юнкера, который, заподозрив в Мирском важного политического преступника, донес о месте пребывания его в полицию. В результате — арест Мирского и оказанное им вооруженное сопротивление 6 июля 1879 года.

Расставаясь с Мирским еще в доме священника, Георгий Валентинович дал ему мой адрес для сношений, взяв с него слово, что он его запомнит и уничтожит бумажку. Но были основания думать, что Мирский не сделал этого и что адрес попался при обыске, о чем Попов сообщил Плеханову.

Георгий Валентинович был в отчаянии. Я никогда его таким не видела: мысль, что из-за его неосторожности пострадает совершенно невинная семья моих доверчивых приятелей и я, не давала ему покоя. Впоследствии он сознался мне, что отчаяние его было так велико, что в голове его мелькнула даже мысль о самоубийстве, если бы его излишнее доверие к Мирскому имело трагический конец. Меня не арестовали.

В семью моих приятелей за все время моего пребывания в Киеве, т. е. до глубокой осени, полиция не являлась.

С тех пор ушло почти полвека. Но я не забыла и не забуду того мучительного состояния, которое я испытывала, отправляясь к моим приятелям, чтобы предупредить их о случившемся. Это была для меня нравственная пытка. Сердце мое билось, точно готово было разорваться. Помнится мне живо, как я дрожащей рукой потянула звонок. Меня ввели в кабинет учителя киевской гимназии, старшего брата моей молодой приятельницы. Несмотря на радушный прием, я едва могла говорить от волнения. После моих слов: «Я пришла вас предупредить, что адрес вашей сестры, данный мне для переписки...» мое волнение дошло до такой интенсивности, что я не могла докончить фразы. Мой собеседник, сейчас же догадавшись, в чем дело, побледнел, но ни одно слово упрека не сорвалось с уст его. Наоборот, он успокоительно заявил, что объяснит все сестре, посоветует ей быть осторожной, никакой литературы не держать у себя. Видя мое волнение, этот добрый человек, весьма деликатный, решил, что я достаточно наказана за свой невольный проступок, и утешил меня, уверяя, что все кончится пустяками.

Зимой того же года я узнала уже в Петербурге от Т. В. Поляк, что к приятельнице нашей все-таки явились с обыском, во время которого она сама указала на имевшийся у нее номер «Земли и воли». Дело кончилось высылкой ее в один из городов северной России. Такое по тем временам мирное разрешение тяжелого инцидента убедило нас в том, что Мирским было исполнено данное Плеханову обещание: полиция не ждала бы от начала июля до зимы с обыском у людей, заподозренных в сношениях с таким важным политическим преступником.

* * *

Жизнь Георгия Валентиновича была так тесно связана с моей и, через меня, с моим другом Теофилией Васильевной Поляк, что я считаю необходимым, хотя бы в кратких словах, познакомить читателя с тем, что представляла собой эта незаурядная женщина, очень популярная и влиятельная среди студенческой и революционной молодежи Петербурга 70-х годов прошлого столетия.

III.

Теофилии Васильевне Поляк было около двадцати двух лет, когда я познакомилась с ней зимой 1875 г. Мы были обе на втором курсе Женской медицинской школы при Военно-медицинской академии. Теофилия меня сразу привязала к себе своим бледным, болезненным лицом, на котором горели два черные, как уголь, глаза, полные ума и доброты. Невысокого роста, худенькая, грациозная, быстрые, энергичные движения, неправильные черты лица, большой красиво очерченный рот, вьющиеся короткие волосы, невысокий, но широкий лоб, небольшая головка — все это было некрасиво, но симпатично и оригинально. Оригинальна, страстна и остроумна была ее речь.

Жила она бедно, в маленькой чердачной комнате, питалась впроголодь, причем работала усердно, с успехом, поражая всех своими способностями, быстротой соображения, знаниями. На первых порах нашего знакомства мы решили готовиться вместе к экзаменам по анатомии. Так как я жила в студенческой коммуне, куда приходило много народу и мешали работать, я предпочитала заходить к ней. Таким образом я имела возможность поближе познакомиться с обстановкой моей новой приятельницы.

Занятия наши часто прерывались разговорами: вспоминали мы наше детство и отрочество, делились впечатлениями о годах, проведенных в гимназии, рассказывали друг другу о жизни в семье, о борьбе, которую каждой из нас пришлось выдержать в семье для отвоевания себе прав на самостоятельную жизнь.

Наши жизни сложились разно. Я была старшей дочерью, нежно любимой, на меня возлагались родителями радужные для них надежды, которых я — увы! — не оправдала, а, наоборот, доставила им немало горя. Я была их гордостью, и счастье мое было целью их жизни. Эти отношения вызывали во мне чувства нежности и благодарности к моим родителям. Теофилия Поляк, по ее словам, была нелюбима в своей семье и говорила о своих родителях с горьким чувством. Болезненно раздражительная с детства, непокорная, она, как волчонок, куда-то все смотрела вдаль, не мирилась с нравами и предрассудками окружавшей ее мещанской среды.

Только к двум членам своей семьи она чувствовала глубокую, нежную привязанность: к дяде своему, молодому человеку 25 лет, такому же «одинокому», как и она, и к младшему брату, тогда 12-летнему мальчику — Маркусу [1]). Борьба, выдержанная в семье, сделала мою новую приятельницу недоверчивой к людям и влила в ее душу яд пессимизма и сарказма. При первом знакомстве она казалась злой, несправедливой, но стоило только ее узнать ближе, чтобы убедиться, какой глубокий родник человеколюбия и гуманности бился в ее больной груди. Т. В. Поляк была сильно затронута легочным процессом, от которого она погибла на моих руках в 1882 г. уже в эмиграции.

В студенческой среде Теофилия Васильевна пользовалась большой популярностью благодаря своему уму, остроумию и практичности в лучшем смысле этого слова.

Студенчество в средине семидесятых годов жило по преимуществу семьями. Ранние браки между учащимися при распространенной среди них бедности влекли за собой разные невзгоды для родителей и детей. Т. В. Поляк являлась в этих случаях незаменимым другом, советником, сестрой милосердия. Если понадобится, и стряпней займется, и пеленки для новорожденного сошьет, достанет денег, если в доме безденежье, позаботится об уроках и т. д. Словом, это был добрый ангел для учащейся молодежи, в особенности студентов-медиков.

Авторитет ее среди этих молодых, непрактичных людей был абсолютен. Ни одно событие, выходящее из ряда обыкновенной жизни этих идеалистов-тружеников, не обходилось без Теофилии Васильевны. Мучения любви, нерешительность перед важным шагом в общественной или личной жизни,

[1]) В 1917 г. в сентябре, если не ошибаюсь, во время пребывания моего и Георгия Валентиновича в Царском Селе, в контору газеты «Единство» явился в мое отсутствие молодой человек, сын Маркуса Васильевича, присланный отцом, чтобы повидать и узнать о последних годах жизни Теофилии и где она похоронена. В это время Плеханов лежал в лихорадке, я почти не отходила от него и забыла все в мире. Потом я никак не могла добиться адреса брата Теофилии, которого я приняла бы как родного и поделилась бы с ним всем, что знала о его незабвенной сестре. Скажу здесь для него и его семьи, что Теофилия Васильевна нежно любила его до последней минуты, призывала его в предсмертном бреду и с его именем на устах заснула навеки.

болезнь, рождение, недоразумения между супругами, — во всех этих случаях призывалась Поляк для помощи, для совета, для увещевания, и добрая девушка всегда была там, куда ее зовут, принося уход, помощь, примирение. В особенности ее трогала судьба детей, в уходе за которыми молодые студентки-матери были часто совершенно беспомощны, а иногда небрежны. Тогда строгости и возмущению моей приятельницы не было предела. Я припоминаю один ее рассказ о том, как родители чуть не уморили табачным дымом свою трехнедельную малютку. Я покатывалась от смеха, слушая ее полное остроумия и неподражаемого юмора повествование. Молодые супруги, которым вместе не было еще сорока лет, были страстными курильщиками, любили также назвать к себе гостей — тоже курильщиков. Начинались споры на политические, общественные темы. Папиросы выкуривались одна за другой, в комнате стоял густой табачный дым. По бедности и табак покупался дешевый, скверный, а маленький комочек в постельке чихал, сопел, глаза слезились.

— Но что ты сделала? — спросила я.

— Прежде всего заявила родителям, что с их стороны преступно так неряшливо обращаться с маленьким существом. Не оно просилось явиться на божий свет, а они виноваты в этом, и у них имеются обязанности к нему, и эти обязанности преступно забывать. Мать расплакалась, а отец стоял с виноватым видом и смущенный. Друзей я попросила перейти курить на лестницу, открыла окно и заявила, что больше моей ноги не будет у них, если застану еще раз такую картину.

Что было крайне характерно для Теофилии Васильевны — это строгость к себе и к окружающим товарищам, от которых она требовала последовательности, соглашения слова с делом. Для иллюстрации приведу еще один эпизод из студенческой жизни моей подруги.

Зимой 1877/78 г. она переехала, по моему настоянию, в студенческую коммуну, которая состояла из Софьи Николаевны Присецкой-Богомолец, мужа ее, д-ра Богомолец, Софьи Павловны Чудновской и меня. У супругов Богомолец родился первый сын Николай. Ребенка этого ждали с большим нетерпением, а по его появлении на свет молодые

родители отдавали ему много времени и, что называется, души в нем не чаяли. Кормили и воспитывали его по последнему слову медицины и гигиены. В какой-то книге по гигиене д-р Богомолец вычитал, что в ванну ребенка надо класть кокосовые мочалки. Эти последние стоили очень дорого, а между тем уже в то время София Присецкая-Богомолец и муж ее были большими народолюбцами, говорили о том, что надо отдать силы народу и действительно в будущем отдались этому делу душой и телом. Но в это время кокосовые мочалки и слова о страданиях народа как-то не сочетались, и Теофилия Васильевна не могла этого спустить своим друзьям. Она пробирала их за их непоследовательность: баловство, которое они позволяли себе по отношению к своему ребенку и, наверно, не одобрили бы этого у других. Я помню горячий спор, сконфуженное лицо добродушного доктора Богомольца и страстную защиту своих действий Софьей Николаевной. Нежные родители не сейчас сдались. Произошла размолвка, длившаяся ряд дней. Но злополучные кокосовые мочалки как-то незаметно исчезли. Победа осталась за Поляк.

Теофилия Васильевна была ходячей совестью для слабых, непоследовательных и эгоистов в студенческой среде. Критики ее боялись, как огня, и все старались казаться лучшими в ее присутствии, чем они были на самом деле. Беспощадный анализ окружающей обстановки и людей мешал, по-моему, ей сделаться революционером.

Крайне требовательная, она в лучших людях того времени прежде всего замечала недостатки и, будучи очень передовой и социалисткой по идеям, она мало верила в осуществление социалистического идеала, считая людей неспособными достичь требуемого для этого совершенства. Это не мешало ей быть чрезвычайно начитанной по тому времени и понимающей в общественных вопросах женщиной. Она изучала Огюста Конта, Бокля, Дрепера, Спенсера, штудировала также «Капитал» Маркса и т. д. Она посещала революционные собрания, имела близких друзей среди революционеров. Среди них она в особенности сошлась с Антоном Таксисом, который очень любил и уважал ее. Но к революционерам и к революции она относилась трезво, с критикой. К моим увлечениям она относилась с любовной

снисходительностью, как мать, опасалась неосторожных шагов с моей стороны, давая советы благоразумия. Мы с ней во многом не соглашались, жарко спорили. Она находила меня неисправимой идеалисткой, старалась уберечь меня от слишком большого увлечения людьми. В товарищеском кругу нас называли «день и ночь». Не знаю, была ли я «днем», но она действительно походила на малороссийскую глубокую ночь с сияющими звездами на небосклоне. Этими звездами, ярко блиставшими, были: ее отзывчивость, доброта истинная, не расхлябистая, бесконечная способность отдать себя всю на благо ближнего. Чтобы покончить с характеристикой Теофилии Васильевны, приведу еще эпизод, крайне для нее характерный.

В 1876 г. я упросила мою добрую мать пригласить Теофилию Васильевну провести лето в нашей семье на даче. Мне очень хотелось, чтобы моя нуждавшаяся одинокая подруга побывала хотя одно лето в семье, где она встретит симпатию, отдохнет, поживет без забот и волнений. В конце мая я поехала ее встречать в Одессу на пароходную пристань, а оттуда на лошадях мы отправились в имение польского помещика графа Морхоцкого, в тридцати верстах от города. Дача наша — бывший помещичий дом — была окружена большим запущенным, полным дикой поэзии садом и находилась на расстоянии двух верст от моря. Первая часть нашего пребывания на даче была настоящей идиллией: мы делали большие прогулки, каждый день ходили купаться. Особенно привлекали нас прогулки и купанья в лунные теплые ночи. Мы отправлялись целой гурьбой с моими младшими сестрами и служившими у нас крестьянскими девушками. Чистый, прозрачный, упоительный морской воздух и золотая поверхность воды — все это было неотразимо красиво. Мы все бросались в воду, шалили, а иногда уплывали далеко-далеко. Теофилия Васильевна, которой запрещено было купаться, лежала на берегу, очарованная окружавшей ее величавой природой, и испытывала, как она передавала мне потом, беспредельное счастье.

Родители мои были очень милы и предупредительны с ней, откармливали ее, старались всячески, чтобы ей было хорошо и уютно, предоставили в наше распоряжение лошадь и кабриолет, и я катала ее по всей округе, знакомились

с жизнью хуторян, поселения которых раскинулись на большом пространстве и носили название «Дальницких хуторов». Тут же находилась образцовая ферма моего отца, где мы всегда останавливались во время наших прогулок, встречали радушный прием со стороны управляющего и служащих. Словом, нам жилось молодо и хорошо.

Но этой идиллии скоро наступил конец, и вот почему: как-то рано утром пришел крестьянин из соседней деревни попросить барышню-докторшу посмотреть больную его дочку, проведшую скверную ночь. Мы были студентками второго курса, в медицине еще ничего не понимали, но не нашли возможным отказать, так как доктора надо было звать из Овидиополя, небольшого городка на Днестровском лимане, который был от нас в 25 верстах. Мы также не были уверены в том, что отец больного ребенка застанет доктора дома. Забрав кое-какие лекарства, которые у нас всегда имелись в домашней аптечке, мы с Теофилией и отцом больного ребенка двинулись. Деревня отстояла от дачи далеко, пришлось итти версты две. В крайне бедной обстановке, в скверной землянке, вроде холодного погреба, мы нашли заплаканную молодую мать и задыхавшегося ребенка, девочку лет пяти. Посмотрев горло, мы увидели зловещие пленки, голос у ребенка был охрипший, гортанный, одышка. Мы решили, что это дифтерит и начало крупа, а из расспросов родителей узнали, что за несколько дней перед этим у девочки были пятна по всему телу. Нетрудно было догадаться, что мы имеем дело со скарлатиной, осложнившейся дифтеритом. Ребенок был в смертельной опасности. Надо было послать за доктором и не медлить ни минуты. Отец ребенка поскакал к врачу. Тут же мы узнали, что и у соседей ребята тоже больны. Сделавши все, что было в наших силах и понимании, мы пошли к соседям. Эпидемия скарлатины и дифтерита была налицо. При бедности и скученности было очевидно, что эпидемия охватит все 60-70 мазанок, из которых состояла деревушка.

Доктора дома не оказалось. Поздно, часам к четырем явился фельдшер, плотный человек лет 40-45 с толстым красным носом, разило от него вином, грубый и невежливый. Приехал он на довольно объемистом возке. Мы ему обрадовались, точно это был самый лучший специалист в Рос-

сии, дали ему отчет о наших наблюдениях. Он посмотрел на нас сверху вниз, как на мелюзгу, и, почти не осмотрев детей, шел по нашему указанию из избы в избу, грубо смазывал горло раствором ляписа и приговаривал: «ничего не поделаешь — умрут!» Сел обратно в свою повозку и укатил, обещав заглянуть денька через два... Зато возок из пустого превратился в полнехонький: курицы кудахтали, поросенок визжал, яйца, масло и даже водочка составили дружную компанию во славу деревенского эскулапа. Мы только удивлялись с Теофилией Васильевной. Казалось, бедность беспросветная, а какая щедрость! Отдали последнее, да и соседи позажиточнее помогли. Доктора так и не дождались. Фельдшер своим неряшеством и жадностью возмутил нас до глубины души. Пришлось взять на себя уход и лечение больных. Тут моя подруга проявила все богатство своей альтруистической натуры: она не покидала больных ни днем, ни ночью. Эпидемия распространилась с неимоверной быстротой, не пропустила ни одной избы, перекинулась от детей на взрослых. Первые дни была большая смертность, умерла наша первая девочка. Мы были в отчаянии. Нам пришла мысль отправить нарочного в Одессу к знакомому врачу и попросить у него подробных указаний и лекарств. Врач удовлетворил нашу просьбу, и мы начали сами лечить, улучшив гигиеническую обстановку, изолировали еще не зараженных ребят. Эпидемия пошла на убыль.

Своим бдительным надзором Т. В. спасла многих детей и взрослых от верной смерти. Последние дни работа почти целиком легла на ее слабые физически, но сильные морально плечи. Больные и вся деревня смотрели на нее с любовью и говорили о ней как о своей спасительнице.

Работа в деревне дотянулась почти сплошь до нашего отъезда в Петербург. Теофилия Васильевна выглядела хуже, чем когда приехала: она побледнела, исхудала, но черные глаза были полны счастья от исполненной обязанности.

Здоровье ее все более и более ухудшалось, и по моему настоянию и на добытые мною средства она весной 1878 г. уехала лечиться в Швейцарию, а оттуда — в Италию.

Благодаря порядочной сумме, которую я заработала в 1878 г. в качестве врача во время русско-турецкой войны, я могла доставить возможность Теофилии Васильевне оставаться до весны 1879 г. за границей.

Весной 1879 г. она приехала в Киев, куда и я направилась, вынужденная покинуть Петербург, чтобы замести свои следы от преследований полиции. Я нашла свою подругу поправившейся, очень бодрой, полной жизненной энергии.

Скоро пришлось мне использовать эту энергию: поручила ей чрезвычайно деликатную миссию, имевшую для меня и Георгия Валентиновича большое личное значение.

Вынужденная скрыться в подполье, я не могла летом 1879 г. провести хотя бы некоторое время у родных в Херсоне, как я это делала в течение всего времени пребывания моего в медицинской школе. Я не могла допустить своего ареста в доме родных. Но как это объяснить любившим меня до безумия родным, с которыми, несмотря на базаровское настроение молодежи 70-х годов, я не только не прерывала связи, но чувствовала себя по отношению к ним обязанной. И кроме всего этого, я их искренно любила, и причинить им горе было выше моих сил. Обстоятельных писем я не могла им писать по той причине, что родители были на виду у полиции, отца не раз допрашивали о месте моего пребывания, и я опасалась обыска у них: по моим письмам могли бы узнать о моем месте пребывания, следовательно, Плеханова. Теофилия Васильевна посоветовала отправить кого-нибудь к родным, чтобы успокоить их, не сказав им в точности, где я, и одновременно найти хороший паспорт, который дал бы мне возможность жить в Киеве легально, не прячась в подполье. Хороший паспорт был тем более необходим, что здоровье мое в эту пору было сильно расшатано и попасть в этом виде в тюрьму или в ссылку было бы настоящей катастрофой. Теофилия Васильевна взяла на себя деликатную миссию съездить к моим родным и все устроить. И действительно, она выполнила блестяще свою миссию, успокоила родных, выдумав вполне правдоподобную причину моей жизни вдали от них, достала превосходный паспорт на имя совершенно невинной в политическом отношении кузины моей, а также необходимую сумму денег у родных. Благодаря этому мы могли прожить в Киеве благополучно в политическом отношении сплошь до отъезда Георгия Валентиновича в Петербург, в конце лета того же 1879 года.

Трудно понять теперь, на расстоянии 50 лет, какое значение для нас имела услуга, оказанная мне и Плеханову Теофилией Васильевной, но я не преувеличу, сказав, что мы с Плехановым были спасены от преждевременной гибели как физической, так и политической.

Получив возможность легализоваться, я покинула дачу в Выдыбецком монастыре, где я жила без прописки, и устроилась в Киеве с Теофилией Васильевной у какой-то старой добродушной чиновницы в тихой, спокойной части города. Комната наша была длинная, темноватая, полуподвальная, но зато с отдельным ходом, с окном в сад и очень удобная в конспиративном отношении. Это было в начале августа 1879 г. Плеханов уехал на юг, на свидание с Михаилом Родионовичем Поповым. Я знакомилась с революционной молодежью.

В одном студенческом кружке мне представили плотного крупного молодого человека, брюнета, с бритым, довольно симпатичным интеллигентным лицом. Держался он важно, конспиративно и по особому вниманию хозяев и гостей я догадалась, что это, должно быть, какой-нибудь известный революционер. По его уходе мне сказали, что это был Гр. Гольденберг — известный революционер-террорист, о котором я слышала уже раньше как об убийце харьковского губернатора Кропоткина, знала его также по его прокламации в «Земле и воле». Благоговение перед Гольденбергом этой юной молодежи было беспредельное. Как плохо этот слабый человек оправдал это чувство!

К этому же времени относится мое первое знакомство с Павлом Борисовичем Аксельродом. Встреча с ним была большой радостью для меня. Я много слышала о нем, увлекалась его очаровательной личностью и деятельностью, но пока только по рассказам друзей. Впервые я услышала о нем от друзей-лавристов. В 1875 г. Павел Борисович виделся с ними в Петербурге. Я жила тогда на общей квартире с некоторыми членами лавристского кружка: С. П. Чудновской, Е. Варзер, Семеновскими. Возвращаюсь раз вечером домой из медицинской школы и слышу возглас Гинзбурга, известного лидера лавристов: «Удивительно, как это «Кислород», втрое тоньше меня и меньше ростом, умудрился одеть одну из моих калош, оставив мне свою, в которую я никак влезть не могу!» Все присутствовавшие дружно расхохотались. Посыпались остроты над Аксельродом и Гинзбургом. В тот же вечер я узнала о том, кто такой Павел Борисович. Шутки уступили место восторженным отзывам о светлой личности, преданности его идее и революции. Теперь я с ним познакомилась лично, пришел он к нам в надежде застать Плеханова, долго сидел у меня и рассказывал о германском рабочем движении. Впечатление, произведенное им на меня, было обаятельно и сильно. Встреча эта была одним из счастливейших событий моего пребывания в Киеве.

По возвращении Плеханова я с увлечением передала ему об этом посещении и разговоре. Георгий Валентинович был очень огорчен тем, что упустил свидание с одним из своих учителей на первых шагах своего революционного поприща.

IV.

Опасаясь гнилого питерского климата для здоровья Поляк и боясь, что по моим следам найдут Плеханова, за которым в Петербурге устраивались настоящие облавы, я решила остаться на зиму в Киеве, на что Г. В. изъявил свое согласие, решив до поры до времени остаться с нами. Тут опять появилась на сцену энергия, умелость и практичность моей подруги. Жить при условиях, при которых мы жили до сих пор, в тесноте, не было возможности, — надо было на зиму устроиться в некотором уюте и теплоте, а главным образом в безопасности. Поляк удалось найти несколько комнат в симпатичной знакомой ей семье, сочувствовавшей революционерам. Эта находка стоила ей больших трудов и стараний. Теофилия Васильевна была очень счастлива, надеясь, что нам будет хорошо и что после разных тревог мы, хотя бы на некоторое время, будем вести здоровую, спокойную жизнь. Она заботилась о нас, как о детях своих. Но — увы! — недолго пришлось нам пользоваться уютом, заведенным для нас стараниями нашего друга.

В конце августа Георгий Валентинович получил известие о приезде из-за границы Дейча, Засулич и Стефановича в Петербург. Он поспешил к ним на свидание, а через

некоторое время после его отъезда я получила письмо, в котором он извещал меня, что «дело налаживается» и что в Киев он не вернется. В письме чувствовалась большая тоска по мне. Зная, какой он подвергается опасности, живя в столице, и уверенная в том, что некому думать о нем, об его устройстве, я решила бросить все «благополучие» и отправиться в Петербург. Я чувствовала себя чрезвычайно виноватой перед моим другом Теофилией, которая находила мой поступок безумным, как ввиду состояния моего здоровья, так и в политическом отношении, но иначе я поступить не могла. Прощаясь с ней, я всячески умоляла ее предоставить нас нашей собственной судьбе, не оставлять Киева, ставя на вид, что климат Петербурга для нее смертелен. Подруга моя упорно молчала, стараясь скрыть от меня полные слез глаза.

Имея в своих руках легальный документ, я получила возможность по приезде в Петербург остановиться в гостинице и не заезжать на конспиративную квартиру, что было бы крайне рискованно. У меня было условлено с Плехановым, что я по приезде в Петербург найду его через писателя Златовратского. Оставив вещи в номере «Рижской гостиницы», я направилась к последнему, чтобы узнать, как найти Георгия Валентиновича. Встретил меня сам маститый писатель, любимец тогдашней молодежи. Когда я ему очень тихо поставила вопрос и назвала имя моего мужа, лицо его выразило такую растерянность, что я долго не настаивала и поспешила удалиться, извинившись за беспокойство.

Положение мое было довольно затруднительным. На конспиративную квартиру было решено ни в коем случае не являться. Как быть? В Петербурге в это время жила моя сестра, слушательница Бестужевских курсов, Анна Марковна Боград, но я знала, что за ее квартирой усиленно следят, в расчете захватить Плеханова и меня. Явиться к ней—значило просто отдаться в руки полиции. К счастью, я вспомнила о студенте-медике А. О. Дукате, милом, бесконечно добром юноше, которого, как я уже писала в своей статье «Периферический кружок «Земли и воли», А. Д. Михайлов чуть-чуть не заклал на алтаре революции. Я помнила его адрес, так как через него я вела переписку с моей сестрой. По первому зову он явился ко мне и взял на себя разыскать Георгия Валентиновича во что бы то ни стало и дать ему знать о моем приезде. В тот же день вечером явился ко мне Георгий Валентинович. Я увидела его бодрым, здоровым, полным энергии и счастливым. С радостью сообщил он мне о той гармонии во взглядах на революционный момент, которая объединяет его и его новых друзей: Дейча, Засулич и Стефановича. Он рассказал мне также о том, что многие из тех товарищей, которые оказались на стороне террористов на воронежском съезде, отошли от них, поняв свою ошибку. Софья Перовская подтвердила ему и другим товарищам по «Земле и воле» то, что она высказала во время Воронежского съезда, т. е. что она, в сущности, сочувствует так называемым «деревенщикам» и, по ее убеждениям, главным центром деятельности должна быть народная масса и единственное средство к ее подъему — это пропаганда и организация среди народа; словом, что она до этих пор глубоко стоит за программу и задачи «Земли и воли». После «казни» Александра II она вернется к ним. Тут же он мне заявил, что О. В. Аптекман совсем вернулся к ним, что в группу «Черный передел» входят крупные люди из революционных народников: Михаил Родионович Попов, Ю. Преображенский (юрист), Николаев — «Егорыч», Александр Хотинский, Аптекман, Короткевич, Елизавета Николаевна Ковальская, Н. П. Щедрин и др. Плеханов был счастлив, потому что верил в возрождение революционной деятельности в народе. Между членами организации «Черный передел» он между прочим назвал мне Евгению Рубанчик, милую, беззаветно преданную делу молодую женщину, которую я встречала уже раньше в Петербурге и, зная за ней, между другими, одно незаменимое качество — умную практичность, я просила Георгия Валентиновича пригласить ее зайти ко мне, чтобы посоветоваться с ней о том, как устроить нашу жизнь. Цель моя была такова: устроить эту жизнь так, чтобы Плеханов мог работать, не подвергая себя опасности быть арестованным и узнанным, что в то время было равносильно его гибели.

Много раз Георгий Валентинович был на краю ее, попадая в лапы царских слуг. Но ему удавалось выходить сухим из воды. Теперь были другие времена.

После покушения, произведенного А. Соловьевым на царя 2/14 апреля 1879 г., Россия переживала крайне тяжелую пору: происходила дуэль не на жизнь, а на смерть, между всесильным царским правительством и незначительной группой самоотверженных революционеров. Правительство поставило все на ноги, чтобы устранить тех из своих врагов, которых оно считало наиболее вредными. Третье отделение считало Плеханова инициатором террористических актов. Удивительно, как наше правительство плохо разбиралось в характере деятельности тогдашних видных революционеров [1]). Георгия Валентиновича разыскивали и в студенческих квартирах, и у видных либералов, и даже в салонах аристократических дам [2]).

Я сказала, что цель моя была спасти Плеханова. Евгения Рубанчик, очень любившая и чтившая его, могла мне помочь своим советом и указать, как лучше осуществить эту цель. Еще до прихода Рубанчик, мной и Плехановым обсуждался вопрос о том, как устроиться — вместе или на отдельных квартирах. Георгий Валентинович очень боялся за меня в случае его ареста на нашей общей квартире. Дело тогда закончится для меня по меньшей мере каторгой, между тем как, живя на разных квартирах, если даже и буду арестована вслед за ним, я пострадаю гораздо меньше. Ему тяжела была мысль, что он своею гибелью повлечет и мою. Мои же доводы были другие: я находила и была убеждена, что при совместной жизни меньше шансов для него быть арестованным, так как он реже будет появляться на улице, оставляя квартиру только по обязанностям редакции или для революционных собраний. Чем меньше он будет выходить, тем меньше шансов для него быть арестованным. Живя своей квартирой, можно устроиться с пищей дома,

[1]) Плохо разбиралась в воззрениях Плеханова не только русская, но и западно-европейская администрация: известно, что в 90-х годах он был изгнан из Франции как анархист, а в начале настоящего столетия, во время процесса по поводу контрабандной переправы из Германии в Россию нелегальных произведений, в Кенигсберге прокурор, ссылаясь на выдержки из сочинений Г. В., доказывал, что Плеханов призывал к террору! — *Ред.*

[2]) Небезынтересен в этом отношении документ-рапорт царскосельского исправника, извлеченный мною из архива бывшего III отделения — ныне революционный архив (см. 5 сборник «Гр. осв. труда»). — *Р. П.*

и Плеханову не придется ходить в рестораны и кухмистерские, где всегда представляется большой риск для арестов. Наконец, я надеялась обставить Г. В. лучше в материальном отношении и своим заботливым уходом сохранить его физические силы.

Явившись ко мне, Рубанчик вполне согласилась с моими доводами относительно общего паспорта и общего жилья. В тот же день вечером Георгий Валентинович явился ко мне с новеньким паспортом на имя дворянина Воронежской губернии Александра Севериновича Семашко и жены его Марии Валентиновны. Мысль приобрести такой паспорт явилась у Плеханова. Расчет его был следующий: если мы попадемся случайно, во время обыска у знакомых, представленный нами паспорт на имя совершенно легальных и вполне благонадежных помещиков может дать нам возможность выпутаться, так как первый шаг, который делал в таком случае департамент полиции, — это революционеры знали по опыту, — была справка о том, имеются ли таковые в указанной в паспорте местности. Пока справка наводилась, арестованных часто выпускали, что давало возможность уничтожить компрометирующие документы или, если надо было, — скрыться заблаговременно с квартиры.

Паспорт, сфабрикованный в несколько часов, удался на славу, и на другое утро мы переехали с Плехановым в маленькую гостиницу около Николаевского вокзала, где представили документ для прописки. Это было его первое крещение. Расчет был на косность полицейских чиновников: раз паспорт будет прописан в одном участке, то в других его пропишут механически. Важно было быть настороже первые дни, пока паспорт находился в участке. Вручив паспорт на имя «дворян Семашко», я просила хозяина гостиницы, чтобы он поторопился пропиской, так как я без паспорта не могу получить денег, адресованных на мое имя в почтамт.

Оставаться в гостинице, пока решится наша судьба, было неосторожно. Георгий Валентинович отправился на конспиративную квартиру, а я бродила по улицам, делала покупки и таким образом отсутствовала целый день, и только вечером мы встретились в условленном месте с Плехановым и несколькими друзьями, явившимися с намерением отбить его от

полиции в случае ареста [1]). Мы направились в нашу гостиницу. Момент был решительный: или пан или пропал. Явиться вдвоем было безумием с точки зрения сохранения революционных сил. Кому итти? Понятно мне как менее нужной для революционного движения, точно так же, как менее рискующей. Но тут мы натолкнулись на протест Плеханова: он ни за что не соглашался меня пустить одну на опасность и решительно заявил, что он пойдет один и во всяком случае не пустит меня одну. Товарищам пришлось задержать его силой. Я зашла в гостиницу, — не скажу без всякого волнения, — направилась к хозяину и твердым голосом спросила его, возвращен ли паспорт из полиции. Получился очень вежливый и предупредительный ответ: «Как же, как же, барыня, все в порядке». Он вручил мне паспорт, прописанный по всем правилам.

Радуясь удаче, я вернулась к Плеханову и друзьям и сообщила им о приятном известии.

Чтобы закончить описание этого памятного и сильно волновавшего меня дня, я приведу для правдивости рассказа маленький эпизод, характерный, мне кажется, для понимания человеческой души вообще и моей в частности, а может быть, только моей. Тем хуже для меня. Но правдивость в рассказе — прежде всего.

Я любила и высоко ценила Плеханова и готова была во всякую минуту отдать за него свою жизнь. Но когда сопровождавшие нас до гостиницы друзья, как мне казалось, с легким сердцем жертвовали мною, в мою душу, как это ни странно, вкралась глубокая обида. Мне почему-то сделалось крайне тяжело на душе, и, когда мы остались одни с Плехановым, я горько расплакалась. Георгий Валентинович, не понимая, в чем дело, был очень огорчен и приписал мое состояние волнениям дня и усталости, а мне стыдно было признаться ему в истинной причине моего душевного состояния. Впрочем, он, быть может, был прав; во мне сказалась усталость.

Теперь, став «легальными людьми», мы принялись за приискание подходящей квартиры. Нам посчастливилось: в центре

[1]) Среди них были: Евгений Козлов, Евгения Рубанчик и — сколько мне помнится — Н. П. Щедрин и О. В. Аптекман; все они были вооружены.

города, около людного Владимирского проспекта, в Графском переулке, д. 6, мы нашли в маленьком двухэтажном домишке две чистые, недурно меблированные комнаты с отдельным ходом [1]). Вела в нашу квартиру наружная лестинца и деревянная галерея. Хозяйки наши, две сестры-немки из Риги, средних лет, произвели на нас впечатление очень любезных, милых женщин. Мы объяснили им, что приехали из провинции, — из Воронежской губернии, ради меня, моего здоровья, так как мне, вероятно, понадобится операция, которую не решались взять на себя наши провинциальные специалисты. Мы заявили, что пробудем в квартире несколько месяцев. Первое время у нас не ладилось с пищей, мы жили или на сухоядении или ходили в ресторанчик по соседству, что было весьма неконспиративно. Хотя мы были далеко от тех мест, где ютилось студенчество и радикальная братия, но все-таки я могла наткнуться на кого-нибудь из знакомых или моих товарищей по Женским медицинским курсам, и известие о моем пребывании в Петербурге могло бы распространиться и дойти до «ушей государевых». А между тем среди студенчества был распространен слух, что я сослана в Восточную Сибирь. Это было для меня чрезвычайно выгодно. Что касается Плеханова, то он так изменил свой внешний вид, остригши бороду и усы, что сделался совершенно неузнаваемым. На улице он ничем не рисковал. Его могли арестовать или в редакции, или же выследив меня. Очень скоро я убедилась в том, что эта последняя причина вероятнее всех других и что мне надо принять бо́льшие предосторожности, чем до сих пор.

Гуляя раз по Владимирскому проспекту недалеко от Графского переулка, я встретила свою однокурсницу Машковцеву лицом к лицу. «Боград! Какими судьбами вы не в Сибири»? — вскрикнула она с намерением чуть ли не броситься мне на шею. Сделав вид, что эти слова не относятся ко мне,

[1]) В 1925 г., во время моего пребывания в Ленинграде, я разыскала этот домик, с которым связаны были у меня и у Георгия Валентиновича воспоминания из лучшей поры нашей молодости. Домик этот в полуразрушенном виде — скривился на-бок, галерея ветхая, полуразрушена, квартира и весь домик пуст. Дворик зарос травой. Грустно мне сделалось на душе при виде этого разрушения: насмешка времени над людьми, их радостями и переживаниями...

я прошла мимо, оставив мою товарку в полном недоумении. Она несколько раз крикнула мне вслед, называя меня по фамилии, но я медленно, не спеша, отдалялась от нее. Товарка моя воскликнула: «Странно!» — и пошла своей дорогой. После этой встречи я вынуждена была отказать себе в дневных прогулках и решила войти в переговоры с хозяйкой, чтобы она ввиду моего нездоровья согласилась давать нам обед. Моя просьба была уважена, и нам больше не пришлось подвергать себя опасности какой-нибудь неожиданной встречи по пути в ресторан или в самом ресторане.

Плеханов днем совершенно не выходил, посвящая эти часы работе, чтению и писанию, по вечерам же он относил свои статьи в редакцию, на конспиративную квартиру. Я тоже заменила свои дневные выходы вечерними. Здоровье мое требовало хотя бы небольших прогулок, кроме того, я вынуждена была от времени до времени выходить в условленное место на Невский проспект для свидания с сестрой моей А. М. Боград, на адрес которой я получала деньги и письма из дому. На эти свидания я отправлялась с большой осторожностью, делая перед этим большой круг. И вот однажды в темный вечер я пошла на Владимирский проспект, а оттуда — к Литейному, намереваясь дойти окольным путем до Гостиного двора, где должна была меня ждать сестра. Владимирский и Литейный проспекты были ярко освещены, и было много гуляющих. Я ходила не торопясь, наслаждалась свежим воздухом, вдыхать который в последнее время мне приходилось очень редко. Обернувшись случайно, я заметила на небольшом расстоянии от меня какого-то высокого господина в шубе с меховым воротником и в высокой меховой шапке. Не подозревая, что он следит за мной, я пошла дальше, но вместе с тем опасалась итти к месту свидания, раньше чем убедиться, что за мной действительно нет слежки. Я чувствовала, не оборачиваясь из-за осторожности, что этот господин идет по моим следам. Обернувшись еще раз около фонаря, я увидела его широкое лицо, хитрую, неприятную улыбку и сказала себе, что он следит за мной и так скоро я от него не отвяжусь. Я пересекла проспект и перешла на противоположный тротуар. Убедившись, что мой непрошенный провожатый продолжает свой путь прямо по Литейному, я повернула обратно в Графский переулок, решив отложить свидание с сестрой. Раньше чем зайти в наш дом, я обернулась и, не заметив моего непрошенного кавалера, направилась к себе, но по противоположному тротуару. Дошедши до уровня моего дома, раньше чем перейти улицу, я опять обернулась и, — о, ужас! — всматриваясь в темноту, так как переулок был слабо освещен, я замечаю, что из-под ворот торчит меховая шапка. Ясно было, что за мной по пятам идет или какой-нибудь ловелас или шпион. Оставалось одно: итти дальше. Я начала крутить моего спутника и, наконец, изможденная, вышла на Невский проспект. Будучи совершенно не в состоянии итти дальше, я села на извозчика; дав ему вымышленный адрес и прося его ехать поскорее. К счастью, около моего извозчика не было другого. Воспользовавшись этим обстоятельством, я, проехав известное расстояние и убедившись в том, что за мною нет погони, доехала благополучно до Графского переулка, остановившись несколькими домами раньше нашего дома. Я покинула нашу квартиру в 6 часов вечера, а вернулась около десяти. Этого со мною раньше не случалось. Прогулки мои длились полчаса, самое большее — час.

Мужа застала я в страшном волнении. Он был уверен, что я сделалась жертвой несчастного случая или что я выслежена и арестована. Теперь как быть? Неуверенная в том, что меня не проследили и что к нам не явится полиция, я настояла на том, чтобы Георгий Валентинович отправился переночевать на конспиративную квартиру. Мы условились относительно предупредительного знака, по которому он на следующее утро мог узнать, все ли в доме благополучно. Ночь прошла спокойно, никто не явился, а на следующее утро Плеханов вернулся, признавшись, что провел ночь без сна вследствие тревоги за мою судьбу.

V.

Познакомив читателя в общих чертах с внешними условиями нашей жизни в течение памятных для меня трех месяцев, предшествовавших эмиграции Плеханова, я займусь теперь описанием нашей внутренней жизни.

Я думаю, что не ошибусь, если назову этот короткий период жизни Плеханова одним из наиболее интенсивных

и плодотворных. Г. В. много читал, много работал над задачами, ставившимися тогда революционным движением. Это был период формирования организации «Черный передел», — выработки ее программы и тактики. Плеханов принимал самое живое участие в создании этой группы, в издании и редакции ее органа. Им был написан манифест этой группы, появившийся в конце 1879 г. в первом номере «Народной воли». Перу Г. В. также принадлежит передовая статья первого номера «Черного передела»: «О различии, существующем в постановке и способах решения социального вопроса на Западе Европы и в России». К этому же периоду относятся: его заметка «От редакции» и статья: «Черный передел». Обе эти статьи появились в первом номере.

Народнические идеалы его были еще не поколеблены, но в эту пору он уже стал задумываться относительно замечаемых им противоречий в русской социальной жизни, анализ которых явился несколько лет спустя содержанием его двух книг, составивших эпоху в русском революционном движении — «Социализм и политическая борьба» и «Наши разногласия». Мне живо помнится, какое глубокое впечатление произвела на него в ту знаменательную зиму книга статистика Орлова «Общинное владение в Московском уезде».

Это серьезное исследование, которое беспощадно било по той основе, на которой строили революционные народники все будущее народного счастья, вызвало драматический момент в жизни Плеханова. Не соглашаться с этими цифрами нельзя было. Эту книгу мы читали вместе, останавливались на каждом факте. Я помню страстные комментарии Плеханова по поводу этих фактов, которых он не оспаривал, но был горячо убежден, что горю можно еще помочь массовым революционным взрывом — «Черным переделом», который спасет общину от разложения. В это чтение Г. В. вкладывал все существо свое; казалось, что вопрос о том, быть или не быть общине, разлагается она или нет, — являлся для него вопросом жизни или смерти. По-моему, начало поворота в политическом и социалистическом миросозерцании еще мало, быть может, сознаваемого самим Георгием Валентиновичем, надо отнести к этому первому удару, который был нанесен революционным верованиям Плеханова книгой скромного статистика Орлова. В статьях этого периода, как в статьях «Поземельная община и ее вероятное будущее», помещенных в январской и февральской книжках «Русского богатства» за 1880 г., так и в других того же периода, сказывается это страстное желание отстоять то, что было главной его заботой революционера, а именно — основательность теоретическую и практическую народнического идеала. Но во всех этих статьях, по-моему, уже проглядывает маленький червь сомнения.

Поглощенный в течение дня работой, чтением и писанием, Георгий Валентинович по вечерам уходил на конспиративную квартиру, чтобы отнести статьи и повидать товарищей. Оттуда он приходил веселый и бодрый. Из его рассказов я знала, что дух группы вновь объединившихся товарищей был бодрый, — чувствовались сплоченность и гармония. Работа шла дружно, без диссонансов.

С особенным восторгом отзывался Георгий Валентинович о Вере Засулич, — об ее уме, остроумии и глубокой идейности. Уже в этот ранний период зародилось в Плеханове чувство любви и уважения к ней, которое не покидало его в течение всей его жизни. Он высоко ценил ее отзывы о его работах, всегда считался с ее мнением во всех вопросах революционной тактики и теории, а также придавал большое значение ее оценке людей.

За последние годы явилось много статей, монографий и даже крупные труды о Плеханове, о его жизни и деятельности. Об его отношении к Засулич говорится в этих произведениях очень немного, но и то малое, что сказано, крайне неудовлетворительно, так как дает совершенно ложное понятие о личности Засулич и о взаимоотношениях ее с Плехановым. В этих неверных описаниях она украшается такими семейными добродетелями, как любовью к детям, к животным, завистью к семейной жизни, которой у нее самой не было, даже любовью к хозяйству, чем она никогда не грешила. Во всем этом имеется лишь частица правды, но такое сентиментальное и одностороннее описание личности Веры Ивановны ведет к ложному пониманию крупной в нравственном и умственном отношении ее фигуры.

По своему широкому философско-литературному образованию и большому самостоятельному уму, В. И. составляла редкость среди женщин нашего революционного движения.

Интерес к философии вызвал у Веры Ивановны Плеханов. В этой области он был одновременно ее учителем и сотоварищем. Как учитель Г. В. часто восхищался способностями к отвлеченной мысли, блеском и оригинальностью своей ученицы.

Некоторые «наблюдатели» говорят о подчиненности Веры Ивановны Плеханову, даже о «рабстве» ее. Это просто смешно! Ни с кем Г. В. так не считался, как с ее мнением, во все революционные этапы своей жизни. Говорить о смущении ее перед Плехановым, о боязни в его присутствии высказать свое мнение — это значит совершенно не понимать сути их отношений друг к другу и нравственного образа Веры Ивановны.

О значении, которое имела Засулич в жизни Плеханова и его семьи, я расскажу подробнее, когда приступлю к описанию долгих лет нашей совместной эмиграции, теперь ограничусь только заявлением, что оно было велико.

Среди широких рабочих слоев Г. В. в описываемую мною здесь зиму не действовал, так как он был всецело поглощен делами организации «Черный передел», но он встречался с отдельными членами «Северо-русского рабочего союза» и главным образом — со своим давним приятелем Степаном Халтуриным. В одно из этих свиданий Г. В. с героем-пионером нашего рабочего движения Степан открыл ему свое решение — воспользоваться представившейся ему возможностью поступить на службу в Зимний дворец в качестве столяра, чтобы убить царя. В своей брошюре «Русский рабочий в революционном движении» Г. В. подробно рассказал о тех условиях, благодаря которым бесстрашному Степану удалось попасть в строго оберегаемый Зимний дворец. К Плеханову он обратился с просьбой свести его с кем-нибудь из организации «Народная воля», так как он находил более целесообразным для бо̀льшего успеха дела действовать от имени революционной организации. Кроме того, ему нужна была техническая помощь: добыть бо̀льшое количество взрывчатых веществ и совместно с террористами разработать план этого акта.

Я живо помню, с каким волнением Г. В. рассказывал мне о решении Халтурина. В душе Плеханова, видимо, боролись два чувства: с одной стороны, глубокое огорчение

по поводу того, что лучшая сила питерского пролетариата, в лице наиболее талантливого, наиболее светлого его представителя, идет по тому пути, который он считал вредным для роста и для достижения конечной цели русского революционного движения; с другой стороны, Г. В., видимо, гордился и восхищался смелым решением своего друга-рабочего. Он часто повторял мне в тот вечер: «Если бы ты знала, какая это смелая и замечательная личность! Революционный пыл, вдумчивость и чувство самоотвержения — все это соединяется в нем гармонично. Ужасно тяжело, что этот человек погибнет, не дав того, что он мог бы еще дать для русского рабочего движения. На терроре он погибнет без пользы, а революционное народничество осиротеет».

Отклонить Халтурина от принятого решения Плеханову, как известно, не удалось. В один из ближайших дней после выраженного Халтуриным желания Георгий Валентинович устроил ему свидание с Александром Квятковским. Затем 5/17 февраля 1880 г. Халтурин произвел взрыв, неудача которого причинила ему большие страдания. Пробовал он вернуться к своему любимому «рабочему делу», но логика раз принятого способа действий ставила свои неотразимые требования: Степан снова пошел на террор, приняв участие в убийстве военного прокурора Стрельникова, был захвачен на месте и спустя 24 часа был казнен. Плеханова эта трагическая смерть ученика и друга глубоко взволновала.

Возвратимся к нашей жизни в Графском переулке.

VI.

Могу с уверенностью сказать, что, если Плеханов остался целым и мог послужить в течение еще четырех десятилетий своей родине и Интернационалу, то это благодаря тому уходу и оберeганию со стороны друзей, которыми он был окружен в этот период разгула белого террора. Жизнь наша в Графском переулке, строго конспиративная, вдали от тех мест, где сосредотачивалась революционная молодежь, искусное исполнение нами ролей провинциальной дворянской семьи, приехавшей в столицу, чтобы посоветоваться с докторами и быть под их наблюдением, вполне убедили наших хозяек — добродушных немок — в нашей искренности. Они

часто приходили ко мне со своими советами, выражением симпатии к моему состоянию и т. д.

Одно большое неудобство вытекало из нашего звания провинциалов: эти добродушные немки здорово драли с нас за доставлявшиеся ими продукты, за обед и разные услуги. На выражения мною удивления по поводу больших счетов мне давался моими хозяйками безапелляционный ответ: «вы ведь Петербурга не знаете, у вас в провинции все дешево, а у нас здесь в столице все дорого». Не раз ловила я себя на сильном внутреннем желании сказать этим добродушным, но практическим сестрам: «Да мы Петербург лучше вас знаем». Читатель, конечно, понимает, что моя сдержанность в данных случаях была неизлишней.

Местожительство наше было окружено большой тайной: из товарищей, за исключением двух-трех лиц, никто на нашу квартиру не являлся. Я помню, приходили к нам О. В. Аптекман и Н. П. Щедрин, но и их посещения были чрезвычайно редки.

Осипа Васильевича я видела в последний раз весной 1879 года на одной из конспиративных квартир, организованных мною для пропаганды и занятий с рабочими. Он хорошо выглядел, был бодр, полон энтузиазма, но восемь-девять месяцев спустя я нашла его исхудавшим, с отпечатком большой грусти на лице, хотя он старался быть бодрым, шутил, смеялся. Ни на ком другом из бывших членов «Земли и воли» не отразился так болезненно раскол этой, казалось, глубоко спаянной, дружной организации, как на Аптекмане, человеке нежной, вибрирующей души. Он часто менял свои идейные увлечения; оставил юдаизм для христианства, увекался Лавровым, Бакуниным, стенька-разиновщиной и научным социализмом. Но в каждом своем увлечении он был неизменно искренен, полон пламенного энтузиазма. Среди друзей его прозвали «неистовым Виссарионом». В его натуре было действительно много общего с Белинским. Его нежная, любящая натура не могла вынести удара, нанесенного всем членам бывшей организации «Земли и воли». Он не мог пережить этой трагедии. Теперь я его увидела вскоре после его покушения на самоубийство, от которого его едва спасли, о чем я узнала по приезде в Петербург от Георгия Валентиновича. Мы надеялись, что

вновь возродившаяся организация, живое дело и дружественные отношения, связывавшие членов группы «Черный передел», будут лучшим для него исцелителем.

Николая Павловича Щедрина я видела тогда впервые. Мне понравилось его энергичное умное лицо. Плеханов отзывался о нем как о дельном, полном инициативы товарище. Оба, Аптекман и Щедрин, являлись к нему для совещания по редакционным делам, забирали у него иногда рукописи, чтобы таким образом ослабить для Плеханова необходимость показываться на улице и избежать лишнего риска.

Из близких знала мой адрес только моя сестра, но она к нам никогда не являлась. Свидания с ней я устраивала с соблюдением конспиративных предосторожностей по вечерам на открытом воздухе. Не знала адреса также и Т. В. Поляк. Я ей писала не раз из Петербурга, чтобы успокоить ее насчет нашей целости, и умоляла ее не оставлять Киева. С ее стороны не получалось никаких возражений по этому поводу. Я была далека от мысли, что моя подруга, вопреки своему здоровью и убийственному питерскому климату, не выдержит и явится в столицу в самый разгар зимней стужи и снежных заносов.

Мне живо помнится вечер, когда мы с Плехановым беседовали в теплой, уютной комнате, а за стенами бушевал холодный, морозный ветер. К нам постучались в дверь, я открываю, и вдруг передо мною — Поляк. В первый момент я почувствовала растерянность, и из груди моей вырвался горький упрек за сделанный ею безумный шаг.

«Как, в такое время ты решилась покинуть Киев и рисковать своим здоровьем!» — вскрикнула я, но, увидев печальный вид моего преданного друга, я крепко обняла ее и усадила. К ней подошел с лаской Плеханов, и она успокоилась. Адрес она узнала от моей сестры. Теофилия Васильевна знала о моей болезни и предвидела осложнения всякого рода как материального свойства, так и другие. Явилась она ко мне на помощь, не щадя ни здоровья своего, ни жизни, ни свободы: она знала, что, связав свою жизнь с нами, она подвергается огромной опасности со стороны властей. Но она всем пренебрегла, желая быть вблизи любимых ею людей в трудную минуту их жизни. Признаюсь, мне и Плеханову была бесконечно тяжела эта жертва. Я

лично в душе боялась еще того, что конспиративная обстановка, которая мною всячески оберегалась для целости Плеханова, будет нарушена, так как Теофилия Васильевна, очень известная и популярная в студенческих кругах того времени, могла быть узнана, а по ее следам могли выследить и наше жилище. Но мои опасения были напрасны. Предосторожности, принимавшиеся Теофилией Васильевной, раньше чем попасть к нам на квартиру, заслужили бы одобрение даже Александра Михайлова, виртуоза в области конспирации.

Месяц спустя после приезда Поляк в Петербург, когда наступил серьезный момент в состоянии моего здоровья и понадобились врач и сестра милосердия, моя подруга проявила чудеса самоотверженности, находчивости и выдержанности. Врач и сестра милосердия, призванные мне на помощь, были до последней минуты уверены в том, что они имеют дело с дворянами Семашко, ни на минуту не подозревая, что за этим именем скрывается крупный политический преступник, за поимку которого был назначен, как говорили тогда, значительный куш.

Благодаря присутствию Поляк Г. В. мог спокойно предаваться своей работе по писанию статей для «Черного передела», зная, что за мной будет любящий и умелый уход. Все кончилось благополучно: через две недели после операции я была уже на ногах. Одна только тревога была у меня: предстоявшая разлука с Георгием Валентиновичем.

Описанные мною выше условия нашей жизни в Графском переулке, превосходные в конспиративном отношении, были очень неблагоприятны для теоретических работ Плеханова; между тем он чувствовал свою ответственность теоретика революционного народничества больше, чем раньше. После разделения «Земли и воли» Г. В. был почти единственным обоснователем этой теории. В ту раннюю пору своей политической жизни он был уже крайне требователен, когда дело касалось революционной литературы. *И прежде всего эту требовательность применял он к себе.* Статьи свои он много раз и тщательно исправлял. В ту пору нашей совместной жизни я была почти постоянным его секретарем. Он, бывало, продиктует начало какой-нибудь статьи. Мне кажется это начало превосходным. Но он не удовлетворялся: «Нет, брось, бери другую страницу». Следовало новое начало, а потом третье, четвертое. Я удивлялась тому, что мысль с каждым разом выходила отшлифованнее, красивее. Эта требовательность к себе, эта тщательность в обработке своих статей не покидали его до конца жизни. Диктуя мне свою последнюю статью «А. В. С.» в январе 1918 года во французской больнице, уже тяжко больной, Плеханов проявил такое же богатство образов, выражений и мыслей, как в лучшую пору расцвета своего литературного таланта: я много раз меняла страницы для новых «начал», зачеркивала одно выражение, чтобы заменить другим, зачеркивала целые фразы, чтобы заменить другими, более рельефными, более краткими. Но все сказанное мной относится к внешней обработке статей. Что же касается внутреннего их содержания, Георгий Валентинович еще в ту пору, в 1879 году, когда мы жили в Питере в Графском переулке, прилагал все силы, чтобы они были на высоте научных требований своего времени. Недостаточность первоисточников, оригинальных работ вызывала в нем часто глубокую неудовлетворенность, — у него вырывалось тогда: «Так писать нельзя! Надо учиться... Если бы мне хоть годика два поработать на свободе, в большом культурном центре! Наша революционная литература невежественна потому, что статьи пишутся наспех людьми без достаточного образования; между тем надо поставить революционную литературу на большую высоту, чтобы общество не имело права относиться к ней сверху вниз! Тогда только наша литература будет иметь влияние».

Как ни старалась редакция о доставлении Георгию Валентиновичу книг, нужных для работы, книжный голод был силен в Графском переулке. Публичная библиотека, где зимой 1878 года Плеханов проводил почти все время, свободное от революционных дел, сделалась недоступной. Полного удовлетворения от работы при таких условиях у Плеханова быть не могло. Но, несмотря на это и несмотря на постоянные угрозы его свободе и жизни, Плеханов весь был погружен в проведение на практике планов группы «Черный передел».

Мысль о том, чтобы покинуть Петербург, даже на время, казалась бы ему чудовищной: дело требовало напряжения всех жизненных сил...

Между тем белый террор, после взрыва народовольцами поезда под Москвой 19 ноября 1879 г., принял зловещие размеры. Повальные обыски и аресты заставили задуматься многих из членов организации, и перед ней был возбужден вопрос о том, насколько целесообразно подвергать риску попасть на виселицу членов ее, являвшихся решительными противниками террора, но, по неосведомленности властей, признаваемых его защитниками. Раз поставив этот вопрос, все, за исключением четырех лиц, которых он касался, не только высказывались, но и энергично настаивали на наивозможно скорейшем выезде за границу, хотя бы на время, Плеханова, Засулич, Дейча и Стефановича.

Георгий Валентинович по возвращении в Графский переулок после первого собрания, на котором был поднят этот жгучий вопрос, сообщил мне о требовании организации. Мы вместе долго его обсуждали, и оба пришли к заключению, что теперь, когда после долгих затруднений организация «Черный передел» почти стала на ноги, когда в ее рядах имеются крупные революционные работники, бросить все и скрыться за границу не следует. Это будет равносильно измене делу. Надо держаться, хотя бы некоторое время, надо укрепиться на расстроенных постах в провинции и завоевать новые вместо потерянных при расколе «Земли и воли». Я лично испытывала чувство человека, у которого разбито будущее, казавшееся ему прекрасным, разбита цель, к которой я стремилась всеми силами души, — это сжечь корабли, бросить медицину, близкое получение диплома и все связывавшие меня личные путы и вместе с человеком, в которого я верила, броситься в революционное движение без оглядки, без сожаления. И вдруг эта лелеянная мечта приведется к прозаическому отступлению — поездке на чужбину.

Но товарищи, закаленные в долгой борьбе, были благоразумнее меня и даже Плеханова, который упирался не из романтических мотивов, а из опасений более глубоких — потери почвы под ногами вследствие отъезда даже на короткое время главных деятелей, членов молодой еще, неокрепшей организации.

Изо дня в день товарищи продолжали все упорнее настаивать на необходимости поездки за границу четверых

намеченных лиц. По их мнению, от их медлительности пострадает вся организация. Скрыться надо на время, чтобы оборвать преследования. Работа в конечном счете от этого только выиграет.

Когда после настойчивых и долгих убеждений товарищам удалось склонить Г. В. на поездку за границу, он вскоре затем сам стал находить в ней положительную сторону — возможность пополнить свои знания, проверить правильность своих революционных убеждений.

12 января 1880 г. мы оставили с сожалением нашу уютную квартиру в Графском переулке и разъехались в разные стороны: Теофилия Васильевна с 14-дневным новорожденным ребенком, Верочкой, переехала на Пески в дом Николаева, где в нанятой предварительно квартире ждала ребенка кормилица; Плеханов переехал на несколько дней на конспиративную квартиру, а я, еще не настолько оправившись, чтобы бравировать полицию и тюрьму, отложила свое решение «выплыть на поверхность», т. е. принять легальный образ, отправилась к писателю Златовратскому, в семье которого мне предложили приют.

В этой милой семье я пробыла неделю. С благодарностью и с очень теплым чувством я вспоминаю, с какой заботливостью и вниманием относились ко мне симпатичная жена писателя и незабвенная его сестра, моя бывшая приятельница, студентка медицины, и сам Златовратский. На эту квартиру приходил ко мне ежедневно до отъезда за границу Плеханов. Тут же мы с ним простились, не уверенные в том, что скоро увидимся. Ему предстоял опасный путь при тогдашних строгостях на границе, мне грозила тюрьма и ссылка.

Несколько дней спустя, насколько мне помнится 3/15 января, Плеханов покинул Россию, а после трех недель тревожного ожидания я получила известие, что он доехал благополучно до Женевы.

Чтобы закончить с этим периодом жизни Плеханова и моей, я позволю себе занять внимание читателя рассказом о дальнейших перипетиях моей жизни до того времени, когда мне удалось самой вырваться из лап полиции и последовать за Георгием Валентиновичем в Швейцарию.

VII.

У Златовратских я оставалась около недели. По истечении этого времени я заметила, что мое дальнейшее пребывание у этих милых людей становится для них тягостным, что их тревожит возможность обыска и моего ареста. Хотя мои друзья никаких намеков мне не делали, но я видела это по их грустным, встревоженным лицам. Тогда я решила переговорить с сестрой Златовратского напрямик, прося ее, не стесняясь, сказать мне правду. Из ответа моей приятельницы я поняла, что мои подозрения справедливы. Надо было покинуть квартиру Златовратских и как можно скорее, чтобы не заплатить моим друзьям злом за сделанное ими мне добро. Тогда мне явилась на помощь другая моя молоденькая приятельница, студентка медицинских курсов, 18-летняя М. А. Кланг, живая, энергичная, увлекавшая сверстниц своим революционным пафосом. Она была на несколько лет моложе меня, была слушательницей 1-го или 2-го курса в то время, когда я уже окончила медицинскую школу. Познакомились мы с ней на одном из студенческих собраний, где мне и ей пришлось выступить в защиту участия наших курсов в одной из революционных манифестаций, и Мария Александровна произвела на меня чарующее впечатление своей искренностью и революционным темпераментом. Мы с ней сделались большими приятелями. За девять месяцев нашей нелегальной жизни я ничего не слыхала о ней. Явилась она теперь ко мне по моему первому зову.

Переехать на квартиру к Теофилии Васильевне Поляк я еще не могла: здоровье мое расшаталось из-за слишком скорого переезда с Графского переулка и пережитых волнений; мне необходимо было еще недели две пробыть в спокойной обстановке.

М. А. Кланг сейчас же нашлась: она отыскала моего старого знакомого д-ра Строгонова, когда-то студента военно-медицинской академии, а теперь занимавшего место дворцового врача при Петергофском дворце. Он без колебаний согласился приютить меня у себя на квартире в Петергофе. Помню, как мы поздно ночью, чтобы не обратить внимания полиции, покинули квартиру Златовратского и в санях по кочковатым дорогам двинулись в Петергоф. Я помню, как

будто это было недавно, как болезненно во всем моем теле отражались встряхивания саней, как трескучий мороз залезал за воротник и в рукава и безбожно жег лицо. Но в Петергофе я встретила радушного хозяина, стараниями которого я была уложена в постель и обложена горячими бутылками. Я почувствовала себя счастливой в уюте и тепле, окруженная милыми, хорошими людьми.

Мария Александровна ходила за мной, как мать родная; состояние мое значительно улучшилось, и было совсем пошло на поправку, когда десять дней спустя после моего приезда, в один прекрасный вечер, вернувшись с работы, милый доктор Строгонов, волнуясь, сообщил мне, что его только что остановил местный полицеймейстер и заявил, что ему достоверно известно, что у него скрывается какая-то молодая женщина.

По его заверениям, он ничего против этого не имеет, но если узнают низшие власти и донесут об этом, то пострадает он лично, да и доктору не сдобровать. При этом блюститель власти дружески посоветовал доктору заявить мне, что дальнейшее мое пребывание у него опасно и для меня и для него.

Пришлось покинуть радушного хозяина на следующее же утро. Но на этот раз я была утомлена от скитаний и решила направиться на квартиру, где жила Теофилия Васильевна и находился мой ребенок, моя милая Верочка, по которой я сильно стосковалась.

Я застала своего ребенка здоровым, хорошо обставленным: при нем была молодая здоровая кормилица, а мой друг Т. В. Поляк не чаяла в нем души, отдавала ему все свое время и обставила его по всем правилам гигиены. Я могла спокойно отдаться занятиям по медицине и отчасти конспиративным делам.

Я усердно принялась за занятия, имея в виду сдать окончательный экзамен для получения диплома. Хотя я была уверена в том, что в России на свободе мне не придется воспользоваться своим дипломом, но я думала, что вообще не следует терять плодов своей пятилетней работы. Куда бы меня ни забросила судьба, за границу ли для совместной жизни с Плехановым, к чему мы оба стремились всеми силами души, или меня отправят в далекую Сибирь, у меня

будет в руках средство для борьбы за существование и для сношения с людьми, чем всегда должен дорожить революционер.

Работала я, что называется, не покладаючи рук, часто засиживалась до глубокой ночи или даже проводила целые сутки совсем без сна. Я была уверена в успехе, так как на экзаменах я не терялась и считала себя достаточно подготовленной к ним. Но случился казус, который опрокинул все мои надежды.

Мы переживали эпоху «диктатуры сердца» Лорис-Меликова. Всем хотелось верить, что наступила новая эра на нашей великой, но злосчастной родине, что диктатор наделен всевозможными качествами, добротой, рыцарством, симпатией к молодежи и т. д. Вокруг Лорис-Меликова еще шли разные легенды, более или менее окружавшие его ореолом либерализма.

Как только я приехала в квартиру Теофилии Васильевны, ко мне явился студент А. О. Дукат и подруга моей сестры, Анны Марковны, студентка Бестужевских курсов А. Попова, и рассказали мне о мытарствах сестры. Она была жертвой беспрестанных преследований полиции и обысков, в надежде через нее напасть на следы Плеханова. Благодаря всем этим преследованиям она не могла получить свидетельства о поведении, требовавшееся для продолжения учения на курсах, из которых она была исключена. А между тем моя сестра, глубоко сочувствовавшая революционному движению, не имела к нему непосредственного отношения, хорошо училась и была на хорошем счету у дирекции Бестужевских курсов. Будучи очень любима и популярна среди товарок за доброту, бойкость и остроумие, она вызвала своими невзгодами среди них большое к себе сочувствие. Как быть? Ясно было, что ее смешивали со мной. Я чувствовала себя глубоко виноватой перед нею, и голос долга говорил мне, что я обязана рассеять это недоразумение. До чего полиция тогда не разбиралась в объектах своих преследований, видно из факта, рассказанного тогда же мне друзьями моей сестры.

Вскоре после взрыва под Москвой в ноябре 1879 г., когда она отправлялась домой к родителям, поезд, в котором она находилась, был остановлен на одной из подмосковных станций на довольно продолжительное время; сестру мою вызвали в кабинет начальника станции и устроили ей очную ставку с какой-то деревенской бабой, которую пригласили опознать в моей сестре лицо, имевшее отношение к взрыву. Сестра моя, А. М., была светлой блондинкой, довольно полной, невысокого роста, со свежим лицом, серыми глазами. Когда мне рассказали эту историю, мне стало ясно, что разыскивали Софью Перовскую, а внешний вид моей сестры несколько подходил к тому образу, который нарисовала крестьянка, должно быть, бывшая владелица дома, из которого вели подкоп для взрыва царского поезда под Москвой. К счастью, ответ крестьянки был решительно отрицательный, и сестра смогла благополучно доехать до родных.

Глубоко тронутая всеми незаслуженными неприятностями, которые, как из рога изобилия, сыпались на невинную голову моей сестры, я обратилась к тогдашнему диктатору Лорис-Меликову, с прошением и как *старшая* сестра описала несправедливое преследование, которому подвергалась Анна Марковна БограД, прося его разобрать ее дело, причем я выразила уверенность в том, что, познакомившись с ним, он сам убедится в ее полной политической невинности, а убедившись в этом, он распорядится о выдаче ей свидетельства о поведении и об обратном приеме ее на Бестужевские курсы. Лорис-Меликов поступил очень галантно: он дал распоряжение расследовать дело не Анны Бограл, а сестер Бограл. А так как сестры моей не было в Петербурге, то все старания полиции были устремлены в мою сторону. Словом, я обратила своей собственной наивностью внимание на себя после почти годового забвения. Шпионы ходили по моим пятам. Но между подачей мною прошения, — о чем между прочим я глубоко жалела после казни Млодецкого, но дело было уже сделано, — и замеченной мною слежкой ушло много времени, и я могла, ничего не подозревая, готовиться к экзамену.

Наступил последний. В первую серию вошли предметы по теоретической анатомии, физиологии и гистологии.

Я живо помню, как перед входом в экзаменационный зал я со своими подругами ходила по коридору и лихорадочно проверяла с ними свои знания. Вдруг входит директор наших курсов ген. Вильчковский в сопровождении

какого-то незнакомого господина, представительного и очень прилично одетого. Поровнявшись с нашей группой, незнакомец после тихого к нему обращения Вильчковского очень пристально на меня посмотрел. Этот взгляд меня поразил.

Начался экзамен. За столом сидели проф. анатомии, пресловутый Ландцерт, проф. Бакст и директор курсов ген. Вильчковский. Меня приглашают к экзаменационному столу. Проф. Ландцерт предлагает мне вопрос по анатомии. Мой ответ вызвал сперва у проф. Ландцерта одобрение. Но тут он спохватился: «Вы нарисуйте!» Я нарисовала, как мне представлялось. «Это не так!» Я опять повторяю устное описание в объяснение моего рисунка. Я вижу вполне одобрительное лицо проф. Бакста и его удивленно-вопросительные глаза, направленные в сторону Ландцерта. Я упрямо настаиваю на своем. Я слышу неодобрительный шопот и волнения среди курсисток, занимающих скамьи аудитории. До меня доходят отдельные восклицания: «Это возмутительно! Это придирки! Это не экзамен!» Разъяренный Ландцерт задает мне вопрос из другой области — ставит его очень туманно, ясно для того, чтобы меня сбить.

После моих ответов он, повысив голос, заявил: «Это не так». Я ясно почувствовала, что Ландцертом руководит какая-то тайная цель срезать меня. Тогда, встав из-за экзаменационного стола, я молча ушла.

В тот же день и на следующий ко мне приходили товарищи по курсу с выражением мне сочувствия и настаивали, что так оставить дело нельзя. Они предлагали выбрать депутацию из курсисток к начальнику школы Вильчковскому и настоять перед ним, чтобы он объяснился с Ландцертом и потребовал для меня переэкзаменовки. На этом особенно настаивал известный тогда профессор окулист Добровольский. Но после постигшей меня неудачи меня охватили усталость и раздумье. Вся моя жизнь за последние месяцы, с момента отъезда Георгия Валентиновича, показалась мне в высшей степени ничтожной, а экзамены, дипломы и все те соображения, которые мною руководили в моем стремлении во что бы то ни стало окончить мое медицинское образование, добиться диплома, — ненужной, напрасной потерей времени.

Я не последовала советам и настояниям моих товарищей и погрузилась в общественные интересы и работу.

Поведение Ландцерта, у которого я держала уже несколько раз переходные экзамены и никогда не видела с его стороны придирок, ввергло меня в недоумение: что случилось? Скоро все выяснилось.

Одновременно со мной держала экзамен одна лавристка — Криволуцкая, женщина уже пожилая, много работавшая в лавристских кружках и не пользовавшаяся поэтому хорошей политической репутацией в глазах полиции. Вышло так, что как раз накануне последнего дня экзаменов ее пришли арестовать и заявили ей, что получен приказ о высылке ее в Архангельскую губернию. Когда она запротестовала перед приставом, заявив, что как же ее арестовывают и высылают как раз перед окончательным экзаменом, этот царский сбир сжалился над бедной студенткой и посоветовал ей сейчас же, немедля, сходить в департамент полиции, чтобы выхлопотать отсрочку высылки на 2-3 дня. Доброта этого человека дошла до того, что он даже сам вызвался ее проводить к начальнику полиции. По дороге к последнему он заговорил с ней по душе, рассказал, что у него самого сын студент и что поэтому он сочувствует молодежи в ее борьбе с нашими порядками. «Вы не говорите, — советовал он ей, — что вам надо держать экзамен, попросите просто отсрочки на несколько дней по семейным или другим обстоятельствам, иначе с вами поступят точно так, как со студенкой Розалией Боград. Я получил, — продолжал он, — распоряжение от департамента полиции организовать за ней слежку. Не имея о ней никаких сведений и не зная ее в лицо, я решил отправиться к директору медицинской школы, ген. Вильчковскому, в надежде, что он мне поможет в этом отношении. Попал я как раз в момент экзамена, и Вильчковский очень любезно предложил мне пойти с ним в коридор, где собрались студентки, среди которых он мне укажет ее, что он и сделал. Потом я узнал, как несправедливо проф. Ландцерт поступил со студенткой Боград. В этом виноват был Вильчковский, который рассказом своим о моем посещении настроил проф. Ландцерта против экзаменующейся».

Этот рассказ я услышала из уст самой Криволуцкой вскоре после этого происшествия. Как просто и патриар-

хально! Полиция и начальство высших женских курсов обменивались дружескими услугами и нежно поддерживали друг друга.

VIII.

Свободная от медицины, я начала посещать собрания молодого народнического кружка, основанного Аксельродом после разгрома организации «Черный передел», происшедшего вследствие предательства наборщика Жаркова. Как известно, это случилось 22 января (3 февраля) 1880 г., следовательно, всего неделю спустя после отъезда Георгия Валентиновича и товарищей. Таким образом, останься они в Петербурге, они, несомненно, также погибли бы. Кружок, основавшийся после разгрома «Черного передела», занимался пропагандой среди питерских рабочих и их организацией. Мое намерение было принять живое участие в делах этого кружка, который в то время был еще в периоде формации.

От Плеханова я получала между тем письма с просьбами приехать к нему за границу. Личное мое чувство говорило мне, что это надо сделать, но мне казалось преступлением отдаться личному чувству, когда передо мной стояли общественные задачи. Кроме этого, у меня было, как у многих из тогдашней революционной молодежи, разное отношение к эмиграции или к ссылке и каторге.

Впоследствии я испытала на себе и своих близких, какой ужас представляет собою эмиграция, заброшенность в чужие края, с ее материальными и другими невзгодами. Я узнала, что радостная надежда пожить полной, свободной жизнью, учиться и наблюдать западное социалистическое движение разбивается в прах из-за необходимости отдать все свои силы на заботы о хлебе насущном. Я убедилась позже, что удел этот часто хуже ссылки, каторги и крепости. Но в то время, когда передо мною стоял вопрос: уехать ли за границу к любимому человеку и посвятить ему все свои силы, или остаться здесь в России и взяться целиком за революционное дело, во мне говорило не личное чувство, а сознание общественной обязанности.

«Если бы любимый мною человек, — думала я, — был сослан в каторгу, я бы считала своей обязанностью последовать за ним, так как моя близость нужна была бы ему для поддержки его моральных и физических сил. За границей он на свободе, поддержка моя ему ненужна, и, как бы слабы ни были мои силы, я их должна отдать народу и революции».

Я живо помню пережитую мною борьбу и страдания. На помощь мне опять явилась серьезная и рассудительная Евгения Рубанчик. После одного из собраний нашего кружка мы с ней разговорились о жизни Георгия Валентиновича за границей, здоровьи его, письмах и т. д. Я ей рассказала все, что знала о нем, и вместе с тем как с близким человеком поделилась переживаемыми муками. Е. Рубанчик, выслушав меня очень внимательно, заявила мне твердо и решительно, с глубоким убеждением: «Плеханов стоит того, чтобы отдать ему жизнь. Этим, — сказала она, — вы больше сделаете для революции и русского народа, чем покинув его и отдавшись общественному делу. Поезжайте, Розалия Марковна, и как можно скорей».

Впечатление, произведенное на меня словами Рубанчик, было очень глубокое. Я почувствовала свою вину перед моим другом: я усомнилась в нем, в его большом будущем. Эти мысли меня мучили, точно я его глубоко оскорбила. После нескольких дней борьбы и бессонных ночей я решила пробраться за границу к Георгию Валентиновичу.

Помню, что заявление о моем решении членам аксельродовского кружка было встречено скорее холодно, с неодобрением. Но, примирившись с фактом, кружок решил дать мне одно очень важное поручение: переговорить с проф. М. П. Драгомановым и передать ему коллективное письмо с просьбой оказать питерскому кружку литературную поддержку и стать в более близкое идейное отношение к представителям «Черного передела» за границей. На этом письме сказалось влияние П. Б. Аксельрода, которого молодой кружок петербургских чернопередельцев считал своим духовным отцом. На одном из собраний, состоявшемся до моего отъезда, был выработан общий план письма, и мне же поручили его написать. Письмо мое в измененном виде было мне же поручено для личной передачи М. П. Драгоманову. В кружке под влиянием П. Б. Аксельрода питали большое уважение к этому ученому и считали очень желательным его присоединение к заграничной группе «Черный передел».

Этот шаг со стороны петербургского кружка доказывал наше полное незнание того, что делалось в кругах женевской эмиграции: там в это время происходили между Плехановым, Дейчем, Дикштейном, Мендельсоном и др., с одной стороны, и Драгомановым, с другой, столкновения на почве понимания задач русской революции. Эти столкновения в скорости, еще до моего приезда, дошли до настоящей битвы. Письмо петербургского кружка, написанное в примирительных тонах, уже не могло быть передано мною по назначению, так как ни о каком примирении не могло быть и речи. В этом смысле было написано петербургскому кружку, который, как мне помнится, недоумевал и был недоволен тем, что я не исполнила взятого на себя поручения. Исполнить же у меня не было никакой возможности. Сделать это равносильно было разрыву с главными основателями группы «Черный передел», чего, конечно, петербургская группа не имела в виду.

Вернемся к рассказу о последних днях моего пребывания в Петербурге и на родине.

IX.

Лорис-меликовские «старатели» сделались еще более заметными, более открытыми, сняли с себя, что называется, маски и почти не давали мне проходу. Как только я выходила из ворот пресловутого дома Николаева, где помещалась квартира Поляк, и который сверху до низу был усеян студенческими коммунами и семьями, за мной с дворницкой скамейки подымался какой-то субъект, как мне помнится, рыжий, с неприятной физиономией, в тулупе. Это было так явно и наивно, что не надо было быть изощренным в конспиративных делах, чтобы сразу догадаться, что этот субъект приставлен ко мне. Чтобы сбить с толку этого непрошенного провожатого, я доводила его до Николаевского госпиталя, входила в главный подъезд, у которого он дожидался моего возвращения, а сама, походивши некоторое время по коридорам и по палатам, выходила через противоположный подъезд в сад, а оттуда направлялась по своим делам, на заседания кружка, конспиративные собрания, или к друзьям своим, которые все были на плохом счету у полиции.

Плохие были слуги у Лорис-Меликова. Повидимому, уступая своему «либерализму», он переменил старый штат на свежий, а последний был наивен и добродушен. Тот самый пристав, который приходил на мои политические «смотрины» в Николаевский госпиталь, очень наивно жаловался полусердито-полуодобрительно на меня приятельнице моей Криволуцкой за то, что приставленному ко мне человеку приходится стоять долго и ни с чем возвращаться в участок. Были и другие признаки сильной слежки за мной и за моей квартирой.

В конце апреля, однажды между одиннадцатью и двенадцатью часами ночи нагрянула к нам полиция в довольно большом составе: пристав, околоточный надзиратель, понятые и несколько дворников нашего дома; с ними была старуха с очень запуганным видом; функция ее состояла в более интимном осмотре одежды женщин. Перерыли все, возились с нами до двух часов утра; с меня снимали обувь, чулки, стучали по стенам и половицам, не трогали только детской кроватки и спокойно спавшего там ребенка. А под матрациком его лежала вещь, которая была бы большой находкой для полиции, — письмо Плеханова из Женевы. Полиция продолжала разыскивать Плеханова в Петербурге и в России, в то время как он уже четыре месяца жил в Женеве и вел ярую борьбу с нереволюционными и несоциалистическими элементами нашей эмиграции. Но со дня на день она могла узнать, что он находится в Женеве, и разделаться со мною за все мои грехи.

Мое положение становилось все более и более затруднительным. Для меня и моих друзей было ясно, что меня не сегодня-завтра арестуют и что полиция колеблется сделать этот окончательный шаг только потому, что не теряет надежды дойти по моим следам до места, где скрывается Плеханов. Я поторопилась с приготовлениями к отъезду прежде всего моей семьи, т. е. Т. В. Поляк с ребенком и кормилицей.

Быть арестованной раньше устройства этих дорогих мне существ было бы настоящей катастрофой. Наступили ясные майские дни, которыми я воспользовалась, чтобы отправить ребенка и Т. В. в Киев. Я лично провожала их на вокзал. Когда они уже были усажены в вагон и шел обмен по-

следними приветствиями, я заметила около окна нашего вагона двух молодых людей, которые говорили, жестикулируя и указывая на наше окно. Через несколько минут один из них, вошедши в вагон, прямо направился к нашей группе, поинтересовался нашими билетами и местом назначения поездки, причем совершенно успокоился, когда я заявила ему, что еду не я, а только моя подруга с ребенком. Нетрудно было догадаться, кого представляли собой эти любопытные люди. Они стояли перед вагоном, пока я не вышла и поезд не двинулся с места. Любезно, приподнявши шляпы, они ушли.

В этот же день я покинула свою квартиру на Песках и переехала к одной молодой женщине, у которой часто жила революционная молодежь, считавшая ее своим человеком. Соглядатаи мои не смутились и тоже переменили место стоянки. Мне надо было теперь применить всю свою ловкость, чтобы уйти от них и незаметно уехать. Но для того, чтобы двинуться с места, мне нужны были мои бумаги, которые, по правилам того времени, были отданы мною в медицинскую школу. Я обратилась к дворнику, который потребовал у меня свидетельство в первый же день моего въезда на новую квартиру для прописки. Но документ мне не возвращали в течение всего времени пребывания моего у новой хозяйки, несмотря на неоднократные обращения дворника в участок, и, наконец, дворник заявил хозяйке, что свидетельство не возвращается, и, как ему кажется, его намеренно задерживают... По какой причине — ему неизвестно... Дело было ясно, дожидаться возвращения бумаг было бы очень рискованно: вместо поездки за границу мне готовилась другая дорога в «не столь отдаленные» или «очень отдаленные» места матушки России. Поговорив с хозяйкой, извинившись за хлопоты, доставленные ей, и которые, быть может, еще достанутся ей, я поздней ночью с небольшим багажом двинулась на Варшавский вокзал, а оттуда круговым путем — в Одессу. Будучи почти уверена, что полиция явится на покинутую мною квартиру, я оставила дома на столе письмо, в котором заявила, что еду в Черниговскую губернию, где получила место земского врача, причем протестовала в письме против задержки моего свидетельства, которого я не могла дождаться, рискуя опоздать на медицинский пост, где я экстренно нужна.

Перед отправкой на Варшавский вокзал я заехала к студенту-медику А. О. Дукату, которому я объяснила причину моего внезапного отъезда, и просила его известить меня телеграммой в Одессу условным текстом, явилась ли полиция на мою квартиру для моего ареста или нет. Эта телеграмма мне нужна была для того, чтобы решить, где устроить мое свидание с родителями перед отъездом моим за границу, — в родном ли моем городе, Херсоне, или выписать их в Одессу. Было ясно, что, явись обойденная мною полиция на мою квартиру, она немедленно даст знать сначала в Черниговский уезд и, не добившись там толку, в мой родной город Херсон — о моей задержке. Я рисковала быть арестованной на глазах у моих родных. Этого горя и «позора» для них я не хотела им доставить.

Через несколько дней по приезде моем в Одессу получилась телеграмма, которой иносказательно, как было у нас условлено, А. О. Дукат дал мне знать, что ехать в Херсон мне не следует. Действительно, как я узнала впоследствии, к моей хозяйке через два дня после отъезда явилась полиция, чтобы арестовать меня и, не нашедши меня, устроила бурную сцену хозяйке и подвергла ее аресту за то, что она выпустила меня из квартиры, не известивши полицию. К моему успокоению, арест этот длился всего несколько дней и остался без последствий для доброй женщины.

Убедившись по приезде в Одессу в том, что к родным в Херсон ехать не следует, я решила их вызвать на свидание со мной. Тут начались для меня тяжелые переживания, остроту которых я не забыла, несмотря на много десятков лет, протекших после этого. Я не хотела уехать из России, не повидавшись с родными, думая, что этим я причиню им большие страдания. Но то, что произошло, когда я им заявила, что вынуждена эмигрировать на время, превзошло самые мрачные мои опасения.

Первым ко мне явился отец. То обстоятельство, что я не поехала к ним, а вызвала их в Одессу к себе, уже наполнило его душу мрачными предчувствиями. Когда же я изложила ему, что вынуждена на время эмигрировать, скрыться от преследований, чтобы не быть арестованной, то, как я ни старалась смягчить удар, последний был все-таки чрезвы-

чайно силен. Горе и отчаяние его были беспредельны. Он предвидел то, что случилось, так как знал, что я уже несколько лет перед этим пристала к революционному движению. Херсонская полиция часто его беспокоила из-за меня всякими допросами о том, сколько он мне посылает денег и почему посылает так много. Бедный отец мой, чтобы отклонить от меня подозрения, придумывал разные объяснения, вроде того, что посылает мне на костюмы, на теплую одежду, на библиотеку, на книги и т. д. Он отлично знал, куда идут присылаемые им мне лишние суммы, но никогда не приходило ему в голову упрекнуть меня или не исполнить той или иной денежной моей просьбы. У него была добрая, широкая душа, никогда он не отказывал в помощи бедным студентам и скрывавшимся революционерам. Я находила в отце всегда глубокую симпатию к молодежи, к ее увлечениям, ее способности к самоотверженности, но он не думал о том, что за все это молодежи приходится расплачиваться, и гнал от себя мысль, что его собственная дочь навлечет на себя правительственные гонения. Он увидел на этот раз в моем увлечении революционными делами, которое привело меня к эмиграции, равнодушие к семье, к ее интересам и страданиям, неблагодарность в ответ на его нежные заботы и бесконечную любовь ко мне.

Мне тяжело было выслушивать упреки, я старалась всячески утешить его и, видя, что ко всем этим чувствам примешивается еще и ущемленная гордость в том, что я не оправдала его мечтаний, его веры в меня, я обещала ему закончить медицинский факультет и получить диплом за границей, если этого нельзя будет достигнуть на родине. Утешила его тем, что я недолго останусь за границей, что я еду только для того, чтобы замести следы, как это я сделала уже раз, уехав из Петербурга в Киев.

После тяжело проведенной ночи отец как будто успокоился и первый заговорил о практическом осуществлении моей поездки. Он взялся достать мне заграничный паспорт на имя моей кузины Ольги Шнейдеровой, для чего ему нужно было вернуться в Херсон. Меня же он проводил в свое имение «Дальницкие хутора», на расстоянии 20 верст от Одессы, и устроил меня там, поручив своему управляющему и жене

его хорошенько обо мне позаботиться, откормить меня, дать в мое распоряжение лошадь для прогулок и т. д.

Измученная и исхудавшая за все эти последние месяцы усиленных занятий и разных тревог, я очутилась в прекрасной местности, на лоне природы, в хороших условиях материальной жизни. Я быстро поправилась и поздоровела. Одного я боялась и вместе с тем желала — приезда моей матери, которая запоздала на свидание со мной вследствие невозможности обоим главам семьи оставить херсонский дом. Я опасалась ее страданий, слез и отчаяния. Мне припомнилось то беспредельное горе, которое вырвалось из ее груди потоком слез, мольбы, год перед этим, в апреле 1879 г. [1])

Но на этот раз мать поразила меня своим тактом и сдержанностью: ни слова упрека. Ее заботливость, внимание ко мне и беспредельно любовное отношение тронули меня до глубины души.

Она отнеслась к моей поездке, к разлуке со мной, может быть, продолжительной, а может быть, и вечной, как это и случилось, с какой-то необыкновенной ясностью ума и чувства: от судьбы не уйдешь, — надо ясно и прямо смотреть ей в глаза и не падать духом. Своей бодростью она подкрепила и мой дух. Она сама позаботилась о том, чтобы изменить мою внешность для проезда через границу, заказала мне изящный костюм, приготовила мне русую косу, так как

[1]) В своей статье «Периферический кружок «Земли и воли» я уже писала, что в начале апреля 1879 г., перед покушением Соловьева на жизнь Александра II, по настоянию Клеточникова, Никандра Мощенко, Александра Михайлова и других членов организации «Земли и воли», мы с Г. В., покинув Петербург, направились, для того чтобы скрыться на время от глаз полиции, в Таганрог и Ростов-на-Дону. Неуверенная в завтрашнем дне, ожидая ареста, я решила заглянуть к родным, чтобы повидать их, быть может, в последний раз. Я застала отца в постели, поправляющимся после опасного рожистого воспаления лица. Мое внезапное, неожиданное появление, совпавшее как раз с газетным известием о выстреле Соловьева, очень взволновало его. Тут еще подлил масла в огонь мой молодой дядя; когда после первых приветствий отец спросил меня, читала ли я только что появившуюся телеграмму в газетах о покушении на царя, мой молодой дядя сказал: «Роза, может быть, покинула Петербург, потому что заранее знала о готовившемся покушении». Это было сказано в присутствии матери. Отец очень рассердился на дядю за это легкомысленное восклицание. Восклицание тем более огорчило и разгневало моих родных, что они сами внутренно задавали себе этот же вопрос. В

я носила короткие волосы и выглядывала нигилисткой, позаботилась о всяких мелочах, связанных с более или менее длинной дорогой. Об одном она просила меня — держать в тайне мой отъезд за границу, чтобы не подать повода близким охать и печалиться по поводу моей судьбы, а врагам — торжествовать. Я объяснила ей, что эта тайна входит в мои интересы и что я с своей стороны прошу ее, отца и сестер скрыть от наших многочисленных знакомых и родственников мое кратковременное пребывание в Одессе и в «Дальницких хуторах», а нашим самим близким лицам, у которых я останавливалась, заявить, что я здесь проездом в Черниговский уезд, где я получила место земского врача. Вскоре вернулся отец из Херсона, на этот раз более спокойный, но глубокая печаль не сходила с его лица.

Он привез мне паспорт, передал деньги, размененные на австрийские и швейцарские, на дорогу и на первые месяцы жизни за границей. Тут же он заявил мне, что будет присылать мне ежемесячно на жизнь и прибавил: «Роза, я тебя не оставлю». Обещал уплатить один мой долг в Петербурге, сказав при этом мило и серьезно: «Не беспокойся, твоя честь мне дороже моей».

В конце мая 1880 г., превращенная из нигилисточки с короткими волосами и в косоворотке с кожаным поясом, которую я почти никогда не покидала, в элегантную барышню, в сопровождении родителей, с трудом уклонившись от родственников, желавших меня провожать, я отправилась на вокзал. Родные были очень печальны, но тверды; не было слез на их лицах, зато, видя их печаль, я делала над собой большие усилия, чтобы не разрыдаться. Поезд отходил, а скорбные фигуры моих любимых и столько сделавших для меня в моей жизни стариков еще долго приковывали к себе мой взор. Я с ними прощалась, махала платком, выкрикивала разные слова утешения: «скоро увидимся, не тоскуйте», — а внутренний голос шептал мне: «никогда».

тот же день моя мать выразила желание иметь со мною разговор с глазу на глаз. «Нам давно говорили, — сказала она мне, — что ты состоишь членом тайных кружков, что ты увлекаешься революционными идеями. Я понимаю, что вы, молодежь, сочувствуете страданиям обездоленных, хотите улучшить жизнь крестьян, но и мы несчастны. Чем мы счастливее крестьян? Останься с нами, думай о нашем счастьи». Слезы лились из глаз моей милой, страдавшей матери; она целовала мои руки, обливая их слезами. Разговор этот происходил в богатой, роскошно убранной гостиной, соединявшейся колоннами, отделанными под мрамор, с не менее роскошной залой. Волнуясь и страдая за мать, я одновременно почувствовала фальшь этого сравнения: роскошь нашей жизни и бесконечная бедность народа... Я смолчала, но позже я поняла, что это «мы не менее несчастны» относилось к «мы — евреи». В ту пору в Новороссии и Украине стали появляться зловещие признаки кровавых, диких событий, разыгравшихся затем в 1882 г. в Одессе и других городах. Еврейский народ — пария реакционной России — чувствовал себя униженным и оскорбленным, и отход его детей в революционное движение казался ему изменой... Чувство оскорбленной гордости и бесконечной жалости к нашему племени сидело в глубине души всех нас, революционеров, вышедших из еврейской среды, и соблазн отдаться служению оскорбленному, униженному и преследуемому еврейскому народу был силен среди многих из нас. Мы все более или менее сильно переживали эту борьбу, и не надо удивляться тому, что такие крупные революционеры, как глава польского социалистического движения восьмидесятых годов Мендельсон и энергичный талантливый П. М. Рутенберг оставили путь социализма, чтобы отдаться устройству судьбы своего племени. В течение значительной части моей революционной жизни на родине и в эмиграции каждая волна антиеврейских погромов вызывала во мне страдания и угрызения совести. Мне казалось, что я ошиблась жизненной дорогой, что тут, т. е. в революционном социалистическом движении, и без меня много сил, а там боролись только одиночки. Не отклонилась я от истинного пути, думаю, потому, что рядом со мною шел Плеханов, мой друг и учитель, и я вместе с ним разделяла то убеждение, что к освобождению наций вообще и еврейской народности в частности ведет один путь — следование учению Маркса и Энгельса.

* * *

В первых числах июня 1880 г. после ряда дорожных приключений я въехала в свободную Швейцарию, о которой мечтала всю свою сознательную жизнь и где ждал меня Георгий Валентинович, с которым мы больше не разлучались до его последнего вздоха и с которым мы вместе, рука об-руку, прошли наш жизненный путь.

В. И. ЛЕНИН.

ПИСЬМА К Г. В. ПЛЕХАНОВУ.

I.

[21/IV-901. (Мюнхен).]

Дорогой Г. В.!

Мы очень и очень рады, что ваше приключение окончилось благополучно. Ждем вас: поговорить надо бы о многом и на литературные, и на организационные темы, и об «Искре» (3-й номер должен быть готов к 1[-му]/V. Потом хорошо сразу начать 4-й) и «Заре». Адрес для явки есть у вас — Велики Димитриевны [В. И. Засулич]. Вот и другой (Алексея) на всякий случай [следует адрес Мартова. *Ред.*], только на этот адрес лучше бы написать предварительно о времени приезда, ибо иначе легко не застать дома.

Посылаю «Пром[ышленный] мир» №№ 1—11. Франк у нас есть — пошлю вам, если нужно вам еще до приезда.

«На славном посту» здесь только в одном экземпляре: выпишем еще один, ибо спрос на нее сильный.

Насчет главенства организации пред операцией в настоящий момент мы с вами вполне согласны. Листок «Искры» ведь довольно осторожен насчет прямого призыва — или вы все же считаете и это опасным?

До скорого свидания

Ваш *Петров*.

«Нар. хоз.», пожалуйста, пришлите или привезите.

II.

7/II 1902.

Дорогой Г. В.!

Посылаю вам проект программы с поправками Берга. Напишите, пожалуйста, будете ли вы вносить поправки или

представите целый контрпроект. Хотелось бы мне знать также, какие места вас не удовлетворили.

Насчет религии прочел я в письме К. Маркса о Готской программе резкую критику требования Gewissensfreiheit [свобода совести] и утверждение, что с[оциал]-д[емократы] должны прямо сказать и о своей борьбе с religiosem Spuck [религиозный призрак]. Считаете ли вы возможным что-либо подобное, и в какой форме? У нас ведь насчет религии настолько же меньше соображений об осторожности, чем у немцев, как и насчет «республики».

Кольцову дайте, пожалуйста, списать с вашего экземпляра: это ведь немного возьмет времени.

Как идет ваша работа (если вы статью для «Зари» пишете, как мы предполагаем)? Когда думаете покончить с ней?

А «Neue Zeit» (№№ 1 и 3) *и письмо об аграрной программе* вы мне так и не послали!! Пожалуйста, пошлите или напишите, отчего вышла задержка.

«Conrad's Jahrbücher» я вам выписал на 1902 г., «Wirtschaftliche Chronik» за 1901 г. выйдет-де в феврале, — тогда вам вышлют. Выписали ли себе «Торг.-пром. газету» и начали ли уже получать ее?

Не слышно ли у вас что нового о рабочедельцах? У нас — ни слуху, ни духу.

Брошюра моя набирается.

«Vorwärts» отказался поместить даже сокращенный ответ, и дело перешло в «Vorstand». Бебель-де за нас. Посмотрим!

Жму крепко руку.

Ваш *В. Ленин*.

III.

4/IV 1902.

Дорогой Г. В.! Посылаю вам свою статью об отрезках. По прочтении отправьте ее, пожалуйста, П[авлу] Б[орисовичу] вместе с этим письмом, ибо *если* будет оставлен вами тот план, которого я первоначально держался (т. е., чтобы эта статья была, так сказать, общей защитой общего нашего проекта), то надо условиться сообща о необходимых

поправках. Если же вы отвергнете самый этот план, тогда как-нибудь иначе придется устраиваться.

Кое-где я цитировал общую часть программы (принцип[иальное] заявление) по своему проекту; само собою разумеется, что это будет изменено при отклонении моего проекта. (Некоторые цитаты я мог бы тогда сделать из Эрфуртской программы, если бы вы ничего не имели против.)

В[елика] Дм[итриевна] [т. е. В. И. Засулич. *Ред.*] сделала кое-где свои замечания на полях, не всегда, однако, предлагая определенные изменения. Напишите, пожалуйста, ваше мнение по этим пунктам. По одному из этих пунктов мне хотелось бы сказать несколько слов в свою защиту. В[елика] Дм[итриевна] предлагает выкинуть страницы 79—82, — я, конечно, особенно их отстаивать не стал бы. Но она усмотрела еще в них «помощь нечистоплотности» в проекте не оказывать предпочтения мелким арендаторам (национализированной земли), а сдавать крупным и мелким одинаково *под условием* исполнения аграрных законов и (NB) рационального ухода за землей и за скотом.

Она возражает: это будет «злодейством», ибо «все заберут богачи», а улучшенная культура лишит работы $^9/_{10}$ рабочих, которым никакие аграрные законы не помогут.

Мне думается, это возражение неправильно, ибо (1) здесь предполагается уже очень развитое буржуазное общество, в котором редкий мужичок обходится без найма рабочих; (2) «богачи» могут получить тогда землю лишь в том случае, если технически и экономически «налажено» крупное хозяйство, а сразу этого сделать нельзя, так что внезапного перехода, пугающего В[елику] Д[митриев]ну, быть не может; (3) вытеснение рабочих машинами есть, конечно, неизбежный результат крупного производства, но мы ведь возлагаем свои надежды не на задержку развития капиталистических противоречий, а на полное развитие их; улучшенная культура земли предполагает притом гигантский рост промышленности и усиленное отвлечение населения от земли; (4) предлагаемая мера не только не помогает никаким «злодеям», а, наоборот, есть *единственная мыслимая* в буржуазном обществе мера противодействия «злодейству», ибо она прямо ограничивает *и эксплоатацию работника, и грабеж земли*, и ухудшение скота. Именно мелкий производитель

в буржуазном обществе *особенно расхищает* силы людей и земли и скота. Если вы тоже выскажетесь за то, чтобы выкинуть стр. 79—82, то посоветуйте, пожалуйста, как изменить примечание на стр. 92.

Какого вы мнения насчет того, можно ли вообще печатать аграрную часть программы (и комментарий к ней) отдельно от всей программы, до напечатания всей программы?

Корректуру статьи В[еры] И[вановны] вчера получил и отослал Дитцу. Вчера же послал на ваш адрес продолжение корректуры ее статьи. (Для ускорения она могла бы исправленную корректуру прямо послать Дитцу.)

О бедном Цветове [1]) — ни слуху, ни духу вот уже три недели. Должно быть, погиб. Это будет для нас громадной потерей!

Жму крепко руку. Ваш *Фрей.*

5/IV. P. S. Сейчас получил ваше письмо. Передал публике. Ответим на-днях. Пошлите, пожалуйста, *тотчас* проект Берга [2]) (что вы называете комиссионным) на адрес *Frau Kiroff*, Schraudolfstr., 29, III 1, bei *Taurer*. *Очень спешно*, ибо у них *нет копии*, и они не понимают ваших замечаний. (Я бы лично предпочел опубликование обоих проектов, в предложенной всеми форме «третьего пути», но большинство, видимо, настроено теперь иначе.) Аграрные книги вам вышлю. «Хулу» на легал[ьных] марксистов В[елика] Дм[итриевна], кажется, готова смягчить.

[Мюнхен, 1902 г., начало.]

IV.

Н. К. КРУПСКАЯ

Дорогой Г. В.! Посылаю Гертца, эта книга принадлежит Аху [3]), и потому пришлите ее обратно, когда она вам будет ненужна.

[1]) Псевдоним Блюменфельда; отправившись в начале 1902 года в Россию, он захватил с собою два чемодана, в которых были заделаны №№ «Искры». Чемоданы, бывшие с двойным дном, возбудили в пограничной таможне подозрение; когда после тщательного осмотра в них оказалась нелегальная литература, Блюменфельда арестовали, о чем мы узнали только спустя несколько недель. — *Ред.*

[2]) Псевдоним Ю. О. Цедербаума-Мартова.

[3]) Гольдендах (Д. Б. Рязанов).

За это время было много интересных писем из России, отовсюду пишут, что «И[скра]» пользуется большим успехом среди рабочих. Не понимают передовиц, — обращаются за разъяснениями к интеллигенции. Один корр[еспондент], раньше утверждавший, что «И[скра]» совершенно недоступна рабочим (это он предполагал), теперь пишет: «Масса и читает и понимает «И[скру]». Всюду массы пробуждаются и предъявляют такой громадный спрос на литер[атуру], что положительно невозможно их удовлетворить.

То же раньше писали и из центрального района.

В Ниж[нем]-Нов[городе] рабочие также читают «И[скру]» и относятся к ней гораздо лучше, чем интеллигенция (раньше, ведь, нижег[ородские] интеллигенты не давали рабочим «И[скры]», решив, что она им недоступна).

Дан также пишет, что в одном волжском городе «И[скру]» читает кружок рабочих в 40 чел., относятся к газете с громадным сочувствием и хотят выписывать непременно сами, чтобы получать скорее, а не после интеллигентов. Читают и «З[арю]». Иногда выходят курьезы, но без этого не обойдется.

На юге (Киев, Харьков, Екатеринослав) симпатии почти всех на стороне «И[скры]». Нельзя сказать того же про Нижн[ий]-Новг[ород]. Наш корр[еспондент] пишет, что, хотя за последнее время все поделались политиками: «Но у них это хронологическая последовательность, а не логическая. Они исходят из других оснований, и дух у них не тот. «Раб[очая] М[ысль]», — говорят они, — в свое время была права, — прежде было время экономизма, теперь настало другое время, и мы сделались политиками. Это был естеств[енный] процесс...» и т. д. — старые песни. Впрочем, теперь господами положения в Н[ижнем]-Новг[ороде] делаются свои люди.

В провинции дела обстоят хорошо, а вот столицы без призора. О Москве нам прислали корр[еспонденцию], в которой яркими красками изображено, как развращают рабочих эти легальные собеседования [проф.] Озерова и др. На собеседованиях присутствует помощник Зубатова Сазонов [жандарм] и говорит пламенные речи о благе рабочих, пожимает им руки и пр. Рабочие верят, им льстит также, что о них печатают в газетах и т. п. Некоторые (напр., председатель [раб.] Афанасьев, раньше сидевший) говорят, что «нелегальный путь погубит русское рабочее движение». Некот[орые], напр., цех кондитеров, в полном недоумении, итти ли им по лег[альной] или нелег[альной] дороге. А своего народу в Москве нет. Просят написать в «И[скре]» об этих легальных обществах. Ну, всего хорошего.

Адрес и прочее для Николаева пришлите, — это, очевидно, нам.

Дитц торопит с корректурой.

V.

14/XI 1903.

Многоуважаемый Георгий Валентинович!

Жена написала вам сегодня подробно о делах, отсылая новые матерьялы.

За свою аграрную статью я взялся. Надеюсь, примерно, во вторник кончить.

Преданный вам *В. Ульянов.*

VI.

2/VII 1902.

Дорогой Г. В.!

Простите, что пишу так наспех. Я уехал сюда в Бретань, на отдых (жду сюда и родных), но в Париже Берг дал мне свою заметку, и я получил присланную вами статью за подписью Ветерана.

Я совершенно согласен с Ветераном. Из-за заметки о Лекерте в «Искре» у меня вышла маленькая баталия с Бергом и Вел[икой] Дм[итриевной], которые оба, как водится, понервничали и стали говорить о неизбежности террора и необходимости для нас это (так или иначе) выразить. Заметка в «Искре» явилась, так[им] обр[азом], компромиссом: это было все, что я мог *отвоевать.*

Теперь Берг сам стал решительнее против террора даже Лекертов.

Но вопрос в том, удобно ли помещать вашу статью за подписью Ветерана? *Разумеется, если вы хотите, она непременно будет помещена* (и успеет пойти в ближайшем номере), — но не лучше ли бы было, если бы вы из нее сделали передовую для № 22, соединив (так сказать) ее со статьей Берга «Как бороться»? Прилагаю вам эту статью,

в которой, по-моему, есть места, требующие поправок, места нежелательно уклончивые по вопросу о Лекерте.

Прилагаю заодно и заметку о письме попа. Ваше мнение?

Итак, отвечайте, пожалуйста, поскорее, дорогой Г. В., и пошлите все эти три вещи назад прямо в Лондон. [Следует адрес. *Ред.*] На этот же адрес пишите мне.

По-моему всего бы лучше *именно в передовой* сказать то, что вы говорите: суть дела от этого выиграет («*возражение*» *против* «Искры» сгладится), и цельность впечатления усилится. А вам естественно и легко будет развить свою статью в передовую, *заменив* ею, таким образом, статью «Как бороться». Эта замена, по-моему, была бы лучшим исходом.

Жму крепко руку. Ваш *Ленин.*

Д. Н. БЛАГОЕВ И ЕГО ГРУППА [1]).

ПИСЬМА К ЧЛЕНАМ ГРУППЫ «ОСВОБОЖДЕНИЕ ТРУДА».

София, 28 мая 1885 г.

Ваши соображения, господа, совершенно справедливы,— мне остается примириться с своим положением в Болгарии, по крайней мере на время. Приехать к вам я страстно желаю, но средств пока нет.

Не отвечал вам так долго, потому что поджидал из Добруджи одного человека — доктора, чтобы переговорить с ним обо всем, что относится до наших здесь обязанностей. Хотя он неделю как написал, что отправился уже к нам, но еще не приехал, но ждать его пока не стану. Мне, собственно, хотелось с вами потолковать о некоторых теор[етических] вещах, относящихся до программы с[оциал]-д[емократов] и вашей. При этом очень сожалею, что вы не написали хотя вкратце сущность ваших возражений против программы с[оциал]-д[емократов]. Потому я положительно не знаю, против чего приходится спорить. Из ваших брошюр я читал две только: «Соц[иализм] и пол[итическая] борьба», «Научный социализм» Энгельса. Третью, о которой я узнал здесь, не читал и не мог достать ее. Таким образом я знаком с вашими теор[етическими] взглядами по первой брошюре. Относительно ваших практических воззрений познакомился по программе

---

[1]) Полагаем, излишне рекомендовать Дм. Ник. Благоева нашим читателям, — его знает каждый русский марксист. Настоящее его письмо, являющееся, к сожалению, единственным, сохранившимся в архиве Г. В. Плеханова, дает довольно ясное представление о взглядах, о степени развития и понимания практических задач русских марксистов начала восьмидесятых годов. Письмо это представляет большой исторический интерес. — *Ред.*

«Осв. Тр.». Во избежание недоразумений и повторений выскажу вкратце наши теор[етические] и практич[еские] соображения, результатом которых явилась пр[ограмма] с[оциал]-д[емократов].

Теоретические обоснования прогр[аммы] с[оциал]-д[емократии] в существ[енных] своих чертах следующие.

Для осуществления социализма нужны коллективные формы обобществления труда и производства. *Без этого условия положительно невозможно* осуществить социализм. Научный социал[изм] говорит: всё, что способствует обобществ[лению] труда и производства, всё, что ведет к коллективизму, революционно, и стало быть, и прогрессивно. Напротив того, всё, что препятствует ему — реакционно, регрессивно. Современное капиталистическое производство в этом отношении вполне революционно. Движение всех прочих сословий, — мелких самостоятельных хозяев, ремесленников, крестьян и т. п., — стремится к сохранению своего частного владения — реакционно. Это совершенно справедливо. Это же последнее движение не носит и не приготовляет почву для народного счастья. Мы вполне соглашаемся с этим. По нашему мнению, задача социалистов, революц[ионеров] не бороться с этим процессом, а способствовать [ему]. Но как способствовать — это[го] прямо никто не объясняет. Правда, Лассаль рекомендует способствовать такому процессу совершенно сознательно в смысле организации труда и производ[ства] на началах производ[ительных] ассоциаций. Но он, во-первых, не говорит прямо, что это именно и есть единственный разумный путь, и единственно возможный в настоящее время, и притом не показал, на каких основаниях это он рекомендует. Точно таким же образом Маркс говорит не раз о вмешательстве государства в экономическую деятельность, но в каком смысле вмешаться и какова должна быть деятельность государства по отношению к коллективизму, то этого не объясняет. Но мне кажется, при всех их практических стремлениях может решить эти вопросы[?]. Так, напр., как вы видите из программы, мы признаем, что вмешательство государства в экон[омическую] деят[ельность] и в организ[ацию] труда — единств[енное] средство притти к социализму и обобществить труд. Почему? Дело в том, что в настоящее время обобществление труда и производства в некоторых государствах достигает такого высокого состояния, что оно уже является тормозом дальнейшего прогресса. Это мы можем видеть особенно в таких государствах, как в России. Это обстоят[ельство], по *моему* мнению, и привело Лассаля, а также и Маркса, к вмешательству государства, именно с целью обобществления труда. Конечно, обобществление труда может совершаться и естественным путем, как в Англии, напр., но это в настоящее время невозможно почти и чем дальше, тем еще меньше будет возможным. Нет сомнения, что это самое может приготовить неизбежность революции, но уж это не совсем бы то было [?]. А без обобществления труда невозможно притти к социализму. Для России, напр., это еще меньше возможно. Кроме того. Там, где нет обобществ[ления] труда, там еще ужасно много элементов, которые будут против революции. Что же в данном случае делать? Ведь Россия именно в таком положении находится? Классовая борьба в России не сконцентрирована еще, не определилась, да и нет положительно возможности скоро определиться ей. То же самое явление в Германии: там тоже классовая борьба представляет перевес, невыгодный для революции. Вот почему, я думаю, [Лассаль? — *Ред.*] так настоятельно указывал на всеобщ[ую] прямую подачу голосов и на производительные ассоциации. Вот в общих чертах наши соображения, и жду ваш ответ по всему этому. Притом напишите мне ваше мнение относительно содержания самой газеты «Рабочий» [1]), [о] ее недостатк[ах] и т. п. С петербур[гскими] товарищами я часто переписываюсь; недавно получил письмо, — все благополучно обстоит. Жду от них на-днях письма, которое находится у одного [нет конца. — *Ред.*].

Нижеследующие страницы были, несомненно, присланы из Петербурга одним из членов группы Благоева, несколько раньше, чем выше приведенное письмо Д. Н. Благоева. К сожалению, в архиве Г. В. не сохранились ни конец первого, ни начало настоящего письма. — *Ред.*

---

[1]) Так называлась выходившая в Петербурге газета, издававшаяся в 1885 г. группой «русских социал-демократов». Всего появилось два номера, третий вследствие арестов не вышел. Подробно об этой группе см. статью *Д. Благоева* «Краткие воспоминания из моей жизни» в «Пролет. револ.», № 1 (60), 1927 г. — *Ред.*

...Теперь несколько слов по поводу брошюры «*Наши разногласия*».

Современный радикализм в России болен отсутствием критики к установленным программам, инертностью и рабским отношением ко всякому слову, выпущенному генералом [Тихомировым? — *Ред.*] от революции. В значительной доле это зависит от теоретической неподготовленности большинства радикалов: время здесь идет страшно быстро, много уходит на разные собрания, свидания, конспирации и т. п.; прибавьте к этому постоянное напряжение нервов, необеспеченность насчет завтрашнего дня — и вы поймете, что работа самообразования должна подвигаться чрезвычайно туго.

И при всем этом мысль все-таки искала выхода, отдельные личности не могли, да и не хотели помириться с постановкой дела, ожидали переработки программы, во мнениях и взглядах «народовольцев» замечалось полнейшее «смешение языков».

Период 1883—1884 гг., когда не появлялось никакого руководящего органа (ибо нельзя считать за принципиальные «Листки Н[ародной] В[оли]», «Календарь» и первый № «Вестника [Народной Воли]», притом количество разошедшихся в России «Вестников» приходится считать единицами), был периодом полнейшей анархии мысли в среде господствующей партии народовольцев. Большинство ждало разрешения сомнений от 10-го № [1]) или из-за границы. А ответа на мучившие вопросы все не было... Наконец, это невозможное положение разрешилось разрывом, отделением «Молодой партии» [2]). Это был крик отчаяния, протест против сдавливающих, удушающих условий старого народовольства, выродившегося больше чем в бланкизм, выродившегося в русское генеральство.

В начале 1884 г. вышло «Воззвание от Союза молодежи», и разрыв выразился до того сильно, что члены противоположных лагерей старались не встречаться у общих знакомых. Дело дошло до инсинуаций (последнее относится, впрочем, больше к «старикам») [1]). Так дело шло до лета. Возобновившиеся переговоры привели, наконец, к соглашению, и программа «Молодой партии» была сожжена до выпуска в свет. Соглашение это будет понятно, если принять во внимание, что «молодяки» хотели «влить новое вино в мехи старые»: они всегда объявляли, что ни в каком случае не хотят отказываться от принципов старого народовольчества и хотя бы на иоту изменять «программу И. К.».

[1]) Т. е. от долго не появлявшегося, выходившего в России журнала «Народная Воля». — *Ред.*

[2]) Возникла в начале 80-х гг., после разгрома «И. К.», во главе стоял небезызвестный поэт Якубович (Мельшин). — *Ред.*

Таким образом кончился тогда раскол в партии, кончился по крайней мере формально. Вы, однако, понимаете, что это соглашение совсем не гарантировало внутреннего единообразия в мыслях согласившихся. Диссонансы не уменьшились и после этого «единения». Главное, все ожидали нового слова, пересмотра программы от главарей.

И вот, наконец, 4 года ожидаемый принципиальный № «Н[ародной] Воли» [т. е. 10-й. — *Ред.*] вышел. Однако вместо ожидаемого пересмотра он принес одно только слово: «во фронт!» Как бы то ни было, а это было все-таки разрешение сомнений. Статья г. Тихомирова, на которую здесь указывали все «старые» как тоже на принципиальную, повторяла этот выкрик с припевом: «Гром победы, раздавайся!..»

Совершенная определенность воззрений, высказанная в 10-м №, с одной стороны, непрочность тезисов, на которые опирались «молодяки», с другой, все это сопутствуемое «репутацией», «престижем», «традициями» и другими не менее доказательными вещами, сделало то, что «шатание мысли» было опять урегулировано, приведено к одному знаменателю. Насколько это жестоко и нерасчетливо, понятно само собой. Ведь это значит — создавать культ народовольства с догматами веры, с фанатизмом и с освящением слепого повиновения. В этом случае нужно радикальное средство, которое бы способствовало прочищению тумана в головах «молодяков», которое бы — хочешь не хочешь — заставило оглянуться на те идеалы, которым, не рассуждая, поклонялся...

Таким сильным средством является брошюра «Наши разногласия». Если эта книга и не заставит вполне примкнуть

[1]) «Стариками» в то время считались: Бах, Сухомлин, Салова, в особенности — Лопатин. См. подробно об этом периоде в воспоминаниях *Баха* в «Былом» и *Сухомлина* в «Каторге и ссылке». — *Ред.*

к мнениям нашей группы (хотя наблюдалось уж и такое явление), то несомненно, что она даст массу материала для критики народовольской программы, а переработка этой программы положительно необходима в интересах борьбы. Если возможно будет, посылайте этой брошюры побольше, наровите прислать до каникул (каникулы с 1 июня), чтобы можно было разослать по России. Присылайте также и все другие брошюры ваши. Подбор их у вас очень хорош. Поскорее отвечайте насчет транспорта, получили ли деньги? Известите, тогда мы тотчас же вышлем еще руб. 200... Только доставку-то обеспечьте, а [тогда] у нас дело пойдет в ход. Почему-то от вас давно нет ни посылок, ни писем, не знаем, получили ли вы адреса. Как можно аккуратней заделывайте, а то прошлый раз из В. прислали — просто безобразие, совсем влопать можно адресатов-то. Непременно материю нужно употреблять. Хорошо бы еще женевский один адрес прислали, а то у вас, очевидно, не особенно легко быстро обмениваться (это мы заключили из того, что насчет негодности адреса не сообщили и насчет заделки). Если можно посолиднее транспорт — то везите, хватит денег — и надежно установите границу; так надо будет Герцена — экземпляра два — здесь просят, Чернышевского один экземпляр, отдельно 5-й том, затем непременно «В[естник] «Н[ародной] В[оли]» [№№] 3-х и 4-х, хоть экз. по 5 — minimum; как можно больше и скорее брошюры «Наши разногл[асия]» и «Соц[иализм] и пол[итическая] б[орьба]», а также изд. «Раб[очей] библ[иотеки]». Пишите, что нужно для специалиста по переводной части. Получили ли письмо, в котором вам написано, куда ему обратиться? Все это надо поаккуратнее, чтобы не провалить все предприятие...

Насчет 2 № «Рабочего дела» немного запутались; собственно, вот нужно бы было небольшую передовицу еще... А просят непременно выпустить поскорее — рабочие ждут с нетерпением, а мы лишились 2 деятельных сотрудников, на время хорошо бы, если [бы] кто из вас прислал: выпустить думаем в конце апреля хоть, а сюда ее надо бы на Фоминой. И материалы по рабочему движению за последнее время, тоже к тому времени присылайте. Напишите, в каком виде вы получаете книги? Интересно сравнить, что это за история, что переплет всегда попорчен сильно приходит. Посылаем опыт обоснования программы, это хотели выпустить для публики, теперь погодим, чтобы сообща действовать. До лета либо мы увидим кого-либо из ваших, либо к вам приедет... Однако нашего товарища выслали за границу, так по всем вероятиям он к вам проберется, пишем на всякий случай, чтобы вы не смутились; когда поедет, известим. А транспорт во что бы то ни стало доставляйте — это самое важное.

Теперь вам очень кстати будет познакомиться (в видах того, что вы собираетесь разбирать Успенского и К⁰) с последним произведением Толстого — одного поля ягодка-то. Посылаем только что вышедшее литографированное изд. 1-й части и гектографированное — 2-й. В последнем, по нашему мнению, заслуживает внимания часть о деньгах — сильно довольно написано. Послали 2 №№ «Рабочего» в Цюрих. При разборе произведений Успенского вы, конечно, не одну «Власть земли» в зьмете, а особенно любопытны для выяснения идеалов этой компании статьи в «Р[усской] М[ысли]» (№№ 84 и 85): «Трудом рук своих», «Через пень-колоду» и пр... Как интересное дополнение вообще о настроении здешних литературных кружков, поголовном унынии какомто и вялости, по всем вероятиям для сборника будет прислана статья публицистического характера на эту тему. Что бы пораньше насчет адреса; теперь поздновато будет, постараемся все-таки на-днях изготовить. Можете ли прислать сведений о «Сев.-русск. раб. союзе» — не знаю, где найти, — это нужно знать, а источников нет. Вообще из прежних русских изданий — стоящих — нельзя ли чего-нибудь прислать? Малороссийских не забудьте, потому что для этого специально дана известная сумма. Хорошо было бы для рабочих издать нечто вроде рабочих катехизисов или календаря, за границей, кажется, они распространены. Пришлите один экземпляр, можно будет перевести и издать хотя литографированный.

Затем шлем вам привет от всех товарищей.

Адрес для бандеролей отправлен.

С. ГАНЕЛИН.

ПИСЬМО К П. Б. АКСЕЛЬРОДУ.

Нью-Иорк. (1895 г.)

Дорогой Павел Борисович!

Даже я, с таким упорством (достойным, впрочем, лучшей доли) молчавший целых три года, даже я, как видите, прочитав Бельтова, заговорил. Это одна из тех книг, после прочтения которой непременно заговоришь — один с пеной у рта, другой с восторгом. Один только Михайловский умудрился как-то жалобно завыть и, поджавши хвост, пуститься во все лопатки подальше от... предмета спора.

Мир праху твоему, бедный русский субъективизм! Такой бедности никто не подозревал при жизни покойного. Правда, и удар был слишком неожидан и силен.

Я Бельтова прочел уже два раза и... l'appetit vient en mangeant [аппетит является во время еды], — просто оторваться не могу от книжки. Я никогда в своей жизни так не увлекался книгой, как этой, а я уже переживал различные периоды увлечения — Писаревым, Белинским, Добролюбовым, Чернышевским, ну, и самим же Бельтовым.

По моему мнению, Бельтов принес, наконец, из горы Синая десять заповедей Маркса и вручил их русской молодежи. А по дороге такой комментарий к ним написал, что в остальном мире эта книжка займет одно из первых мест. Представляю себе, как русские марксисты обрадовались этой книжке! Ну, а пока, до свидания. Надеюсь, скоро быть в Европе.

Ваш *С. Ганелин* [1]).

Мой привет Кальмансону. Очень вас прошу ответить Ингерману, где теперь находится Плеханов и Вера Ивановна, и как можно скорее, хоть бы открыткой.

---

[1]) О Ганелине, скончавшемся в 1925 году в Берлине, см. в № 5 сб. Группа «Освоб. Труда», стр. 156, 157, 198 и 199. — *Ред.*

Х. РАКОВСКИЙ.

ПИСЬМА К Г. В. ПЛЕХАНОВУ.

I.

10 марта 1895 г., Нанси.

Дорогой Георгий Валентинович!

Давно не имели от вас никаких новостей! Пока вы были в Лондоне, Вера Ивановна нам писала от времени до времени о вас. То же в первое время вашего приезда в Женеву мы узнавали новости о вас и о Розалии Марковне от Геритье, но давно ни я ему, ни он мне не писал. Вся наша зима была наполнена экзаменами (летом будет то же самое), и сколько ни хотел я вам написать, все не мог. Третью неделю как мы выдержали второй экзамен (для меня, собственно, третий) за эту зиму, и собрался писать после экзамена. Этому помешала болезнь Рябовой: она была больна почти 10 дней и встала только третьего дня. Вчера я окончил [чтение] «Развития монистического взгляда» и сегодня пишу.

Об этой книге мы узнали из объявления «Русских Ведомостей». Однако выписал ее только после того, как Павел Борисович мне ее рекомендовал. Мы ее прочли с истинным удовольствием и с громадной пользой. Она составила бы действительно эпоху не только в истории русской философской мысли, но и в всеевропейской фил[ософской] литературе, если б не была в самых интересных и оригинальных своих пунктах... плагиат[ом]. В самом деле: то, что в ней сказано, было говорено раньше одним русским, хорошо знакомым мне писателем в его сочинениях «Анархизм и социализм», в статьях о Чернышевском, о Гольбахе, Гельвециусе, Марксе и т. д. Несчастье собственной родины заставило автора [этих произведений] писать и работать

за границей. Итак: книга Бельтова — плагиат и потому не заслуживает больших похвал. Но она плагиат не только в основных идеях: он обокрал автора у «Чернышевского» не только в методе изложения и писания, но и в примерах: так, помню отлично, что наш учитель пользовался теми же самыми примерами в своих частных беседах и на публичных конференциях, какими пользуется теперь г. Бельтов. Г. Бельтов обокрал нашего учителя не только в том, что он говорил и писал, — в том, что уже стало достоянием публичности, и каждый недобросовестный писатель мог взять и предлагать как свое, — но еще [и в том], что и для меня есть и будет загадкой, — в том, что наш учитель [только] *собирался* написать. Напрасно наш учитель обещал одной моей знакомой в своем будущем сочинении посвятить ей несколько строк, которые будут начинаться с: «почему же экономическое», — то, что у нашего учителя было только *обещанием*, у Бельтова уже *факт*. Наш учитель бегал по всему городу искать ботанику Ван-Тигена, а у Бельтова Ван-Тиген уже цитируется. Сходство до того поразительно, что я стал бы доказывать тождественность учителя и Бельтова, — что последнее имя только легальная фирма нашего учителя, если бы не боялся, что меня постигнет судьба фр[анцузского] журналиста Лабрюйера в процессе Падлевского-Сильверстова.

Кроме того, это абсолютно лишняя вещь, так как то, что я мог бы сказать Бельтову, могу сказать и нашему учителю.

1) Фюстель де-Кулянж, не только говоря о падении Спарты и Римской республики, должен был прибегнуть к «экономическому», что противоречит его же взглядам, высказанным в «La cité antique», но в другом месте он высказался еще категоричнее: «Современные поколения, — говорит он, — имеют в уме две предвзятые идеи относительно того, каким образом создаются правительства. Они склонны думать, что эти правительства являются делом только силы и насилия или же что они — создания разума. Они производят их из самых дурных страстей человека, если только они не вздумают заставить их произойти из областей идеала. Это двойное заблуждение: происхождение социальных и политических учреждений не должно искать ни так низко, ни так высоко. Насилие не сумеет их установить; правила разума бессильны их создать.

Между грубой силой и утопическими путями в средней области, там, где человек действует и живет, *находятся интересы*. Это они создают учреждения, это они определяют образ, которым народ управляется...» Дальше он говорит, что господство интересов началось тому назад 20 столетий, а раньше «верования относительно души или сильные чувствования могли дать господство над обществом». Потом уже начинает, что «общественный порядок всякого века и всякого народа создается интересами. Это они создают или низвергают политические режимы. Насилие узурпаторов, гений великих людей, даже воля народа, — *все это имеет мало значения* в этих великих учреждениях, которые строятся только непрерывными усилиями поколений и падают также только медленно и нечувствительно. Если хотят себе объяснить, как они создались, нужно посмотреть, как интересы группировались и утвердились, если хотят знать, почему они пали, нужно искать, как эти самые интересы преобразовались или переместились».

Конечно, это только указание очень неясное на «отношения производства». Но все-таки эти строки такая же важная догадка, как и «имущественные отношения» Гизо. Тем более, что как Ф. де-Кулянж, так и Гизо не были последовательны в приложении своего открытия. Не только что открытие Гизо еще мало объяснено, но и ему он очень часто противоречит и прямо ссылается на «чел[овеческую] природу». Напр., в «Истории цивилизации Европы» он, Гизо, спрашивает, какие причины заставили Европу выйти из *варварского* состояния, и отвечает буквально: «Желание остаться в нем было бы противно *человеческой природе*» и т. д. Конечно, это не уменьшает значения «историков времен реставрации» как реакции против идеалистического объяснения истории французских просветителей.

Мне кажется, что Бельтов сделал слишком большую честь Брюнетьеру, одному из очень поверхностных франц[узских] критиков и писателей. В философии истории он пережевывает только теории героев Паскаля и напоминает о носе Клеопатры и la gravelle [болезнь почек] Кромвеля или же о реактиве, где достаточна одна капля, — его собственный

пример, — чтобы соединение из белого сделалось синим или желтым, т. е. достаточно одного жеста, чтобы история пошла не тем, а другим путем. Мне кажется, что цензура не позволила печатание некоторых вещей, о которых говорится как о печатанных в тексте, — я нигде их не встретил. Напр., на 177 стр. говорится о «вышеприведенном взгляде Платона и Плутарха», но я нигде не встретил этого взгляда, если только автор не понимает сейчас нескольких перед этим написанных строк о том, «что общество должно достигнуть известной ступени благосостояния для того» и т. д. Но не только это, — вообще несколько раз я получил то впечатление, как будто бы что-то или цензурой зачеркнуто, или же автор нарочно оставил без связи, боясь цензуры. (Я написал уже эти строки, когда на 134 стр. нашел о Плутархе и Платоне.) На 104 стр. говорится, что еще мате-р[иалисты] прошлого века говорили, что «каждому волевому движению в мозгу соответствует известное движение мозговых фибр». Последнее слово обратило именно мое внимание: оно не точный термин, потому что, если предположить — единственно возможное предположение, — что седалище мысли есть в мозговой серой коре (серое корковое вещество), то там нет *фибр*, а только *клеточки* — нервные клеточки; фибры же встречаются только в белом мозговом веществе и в нервах вообще.

Мне страшно понравилось то, что можно назвать «положительной частью» книги, именно глава о диалектическом материализме. Вообще вся книга, если только она не плагиат, как я вам доказал выше, написана чудесно, только я думал, что «герои» мало ее поймут. И что они «ничему не научатся и ничего не забудут». Раппопорт, «общественный деятель», опять будет повторять, что «Маркс построил свою систему, не опровергши своих предшественников». Кривенко опять будет говорить, что соц.-демократия за развитие кулачества и кабацкой индустрии. Она крайне полезна для всех нас, уже марксистов, потому что она не только укрепляет нас в нашей вере, но дает нам новое оружие в борьбе как против «эклектизма-паразита», так и против буржуазии.

Я буду реферировать подробно о ней в нашем журнале «День», хотя уже один наш знакомый из Лозанны прислал

рецензию «о *брошюре Болотова*». Я думаю сделать свой реферат очень большим, чтобы перевести прямо многое из этой ценной книги. Когда это все будет и реферат начнет печататься, я пришлю его моему учителю.

В м. декабре (в начале) я написал и прислал критику одной брошюры, вышедшей на болгарском языке, написанной знакомым вам авантюристом Ризовым. Он ученик Михайловского, но такой ученик, что и сам Михайловский отказался бы от него. В своей брошюре он критикует марксизм, но эта критика составляет вторую часть его брошюрки. А в первой части он занимается «болгарскими делами», пока я рассмотрел только эту — первую — часть. Скоро буду писать о второй, и книга Бельтова явилась кстати. Ризов имеет слабость говорить о всем, так, напр., рассматривая теперешнее политическое положение Болгарии, он говорит о романе Золя и некоторых болгарских писателях, он говорит о Тарде, о Михайловском, о Лаврове, о Спенсере, об этике, об экономии, о биологии и, как это обыкновенно бывает, не о том, о чем должен был говорить. Это своего рода Малон, только без социальных взглядов и без мало-мальской образованности Малона. Между прочим Ризов говорит о «борьбе за существование». Мне пришлось отвечать между прочим и на это. Там я проводил такой взгляд: борьба за существование — это *данное*; инстинкт самосохранения — это свойство всей органической природы и потому постоянная величина и как таковая не может быть фактором. Фактор предполагает развитие и изменчивость. Не знаю, я, может быть, ошибаюсь, и я должен разделить судьбу Ризова: мой учитель тоже, может быть, откажется от меня... Но в книге Бельтова...

[Письмо без конца.]

II.

Петербург, лето 1899 г.

В общем я вынес впечатление менее пессимистическое, чем ожидал. Так называемые «экономисты» — это социал-демократы, увлекшиеся сравнительной легкостью, которую представляет агитация на почве непосредственных интересов рабочих. Но их скоро жизнь натолкнет — и уже наталкивает — на правый путь.

Но прежде всего я буду говорить о теперешнем состоянии соц.-дем. в Петербурге. Раньше там существовали три течения: одно, представляемое Центральным Комитетом, другое — «Рабочей Мыслью», а третье — «Рабочим Знаменем». После съезда пошли переговоры о соединении. В это время произошел разгром. Бо́льшая часть людей, представляющих «Р. Знамя», была арестована, и газета должна была приостановиться. Но переговоры не переставали вестись дальше. Теперь все эти три течения соединились, и *«Раб. Мысль» стала общим органом Петербургского союза рабочих.* Фактически *самое сильное течение — это течение «экономистов».* Как я уже сказал, теперь *«Рабочая Мысль» стала общим органом.* В ней будут писать как одни, так и другие, но центральной группе принадлежит право контроля, так что обещают, что уже не повторятся те фразы, которые справедливо вызвали ваше негодование. О том, между прочим, будет свидетельствовать выходящий теперь 5-й номер «Раб. Мысли», где будет помещено несколько статей о чисто политических вопросах, о финляндских студенческих беспорядках и пр.

Вот теперь разговоры, которые я имел с различными делегатами групп. Я виделся с одним главным представителем «экономистов». Защищаемая ими тема такова.

Теперь в России возможно и следует добиваться массового экономического движения рабочих. Массовое *политическое* движение придет само собою со временем, *оно будет органическим следствием* экономического массового движения, и поэтому нам, русским социал-демократам, *незачем тратить время на распространение таких идей.*

Вся наша деятельность должна теперь быть сосредоточена на агитации, основанной на непосредственных материальных интересах рабочих. *Должны стараться, чтобы добиться для рабочих на «рубль — копейку».*

Таков план ихней деятельности и ихние теоретические основания, во-первых, потому что таким образом шло рабочее движение на Западе (и в таких случаях они берут в пример только Англию), и, во-вторых, этот аргумент заслуживает более внимания: таким образом [действуя?], они будут иметь успех среди рабочих.

Как пример он указал на «Рабоч. Мысль», номер 4, который имел чрезвычайный успех среди рабочих, тогда как партийный «Манифест» был выбрасываем из окон фабрик. Некультурность русских рабочих мешает им понимать политические начала социальной демократии, кроме того, при русских полицейских условиях рабочим трудно решиться на политическую деятельность, а на экономическую решаются, так как там гораздо меньше риска. Но со временем дела изменятся, и когда рабочий класс станет сильным организованным телом, тогда можно будет вовлечь его в политическую борьбу.

Для них, таким образом, вопрос социалистической пропаганды сводится к какой-то дидактической задаче. В нескольких словах я постараюсь передать вам то, что я им возражал, чтобы вы могли судить, правильно ли я толковал ваши собственные взгляды.

Прежде всего я им заметил: как поступать с рабочими, чтобы их не пугать, это есть *индивидуальная* проблема каждого агитатора и пропагандиста, это должен подсказывать инстинкт опытности или обыкновенной bon sens [здравый смысл] каждого.

Во всяком случае это вопрос приема, а не вопрос теоретический, тогда как вопрос о том, как обставить социалистическую пропаганду в России, — есть общий программный вопрос. Вы, отсылая нас к какому-то неизвестному будущему, говорите, что теперь неуместно вести не только социалистическую пропаганду, а даже просто политическую агитацию среди рабочих. Мы с этим согласиться не можем по той простой причине, что мы социал-демократы и что, следовательно, для нас рабочее движение важно постольку, поскольку оно является *сознательным* движением, ведущим к осуществлению наших крайних целей. Отсрочивать пропаганду наших крайних целей и политической борьбы, как средство к нашему достижению, на какой-то период, это для нас равносильно тому, чтобы отказаться от этой программы.

Потом, какая гарантия, что через несколько лет теперешнее чисто синдикальное движение перейдет в политическое, и при этом в социалистическом смысле, движение? Ведь уже пример с Англией самый несчастный, потому что он нам показывает, как при известных исторических условиях может создаться могучее рабочее движение, не имея вовсе созна-

тельно социалистического характера, несмотря на то, что протек целый век от его начала. Почему стараться нам создавать в России *искусственным* образом то, что так мы осуждаем в Англии, хотя там это движение шло *естественным путем*. Дело в том, [что] когда в Англии развивалось профессиональное движение, научный социализм не существовал. Теперь уже всякое начало рабочего движения не делают иначе, как под знаменем социализма. Наконец, можно не сомневаться в том, что русское чисто профессиональное рабочее движение при теперешних политических условиях не может развиться дальше известной точки.

Потом я заметил «экономисту», что в ваши взгляды вовсе не входит отрицать синдикальное движение. Оно абсолютно необходимо для защиты непосредственных интересов рабочих, и вообще никто не думает отрицать громадные его преимущества для воспитания рабочих. Я им заметил еще, что известная автономность синдикального движения также необходима для его успешного развития. Бессмысленно было бы ставить чисто экономическим организациям цель низвержения абсолютизма, но в то же самое время следует из этих синдикатов подбирать таких, которые бы на стороне устраивали политические кружки. Следует во время стачек этих самых рабочих выставлять такие требования, как свобода собраний, стачек, коалиций и пр. и пр., и таким образом увлекать рабочих массами в политическую борьбу. Потом я им показал ошибочность их взгляда на *механическое* развитие политического сознания у рабочих. Это сознание не приходит *само собою*, органически, а только путем сознательного воздействия союза социал-демократов на рабочих. Я им говорил: как недальновиден тот, кто берет русских рабочих и вообще рабочих как одну сплошную трусливую массу, думающую только о своем желудке, чуждую всякой революционной идеологии. Тут мне пришел на помощь Стэндарь, доказавший «экономисту», что они просто не знают русских рабочих, увлекающихся и способных на самопожертвование. Я развивал «экономисту» тему, что в своей пропаганде мы не должны быть односторонними, что мы должны обращаться и к моральным и к историческим чувствам нашего рабочего, и очень часто случается, что мы на него можем воздействовать, говоря ему об исторической миссии пролетариата или о прибавочной стоимости. Наша пропаганда должна быть всесторонняя. Всякий социал-демократ должен быть соединением практика с жарким мечтателем и уметь, смотря по моменту, повернуть тот или другой лист. Я обратил внимание, наконец, на то обстоятельство, что в жизни экономические и политические вопросы так переплетены, а в сущности, [ведь,] это различные стороны одних и тех же отношений, что невозможно отделить абсолютно экономическую пропаганду от политической. Как помешать рабочим задавать себе вопрос: в каких отношениях правительство с фабрикантами? Как помешать ему думать о голоде, о бюджете, и пр. и пр. и почему ему мешать, если бы это было возможно, когда он будет рваться понимать и участвовать в общественной жизни? Социал-демократическое учение — это блок, который нельзя произвольно разломать и употреблять одну часть теперь, а другую через некоторое время. Все идеи у нас держатся и следуют одна за другой.

В заключение мы должны вести среди рабочих социалистическую пропаганду под ее различными видами: экономическим и политическим. Теперь, правда, не наступило еще время, когда русский рабочий класс мог бы предпринять широкие политические акты, потому что еще мало сознательных элементов среди рабочих, но к тому мы должны стремиться всеми силами. Рабочие должны понимать необходимость политической свободы, потому что она необходимое средство для их полного освобождения и потому, что без нее невозможно как полное экономическое развитие России, так и серьезное развитие самого рабочего движения. Кроме того, в России рабочему классу приходится играть роль зачинщика, инициатора, потому что своей сознательной борьбой он может вызвать аналогичные движения и в других классах и слоях общества.

Я заметил, что «экономисты» вообще мало внимания обращают на наши крайние цели социализма. От этого выходит вся ихняя путаница.

Выше я вам беспорядочно передал существенное нашего разговора. Он согласился с некоторыми моими доводами и, наконец, сказал, что правда посредине, что он далек от чистого экономизма, но и несогласен с таким чистым политиком, как Павел [Аксельрод]. Мы расстались очень дружно,

при взаимных обещаниях и благопожеланиях встретиться скоро снова и тогда уж работать вместе.

«Экономист» говорил еще, что эти *два течения* среди русской социал-демократии *далеки, чтобы мешать друг другу, а только взаимно дополняются*. «Экономист» развивал мне еще план о широкой рабочей литературе, но об этом он мне обещал еще написать, и тогда я вам напишу, в чем состоит он. Так как идет вопрос о литературе, сообщаю вам, что по Стэндарю теперь надлежит написать брошюру из истории немецкого социал-демократического движения.

Между прочим можно и по истории немецкого социализма, где показать, какими трудностями и жертвами сопровождалось рабочее соц[иалистическое] движение на Западе. Русский рабочий, прочитав о страданиях, которые перенесены его немецкими товарищами, будет черпать [из этого] смелость и энтузиазм.

Считаю лишним передавать в подробностях все свои разговоры с другими представителями петербургских групп, потому что ихние взгляды сходятся с вашими. Я передаю только то, что может вас интересовать. Из «Центральной» мне сказали, что, после съезда, группы были недовольны именем «партия», так как это не соответствует действительности. При теперешнем фазисе русского соц.-дем. движения о централизации партии еще трудно говорить, и потому следует частным группам дать больше автономии. Это общее желание. Я сам нахожу это необходимым еще и в другом отношении. Я убедился, что теперь в России сколько соц[иал]-д[емократов], столько и различных толкований по разнообразным вопросам. Если бы все эти люди соединились вместе, бо́льшая часть ихнего совместного действия пошла бы на споры, а лучше будет оставить на некоторое время, чтобы жизнь направила многих на правильный путь, и тогда централизация движения значительно облегчится.

Я говорил уже выше, что «Русская Мысль» стала органом Петербургского союза. Был вопрос сделать этот орган органом «партии» (хотя и именем недовольны, но все говорят, что раз сказано «партия», надо сохранить это), но этот проект был оставлен потому, что — и в этом я сам убедился — отсутствуют литературные силы. Все же из центральной организации мне было сказано еще, что было бы очень желательно,

чтобы вы там не отделялись вполне от «Genossen» [товарищей] и, другими словами, чтобы вы отнеслись более снисходительно к ним. Что они считают, между прочим, что с последним решением съезда вы были согласны.

Теперь, если вы мне позволите высказать свои общие впечатления, так вот каковы они: русская соц.-демокр., *взятая в ее целом*, еще не определила свой образ действий в России (тут я понимаю работающих в России). Хотя все отлично понимают принцип социализма, но у большинства из них недостает политического смысла, недостает того революционного источника, который не позволил бы им забываться в доктринерских рассуждениях, вместо того чтобы бороться с врагом. Конечно, это выходит оттого, что у русских соц.-демокр. мало накопленного опыта, что там нет революционных традиций, так как слишком большое отрицательное отношение к прочим революционным партиям помешало им усвоить ихний революционный дух. Я присутствовал на некоторых собраниях и удивился, с какой непримиримостью наши товарищи на публичных собраниях относились к крестьянам и давали повод народникам обвинять марксистов в том, что они игнорируют крестьянскую массу. Наконец, вследствие того, что в России отсутствует свободное публичное обсуждение, создался такой философский жаргон, который еще более запутывает вопросы. Другая, приятная сторона медали — это то, что у всех большой жар к работе и все, с которыми я встречался, — а я хотя и мало оставался в Питере, но виделся с самым разнообразным народом, — в том или ином смысле делают доброе дело.

III.

Петербург, лето 1899 г.

Вы, наверное, удивляетесь моему долгому молчанию и думаете, что действуют воды Леты. Но тут виновата не Лета, а совершенно другие обстоятельства, о которых было бы слишком долго писать.

Дело, о котором мы говорили, пришлось отложить, но лишь на время. Я жду приезда вашего приятеля [1]), на ко-

---

[1]) Кажется, Баумана. — *Л. Д.*

торого не действовали никакие воды Леты. К сожалению, без него нельзя ничего предпринять. Та комбинация, о которой мы говорили, расстроилась; нужно подыскать другую, которая уже и найдена. Дело только за исполнителями, их-то и не хватает. Именно поэтому жду возвращения нашего общего друга.

Вы знаете, вероятно, о литературных новостях газет. Высылаю ее вам. Как она вам понравится? Боюсь, что за нее вы будете кой-кого еще больше ругать: что поделаешь, нужно жить и влиять на жизнь, а если очень охранять свою чистоту, то только с нравственной чистотой и останешься.

Дорогой Георгий Валентинович! В продолжение 5-6 дней вследствие большого снега поезда не шли, так что я вчера только получил известие, что моя тетка перенесла с благополучием важнейшую часть своей операции: «Je me porte à merveille» [«чувствую себя превосходно»] — пишет она [1]). Присылаю вам бумагу Саниной и копию из одного письма, что я получил уже дней 10 и больше тому назад.

Сердечный поклон всем. *Х. Раковский.*

Д-р Х. Раковский.
Констанца — Румыния.

IV.

Париж, 1904 г., зима.

Дорогой Георгий Валентинович!

Как видно, вы забыли оставить самое главное, что я просил, — статья Брюнетьера совсем не нужна была, — а именно мою корреспонденцию о худож[ественной] выставке. Я вам ее дал у Берлинов, и вы спрятали в карман. Она мне очень, очень нужна, — я собираюсь писать статью о французской карикатуре времен реставрации и Луи-Филиппа. Прошу, умоляю — пошлите ее мне.

Мне было грустно, что не удалось свидеться с вами перед отъездом. Этому помешал не «суд», — я постарался бы уйти во-время, — но известие, которое я узнал после того,

[1]) Под «теткой» имелась в виду Вера Засулич, отправившаяся в Петербург с паспортом действительной тетки т. Х. Раковского; под «операцией» нужно понимать — переезд через границу. — *Л. Д.*

как был у вас в отеле, что вам разрешили остаться еще [на] две недели и что Раппопорт дал вам об этом знать. Тогда и я заключил, что, если вы, собравшись уехать в 8 часов, не возвратились еще в отель, — я у вас был 20 минут восьмого, — так, очевидно, вы отложили свой отъезд.

Сердечный поклон Розалии Марковне, Вере Ивановне и вашим mademoiselles, которых я уже не осмеливаюсь называть «Лида» и «Женя», как это было в старые, прошлые времена.

Крепко жму вам руку. Ваш *Х. Раковский.*

Rue Mazarine, 46.

Разъяснения, сделанные теперь т. Х. Раковским. *(Ред.)*

Письмо [это] относится к началу 1904 г. В это время Г. В. показался в Париже. (Между прочим разрешение на [это его] пребывание мне удалось получить при содействии Клемансо, который был тогда в оппозиции и [состоял] директором «L'Aurore». В Париже Г[еоргия] Валентиновича застала русско-японская война. После получения первых сведений мы устроили митинг [протеста против войны] с участием представителей всех русских рев[олюционных] партий [1]), а также и французов. Г. В. председательствовал [2]). Выступал также и я. «Суд», о котором идет здесь речь было дело Дейча и Гусева (в связи с Лондонским съездом) — я был выбран супер-арбитром. — *Х. Р.*

[1]) Участвовали только русские соц.-демократы и французы. — *Л. Д.*
[2]) Председательствовал я. — *Л. Д.*

Т. КОПЕЛЬЗОН.

ПИСЬМА К Г. В. ПЛЕХАНОВУ.

I.

[Берн, 1898—1899 г.]

Дорогой Георгий Валентинович!

Вам, верно, Сущинский передавал известия из Питера о тамошних дрязгах, закончившихся объединением «Рабочей Мысли» и «Петербургского Союза». В группе «Рабочей Мысли» было, в сущности, столько боевых элементов, что этого объединения и сглаживания односторонностей, вытекавших из отношений интеллигенции к рабочим, следовало ожидать. Их девиз — «борьба при каких бы то ни было политических условиях» — заключает в себе здоровый элемент, который выведет их на вполне правильную дорогу. «Рабочее Знамя», в конце концов, оказалось более мирным, чем «Рабочая Мысль» [1]).

Борьба между двумя направлениями или скорее оттенками, заканчивается, но перед нами вырастает теперь, по-моему, другой враг, с которым нам придется очень солидарно бороться. Этот враг — социалисты-революционеры, принявшие лучшие принципы практической деятельности социал-демократов, но зовущие русских революционеров на террор. Недавно вышла гектографированная их программа и критика предыдущих. Они в России начинают объединяться, к ним пристают старые народовольцы. По моим догадкам, у них состоялся недавно съезд в Париже, причем группа Житловского и Раппопорта сошлась со старыми революционерами [2]).

Редакция газеты «Русский Рабочий» перешла в руки молодых, и они хотят ее поставить на более широкую ногу, увеличить внутренний отдел. Программа социалистов-рево-

люционеров — «Наши задачи» послана на-днях Бохановскому печатать.

Было бы очень хорошо, если бы вы, Георгий Валентинович, написали нам статейку об этой программе. Это было бы теперь очень кстати.

Социалисты-революционеры собираются и начинают свою пропаганду здесь, за границей, в более широких размерах. Житловский старается здесь популяризировать свой «бомбизм», причем прикрывается самыми лучшими пожеланиями успехов социал-демократии, толкует о необходимости итти с ней рука-об-руку, — социалисты-революционеры и социал-демократы должны дополнять друг друга и т. п. В ближайшем будущем он собирается прочесть агитационный реферат на тему «Соц.-демократы и соц.-революционеры», тоже и в Цюрихе. Тут, к сожалению, некому ему отвечать. Легальные люди боятся выступать, а Аксельрод (Л. И.), следует признаться, не совсем удачно умеет полемизировать с ним.

Своими гладкими многословными ответами Житловский уничтожил всякое впечатление от реферата Аксельрод о Толстом.

Поэтому желательно, Георгий Валентинович, чтобы вы приехали сюда читать реферат, только после того, как Житловский прочтет свой. Пускай он выскажется, а то бог его знает, что он теперь поет. Сближение со старыми народовольцами усилило в нем террористические струнки, и он теперь на них, главным образом, и играет. Он и сам говорит, что между программой социалистов-революционеров и народовольцев нет крупных различий.

Я знаю, что вам, дорогой Георгий Валентинович, очень трудно ездить для чтения рефератов, но было бы очень хорошо, если бы вы могли прочесть пару рефератов на тему о «непосредственной политической борьбе» в Берне и Цюрихе. Публика не может в этом вопросе разобраться: ей все кажется, что непосредственная борьба и есть террор, одним словом, то, что нроповедует Житловский и компания.

Житловский, верно, свой реферат прочтет 5 февраля.

Затем у меня есть пара вопросов, о которых мне бы хотелось с вами поговорить, но в письмах это неудобно

делать, и я оставлю их до вашего приезда. Всего хорошего. Уважающий вас *Гришин*.

P. S. Программу соц.-рев. «Наша задачи» мне, может быть, удастся достать, и тогда я вам на время сумею ее прислать.

Примечания к первому письму.

[Написаны теперь т. Т. Копельзоном.]

Первое письмо к Г. В. Плеханову было написано, вероятнее всего, в начале или в середине 1899 г. из Берна. Оттуда я и вел свою переписку в качестве секретаря Союза русских социал-демократов за границей.

По существу упоминаемых в письме сведений и фактов мне за «давностью» (28 лет тому назад) трудно многое точно установить.

[1]) «Рабочая Мысль» печаталась тогда за границей, кажется, нелегально в Берлине. Оттуда же она транспортировалась в Россию. Во главе ее стоял финляндец Кох и Тахтарев (Ветринский), жившие в то время в Брюсселе. Кох был крайне недоволен попыткой объединения петербургской группы «Рабочей мысли» с «Петербургским союзом борьбы за освобождение рабочего класса». Заграничная группа «Рабочей Мысли» была гораздо правее ее петербургской организации. Кох крайне враждебно относился к социал-демократической интеллигенции, «экономистов» «Рабочего дела» он считал крайне-левыми и обвинял их в излишней приверженности к политике.

[2]) Житловский — писатель по философским, партийным, литературным и всяким другим вопросам, неустойчивый эклектик, с изрядной дозой скептицизма, до появления на эсеровской партийной арене Виктора Чернова, единственный теоретик эсеровства и его философии.

Многоречивый, поверхностный, он в своей голове вмещал субъективные взгляды (философские и исторические) в духе Н. Михайловского, марксизм в форме бернштейнианского ревизионизма, национальный вопрос в бундовской формулировке с поправками из австрийской школы и с уклоном в сторону сионизма.

Своим краснобайством и умением подделаться и подойти к аудитории Житловский вносил большую смуту в головы заграничной учащейся русской молодежи. Он, кажется, не пропускал ни одного реферата Г. В. Плеханова, чтобы не выступить против него с длиннейшими возражениями и поправками. Плеханов называл Житловского своим «непременным, постоянным оппонентом». Один лишь Плеханов и

умел основательно разделываться с Житловским и рассеивать туман, наводимый последним.

К. Житловский сейчас живет в Америке, продолжая качаться в своих политических воззрениях между защитой некоторых положений большевизма и оппортунизмом, между сионизмом и другими решениями национального вопроса.

Упоминаемый соц.-рев. Раппопорт — мой старый виленский товарищ. Хонон Раппопорт в 1886—1887 гг. примыкал к виленской народовольческой группе, принимавшей участие в покушении 1 марта 1887 г. на Александра III.

Очутившись за границей (с конца 1887 г.), он примкнул к возникшей группе эсеров, затем, кажется, в конце 1902 г. он стал марксистом и вступил в РСДРП. В настоящее время — один из видных деятелей французской коммунистической партии.

К той же группе эсеров принадлежал и другой писатель Раппопорт, известный под псевдонимом А-нский. Он, впрочем, не играл выдающейся роли у эсеров.

Газета «Русский Рабочий» издавалась за границей группой молодых эсеров. Ее главным организатором и транспортировщиком был виленец Мендель Розенбаум, принадлежавший в конце 80-х годов к группе виленских социал-демократов (Л. Тышко, А. Кремер, И. Айзенштадт, я и другие). Всего «Русского Рабочего» вышло не больше 10 номеров.

К эсерам же примыкал сделавшийся впоследствии «знаменитым» провокатор Евно Азеф, бывший тогда студентом в Дармштадте и наезжавший часто в Берн, где проживала его семья. Он уже тогда отличался своей приверженностью и страстной защитой системы политического террора. Руководящей роли тогда еще среди эсеров не играл. Начиная с 1901 г. стал одним из практических деятелей и руководителем эсеровского транспорта в Берлине. В 1902 г. переехал в Москву, где отличился своей многообразной партийной деятельностью. Благодаря своим московским «заслугам» Азеф попал в ЦК партии эсеров, а затем и в Боевую организацию.

Т. Копельзон (Гришин).

II.

[1899—1900.]

Дорогой Георгий Валентинович!

Л. И. Аксельрод и профессор Рейхсберг были у меня сегодня с предложением третейского суда. Что я им ответил, вы узнаете, верно, из письма Аксельрод.

Из предложения Рейхесберга и Аксельрод ясно видно, что группа «Освобождение Труда» решила выступить из Союза. Нам, членам Союза, крайне больно, что лишаемся таким образом влияния группы «Освобождение Труда» на ход дела и направление деятельности Союза.

Я считаю своим долгом поэтому предложить вам, дорогой Георгий Валентинович, ввиду необходимости бороться с путаницей в программных и тактических вопросах, замечаемой в настоящее время даже среди руководителей рабочего движения в России, не лишать нас в этом отношении поддержки. В силу этого мы, многие члены Союза, считаем совместную деятельность Союза и группы «Освобождение Труда» крайне необходимой. Теоретическая разработка многих вопросов является насущным делом для правильного хода партийных дел. Не знаю, известно ли вам, Георгий Валентинович, что у нас теперь началась сильная борьба против направления «Рабочей Мысли», в особенности выразившегося в последних его изданиях. Я не говорю уже о социалистах-революционерах, поднимающих головы при проявлении малейшей несолидарности среди русских социал-демократов.

Вы, конечно, Георгий Валентинович, все это прекрасно знаете и без наших указаний, но считаем с своей стороны нужным еще раз выразить вам свою готовность сделать все возможное, чтобы избегнуть разрыва.

Насколько я знаю, проект соглашения группы «Освобождение Труда» целиком членами Союза не будет принят и при новой баллотировке. Я убежден и знаю, что большинство членов принимают пункты о полной свободе редакции группы «Освобождение Труда» и гарантировании ей определенной части доходов Союза — до 2 000 фр. в год — и получения группой «Освобождение труда» пожертвований от частных лиц на специальные назначения в неограниченном размере. Что касается вопроса о приеме новых членов, то я, одновременно с рассылкой проекта, предлагаю баллотировать рекомендованных группой «Освобождение Труда» всех кандидатов, и я твердо убежден, что они все будут приняты Союзом.

От имени многих членов Союза выражаю надежду, что в ближайшем будущем выработаем сообща modus vivendi для беспрепятственной и свободной деятельности группы «Освобождение Труда» в пределах Союза.

В ожидании ответа остаюсь преданный вам секретарь Союза *Гришин*.

Примечания ко второму письму.

Письмо второе относится, вероятно, к зиме 1899—1900 гг.

В чем состояло предложение для обсуждения третейским судом со стороны Л. И. Аксельрод и проф. Рейхсберга, абсолютно не помню. Не помню даже и их посещения.

Мои усилия удержать группу «Освобождение Труда» не увенчались успехом. Несмотря на существовавшие крупные партийные разногласия между группой и «молодыми», мне тогда казалось, что можно было добиться организационного соглашения между воюющими сторонами.

Плеханов, несмотря на все свое упорство и вражду к «молодым», сначала готов был пойти на уступки в организационных вопросах, так как у «молодых» были значительные средства, и в их руках были обширные связи с социал-демократическими организациями в России; среди «молодых» было много организаторов, товарищей, недавно приехавших «с поля битвы», недурно налаживавших транспорт нелегальной литературы; большинство из них искренно считало свое пребывание за границей временным.

На стороне «стариков», были теоретические силы, ясная политическая с.-д. программа. Группа «Освобождение Труда» (главным образом Г. В. Плеханов) всегда, за редким исключением, относилась недоверчиво к русским товарищам-практикам, подчас и не без основания.

Молодежь относилась с уважением к основателям русской социал-демократии, обвиняя их лишь в непонимании текущих задач российской революционной действительности и в желании сохранить свою организационную самостоятельность и замкнутость. «Молодые» считали себя истинными выразителями интересов социал-демократического движения в России, обвиняя стариков в абстрактном, чисто теоретическом понимании русской действительности.

С другой стороны, «молодые» представляли собой мало устойчивый, разнородный элемент — смесь рабочемысльцев и «экономистов» рабочедельческого типа. Даже «политики» из их среды поддались влиянию пропаганды «экономизма» и впоследствии составили главное ядро «рабочедельцев».

В 1899—1900 гг. группе «Освобождение Труда» удалось связаться с «литературной группой» (так называли в России группу, возглавляемую В. И. Лениным, Л. Мартовым и А. Потресовым), игравшей тогда уже видную и влиятель-

ную роль в кругах российских социал-демократов. «Молодые» были в большинстве своем уверены, что «литературная группа» станет скорее на их сторону, чем на сторону группы «Освобождение Труда». Последняя была уверена в противном. Связь с «литературной группой» внесла бодрость и решимость в среду «стариков», и они оставили всякую мысль о соглашении с «молодыми».

Т. Копельзон (Гришин).

Москва, 15 июня 1926 г.

В. БОНЧ-БРУЕВИЧ.

ПИСЬМА К Г. В. ПЛЕХАНОВУ.

I.

Лондон, 9 окт. 1898 г. Walten and the Nees. England.

Дорогой Георгий Валентинович! Вместе с этим письмом посылаю вам все издания Черткова [1]). Я теперь, как видите, живу в Англии, поехал помогать в организации и переселении духоборов с Кавказа в Америку [2]). Чертковы — мои большие личные друзья. Вы знаете, наверное, что их выслали из России за противоправительственную пропаганду. В Англии он занялся издательской деятельностью. Он располагает громадным интересным материалом. Кроме толстовских писаний, у него собран большой материал о гонении русского правительства за свободу убеждений. Если бы вы видели, какие здесь есть ценнейшие документы! У Черткова хорошая типография, хорошие средства и связи. Все это соблазнило меня остаться здесь на время и поработать [3]). Опубликование всех этих документов, автобиографий различных сектантов и пр. представляется мне чрезвычайно важным и необходимым делом. Среди книг вы найдете № журнала «Свободное Слово» [4]) и № «Братского Листка» [5]). «Братский Листок» очень слаб, это сознается всеми; это произошло от неопытности редактора. Наверное, «Братский Листок» больше выходить не будет. Интересен тот факт, что даже он привлек уже пожертвование из России около 800 рублей в пользу духоборов. Вскоре выйдет первый № «Листка Свободного Слова» [6]), и эти два журнальчика — «Свободное Слово» и «Листки Свободного Слова» — будут выходить, хотя и непериодически, но довольно часто. В «Листках Свободного Слова» будут помещаться небольшие статьи, текущие корреспонденции, письма и пр. В «Свободном Слове»

более обширные статьи, обозрения, исторический материал и пр. Наша коллективная редакция [7]) не ставит себе узких рамок, и мои приятели-толстовцы готовы помещать и статьи других лагерей, лишь бы они были написаны строго и серьезно. Издания Черткова имеют хорошее распространение, с одной стороны, среди сектантов, а с другой — в так называемом «обществе». Я хочу воспользоваться этим удобным случаем и ознакомить для нас нового читателя с рабочим движением в России и на Западе, а также с принципами научного социализма. Я очень прошу вас передать вашим товарищам (смею думать, и моим) по Союзу социал-демократов мою следующую просьбу: будем обмениваться изданиями. Присланный мною экземпляр пусть идет в зачет (Аксельроду я тоже послал). Попросите от меня Блюменфельда, пусть немедленно вышлет мне сколько найдет возможным №№ ваших изданий в обмен на присланные, а остальные (реестр прилагаю на отдельном листке) пусть немедленно вышлет по моему адресу за деньги, сделав возможно большую скидку [8]). Деньги немедленно вышлю по получении счета, а затем всего вам хорошего.

Преданный вам *Владимир Бонч-Бруевич.*

Блюменфельду и Гинсбург привет, а также вашей семье.

Примечания В. Д. Бонч-Бруевича, сделанные 14 июня 1926 г. — *Ред.*

[1]) Чертков, Владимир Григорьевич, вместе с женой своей, Анной Константиновной, будучи выслан из России за активную помощь преследуемым духоборам и за разоблачение царского правительства в деле преследования сектантов за религиозные убеждения, основал в Англии издательство «Свободное Слово», где выпускал в свет запрещенные в России произведения Л. Н. Толстого, а также и многие другие книги, которые в России печатать было нельзя, ввиду преследований печати.

[2]) Отказавшихся от воинской повинности и вообще непожелавших подчиняться распоряжениям царского правительства русских сектантов-духоборов Николай II решил выслать из России навсегда. Они в числе около 7 000 человек поехали за границу и поселились в Канаде. Я принимал участие в этом переселении, сопровождая четвертую партию духоборов в 2 318 человек на пароходе «Lake Huron» и помогал духоборам в Канаде устроиться на новых местах.

[3]) В 1898 г. я учился в Цюрихском университете на естественно-научном факультете. Приехав за границу весной 1896 г. в качестве полномочного представителя московской социал-демократической организации, я занялся транспортировкой в Россию нелегальной литературы и печатных станков. После провалов московской организации осенью 1896 г. и выдачи меня рабочим Кварцевым, я вынужден был остаться за границей в качестве политического эмигранта и стал пополнять свое образование. За границей было жить крайне скучно, ибо политическая и революционная деятельность наших социал-демократических организаций в то время была крайне мала. Меня тянуло к работе. Сидеть без практического, созидательного дела я не мог. В это время я стал заниматься изучением сектантского движения в России. Вокруг В. Г. Черткова закипала большая издательская работа. К нему стекались громадные массы материалов по сектантскому движению, которые меня крайне интересовали, и я с удовольствием принялся за работу в этой новой литературной заграничной организации, а также в богатейших архивах Влад. Григ. Черткова.

[4]) Журнал «Свободное Слово» издавался под редакцией П. И. Бирюкова, высланного из России за границу по тому же делу духоборов.

[5]) «Братский Листок» — издававшийся под редакцией П. А. Буланже, высланного из России за границу за помощь духоборам.

[6]) «Листки Свободного Слова» издавались под редакцией А. и В. Чертковых.

[7]) Я в редакцию этих «Листков» не входил.

[8]) Издания «Союза социал-демократов» я выписывал для того, чтобы пересылать их новыми путями, открывшимися в Англии, — в Россию.

II.

6 июля 1900 года.

Дорогой Георгий Валентинович! Я все-таки вполне понимаю вас, что вы, стоя на своей точке зрения, не могли взяться за третейский суд. Может быть, это дело и к лучшему, что это так случилось. Подумав обо всей этой истории, я пришел к заключению, что судиться с подобными людьми, да устраивая еще суд со своей стороны, — только валяться в грязи. Я написал письмо Акимову (копию которого я вам прилагаю), но, прежде чем отправить его, я поехал

в Цюрих — еще раз посоветоваться с Эрисманом и Аксельродом. Рассказал им все, они оба посоветовали мне то же самое, к чему пришел и я сам, о чем писали и вы мне. Суда не затевать. Письмо посылаю Акимову для того, чтобы он знал, почему я не хочу с ним судиться. Может быть, я напечатаю где-либо статейку по поводу всей этой истории. Всего вам хорошего, спасибо большое за советы.

В. Бонч-Бруевич.

P. S. Всей этой историей руководит Тихвинский, как я доподлинно узнал об этом в Цюрихе. Ох, этот Тихвинский! Эрисман говорит, что меня и судить нельзя, так как нет состава преступления [1]).

[1]) С выходом книги Г. В. Плеханова «Vademecum для «Рабочего Дела» за границей разгорелась огромная полемика между группой «Освобождение Труда» и ее приверженцами, с одной стороны, и «Союзом русских социал-демократов» с деятелями «Рабочего Дела» во главе — с другой.

Мы, примыкавшие к группе «Освобождение Труда», немедленно организовали группы по всем городам, чтобы дать отпор разъезжавшим по русским колониям представителям «Рабочего Дела», в своих рефератах не только пропагандировавших бернштейнианские узко-экономические социал-демократические взгляды, везде и всюду принижавшие взгляды революционного марксизма, но и дискредитировавших деятелей группы «Освобождение Труда» и к ним примыкавших товарищей. Я вместе с товарищем Эдельманом стоял во главе цюрихской группы, принявшей на себя все удары новых критиков. С противоположной стороны выступали более всего: Акимов (Махновец), Копельзон, Иваньшин, но за кулисами всей этой агитации против группы «Освобождение Труда» стоял инженер Тихвинский, с невероятной злобой распространявший разные гнусности про деятелей группы «Освобождение Труда» и особенно против Г. В. Плеханова, но никогда не выступавший открыто на собраниях. Он прибегал ко всевозможным хитростям, лишь бы разложить молодежь, группировавшуюся около групп содействия группе «Освобождение Труда». Вся эта дезорганизаторская деятельность Тихвинского была для меня и ближайших моих товарищей в высшей степени подозрительна, что мы и высказали и т. Аксельроду и т. Плеханову (в письме). Мне пришлось вести деятельную переписку с нашими группами и с отдельными товарищами во многих городах Европы. Между прочим я высказал свои сомнения по поводу нравственных качеств Тихвинского товарищу Антропову, жившему тогда в Лондоне, работавшему в группе «Красное Знамя», и также указал ему, что Акимов, на мой взгляд, является орудием в руках Тихвинского. Он сообщил кому-то из рабочедельцев эти мои недоумения. Тот передал Акимову, и Акимов прислал мне ругательное письмо, более всего обидевшись на то, что я могу думать, что он, Акимов, находится в чьих-то руках. Я хотел во всей этой истории разобраться при помощи третейского суда, но Г. В. Плеханов, а также П. Б. Аксельрод и Ф. Ф. Эрисман решительно не советовали мне связываться с Тихвинским и К°. Все они совершенно отрицательно относились не только к деятельности, но и к личности Тихвинского. Я послушал их совета, написал письмо, здесь печатаемое, Акимову и тем закончил это дело. Кстати сказать, Тихвинский вскоре куда-то исчез из-за границы, и совершенно отошел от с.-д., проявив себя, как рассказывали мне, в качестве хорошего химика в Киеве в 1905 г., помогая изготовлять бомбы. Во время Октябрьской революции он был арестован советской властью, изобличен в регулярных сношениях с хозяевами предприятий, находившихся за границей, и расстрелян за экономический шпионаж. Вся его заграничная деятельность той отдаленной уже от нас эпохи и до сего времени кажется мне очень странной.

Влад. Бонч-Бруевич.

Москва, 14/VI 1926 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

6 июля 1900 года.

Милостивый государь, г. Акимов!

Ваше письмо, написанное в г. *Берлине 16 июня 1900 года* и пересланное в Берн *с кем-то из Цюриха*, только 21 июня я получил.

1) Так как ваши утверждения в этом письме носят след, несомненно, намеренной подтасовки фактов, слов и выражений;

2) так как вы, считая мои «утверждения в высшей степени оскорбительными» для вас, вместо того чтобы пойти по общепринятому культурному пути третейского разбирательства, на который и я вам указывал в последнем моем письме к вам, предпочли другое, наверное, более для вас подходящее, — площадное ругательство;

3) так как все это совершенно уронило вас в моих глазах, то я, не принимая за оскорбление себя ругательства тех людей, которых перестал уважать, перестал считать обыденно-правдивыми, — не нахожу для себя нужным и возможным вступить *с своей стороны* в какие бы то ни было переговоры с вами о третейском разбирательстве, совершенно не нуждаясь в оправдании *себя в ваших глазах*. Причем уведомляю вас, что все ваши письма ко мне, если таковые могли бы воспоследовать, буду возвращать вам нераспечатанными.

В. Бонч-Бруевич.

III.

1 декабря 1901 года.

Дорогой Георгий Валентинович!

О Вере Михайловне [1]) ничего особенно утешительного сообщить не могу, ибо она все продолжает сидеть и когда ее выпустят — неизвестно, хотя они и сказали ее сестре, что, вероятно, вскоре. Уезжая, Вера Михайловна очень просила меня, чтобы я отклонял всякие поползновения о хлопотах и просьбах через петербургских друзей — Черткова, Толстого и пр. Будучи с ней вполне согласен, что просить каких-либо льгот и пр. просто недостойно социалиста, я, конечно, так и поступил после ее ареста — я отклонил все предложения этого сорта. Но сюда приехала мать Черткова [2]), которая очень любит Веру Михайловну, и как только узнала от своего сына, что Вера Михайловна арестована, стала упрекать меня, что я ей ничего не сказал и пр. и пр., ничего мне не говоря, оказывается, принялась кому-то писать, и Вера Михайловна пишет мне в письме, что к ней явилась в тюрьму с визитом графиня Шувалова. Была с ней очень мила и возмутилась тем, что Веру Михайловну арестовали и пр. После я уже узнал, что Шувалова написала матери Черткова, что она нашла Вер. Мих. больной и «напустилась» на охранное отделение и жандармов. Вере Михайловне тогда, в первый раз, через полтора месяца, передали мои письма, перевели в светлую камеру, дали свидание с сестрой, а Святополк-Мирский, товарищ министра внутренних дел, телеграфировал Шуваловой, что дело будет рассмотрено немедленно. Шувалова и еще какая-то княгиня Дондукова-Корсакова получили разрешение посещать Веру Михайловну прямо в тюрьме, вообще они сделали все то, что допустимо только при полном произволе. Вера Михайловна пишет, что ей очень неприятно, что вся тюрьма, жандармы выделили ее на какое-то особенное привилегированное положение. Вера Михайловна рассказывала этим посетительницам вообще о положении политических, и эти все великосветские дамы возмущены, но что значит их возмущение? Вера Михайловна ждет ребенка — и это-то ее положение особенно заставляет всех этих дам сильно возмущаться поведением жандармов, а также и то, что они «не пустили» Веру Михайловну к умирающей матери. Я удивляюсь их наивности и невинности и по просьбе старухи Чертковой рассказал ей подробно о положении политических и дал литературу: пусть почитают. Старуха Черткова пишет письма Вере Михайловне и храбро говорит мне: «Я их нисколько не боюсь». Вот и все о Вере Михайловне. Теперь вот о чем: когда мы уезжали из Женевы, Розалия Марковна говорила Вере Михайловне, чтобы подыскать для вашей младшей дочери в хорошей английской семье место, где бы можно было обучиться хорошему английскому языку, обучая взамен кого-либо французскому. Вера Михайловна просила меня это охлопотать. До сих пор не представлялось возможным. Но вот теперь я очень хорошо познакомился с Райтом (Writh), директором London Library. Это прекрасная личность, рекомендованная мне с самой лучшей стороны Чертковыми и моими московскими друзьями. (Он сам лингвист и жил три года в России для изучения русского языка.) Вот я и обратился к нему за советом. Он мне сказал, что это нетрудно устроить, и просил меня спросить у вас, не раздумали ли вы это дело *в принципе*, чтобы не хлопотать даром. Если нет, то он охотно будет хлопотать и, конечно, не может обещать наверняка, но почти уверен, что найдет хорошее место в вполне рекомендованной, хорошей семье, на хороших условиях. Только ему надо знать: владеет ли ваша дочь только французским языком или знает какой-либо еще другой? Может ли она обучать также русскому языку и знает ли музыку? Если вы с Розалией Марковной это дело в принципе не раздумали, то напишите мне поскорее все подробно. Лично я сам очень стремлюсь в Париж, но не знаю, когда это удастся. «Искру» я получаю благодаря любезности Бориса Абрамовича [Гинзбург-Кольцов]. Какой прекрасный ответ Додонову! А полемика действительно принимает громадные размеры; мне иногда кажется, не лучше ли перенести ее в «Зарю». Как-то она отразится в рабочих массах? А на Кричевского с компанией надо просто удивляться: неужели они сами не понимают, что бессмысленные статьи никого не убедят. В «Искру» я только что послал два тайных циркуляра, которые удалось получить благодаря помощи англичан, может быть, они и пригодятся «Искре». В Прибалтийском крае образовалась хорошая русская революционно-социал-

демократическая организация. Они выпустили хорошую прокламацию. Копию ее я отослал в «Искру», а оригинал (гектографированный) отсылаю в музей [3]) через Сергеева [4]) (он принесет вам ее показать). У этой организации есть свой путь, и я двинул туда «Искру» и «Зарю». Жду книг из редакции, а сейчас пишу о присылке книг Борису Абрамовичу. Теперь в «Искру» будет отсылаться правильная хроника движения в остзейских провинциях.

Пожалуйста, передайте мой сердечный привет Розалии Марковне и поклон вашим дочерям.

За книги вы мне ничего не должны, так как за них уже заплачено общими силами [5]), так поступили потому, что эти книги нужны для общего дела.

Прощайте пока.

Преданный вам *В. Бонч-Бруевич.*

P. S. Как идут дела музея?

Примечания сделанные В. Д. Бонч-Бруевичем.

[1]) Величкиной. Она была арестована в октябре 1901 г. на границе при возвращении в Россию и отвезена в Петербург, в Дом предварительного заключения. Была обвинена в принадлежности к с.-д. организации и в устройстве демонстрации в Женеве против русского консульства.

[2]) Е. В. Черткова, ушедшая из православия и присоединившаяся к так называемому «Пашковскому» религиозному движению. Это сектантство среди высшего общества одно время имело довольно большое распространение. Оно также проникло в народ в некоторых губерниях. «Пашковство», называемое так в честь его основателя Пашкова, — близко к баптизму и последователям лорда Редстока в Англии (редстокизм), одно время пропагандировавшего свое учение в великосветских салонах Петербурга.

Е. В. Черткова и ее друзья — Шувалова, Дондукова-Корсакова и др., конечно, совершенно не сочувствовали революционному движению, и вместе с тем они много и нередко помогали политическим заключенным. Особенно много этому делу помощи отдавала сил и времени Дондукова-Корсакова, которая добивалась свидания со многими политическими, устраивала им передачи, собирала деньги и помогала ссылаемым в Сибирь, сильно заботясь о шлиссельбуржцах, и помогала им чем было возможно в ту суровую эпоху.

[3]) В Женеве, по моей инициативе и при ближайшей поддержке Г. В. Плеханова, в 1900 г. был начат устройством «Музей русской революции», куда стали стекаться документы, книги, журналы, портреты разных эпох революционного движения в России. Г. В. Плеханов был избран председателем комитета по устройству «Музея русской революции» в Женеве. Я был секретарем музея. Материалов поступало довольно много. В нем принимали участие очень многие представители революционных партий. Потом это дело заглохло, а все его имущество перешло в «Библиотеку и архив ЦК РСДРП», основанные мною в Женеве в 1903 г.

[4]) Сергеев — член группы содействия с.-д. организациям. Работал по организации музея. В 1903 г. присоединился к соц.-дем. организации «Жизнь». Работал в транспортной ее группе.

[5]) Эти книги были выписаны мною из России для работ Г. В. Плеханова. Помню, они были более всего по экономическим вопросам и вопросам истории. Конечно, мы все очень радовались быть полезными Георгию Валентиновичу, которого очень любили и глубоко уважали, и доставали для него книги, где только было возможно.

Влад. Бонч-Бруевич.

14 июня 1926 г.

Д. В. ПЕРАЗИЧ.

ПИСЬМО К Г. В. ПЛЕХАНОВУ.

Вена, 21 марта 1895 г.

Георгий Валентинович!

Прежде всего позвольте мне сделать несколько замечаний в ответ на ваше письмо.

Прежде всего несколько слов о форме моих сношений с г[руппой] «О[свобождение] Т[руда]». Я буду вам, Георгий Валентинович, очень благодарен, если вы позволите мне обращаться за всеми подробностями непосредственно к вам и избавите меня от излишнего труда вести еще переговоры по нашим делам с Павлом Борисовичем. Во-первых, гораздо удобнее столковаться с одним человеком, — и я предпочитаю с вами, — во-вторых, со своими товарищами вы столкуетесь обо всем сами гораздо лучше, чем лицо постороннее, хотя бы я в данном случае.

В противном случае могут выйти задержки в делах и неприятные и вредные недоразумения. Поясню это примером. Из вашего письма я понял, что Шиппель будет вами издан, из разговоров же с Павлом Борисовичем я вынес впечатление, что в настоящее время это для гр[уппы] «О[свобождение] Т[руда]» едва ли возможно, так как она не обладает необходимыми средствами. Далее я желал бы войти в дело с вами потому, что надеюсь прийти к какому-либо соглашению скорее с вами, чем с Павлом Борисовичем. Таково мое впечатление от сношений с вами и Павлом Борисовичем. Надеюсь, что вы не будете иметь что-либо против этого, так как нашему делу от этого не может быть ущерба ни в коем случае, я думаю даже, что наоборот. Итак, с этого времени вы мне позволите обращаться к вам; принимаете на себя обязанность вести сами все переговоры с своими товарищами.

С вашим взглядом на дальнейшую роль интеллигенции в России я никак не могу согласиться. Как мне известно, в настоящее время в России нет ни одного более или менее промышленного центра, где не было бы более или менее значительных рабочих групп. Итак, главная роль интеллигенции уже выполнена: она приготовила рабочих агитаторов, теперь весь центр тяжести успеха в борьбе зависит от более или менее успешной деятельности *агитаторов-рабочих*. Насколько важнее для настоящего времени пропаганда социализма *в рабочих массах*, сравнительно с проведением соц.-дем. идей в интеллигентные слои, настолько и средства для выполнения первой задачи важнее средств разрешения второй. Теперь задача р. соц.-дем. состоит не в том, чтобы добывать силы из интеллигентной среды, — как то было несколько лет тому назад, — но главным образом в том, чтобы будить *рабочие массы*, и отчасти в том, чтобы увеличивать силы активной армии настоящего, т. е. увеличивать *рабочую интеллигенцию*. Из этого, конечно, вовсе не следует, чтобы я отрицал совершенно значение образования новых *чисто интеллигентных* с.-д. сил, — вовсе нет, но я хочу этим лишь указать на то, в чем заключается злоба наших дней, главнейшая задача настоящего. И если нет средств на разрешение всех задач, поставленных условиями, то было бы странно разрешать второстепенные, раз нет возможности разрешить главнейшие из них. Этим я защищаю свою мысль, высказанную еще в прошлом письме, ту мысль, что в настоящее время издание литературы для рабочих несравненно важнее хотя бы блестящей критики либеральных предрассудков, и если вследствие недостаточности в средствах приходится делать выбор: что издавать — несколько ли популярных брошюр для рабочих масс, или критику путаницы Мих[айловского] и т. п., то важнейшая задача времени заставляет нас признать, что издание популярных брошюр имеет для успеха соц.-дем. в России более значения, чем даже полное поражение либеральной интеллигенции. Таково мое мнение. Впрочем, я с вами вполне согласен, что, раз перчатка брошена, надо довести борьбу до конца: на полпути останавливаться не годится.

Опираясь на ваши заявления, Георгий Валентинович, что теперь на издание рабочей литературы вы обратите особое

внимание, я счел удобным для себя сообщить вам тот план изданий литературы для рабочих, который выработала наша практика пропаганды и который лег, между прочим, в основание моих занятий с рабочими.

Деятельность пропагандиста идет в двух направлениях: с одной стороны, он образует рабочую интеллигенцию, выбирая из рабочей среды способнейших и преданнейших людей, давая им надлежащее образование по научному социализму — об исторической роли рабочего класса главным обр[азом] и политической экономии (изложение экономического учения Маркса), с другой стороны — он старается воздействовать на всю массу рабочего класса данной местности. При посредстве своего кружка избранных рабочих он старается сблизить всех рабочих данного места друг с другом, поднять их уровень потребностей, заводит между ними библиотеки, приучает их к чтению газет и журналов, стараясь в то же время развить в них более самодеятельности, наконец, — и это, конечно, самое главное — при всяком удобном случае старается уже непосредственно пробуждать их классовое самосознание: при стачках или даже легком возбуждении рабочих масс распространять прокламации — на первых порах не выходя из рамок непосредственных интересов труда и капитала и *совершенно не касаясь политики*, раз она фактически не вошла одним из элементов недовольства, — и время от времени разъяснять рабочим, наиболее выдающимся по своему развитию, соответствию массовым интересам и т. п., брошюры социалистического содержания. Таков общий план работ пропагандиста, который (план, конечно) видоизменяется, сокращается или пополняется сообразно с условиями места и времени. Одним из всеобщих препятствий к его успешному выполнению всегда служит *недостаток литературы* как в качественном, так и в количественном отношении.

Сообразно двоякой деятельности пропагандистов в рабочей среде, необходима и литература двоякого содержания: с одной стороны, литература для масс, с другой же — литература для образования рабочей интеллигенции.

До сих пор эта двоякая задача разрешалась почти исключительно самими пропагандистами и, само собою разумеется, далеко не удовлетворительно. Во-первых (и это самое главное и повсеместное препятствие), с одной стороны, политические условия в России и недостаток материальных средств, с другой — не позволяют выполнить эту задачу в надлежащей и совершенно необходимой для пропаганды и агитации форме, даже если другие условия и благоприятны. Во-вторых, дельных с.-д. интеллигентов всегда мало, напр., при мне в Н. на всю раб[очую] группу было двое. В-третьих, потому что дела всегда очень много — приходится вести устную пропаганду в рабочих кружках (мне, напр., приходилось одно время ежедневно говорить на одном собрании, два раза в неделю — на двух, по воскресеньям же — на трех), готовить литературу (писать ее и гектографировать), добывать деньги на расходы (устраивать вечера, лотереи и т. д.). Судите сами, как могла наладиться такая масса работы при недостатке людей и средств! Даже форма, в которой по необходимости приходилось выполнять эти задачи, не могла быть удовлетворительной: вместо с[оциал]-д[емократической] литературы для интеллигентных рабочих — газеты и легальные книги (из которых очень немногие могли служить нашим целям) для чтения рабочим дома и беседы часто измученного интеллигента, гектографированные (часто слепо и неразборчиво) брошюры, составленные на скорую руку для рабочих вместо обстоятельных и печатных и т. п. Если наши заграничные товарищи возьмут на себя хотя часть этого труда (хотя печатание книжек, необходимых для дела пропаганды и агитации), то, несомненно, работа пойдет гораздо успешнее: во-первых, будет литература надлежащего содержания в достаточном количестве и притом печатная, — повторяю, что это весьма важно! — во-вторых, у пропагандистов останется более свободного времени для расширения области пропаганды и т. п. Напр., потому, что я был завален работой, приходилось многим рабочим отказывать в беседах, многих совершенно оставлять без внимания — человек малоизвестный: ни нелегальной литературы ему нельзя дать, ни ввести в рабочий кружок. Единственно, что ему на первых порах необходимо — это устные беседы интеллигента [1]... Приходится пропустить несколько важных моментов для агитации в массах и т. п. и т. п.

[1]) В оригинале пропущено. *Ред.*

Итак, рабочая литература должна быть создана двоякого содержания: литература для масс и литература для образования рабочей интеллигенции, целый ряд мелких брошюр и даже прокламаций популярно-агитационного содержания и «социал-демократический учебник», содержание которого должно иметь своею задачею выяснение главным образом исторической роли рабочего класса и политико-эконом[ических] вопросов. Конечно, первая часть важнейшая.

Для примера я прилагаю дальше тот план, по которому я вел пропаганду в форме последовательного ряда брошюр:

A. Литература популярно-агитационного содержания — первая часть бесед с начинающим рабочим.

I выпуск — беллетристического содержания сборник рассказов из жизни борющегося за свое освобождение западного пролетариата. Условия жизни западных пролетариев. Сравнительная высота материального благосостояния и интеллектуального развития. Эпизоды из классовой борьбы. Политические речи популярно-агитационного содерж[ания]. Картина празднования 1 мая и т. п. Революционные стихотворения. Желательно бы издать сборник с иллюстрациями.

II выпуск — брошюра, содержание которой имеет целью доказать диаметральную противоположность интересов капиталиста и наемного работника, т.-е. *капитал и труд* [1]).

A. Прибавочная стоимость.

aa. Сокращение заработной платы.

bb. Удлинение рабочего дня.

cc. Поштучное вознаграждение.

B. Причина ухудшения полож[ения] наемн[ых] раб[очих].

aa. Переполнение раб[очего] рынка вследствие разрушения средних слоев.

bb. Введение новых усоверш[енствований] в машинном производстве.

C. История возникновения капитала.

III выпуск — Классовая борьба.

a. Современная классовая борьба есть необходимое следствие капиталистич[еской] эксплоат[ации].

———

[1]) У нас была издана ориг[инальная] брошюра почти подобного содержания.

b. Положение раб[очих] [в] капитал[истическом] обществ[е].

aa. Условия труда русск[их] работн[иков].

bb. Условия труда западн[ых] работн[иков] в прежнее время и теперь.

cc. Освобождение работн[иков] есть дело самих работников.

dd. Ремесленные организации западн[ых] рабоч[их].

ee. Экономическая борьба есть борьба политическая.

ff. Правит[ельство] есть орган, ведающий дела господств[ующего] класса.

aa. Успехи западн[ых] рабоч[их] в политической борьбе.

bb. Русское правит[ельство] и рабочее законодательство.

D. Что делать русск[им] работн[икам]?

aa. Примерный устав ремесленного органа.

bb. Борьба с современ[ным] абсолютизмом (этот отдел III выпуска хорошо бы издать отдельной брошюрой в виде приложения с кратким резюме всего изложенного в предшеств[ующих] выпусках и главах 3-го). Это необходимо ввиду тактики пропаганды.

IV выпуск — Государство в будущем.

a. К чему стремятся западные работ[ники] в борьбе своей с капиталом?

b. Очерк основных черт государства в будущем.

Эти брошюры, как предназначенные для рабочих масс, должны быть написаны популярным, но вполне литературным языком, по возможности короткими, простыми предложениями. Самое главное условие популярных брошюр — ясность; необходимо, чтобы *каждая* мысль была совершенно ясно высказана и доказана. Примеры должны быть просты и взяты из самой по возможности русской жизни.

E. Социал-демократический учебник.

1. Историческая роль рабочего класса.

История происхождения рабочего класса:

a. Первобытный коммунизм. Причины его разрушения. Классовые общества.

b. Рабское общество, причины его падения и возникновение креп[остного] общества.

c. Крепостное общ[ество], причины его падения и возникновение капитал[истического] общества.

d. Капитал[истическое] общ[ество], причины его падения.

aa. Капиталистические противоречия.

bb. Капиталистич[еские] тенденции разруш[ают] капитал[истические] общества.

F. Коммунизм — необходимый продукт дальнейш[его] развития капитализма.

Рабочий класс по необходимости является носителем коммунистических стремлений.

2. Политическая экономия.

a. Что такое полит[ическая] экономия и зачем нужно работн[икам] изучать ее?

b. Что такое общественное богатство и чем оно создается?

c. Что такое способ производства и его виды?

d. Теория стоимости.

e. Теория прибавочн[ой] стоимости, абсолют[ной] и относительн[ой].

f. Процесс накопления капитала.

g. Исторический очерк политической экономии.

Значительная часть «учебника» может быть издана легально, что, конечно, очень важно.

Уважающий вас...

P. S. В первых числах апреля пришлю Шиппеля и денег 30-35 франков, из которых 18 фр. собраны с реферата Грозовского, читанного им в Цюрихе в декабре 1894 г. Г. просил поместить это на издании. С Павлом Борисовичем, который мне говорил, что Ш[иппель] может быть издан и в России легально, я никак не могу согласиться, на том простом основании, что эта брошюра предназначена для рабочих масс, должна быть агитационной, т. е. переведена резко и ясно, без всяких обиняков. Я вообще думаю, что для легальной литературы для *раб[очих] масс* еще пока в России не пришло время.

P. P. S. Совершенно было забыл. Вы пишите, Георгий Валентинович, что у вас нет постоянных средств на издания, и просите меня собрать несколько с моих русских товарищей. Я могу с этой целью обратиться только в группу, которая, как и при мне, наверное, нуждается сама в средствах, и моя просьба, наверное, останется без всяких денежных последствий. Я уже убедился, что пока с.-д. группы России разделены между собою и как целое разобщены с заграницей, этой последней нечего рассчитывать на матер[иальную] помощь с[оциал]-д[емократической] группы, тем более — на регулярную, и поневоле приходится ограничиться случайными приношениями «любителей» из интеллигентной среды. Я собираю по возможности. Вы, вероятно, никогда не переставали отыскивать «источников», и, чтобы не терять даром времени в ожидании, сделаем что-нибудь из немногого или, как вы говорите, «из ничего».

Жду вашего ответа, главное же, вашего мнения по поводу приложен[ного] проекта изданий. Пишите по следующему адресу: Wien, XVII, Bergsteigegasse, № 25 an Herrn Perasiez. По этому адресу можете писать откровенно обо всем.

Не знаю, передал ли вам П. Б. ключ к шифру письма. На всякий случай сообщаю вам то, о чем просил вас спросить у П. Б.

11	8	5	7	9	112	3	10	4	9	1	4	10	6	5	5	6	8	3	3	7	3
4	4	5	6	6	5	6	3	3	2	3	5	7	7	5	7	5	6	4	3	8	2 8

В. И. ЗАСУЛИЧ.

ПИСЬМА К Г. В. ПЛЕХАНОВУ.

(Продолжение.)

70[1])

[Лондон.]

Милый Жорж!

Я уж написала, почему запоздала ответом, — была очень угнетена возней со Шмулевичем. Он и теперь у меня, и неизвестно, когда уедет, но мои нервы начали приноравливаться к этому бедствию. На все ваши вопросы о Руссо и Мабли уже подробно отвечено в моем «труде». О Руссо Ковалевский врет, как и все. Его, т. е. Руссо, бедного, я вижу, что даже и вы не поняли. Мабли, и по-моему, самый кислейший из писателей XVIII века и самый эклектический (если не считать Гольбаха, который в своих политических взглядах тоже отчаянный эклектик). Ни одной идеи Руссо Мабли не заимствовал, но много говорил о равенстве, понимая под ним такое положение, «когда бедные довольны своей бедностью, а богатые не могут тратить своего богатства на роскошь». Ничего, кроме слова «равенство» в противоположном смысле, общего с Руссо у него нет, и старше он Руссо лет на 10. Полит[ические] взгляды диаметрально противоположны, он даже не практик, действовал открытыми письмами против агитации Руссо за восстановление законодательной власти женевской демократии (называл «Письма с горы» «преступными»). Но исторически, т[ак] сказать, Ковалевский прав. Робеспьер почти сплошь, помолившись на бюст Руссо, валял по Мабли о равенстве.

[1]) Повидимому, письмо это относится ко времени пребывания В. И. в Лондоне («возня со Шмулевичем. Он и теперь у меня...»), но оно где-то завалялось и лишь недавно прислано из-за границы. — *Л. Д.*

Для деятелей фр[анцузской] рев[олюции], называвших себя учениками Руссо, авторитетом был его противник, Мабли. Насчет «аристократизма»: Руссо отделяет законод[ательную] власть от исполнительной и делит государства на «демократии» и «аристокр[атии]» по исполнительной власти. Где не сам народ издает законы, там их и нету, а есть приказы, декреты, власть победителей над побежденными. Законные государства могут быть «демократией», когда весь народ на собраниях судит, решает войну и пр. Это возможно лишь при полном имущественном равенстве. Если применение законов поручено части народа, хотя бы старикам, напр., это уже «аристократия», и он говорит, что это лучшая форма исполнитель[ной] власти. Во всей Европе для народа нет законов, нет и в Англии (есть для лордов, богачей, но не для народа). Но в полемике с Руссо член женевской аристократии сослался на Англию, что, мол, уж на что свободная страна, а и там поступают так же, как в Женеве. Руссо доказывал в «Письм[ах] с горы», что неправда, что женевское правительство хуже английского.

Конечно, он тут хвалит английские законы (приказы), не с точки зрения своей «теории» законов. Свою теорию: «Закон есть выражение общей воли всего народа» (в буквальном смысле слова) он противопоставлял тогдашнему ходячему представлению о законах, издаваемых «разумом» под диктовку природы. Сколько, мол, ни выдумывайте, все это будут не законы, а приказы. Законов для Фран[ции] или Англии (страны, где сильно неравенство) и быть не могло с его точки зрения. Но из «незаконов» одни, конечно, могли быть лучше, другие хуже. Все это вы увидите в моем «труде», а теперь, должно быть, из предыдущей... [Нет конца.]

70 а

Цюрих.

Дорогой Жорж, сейчас же, получивши ваше письмо, пошла к Христе [Раковскому]: он в прошлом году «Vorwärts'а» не получал (вспомнил при этом, что вы ему не возвратили взятый №, и просит прислать). Пошла к Манцу. Он говорит, что «Wissensch. Beil[age]» [1]) сейчас же уничто-

[1]) «Научное приложение». — *Ред.*

жает, даже не читая: «Это, мол, может интересовать только Плеханова да Бернштейна». Манц предсказывает, что нет в Цюрихе никого, кто бы их сохранял. Будет еще поход к Грейлиху и в Grütli Verein. Затем маленький Адлер (тут такой есть) будет приставлен к поискам его по Цюриху. Но пишу вам затем, чтобы вы не слишком надеялись и выписывали его каким-ниб[удь] еще путем. Видите, что стараюсь заслужить, а вот все это время почти не читала, а кипела в котле. Редактировала «Листок», и при первом же вычеркивании отчаянно бессмысленных фраз поднялся бунт: «Это, мол, наше убеждение». А там и смысла-то нету. Вероятно, порвем. Я тверда, как скала. Но сердцебиения, конечно, отчаянные, а я и приехала с лихорадкой (по термометру). Но я воюю стоически, сжавши зубы. Приговариваю себе: «Поделом вору мука — за желание сохранить Союз». Я, положим, и раньше толковала, что «нам с ними надо подальше», но воображала, что я-то смогу с ними возиться по своей «справедливости». Я это вам пишу, потому что знаю, что вы не разжалобитесь, — будете только злорадствовать. А я себе ни облегчения, ни подмоги никакой не желаю — поделом мне. Тетке [1]) напишу, что прошу прощения за то, что говорила, что Иваньшин годится в редактора. Никуда не годится: может изложить что-нибудь, а рассуждать сунется, так волосы могут дыбом стать, и упрям, как осел.

71

Цюрих, 17/V 1897 года. [Открытка.]

Дорогой Жорж, мне заказано огорчить по возможности Боборыкина, и как можно скорее, и просили сопоставить с «Новью»; не знаю, подойдет ли последнее, но все ж и «Новь», «Дым», «Отцы и дети» посмотреть для вдохновения мне хотелось бы. «Вестник Европы» за этот год у меня есть, но еще гораздо бы нужнее Тургенева были бы для меня другие романы Боборыкина — «На ущербе», например. Нет ли у вас чего-нибудь из всего этого на примете? Я на это мало надеюсь, но при случае все-таки пишу. А случай

[1]) Александра Михайловна Калмыкова. — *Ред.*

вот какой. Помните, я списывала «Heilige Familie»? Тетрадь у вас (я в этом глубоко убеждена). Пришлите мне ее, пожалуйста. Мне ее надо для одного примечания. Погода все время стояла здесь ужасная, я так зябла, как никогда в Лондоне (там я, чуть озябну, топила, а здесь не приспособилась к топливу), сегодня в первый раз прекрасная, но мне все же именно сегодня очень нездоровится, вероятно, от Боборыкина. Он, вероятно (укорами совести за написанное), будет отравлять мне и вам пребывание здесь, но все-таки приезжайте, ведь теперь такое время, что у таких увальней, как я, всегда что-нибудь да будет лежать на совести.

[Следует адрес.]

Ваша Вера.

Вы скажете: в Цюрихских читальнях есть Тургенев. Отвечаю: нужного там нету. Я вдобавок боюсь искать книги через публику — здесь страшно заняты раскрытием псевдонимов.

72

Цюрих [1897 г.].

Дорогой Жорж, обе ваши телеграммы получены и переданы Рябовой...

Очень я обрадовалась нашему с вами согласию по вопросу о рецензии против «Борьбы» [1]). Тем более обрадовалась, что, по словам Рябовой, вы не нашли ничего преступного в инкриминированной фразе «Борьбы» относительно «объединения для борьбы всех деятельных сил демократии»... Павла огорчает, главным образом, несправедливость по отношению к народоправцам, а мне самая тактика, сказывающаяся в этой рецензии, кажется бесконечно нелепой. В качестве пролетариата «класса, противоположного по своим интересам всем другим классам», фабричные рабочие могут делать стачки, но никак не «завоевать политическую свободу». Это, если может, то в качестве «партии» (а не класса), к которой попристанет много всякого народа (Янжул, например), и этот народ впоследствии «изменит» там или не

[1]) Эта крайне непонравившаяся Вере Ивановне рецензия была написана Б. А. Гинзбургом (Д. Кольцовым) для «Листка Рабочего Дела». — *Л. Д.*

изменит, совершенно одинаково, будет ли называться соц[иал]-дем[ократами] или народоправцами. Поэтому учить рабочих говорить направо и налево злые глупости совершенно бесполезно, а если бы, паче чаяния, удалось сохранить фабричных рабочих в чистоте от людей других классов, то тем самым мы гарантировали бы им и полнейшее бессилие в борьбе за политическую свободу. Передайте, пожалуйста, Сергею Николаевичу [1]) прилагаемое письмецо. Хотя оно и пришло на мой адрес без всякой надписи о передаче, но, очевидно, относится к нему, а не ко мне.

Ваша Вера.

73.

Цюрих, 1897 г.

Дорогой Жорж, ваше письмецо от 4-го вечером я получила 5-го часов в 6 с половиной вечера. Значит, аккуратно. Это пишется 6-го вечером, а будет сброшено на почту, должно быть, завтра около полудня: я в одиннадцать часов только встаю.

Я не понимаю, что мог бы устроить Теленок [1]), и почему вы восклицаете с упреком: «О, Теленок, Теленок!» Что же ему, бедному, делать, как не пастись?

У меня, конечно, есть идея о том, что именно было бы теперь до-нельзя шикарно, но не от Тел[енка] это бы зависело. На это деньги нужны, а у него их нет и шиллинга. Ему еще осенью приходилось жить с постороннего (редактирования переводов) заработка. Касса слишком бедна была, не хватало на необходимые расходы, и он из нее ничего не получал. Долги на этой кассе остались громадные. Мне мечталось, что капризная барынька [?] сделает предложение, аналогичное тому, которое отец кривоносого [?] «Саши» когда-то делал. Да, жди поди! Я вас натравливала на литературу с Серг. Никол. [2]). Он теперь просит прислать ему рукопись обратно. У них с Павлом все время шла полемическая переписка. На сообщение Павла (в объяснение неотсылки рукописи), что мнение Плеханова для него, вероятно, будет интересно, он отвечает, что все мнения интересны ему

[1]) Это — П. Струве. — *Л. Д.*

[2]) С. Н. Прокопович. — *Л. Д.*

лишь постольку, поскольку они помогают или вредят его деятельности, а не сами по себе. «Другое дело — аргументы»,— добавляет он. Но аргументов он не видит, по его мнению. Пожалуй, что и нет вам особого резона читать его рукопись. Едва ли вы ему «аргументов» отвалите. Ведь у него целая философия истории, с позволения сказать.

А ведь нельзя быть уверенным, пасется ли Тел[енок] или в стойле стоит [1]). Хотя это, конечно, скоро узналось бы, так что с каждым днем больше уверенности, что пасется. Конечно, сообщу, как только что-нибудь узнаю.

Ваша Вера.

Говорят, что Ганелин в Европе, но молчит, — значит, обеднел. Он мне всегда пишет дружелюбнейшие письма, когда собирается богатеть, и замолкает, когда планы улетают в трубу [2]). Теперь бы кстати ему разбогатеть.

74

Цюрих [1897 г.].

Дорогой Жорж, я все забывала ответить вам на вопрос о представительстве на здешнем конгрессе [3]). Дело обстоит таким образом.

Еще давным-давно в Россию было послано подписанное Грейлихом приглашение на этот конгресс и предложение прислать мандаты. До сих пор никакого ответа не было. Теперь пришел мандат из Вильны. Из Петербурга же и надежды мало получить, т[ак] к[ак] у Вильны (а следовательно, и у Бух[гольца]) потеряны с ним сношения. Огорченный мандатом из одной Вильны, а кроме того, заболевши от старания продолжать писать свое добавление к брошюре «Об агитации» (это странная задача: пишет он ее полтора года, написал массу, чувствует, что никак не вылезть из поднятых вопросов, и так мучается, что Надя говорит, что он в таком состоянии не был с тех пор, как писал для нашего

[1]) Повидимому, речь идет иносказательно о том, арестован ли Струве. — *Л. Д.*

[2]) Об этих планах сообщаю ниже. — *Л. Д.*

[3]) В. И. имеет в виду международный конгресс по рабочему законодательству. — *Л. Д.*

«Соц.-дем.» о немецких выборах), Павел, ни с кем не посоветовавшись, предложил этот мандат Гинзбургу [1]). Узнав об этом, Надя пришла в отчаяние: немцы, мол, подумают, что Павел потерял всякое доверие товарищей, которые дают мандат никому не известному человеку, лишь бы не ему. В довершение беды, Гринфест берет на время конгресса ваканцию, так как он тоже делегат (швейцарский). Таким образом, если отнять у Гинзбурга мандат (обязанность отнимать на мне лежит), то Павлу все же не будет почти возможности бывать на конгрессе (Надя все больна, а у детей экзамены), а перед немцами кефир — не оправдание. Словом, Павлу *как ни кинь — все клин.*

Мне приходит в голову, что его спасение может притти от вас: ведь вы, хоть и молчите, а поправляетесь, и Розалия Марковна писала об этом Павлу, и Рябова рассказывала (а она не врет иначе, как с целью) всех кушаний едите по 4 порции, что, считая обед и ужин, составит порций 30-35 в день, — это признак поправки!

Принимая все это во внимание, вы, быть может, и могли бы без риску приехать сюда денька на три. И всех Fürer'ов [вожаков] бы повидали и Вильну представили. Для вас-то отнять у Гинзбурга мандат ничего бы не стоило, да если и не отнимать, то Павел с Надей успокоились бы, так как Павел был бы в одном положении с вами. Впрочем, может быть, все это — софизмы, подсказанные мне желанием повидать вас, а, в сущности, вам все же лучше не рисковать. Отвратительно вышло с конгрессом ткачей: питерцы и шуйцы прислали для него доклады и ни копейки денег на их напечатание. Бух[гольц] взялся напечатать у немцев в Берлине, но там Браун сказал ему, что надо бы доклады сократить. Он послал запрос в Россию, а так как ответа не пришло, он их вовсе не отпечатал, а маленькое выражение сочувствия из Белостока отпечатал и послал. Известие о своих подвигах он прислал только теперь, когда конгресс уже заседает. Вчера, когда Гинзбург рассказал мне все это, мне за питерцев стало обидно (старались, какой докладище написали, и вдруг — Белосток), и я (Павел сидит в Афольтенум) послала конгрессу телеграмму, что, мол, «питерские и шуйские ткачи и прядильщики шлют через нас свои пожелания конгрессу; прислали также подробные доклады, которые по недостатку времени не могли быть отпечатаны».

Ваша Вера.

[1]) Тогда же, не сказавши мне ни слова, он объявил Гинзбургу, что передает мне все дела и редакторство. Бедная я! Вы-то уже, конечно, не пожалеете меня. Скажете — поделом!

75

Цюрих, 1897 г.

Дорогой Жорж, только вчера я узнала, что все это время вы больны обостренным образом. Так тяжело стало на сердце. Я с неделю, как отослала работу, хотелось написать вам, да удерживалась: что ж, мол, приставать к человеку с письмами, когда ему, может, не до них. А теперь, узнавши о вашей болезни, никак не могу не написать, хотя и не знаю о чем, т. е. не знаю, в каком вы состоянии, настроении, что может вас интересовать, что — нет.

Знаете вы, что покойный Бунге (кажется, не переврала — министр финансов перед прекращением дефицитов) был большим поклонником Бельтова? Это тут Янжул был, — рассказывали, не нам, а одному человеку. И Бунге, и он сам находят это направление очень полезным, как противовес. У Волгина Янжул находит, однако, один недостаток, а именно тот, что Волгин не воспользовался его, янжуловскими, фабричными отчетами. Извиняет тем, что за границей их трудно достать. Бунге никак не хотел верить, что Бельтов семидесятник: «Такой юношеский жар». Ах, Жоржик, зачем же это вы больны? Пожалуйста, Жорж милый, если ответите мне (хоть бы выругали!), напишите, неужели вы так и остались за июнь без заработка за то, что работа была слишком хороша? Мне это нужно знать потому, что это, по-моему, был бы положительно дурной поступок, и мысль о нем влияет на мое мнение о Телятине [1]). Здесь брюссельский философ Сергей Николаевич [Прокопович]. Он порывается к вам, но, если вы не в бодром настроении, едва ли полезен, — для споров он очень утомителен. Он массу начитал и составил себе теорию. Ее именно объявил нам в простоте литовец [?]: буржуазия права уже приобрела, и рабо-

[1]) Т. е. о Струве. — *Л. Д.*

чие почти что; он думает, что и крестьянин приобрел. Институты (так он конституции называет) не очень верны. Новый промышленный строй не может развиваться, не создавая и соответствующих прав, а так как он у нас развился, — значит, развились и права. А человек он, мне кажется, хороший. Болтаю, а не знаю, — может, вы зарычите на неинтересную вам болтовню. Ну, хоть бы зарычали...

Ваша Вера.

76

Цюрих [1897 г.].

Дорогой Жорж, вы должны были так быстро получить Брюнетьера, что вам должна была притти мысль в голову, что, когда книга у меня, найти ее легче, чем когда в вашем шкафу она на дно завалится.

Раковский вернулся. Прислал письмо петербургских центральных остолопов (там теперь господствует «Раб[очая] Мысль»: она оффициальным органом объявлена) и свое изложение разговора с тамошним главным «экономическим». Я все это тотчас отправила Павлу на прочтение с тем, чтобы он, прочтя, отправил вам, и вы дадите прочесть Блюменфельду с Гинзбургом. Я было принялась за работу, а сегодня опять совсем меня расстроили эти «экономические».

Рабочим они решили говорить исключительно о «копейке на рубль», интеллигенции дозволяют говорить о свободе. По-моему, это развращение рабочих. С интеллигенции это экономическое идиотство со временем соскочит, но что рабочий зазубрит, то останется надолго.

Да, вот мы теперь официально знаем, что «Раб. Мысль» у власти. В Сборнике печатается (или уже отпечатана) весьма ругательная статья на нее Гинзбурга. Я-то думаю, что все равно с этими «экономическими» каши не сварим, так, помоему, пущай. Но, может, у вас есть какие-нибудь тактические соображения, тогда потолкуйте с другими о ее выбрасывании. Вероятно, еще не поздно. Я протестовать не буду; вероятно, и Павел будет к этому равнодушен — я его не видала.

Ваша Вера.

Сколько прислать на книгу Блюменфельду? Пришлите мне, пожалуйста, новый адрес Блюма, если он еще в Женеве. Мне это нужно.

77

Цюрих.

Дорогой Жорж, кричите «ура»! Прислан вам мандат из Питера от социал-демократической группы «Освобождение Труда». Уже по самому названию видно, что, значит, группа самая преданная. Много ли в ней рабочих, не видно, но все же, значит, есть, и мандат, как мандат; что сами не приехали, а вам поручают, объясняют трудными русскими условиями. Прислали и описание состояния России — как раз по нашим изданиям, просят продолжать журнал. Ну, да приедете, увидите. Не посылаем его потому, что думаем его здесь пока по-немецки перевести для конгресса. Отличный мандат, и ведь из самого Питера, со Шлиссельбургского тракта.

Зубастый [?] страшно беспокоится по следующему обстоятельству: он послал две недели тому назад, на ваше имя, для передачи мне, но на ваш женевский адрес, длинное заказное письмо и свой взнос — 10 марок. Письмо нарочно при деньгах, что так вернее дойдет, потому что письмо вредное (8 страниц). Когда он узнал, что я его не получила, он очень забеспокоился насчет полиции. Одна надежда, что, может быть, Розалия Марковна по получении забыла какнибудь передать его мне. Расспросите ее, пожалуйста. Оно на ваше имя, но ведь в Женеве отдают даже хозяйке заказные письма.

Американские деньги еще не пришли. Здесь хлопочут достать и послать вам. Теперь-то уже непременно надо вам приехать. Вы — делегат от петербургских рабочих социал-демократов!

Вижу сегодня целый день всех товарищей не из колена Гадова. Они очень возбуждены против этого колена; ожидают, что конгресс будет опять скверный, и очень желают, чтобы мы вышли из Союза. Серьезные разговоры об этом, конечно, откладываются до вашего приезда.

Крепко жму руку.

Ваша Вера.

Болеть вам теперь никак нельзя.

А Павел-то, бедный, не виноват: ту книгу, которую вы просили у Калмансона, он заслал Женьке [Дейчу], — ее у него нету. Мы еще с ним ни разу не поругались.

78

Дорогой Жорж, я теперь, пожалуй, и непрочь прогуляться в долину Роны. Только недели через 3 приедут Тюлени [1]) (Тюлень с Тюленицей). Можно ли их будет туда пригласить? Не набьется ли там слишком много русских? Раз вы теперь в такой дружбе (Павел говорил) с Союзом, не переселится ли он туда во всем составе? А я по сто пяти причинам Тюленей видеть непременно желаю. А что за курьезная его статья о марксовой стоимости, если только положиться на цитаты Блюменфельда. Напоминает даже (помните, мы вместе читали?) схоластическое рассуждение, что б[ыло] бы, если бы Христос воплотился в виде тыквы? И оказывалось, все было бы, как было, и тыкву бы распяли. Так и у него: рабочие постепенно замещаются машинами и доводятся до нуля, а количество производимых товаров и спрос на них остаются прежние; вывод: и уровень прибыли остается прежний, след., теория стоимости неверна.

Я Тюленя прошу прислать мне эту статью.

Он пишет, что поместит Писар. [?] в «Жизнь», но можно и вам продать, если окажетесь дельным покупщиком. Это вас Исаак, что ли, смущает чем-ниб[удь]?

А жара тут страшная, как в печке, но я по разным причинам очень поздоровела.

А ведь не статья, а в одной рецензии примечания в 5 строчек, из которых 3 сомнительны «за Бернштейна». Все же тут не за что и кошку высечь. А вы уж обрадовались! Робеспьер вы противный...

А почему вы Грейлиху книг не возвращаете? Я пошла у него попросить Брауна прочесть, а он мне жалуется, что не знает, что с вами делать. Я посоветовала писать ежедневно по строгой карте, пока не пришлете.

Напишите же, большой ли вы соберете там зверинец. Будет ли возможность прибавить Тюленя?

[1]) Повидимому, так В. И. называла Парвуса. — *Ред.*

79

Цюрих, 1/VII 1897 г.

Милый Жорж, не знаю, почему вы не пишете, может, потому, что поминаете лихом. А я потому, что ежедневно собиралась нето завтра, нето послезавтра кончить проклятого «маститого беллетриста» и только мучилась. Стыдно даже писать вам, и теперь стыдно, да как-то очень захотелось. А вы опять, говорят, нездоровы были? Напишите! Уж с неделю тому назад Бончева барыня просила меня сообщить вам следующую глупость: через Мюнхен проезжала из Питера одна госпожа (фамилия неизвестна), едущая в Женеву «слушать» реферат Плеханова. Эта же барыня говорила живущей (или живущему) в Мюнхене Посиховичу [?], что теперь достоверно известно, что главой «Народной Воли» состоит Воронцов. Что об этом и Плеханов говорил уже в реферате. Бончева барыня думает, что это шпионка, а мне кажется, что шпионки теперь умнее.

«Теленок» [П. Струве] пишет, что «Рязанов» [1]) ему очень понравился и будет в июне. Напрасно я, значит, волновалась (Ж[орж]: «Ведь я вам говорил»). Тот же «Теленок» пишет, что мне послан им Дюринг для «рецензии», а Зайчик [?] при этом кается, что по ошибке послал его вам. Он не знает, что это просто сущность всякой книги (Buch an sich в этом состоит).

Я вчера только ужасно обрадовалась, так как одна особа (могущая слышать от верных людей) написала мне, что господин, «старающийся укусить ухо», скоро выздоровеет [2]), а «Теленок» [3]), пишет, «все в том же состоянии»: Теленку лучше знать.

M-me Гинзбург каждый день приходит спрашивать у меня про мои «Нов. Слова», — может, пришлете вместе с Дюрингом? Крепко жму руку.

Ваша Вера.

[1]) Повидимому, имеется в виду т. Перазич, тогда носивший этот псевдоним. — *Л. Д.*

[2]) Т. е. арестованный А. Н. Потресов будет скоро освобожден. — *Л. Д.*

[3]) Струве стоял тогда во главе выходившего в Петербурге журнала «Новое слово», в котором сотрудничали Г. Плеханов и В. Засулич. — *Л. Д.*

Напишите. Тот же «Теленочек» просит устроить ему корреспонденции из Англии. По-моему, кроме Мендельсона, некому. Подрывать он ничего не станет. Его это не занимает, как Бернштейна. Он будет прославлять парламентский строй Англии, а это и отлично. Написать ему? Я могу даже (мы настолько хороши) так и написать, чтобы без подгрызанья. Вы, может, скажете: «дочь Маркса»? Но ведь она писала в «Русское Богатство» просто постыднейшие по бездарности и пустоте статьи, да и Теленок на нее ни за что не согласится. Он от ее статей был в ужасе.

80

. . . .

[Нет начала]... Значит, выписываетесь, дорогой Жоржинька! значит, на-днях увидимся, и да здравствует свобода? А ведь питерские-то рабочие пытались ходить на демонстрацию. Им полиция и войска не дали войти в Петербург во-время, и это несмотря на свое рабоче-мысленное начальство, говорившее, что им вместо забот насчет студентов следует готовиться к 1 мая.

Теперь один приезжий из Петербурга пишет, что у петербургских рабочих вся программа в настоящую минуту: «бить полицию»! По-моему, отличная программа.

81

Цюрих, 9/IX 1897.

Давно не писала я вам, дорогой Жорж, в очень я скверном настроении была (да и есть). Не знаю, составили ли вы из рассказа Тел[енка] понятие о нашем положении на конгрессе [1]? Не читали ли вы утопию Морриса («From Nirgend's wo» — это в «N[eue] Z[eit]»)? Там герой, подружившийся с людьми будущего, вдруг, войдя в залу пиршества, чувствует, что его никто не видит, что он перестал существовать для окружающих. Вот это ощущение было у меня на конгрессе. Всякий-то немец (французов не было) норовил

[1]) Происходивший в Цюрихе международный конгресс по регулированию рабочего вопроса. — *Ред.*

пройти так, чтобы тебя не заметить. Ни один (даже и Адлер) не заглянул к Павлу. В публичных речах (вне конгресса — Бебеля, Пернерсдорфа и др.), говоря о росте движения за последние годы и перечисляя разные самые негоднейшие страны, чуть не Испанию с Португалией, все упорно пропускали Россию. И на конгрессе, и вне конгресса старались так представить физиономию земного шара, будто России и на свете нету. Историю нашей резолюции вы, вероятно, знаете, а подробности прочтете в № 3 «N. Z.», куда Павел послал описание ее Leidensgeschichte [историю страданий]. На мои нервы («обнаженные» — это, не помню уж, у Достоевского или у кого-то говорится про очень нервного героя) это действовало самым мучительным образом. Что немцам надо было сделать этот конгресс безгранично благонамеренным и легальным, это я знаю и понимаю. Нужно для их внутренних дел, для сближения с недовольными правительством и аграриями элементами в Германии, что может повести к политической свободе у них, — это все так. Но зачем же нас-то старая собака Грейлих [1]) тянула на конгресс? Зачем затесались туда мы — нелегальные, по самой сущности русского строя? Вместе с конгрессом происходят, конечно, и нелепейшие заседания русских товарищей (а, ей-богу, ваш Серг[ей] Ник[олаевич]... [2]). От усталости или огорчений — уж не знаю — привязалась ко мне еще лихорадка ежедневная и кашель сверх положенного. К этому теперь, когда шум прошел, прибавляется и чувство безграничного одиночества. Иметь своими ближайшими людьми такую сплоченную семью [3]), в которую, как вы сами заметили, мизинца не просунешь, — хуже, чем никого. Она как-то заслоняет тебя от всего мира. Вот с Теленком, например, видая его каждый день все у Павла, я почти совсем не говорила. Павел и ему совсем не давал говорить, а все беспрерывно ему свое добавление к брошюре «Об агитации» рассказывал. Пишите мне, милый Жорж.

Ваша Вера.

[1]) Известный лидер швейцарской социал-демократии, был главным организатором названного конгресса. — *Ред.*

[2]) С. Н. Прокопович, тогда член Союза русских социал-демократов; опускаем нелестные эпитеты по его адресу. — *Ред.*

[3]) Это касается семьи П. Б. Аксельрода. — *Ред.*

82

Цюрих, 16/IX 1897 года.

Дорогой Жорж, я послала вам сегодня Чернышевского. Вот адрес Селитр[енного] [следует].

От Тел[енка] я сегодня получила записку от 15-го; пишет, что дня через 2 едет на родину. Теперь, значит, уехал. «Н[овое] С[лово]» за август вышло, получено в читальне. Я еще не видала. А за Тел[енка] таки страшно. Вся его-то неосторожность лишь в том, что приехал на конгресс, но какая-то скотина показала его кому-то из студентов, и затем уже все про него кричали и друг другу его указывали.

На мое попечение и ответственность отдана одна заказная брошюра. Я просила Блюм[енфельда] послать вам рукопись. Это до того интересно, что, если заглянете, не сможете не прочитать, а, прочтя, посоветуйте, как поступить с примечаниями. Расставить ли внизу стран[ицы] (это было бы самое лучшее, да боюсь путаницы, или надо самой переписать всю рукопись) или печатать после каждой главы относящиеся к ней примечания? Чтобы все в конце книги — это всего хуже, мне кажется. В примечаниях масса курьезнейших вещей, а как их тут будет читатель разыскивать? Посоветуйте. Рукопись была прислана в страшном беспорядке. Я и примечаний половину по смыслу разместила. Поэтому очевидно, что с внешней стороны с ней можно распоряжаться по усмотрению. Очень бы хотелось повидаться, но чтобы вы приехали, как-то не верится. На-днях получите 250 франков: Ганелин *мне для вас* посылает, так и пишет «посылаю вам для Георг. Вал.» Прислал мне также и для меня.

83

Цюрих, 20/XI—1897 года.

Дорогой Жорж, пишу вам это письмо не только от себя, но и по настоянию Павла. Дело вот в чем. Серг. Ник. прислал брошюру, которую мы с Павлом по чистой совести одобрить к печатанию не можем, а, с другой стороны, несомненно, что, если отказ в одобрении выйдет от кого-нибудь из нас, он не поссорится, а поднимет знамя бунта, сочтет долгом это сделать. Не знаю, составили ли вы себе понятие

о всей глубине самомнения этого господина? Вероятно, нет. Вы с ним не спорили, а его приличные дворянские манеры не дозволяют ему высказывать походя это самомнение. Во всяком случае он чувствует, что «сделал новый шаг в разработке теории», первый шаг, которой был сделан Марксом, распространившим свою теорию; он сделает целый переворот, «свежая молодежь» вполне способна воспринимать его учение (у него в Брюсселе было с дюжину барышень настолько же оболваненных, как тот литовец [1]), который читал нам историю движения). Вся беда в том, что литература находится в руках старичков [2]) (идеалистов, субъективистов и пр. и пр.), которые неспособны ее понять. Вы-то способны (он думает, что у вас с нами взгляды разные, а с ним — сходные), но не занимаетесь редакцией. Как же ему при таком положении дел уступить? Впрочем, опыт уже сделан. Это уж второе его произведение. Первая брошюра «Об агитации» очень плоха в литературном отношении и ничего особенного по содержанию не представляет. Мы ее внимательно прочли, и Павел написал ему несколько замечаний (предложений и переделок). Он на его письмо ответил самым категорическим отрицанием их значения. Той брошюре мы не придавали такого значения, — что же будет с этой, являющейся целой энциклопедией? Ничего не остается, как прочесть эту брошюру вам и написать ему о ней свое мнение, — оно его по всему вероятно все же заставит задуматься (что вы ее одобрите, не могу себе представить, а если бы... паче всякого чаяния... ну, тогда ваш грех). Павел пошлет вам рукопись. Не смущайтесь тем, что она обозначена II. Решено напечатать доклад нитерцев и Павлову речь на конгрессе, а С[ергей] Н[иколаевич] предложил добавить к этому изложение хода конгресса, да

[1]) Т. Копельзон, живший в это время за границей, утверждает, что «литовец» — это один из руководителей литовско-польской марксистской организации, по фамилии Моравский, временно проживавший за границей в 1897/98 году. — *Ред.*

[2]) Полагаем, что из этих и других писем членов группы «Освобождение Труда» читателям уже известно, что внутри возникшего в начале 90-х годов Союза русских социал-демократов происходили раздоры и несогласия. Под «старичками», понятно, имелись в виду члены группы «Освобождения Труда»: они-то и являлись идеалистами, субъективистами! С. Н. Прокопович принадлежал к противникам этих «старичков». — *Л. Д.*

увлекся и написал энциклопедию, в которой о конгрессе всего меньше речи, да и то, что есть, совершенно извращено, и конгресс подогнан под его теорию. Это вам, не бывшему на конгрессе, может быть, и не заметно, но это и неважно для суждения о прелести брошюры. Я не думаю, чтобы читать ее вам было очень к спеху. Надо только будет известить его, что она у вас.

А вы что-то замолчали, а еще писали: «к 4-му буду свободен»! Как живете-можете? А как Михайлов[ский?] вас с Тургеневым-то сцепил? Я так и предчувствовала, как читала у вас это место, что он его должен применить ко многим нашим. И вы это должны были предвидеть, а потому и, думаю, приготовили какую-нибудь батарею на Михайлов[ского]. Неужели же оставите его танцовать около этого места? Само-то по себе оно (место) мне доставило удовольствие. Напишите же письмо.

Ваша Вера.

84

Цюрих, 18/XII 1897 года.

Дорогой Жоржик, большое спасибо за книги. Ни «Новое Слово», ни других новых журналов я не читаю. «Н. С.»-то Павел еще получал, а теперь и он перестал. А в читальне здесь нельзя на-дом брать, а только на столе книги лежат месяц. Колония громадная, там правила строгие. Ну, да чорт с ними пока!

Разве Телен[ок] после статьи о Чичерине, опять о Белинском царапал?

Да, настоящей партийности в Тел[енке] нету! Мне вот очень не понравилось, зачем он в статье о конгрессе вытащил из «Neue Rheinische Zeitung» неосновательное, пущай, но, наверное, написанное с тактическими целями (против надежд на немецк[их] «тори») мнение Энг[ельса] о фабр[ичном] законод[ательстве].

Но, несмотря на все это, Тел[енок] все-таки очень хороший человек. Где по нынешним временам таких-то найдешь, чтобы уж со всех-то сторон были хороши?

Кружковой жизни он почти не испытал. Повидимому, среди своих друзей всегда был самым знающим и понимающим в области теории. Он не понимает надобности стеснять свою или чужую свободу слова. Будь он тут, его, вероятно, можно бы уговаривать (но лаской, а не строгостью), того или другого не говорить, а издали, мне кажется, надо его брать, каков есть. Чуть не всякий, кого ни вообразите там вместо него, оказался бы еще неудобнее. У этого нет личных мотивов. Он несет неприятные вещи только потому, что считает истиною.

85

Цюрих, 11/XII 1897 года.

Милый Жорж, чтобы стала я злющая, это неправда. Статью я пишу по поводу книги Головина «Русский роман и общество». Тема теперь, как я втянулась в нее, слишком даже хороша. Мыслей приходят целые возы, двух сортов, общие: подставить общую ниточку в им же отмеченных фактах, указать ход развития. Это удобно именно потому, что он не шаблонный консерватор или либерал. Он старается быть справедливым даже к 60-[ни]кам, которых ненавидит. А, с другой стороны, у меня страшный соблазн поправлять его оценки литературных типов, характеров и пр. Так и корчит меня на каждом шагу. Критические разные «открытия» я делаю беспрестанно. А и литературы-то у меня нет. На память! Это бы в музее писать, но тогда я написала бы книгу с Головина величиной. Писарева мне надо бы тот том, где 2-я статья о Базарове в ответ Антоновичу, и надо бы мне биографию Писарева. Когда он арестован? Сколько времени сидел? Головин на него клевещет.

Надо бы мне знать, что Белинский говорит об «Обыкн[овенной] истор[ии]» Гончарова? Ужасно бы надо заглянуть в «Братьев Карамазовых» и «Бесов» Достоевского. До чортиков бы нужно и Толст[ого]. «Войну и мир» и «Анну Каренину» я уже себе купила в отвратительнейшем немецком переводе. А «Обломова» как бы надо! Господи, боже мой, пресвятая богородица! Архитектура при этом не складывается еще! Написала уже много, а не знаю, с чего начать.

Если бы вы, на свою беду, ласково отнеслись к этому письму, я завалила бы вас вопросами.

Ну, вот уж это скажите: я отлично помню, что где-то читала переписку Пушкина с Рылеевым о «тенденции в искусстве» некоторым образом. А ведь говорит кто-то у Достоевского (чуть ли не Смерд[яков] или Шатов?): «Если бога нет, все дозволено»?

Ах, ты, господи: не справлюсь, опоздаю, — Головин будет слишком стар, когда я кончу. Караул! Режут! — вот вам картина моего психического состояния. *Ваша Вера.*

Пишите.

Спасибо за карточку: отличный капитан в отставке, еще не привыкший к халату.

Письмо к киевлянам получено. Будет переписано.

«Н[ового] С[лова]» я еще с октября в глаза не видела — но получаю. И Павел перестал получать.

86

Цюрих, 16/I 1898 года.

Милый Жорж, что же вы, посулились статью-то прислать свою на прочтение? В печати последнее слово осталось за Михайловским, но, в сущности, само правительство народникам ответило за «Соц.-Дем.» — засвидетельствовало, т. е., истину их учения.

Но все же приятно было бы прочитать, как вы бестию Мих[айловского] отделали! А ведь умеет он так написать, что на вид довольно хлестко (например: «одержимых *манией величия* сумасшедших уже давно не сажают на цепь, а сотрудники «Нов. Слова» сидят»), а посмотреть, так только к «неловким выражениям» придирается, а по существу и сказать ему нечего. Пришлите статейку-то.

Пришла киевская газетка: ни вашего письма, ни Павловой статьи нету. Опоздали, что ли, или пропали? Но передовая пересаливает в нашем духе памятования не об одних стачках, а тоже и о политике и пр., и как будто нарочно написана для битья по носу Сер[гея] Ник[олаевича]. Тоже для этого будто битья написано и предисловие к циркуляру мин[истра], напечатанному в России. Его мы думаем в «Листке» перепечатать с выражением согласия редакции. Известие о смерти Делянова распространилось здесь как раз вечером под русский Новый год, и всем показалось это отместкой за «Н[овое] С[лово]». Слышно, что бывшая редакция получает множество адресов из Одессы, Харькова и пр., выражений сочувствия и сожаления; из Берна тоже послали и при этом буквально разодрались. Здесь собираются, но еще не собрались — не драться, конечно, а адрес послать.

Ваша Вера.

Кто, как кур во щи, попал, так это Семенов: пишет Бончу, что совершенно разорен. А ведь он до покупки «Нов. Слова» и марксистом-то быть не собирался.

87

Цюрих, 1898 г.

Дорогой Жорж, тетрадь я получила, спасибо. «На ущербе» достала — тоже начало и конец. Нет только из средины 2-й, 3-й и 4-й книжек «Вестника Европы» за 90-е гг. Вчера приехал сюда человек из колена Гадова и гадовских мест, но, говорит, с полномочиями тоже, и из наиболее интересного места. На вид чрезвычайно противен — расфуфыренный Лифшиц, но с сознанием своего бесконечного практического значения. Тон съездовой. Накопилось каких-то масса недоразумений, не стоящих выеденного яйца, сплетен, глупостей. Он уполномочен столковаться. Услыхав, что вы сюда собираетесь, он просит, чтобы вы, если возможно, приехали немедленно. Я это пишу вам, но сама я вовсе не знаю, желательно ли, чтобы вы с ним тоже столковались. По-моему, это всерьез невозможно. Ни одна из этих заезжих птиц не может дать понятия о прочих, следующая будет опровергать предыдущую (этот смотрит свысока на россиянина, огорчавшего меня перепиской с фондом, но россиянин — я его не видела — все же во 100 раз милее его самого). Но все же на них надо смотреть «исторически» и объективно. Но вот что, повидимому, надо бы: это знать, что вы писали в «письме». Много разговоров об этом письме и словах человека, который его привез туда. Человек, кажется, нес ерунду, и что именно было написано в письме, никто не знает. Все очень противно, а лично плохо пишется и нездоровится.

Ваша Вера.

Если желаете застать птицу [?] (она вас будет ждать, если бы вы назначили короткий срок), то уж лучше бы поскорее с ней покончить, т. е. поскорее вам приехать.

88

Цюрих, 29/1, 1899 года.

Дорогой Жорж, о себе и писать не хочется, — так — какое-то самое противное животное, весь этот месяц как-то потеряла, в то же время себя беспрерывно ругая и тоскуя.

Сидней Вебб у Павла есть; я его, то есть Павла, вчера видела, и он обещал послать. Я у них за зиму была раза 3, а Павел у меня бывал раз или 2 в неделю, но зато я уж пойду, то сижу часа 4, а он на 20 минут заходит, так что я еще больше бываю. Мы в самых дружелюбных отношениях. Я не хожу просто потому, что лень, не хочется, — вероятно, и он потому же не сидит у меня. Истории чартизма, чтобы настоящей, так и на свете нету. Я вам говорила, вероятно, про Gammage'a (кажется, не вру), — это очень интересная книга, но историей она только притворяется. Он сам из умеренных чартистов, и по голосу слышно, что одних он норовит ущипнуть, других защитить и пр. Все-таки это самое неотрывочное, полное, что я о чартизме читала в музее [Британском], хотела ее купить, но, оказалось, стоит больше фунта. Был слух, что выйдет новым изданием (первое в пятидесятых годах было); я поручила купить Селит[ренному] (у него много моих денег осталось), но не слышно. Пришлю вам автобиографию Lovett'a, тоже чартист, но купила я ее по случаю перед самым отъездом и не прочла, не знаю — стоящая ли. О стачке механиков имею понятие (сейчас получила письмо от Мендельс[она]. Кончилась стачка полным поражением), но статьи Бернштейна в «Vorw[ärts'e]» не читала. Думаю, и априори можно предположить, что-нибудь этакое «отрезвляющее» пишет. Я Бернштейна в «Neue Zeit» читаю. Он все старается по отношению соц.-дем. разыгрывать роль Мижуева перед Ноздревым. Всякие обобщения норовит огрызть или хоть ограничить. «Я, мол, производство обобществляю». — Ну, разве некоторые отрасли обобществления, да и то нескоро, когда буржуазия захочет отрезвлять Мижуева. «У меня, мол,

свои классовые интересы». — Ну, уж не очень же классовые и т. д., и все с точки зрения «простого здравого смысла». Впрочем, добрые свойства пролетариата он опровергает просто по книге Sighele о «преступной толпе», которая, как, мол, ни соберется, непременно наделает пакостей. Только раз во всех этих стараниях уничтожить «старые» воззрения он и был прав, когда оспаривал, доставшуюся по наследству от Маркса с Энгельсом, любовь к туркам. Окт. и ноябрь «Н[овое] С[лово]» я просматривала почти одновременно, так что не помню, какие статьи в какой книжке. Одна там оказалась знакомая и напомнила бедного автора [Потресова]. Плохо, кажется, его дело, никакие хлопоты о залоге не удались. Из новых Булг[аков] не без таланта, но с тем же оттенком немецкой учености, как и Тел[енок]. В общем журнал все-таки был, несомненно, хороший. Есть слух, будто они не то в сенат, не то в Гос. Сов. жалобу подали, и Спасович будто взялся вести их дело. Вот бы славно вышло бы!

Бедного Эритье [1]) мне очень жалко. Поклонитесь ему от меня. Я его летом здесь видала. Он все время ходил трезвым и потому сносным.

89

Цюрих, 2/II 1898 года.

Дорогой Жорж, а я думала, что у вас есть лучшие пути, — вы ведь столько посылали. У меня имеется только девица (не здесь, а у Жеман Жеманыча) [2]), которая в своих письмах к Зайцу, обладающему карамзинским стилем, может упомянуть о том или другом. Написавши ей, девице, одновременно нам и вам, родной, требовавшиеся ответы, я просила ее сообщить мне тотчас же, может ли она исполнить мою просьбу. Я от нее давно не имела известий, потому и спросила. Ответа от нее еще нету, — подожду посылать ваш ответ и примечание, но пока отдам его переписать в виде письма на почтовой бумажке и пошлю ей для отсылки Зайцу, когда получу от нее благоприятный ответ. Отрезанный мною кусок ровно ничего не поясняет, — в нем речь идет

[1]) Швейцарец, большой друг Г. В., опасно заболел, после чего и скончался. — *Ред.*

[2]) Жеманов, эмигрант, проживавший в Лозанне. — *Ред.*

о какой-то книге «судебных ораторов», которую ждет «инженер». Это и нам с Павлом непонятно и составляет, вероятно, постороннее поручение. Мы его сообщить решили в Берлин. Что Заяц высокопарен в письмах и думает общими местами, это я еще в Лондоне Воденам говорила, но я все же не нахожу, что в этом ее письме было что-нибудь непонятное (кроме отрезанного). «Узкие марксисты», о которых тут летом было много разговору, это жанр С[ергея] Н[иколаевича], «поворот к обществу спиной», *«ненавязывание»* рабочим никаких идей. У них, мол, сама экономия лучшие выработает, что в действительности сводится к *навязыванию* и себе, и рабочим той идеи, что при существующем строе одними стачками рабочие могут достигнуть благоденствия и фактических *прав*, которых, мол, уж *достигла* русская буржуазия. Л[итовец]-М[оравский] с Пескиным здесь тоже выстраивают целый этакий выводок. Мы с Пав[лом] ходим с ними дружески сражаться. Но при невежестве их и выводка этот коротенький катехизис до того им по шкурке, что чувствуется, что нам его не разбить, — слишком сложно думаем.

За деньги большое спасибо, хотя и не «голодала», но все же они невредны. Оказия проехала в Париж, прислала письмо по почте и назад не возвратилась.

Ваша Вера.

90

Цюрих, 12/II 1898 года.

Дорогой Жорж, и Павел вам такое же письмо напишет (я знаю, что вы его лучше послушаете), пишу, потому что знаю, что надо как можно скорее. Дело в том, что мы было решили майского листка не издавать, так как оба года в России тоже обыкновенно выходил и лучше еще здешнего. А теперь оказалось, что россияне не видят возможности выпустить там, кажется, по техническим обстоятельствам (из того места, куда вы письмо писали, пришлось народу разъехаться), а считают, что майский листок необходим, и ждут его из-за границы. Готов (отпечатан) он должен быть уже к началу апреля. Ну, вот всем кажется, что ему надо быть написанным вами. Уж «громыхните свое пение». Ведь майский листок, это вещь, которую всего шире распространяют в России. Не напишете вы, придется к противному Гинзбургу обратиться. Он напишет так, что каждую фразу переправлять придется, и все-таки выйдет просто жвачка. И уж Пескин (а ему из Бер[лина] каждую неделю по письму пишет друг [Т. Копельзон], недавно там поселившийся из России — наше начальство [1]) мне нынче говорил — люди удивляются... [неразборчиво], а Георг. Вал. все-таки для нас ничего не напишет. А пример Энгельса. Я могу вам его письмо показать, где он мне жаловался, что ему по 40 майских писем на шести языках приходилось писать, и только в последний год перед смертью он от этого эмансипировался. Очень может быть, что вам всех этих аргументов и не надо, и так написали бы. Но я обещала написать вам самое раздирательное письмо, и меня притом совесть мучает, так как я подала первая голос за неиздавание майского листка. Насчет «экономиста» вы мне не отвечаете, но об этом ответьте тотчас же (и утвердительно), а то у меня все время сердце будет биться.

Ваша Вера.

Майскому листку не нужно быть очень большим, и нет, конечно, надобности только и говорить в нем, что о майском празднике.

91

Цюрих, 19/II 1898 года.

Дорогой Жорж, насчет Commercial crisis написала только не Менд[ельсону], а Водену. Сделал бы и тот и другой, но Менд[ельсон] до чортиков занят, а А. М. [Воден] страдает (нервами) от абсолютного безделья. Одну книгу Павел, говорит, послал. Что же касается до Шульце-Геверница, то в Arb. Secretariat'е она имеется, но Грейлих говорит, что не имеет права ее послать, пока вы не вернете те much [многие] книги из секретариата, которые вы уже давно держите. А как вернете, сейчас пришлет.

[1]) Т. Копельзон предполагает, что В. И. величала его «начальством» ввиду того, что он явился за границу в качестве представителя петербургской организации, — он в то же время был и представителем Бунда. — *Л. Д.*

Бернштейновские статьи по существу меня бы взволновали года 3-4 тому назад, а теперь я этот кризис давно пережила. И раньше были сомнения, а III том «Капит[ала]» (кота — помните?) волновал меня до чортиков месяца 4 (не давал о Руссо думать). Я тогда попыталась заговорить с вами и с Павлом — оба ответили какую-то... [слово неразобранное]. Но у меня с прибавкой английских впечатлений сложилось неодолимое убеждение, что «само экономическое» идет не к худу для капитализма, а к постепенному его излечению от кризисов и вообще от «анархии производства» (это ведь тесно соединено, хотя и не покрывает одно другое). Умиление Бернштейна «скамеечкам» я ненавижу, поскольку боюсь заражения фабианизмом немецк[ой] социал-дем[ократии]; это, на мой взгляд, было бы вредно, но надеюсь, что этого не будет. На «самой экономической» почве вы от Бернштейна, от Вебба и пр. до некоторой степени, может, и отмахаетесь, откусите от тех или других их цифр, но настоящего, большого серьеза это, по-моему, иметь не будет (а все же отлично будет, коли отмахнете их хоть на время). Но не думайте, чтоб я очень пессимистично на будущее смотрела. Не очень. И революция и коммунизм для меня вовсе уж не до такой степени «прощай». И это потому, что «психическое»-то у меня от экономического зависит лишь в очень широких чертах. Капитализм *неизбежно* лишь *разрушает* старые (натурально-хозяйственные) мысли и чувства, а складывается на их месте самое разное, и от того, что именно сложится, зависит тоже многое и в политике.

Деспотизм, однако, à la longue [надолго] невозможен при капитализме уже по одному разрушительному его действию на психику, то есть, если хотите, по «само-экономическим» причинам.

Если бы я эти свои мысли вздумала в разговорах излагать (у меня это подробно все выдумано), вы, конечно, до того бы разрычались, что я не сумела бы ничего толком сказать, но в этом мы с вами вовсе не так далеко расходимся. Я-то ведь ваши взгляды знаю и могу судить об этом. Что меня теперь мучит, так это отвратительнейшая эпидемия «само-экономической» психологии, фаршируюшей русские головы. У меня тут порядочное поле для наблюдений. У интеллигенции-то это только мода, пройдет она. Но по-моему оттенку взглядов я придаю огромное значение тем мыслям, которые попадают в головы масс в момент (у нас так быстро идущий) разрушения векового натурально-хозяйственного склада мыслей. Фаршированная наша интеллигенция очень усердна, фанатична — чудные люди с этой стороны, — они могут оставить отвратительный след в душах рабочих, а там — что засядет, то прочно. *N. B.* «для Европы»: они от бернштейновщины в восторге. Как много, мне кажется, надо бы написать (для печати), но такое бессилие, безволие для выполнения, что... Пропащая я скотина!

92

Цюрих, 10/III 1898 года.

Дорогой Жорж, посылаю для вашего развлечения комедию, героем которой является ваша «райская птица сирин» [Кривенко]. Даже из этой шутки видно, как ослабели, как полиняли наши противники. Они уж пропали, им не возродиться. По-моему, опасны теперь не они, а свои. Вы имеете теперь пред собою экземпляр. Не знаю, пахнет ли от него на вас тем, чем на нас с Павлом. Это ведь действительно «одна струна». Не то, чтобы сведение к ней всего прочего, а простое вычеркивание всего, кроме «клади в карман». Стремление устроить аккуратненький скелетик без тени мускулов, нервов и даже кожи. И ведь это не он один, а и Тулин, и практики, и самарцы. Неизмеримо шире, понятливее их всех Теленок [Струве], но не ему дирижировать оркестром, в котором «струна» заняла бы надлежащее место. Когда он говорит о текущих вопросах — все хорошо, в политико-экономических рассуждениях все на месте, но раз он затрагивает общие социологические, что ли (по философии истории), вопросы, сейчас слышно, что у него нет прочного «станового хребта» (ваша метафора насчет критических философов, но я не знаю, в связи ли это у него с философией), поэтому самому ему не справиться с прущими со всех сторон скелетами, они его сомнут. Держать все это в гармонии и порядке могли бы только вы, так как только у вас и кости, и мускулы с нервами на месте. Павел писать — уж вижу — так-таки и не собирается, хотя теперь

у него кефирные вакации. Как же тут можно допустить мысль о том, что вы уже «написались»? Теперь-то всего и нужнее. Конечно, до осени вам следует выздоравливать, набираться сил, и больше ничего, но с осени необходимо, чтобы вы были с голосом, который был бы слышнее всех. Ей-богу так, милый Жоржик, только надо вам хорошенько выздоравливать.

Как прочтете эти «4 основания», бросьте их, пожалуйста, на почту или лучше попросите бросить своего посетителя. Мне ее дал (Бонч-Бр[уевич]) на прочтение, а у меня чешутся руки вам послать.

Ваша Вера.

93

Флоренция, 19/IV 1898 года.

Дорогой Жорж, а ведь, как только вы переехали Альпы, так и здесь начался страшный дождь [1]). Только этого и ждал, очевидно. Даже фейерверк из-за него отложили на неопределенное время. А приготовили грандиозный. На Микель-Анджело выстроили (остов) Палаццо Веккио и с башней, и хотят его жечь у меня перед носом. Еще раньше дождей я исследовала Жиардино Бобили. Даже приблизительно таких прекрасных садов я никогда и не видывала. Множество статуй и настоящих Микель-Анджело и снимков с разных знакомых Венер и Аполлюнов, хороших снимков. Притом, если она выглядывает из зелени или вырисовывается на голубом небе, с нее и спрашиваешь меньше. И художественно устроенные бассейны, фонтаны, белые широкие лестницы, и масса цветущих роз и деревьев, и такие уединенные дорожки, каких только может пожелать трусливейший в мире хвост. Кроме того, за Микель-Анджело по дороге в С.-Миньято я нашла совсем деревенские, ногами протоптанные дорожки, совсем уединенные и незагороженные. Сло-

[1]) По настоянию товарищей, Вера Ивановна отправилась весной 1898 года из Цюриха в Италию для восстановления расстроенного здоровья. Средства на эту поездку доставил друг членов группы «Освобождение Труда» Ганелин, химик, получивший за какое-то изобретение небольшую сумму. Ввиду нежелания Веры Ивановны ехать в Италию, Плеханов отправился с нею во Флоренцию, откуда он вскоре вернулся обратно, а она осталась там. — *Л. Д.*

вом, как с места жительства неизвестно, чего еще с Флоренции и спрашивать. Все это, положим, не в коня корм, и мне от этого не легче, но это уж другой вопрос.

Какую я вам книжку в подарок купила! Текст-то не бог знает что — краткая история Медичисов. Но картинки! Лучше фотографий. И все знакомые места. Только снимки с Ботичелли прикрашены, лучше чем в натуре. Пришлю на-днях. А мне-то вы книги нужны прислать! Что Райчин? В каком он виде и настроении? Что думает делать? Уверился ли в подлинности Кольки? К[атерине] Д[митриевне Кусковой] я написала, что не только никогда такой фразы не говорила, но даже и понять не могу, что бы такое она могла выражать, так как никогда не пробовала думать отдельно умом и отдельно сердцем. Написала, что мне очень жаль, что она не приедет, но я понимаю, что ей теперь не до поездок, надо обдумывать такое серьезное предприятие, как начало борьбы с нашими взглядами (она мне писала, что через месяц они с Сер. Ник. выпустят против нас брошюру). Разумеется, теперь я ее визита вовсе и не желаю: надо было бы постоянно держать с ней уши востреє вострого, чтобы не сказать чего-нибудь такого, что может быть повернуто как оружие против нас же. Разговаривать с нею была бы преутомительная и бесплодная работа. Пишите же. Не забудьте обещания насчет корректур.

Ваша Вера.

94

Флоренция.

Дорогой экс-зверь, вы, небось, удивляетесь, что так долго не отвечаю. Мне все как-то страшно некогда. Все некогда: и по Флоренции бегать, и читать, и письма писать — ни на что как-то недостаточно времени. Из этого можете заключить, что я в самом нервном расположении духа. И, действительно, хотя я только и пью, что одну чашку жидкого кофе утром (от послеобеденного чая отказалась — давали в 5 часов, — некогда бегать, а вечером от трусости никогда не хожу в салон пить), но нервничанье и сердцебиение, кажется, даже усилились. Малейшее письмо, или просто что-нибудь вспомню, и такое схватит волнение, чуть не до слез. А все-таки я сама в зеркале вижу, что потолстела, хотя

вмешался неимоверный насморк (схватила во время дождей — бегала) с каким-то нарывом за носом где-то, и сильной болью. Теперь боль прошла, но уж который день из носу (а иной раз ртом) идет кровяная мокрота. В день платков 5 становятся коричневыми. Воображаю, что было бы с вашим носом, если бы вы тут на время ливней остались! Теперь дней 5 как погода хорошая, и я все бегаю. Флоренция премилая, и теперь, когда я думаю, что через неделю уеду, я даже ее полюбила с нежностью. Кроме всех прелестей искусства, я еще чуть не ежедневно открываю все новые красоты природы, лучше которых и во сне нельзя увидеть. Отчего же, удивитесь вы, я неделю-то только пробуду? Это вот как: написала я Павлу, что мало денег мне присылает (ведь лечебным деньгам нет дела, что я разменяла 50 рублей, а без этого мне нечем было бы платить за пансион), и добавила, что 400 ганелинских, пожалуй, и не хватит вместе с дорогой, если долго тут заживаться, но сократить расходы невозможно. Что я согласна хоть сейчас вернуться, но своим произволом не хочу этого сделать, а как, мол, вы с Жоржем решите. Прибавила и то, что все пишут мне, что я «должна набираться сил для работы», а решительно не знаю, буду ли, вернувшись, лучше работать? Пожалуй, обману: мне и прежде не казалось, чтобы кашель мне мешал работать. А настроение от воспоминаний, от прелести Флоренции не изменится. Павел прислал еще порцию денег и написал мне в ответ, что, хотя теперь у него только остатки ганелинских, но в мае еще будут деньги в достаточном количестве, но что обещание оставаться тут определенное время с меня снимается, чтобы я им не руководствовалась в своем решении оставаться тут или возвращаться, а поступала бы по собственному усмотрению. На это я ответила, что вернусь в Цюрих, как только получу денег на обратный путь. Бросила я это письмо вчера, и теперь меня уже сомнение взяло. Невелика добродетель — при этаких-то тратах сэкономить франков 80, сократившн дней на 10 свое пребывание здесь. Уж пускай останется, как решено было. Так и напишу сегодня опять Павлу.

Писарева сюда не присылайте; немыслимо даже и думать, чтобы здесь работать. Напрасно себя волновать и терзать даже и помышлять-то об этом. Но только поклянитесь вы мне над самой любимой из ваших статей, что пришлете мне его в Цюрих. А то теперь-то вы ко мне милостивы, так как считаете (глупое) предприятие — меня растолстить во Флоренции — своим. Ну, а кончится оно, тогда как бог даст. Поклянитесь же. Что же вы мне не ответили на вопрос о Райчине? Или его нет в Женеве? Все вам пришлю, о чем пишете. Флоренция вам кланяется.

Экс-хвост [?].

А за столом я попрежнему так труслива, что, если вино или масло стоят от меня далеко, я так без них и остаюсь. Боюсь разинуть рот и перепугать немцев: привыкнуть к пансионскому житью невозможно.

95

Флоренция, IV 1898 г.

Дорогой Жорж. Вазари действительно лежал, как оказалось, на том самом месте, и я его купила, чуточку посмотрю там кое-кого и пред отъездом непременно пришлю. Нет, дорогой Жорж, чувствую я, что оставаться здесь дольше 13-14 будет уже «от лукавого». «Терпеть» мне немного приходится. Что же, «пансионские страхи» [1])? Каких-нибудь часа $1\frac{1}{2}$ в сутки, да я и те сократила чуть не наполовину. Пью кофе одна, когда еще никто не встал. К ужину умышленно запаздываю (это многие делают), а обедать иногда и вовсе не возвращаюсь (вы не знаете, какая это дрянь — всегда одно и то же). Вот и завтра решила на целый день уехать в Certos'y — монастырь в чудной, как слышно, местности. Бегаю я целые дни, но сильно подозреваю, что бегаю не ногами, а сердцем и нервами. Вместо «колодца» я забираюсь на вершину какой-то снежной горы, еще гораздо дальше «от звуков земли». Это бесконечно приятнее колодца, но, право, это не леченье. Если бы вообразить, что я уж на землю никогда не вернусь, что всегда (неизвестно, на какие тысячи) тут буду жить, как теперь, что ничего не услышу

[1]) Дело в том, что Вера Ивановна, ввиду ее застенчивости и робости, чрезвычайно не любила появления и пребывания на глазах у фешенебельной пансионной публики, между тем Плеханов устроил ее в пансионе, где она решительно каждого буквально боялась. — *Ред.*

ни о наших делах и «товарищах», я бы сейчас же согласилась. Это все равно, что умереть заживо и такой приятной смертью. Я теперь картины совсем не так, как при вас, смотрю. Завелись у меня везде любимцы (грешным делом, все волнующие, раздирательные по выражению), перед которыми я по получасу задерживаюсь (вы, кажется, в Баргелло не б[ыли]? Какой там чудный «умирающий Адонис» Микель-Анджело, адонисовского женственного ничего в нем нету, но сколько выражения! Вроде «Утра», но, по-моему, лучше). Словом, я, если хотите, наслаждаюсь по-своему, но ведь это мошенничество. Не «набираюсь ли я сил для работы», а мне чувствуется, что все дальше от нее ухожу. Письма, которые сдергивают меня на землю (не ваши, а другие, особенно павловские, он все жалуется, что работы-заботы у него много), я просто вскрывать боюсь. Сердцебиение у меня все усиливается. Кабы все забыть, «умереть заживо», так и ладно бы. Ведь вы знаете, что я ни на волос не боюсь смерти, а если бы забыть про землю, то здесь так хорошо. Но ведь нельзя забыть. И за этакие-то деньги только наслаждаешься, чувствуя, что уходишь от работы, а не готовишься к ней. Это уходить-то можно и на 60 франков в месяц (вместо недели) [1], и тогда ни пред кем и ни пред чем не виноват. Вы говорите «в июне в Беатенберге» [2], и до июня остается совсем мало времени.

Да ведь, во-первых, не наверное же в июне. Это будет зависеть от ваших работ, от семейных обстоятельств — мало ли от чего! А во-вторых. Ведь, хоть Ганелин и писал, что, мол, надо лечиться ½ года и что он спишется об этом с Павлом, но Павел пишет, что имеются в виду деньги лишь на прожиток до конца мая. Так не лучше ли сберечь от них кусочек для поездки в Беатенберг? Не знаю, сумела ли я изобразить вам свое состояние. Мне самой мучительно жаль расставаться с очаровательной атмосферой, в которую я втянулась здесь. Но я чувствую, что это *должно*. Я положительных долгов не понимаю («должно приносить человечеству пользу»), а отрицательные чувствую. Я и 10 последних дней утянула. Или Флоренция до самой смерти и никаких работ, или надо бежать из нее поскорее. Флоренция, бедная, невиновата, но мое больное сердце, больные нервы превратили ее красоту в какой-то гашиш для меня. Ах, если бы навсегда бы тут остаться! А я сегодня от Павла письмо получила, где говорится, что «ждет вас работа», и даже не говорит какая. А вы упорно не отвечаете мне на вопросы о Райчине [3]), и я начинаю воображать, что с ним что-нибудь ужасное случилось и вы не хотите меня волновать известием.

Прочла про Sodom'а [Содома]. Я его за St. Sebastian'a (помните, какое выражение?) люблю, а ваш Vasari сплетничает, что он был безнравственнейший. А у других-то St. Sebastian веселый, бегает со стрелой, точно орден получил.

[В.]

[1]) «Уходить» означает — отвыкать; «на 60 фр. в неделю (вместо месяца)» значило, что обыкновенно у нее на жизнь уходила эта сумма в месяц, а в пансионе в неделю нужно было столько платить. — *Ред.*

[2]) Беатенберг — известный курорт в Швейцарии, куда Плеханов звал В. И. — *Ред.*

96

Флоренция, 1898 г. [апрель].

Дорогой Жорж, кажется, я вам книги и гравюру завезу в Цюрих и уж оттуда пошлю. Положение тут военное. Двор, где почта под Уфицци, переполнен войском (так же как двор Палаццо Веччио и все дворы общественных зданий). Я, наверное, как-нибудь не так, как тут принято, упакую и затем от смущения такого набормочу, что меня примут за иностранного подстрекателя: тут все анархистов всяких арестуют. Пьяццо Вик. Эммануила вы бы не узнали: во всех магазинах перебиты стекла, а от фонарей одни палки остались. Там происходили главные беспорядки. Толпа 3 дня подряд старалась не оставить в целости ни одного стекла (больше ровно ничего), а в нее в разгаре этого занятия стреляли, тогда она разбегалась, а потом опять приходила доканчивать. На Пьяцца Синьерии бедную Laggio бомбардировали камнями. Я несколько раз попадала то на площадь Викт. Эммануила, то на Синьерии, когда они были переполнены толпой, а потому только узнавала, что около этого времени там стреляли, но на стрельбу не попала ни разу.

[3]) Обстоятельства личного характера, сильно тревожившие Веру Ивановну, касавшиеся Райчина. — *Ред.*

Теперь «все спокойно», все и музей заперто, иностранцы разъехались, город переполнен войсками, только их и видишь, аресты массами. За городом хорошо, но сегодня я немножко струсила: на пустом бульваре повстречалось мне пять рабочих. Окружили и стали просить милостыню, я дала несколько медных монет. Говорят, «поко» (мало). Я дала лиру и так и ждала, что отнимут портмоне. Отошли, не поблагодарили, но оставили в покое. Я бы уже уехала, да не знаю, как быть с Миланом. Там дело было гораздо серьезнее, толпа была вооружена револьверами. Закрыто много журналов (но «Аванти» не назван в их числе), арестованы редакторы. Жду ответа от Ани [Кулешева-Турати]; можно ли с ней видеться? Ночевать-то там все же придется, разве что выехать с ночным поездом, тогда Милан проезжать в 6 час. утра. Сюда уже не пишите.

Ваша Вера.

Миланские картины я так и не увижу. Уж, наверное, и там все тоже заперто.

Не зная про миланскую историю, я написала Блюм[ен]фельду, что, мол, коли ему что спешно, послал бы в Милан, но не сюда. Скажите ему, пожалуйста, чтобы и в Милан ничего не посылал.

97

Цюрих, 12/V 1898 г.

Дорогой Жорж, вот я опять в Цюрихе на старой квартире (новой никто не искал, «не могли взять ответственности», вещи мои не были перевезены, и квартира не была сдана). Я теперь чувствую, какие добрые были ваши пожелания мне поехать из Флоренции в Беатенберг, не заезжая в Цюрих. Господи, какая тут идет сложная, многоэтажная драма! Я еще не разобралась в ней, — голова от нее трещит, но чувствую, что унизительны для нас такие ссоры и что вдобавок они всегда будут (и были с самой реформировки Союза, сперва начались Гинзбургом, а затем — со всеми новыми членами). Поэтому, знаете, чего я всего больше боюсь? Что мы останемся победителями с одним Гинзб[ургом] в качестве желающей (но не способной ни на что) работать силы. Неужели вам не ясно, что мы не можем в одной организации работать с этого рода народом? И не потому, что он плох!

Просто разница лет, понимания, настроения сказываются. И если бы мы могли думать, что, вынося эту каторгу, мы русскому движению пользу приносим! Я уверена, что не приносим. Так же плохо, как мы, могли бы и они делать... [Многоточие в подлиннике.] Ну, да это вам покажется просто писком с моей стороны. Вы, я думаю, увлечены процессом борьбы и желаете победы на сегодняшний день и думаете, что «довлеет дневи злоба его». Вы скажете (и Павел думает), что написал же Павел прекрасные брошюры (я то письмо к американцам ненавижу), — как же не полезно? Такие-то брошюры он мог бы еще спокойнее писать, если бы мы вышли из Союза, были просто «private society» [частное общество]. Я бы, конечно, мечтала, чтобы мы вышли, не выказывая ни малейшего неудовольствия, обиды, просто посмотрев на них *исторически*.

Чувствую, что написала нескладнейшее письмо. Надо же что-ниб[удь] было написать, а это — приблизительное выражение моих чувств и помыслов в данную минуту. Не посылаю гравюры и книжки, потому что своего чемодана еще не достала. Не ругайте меня за письмо.

Ваша Вера.

98

Цюрих, 16/V 1898 г.

Милый Жорж, то письмо писано оффициальным голосом, чтобы, если захотите, могли вы показать его Блюменфельду с Гинзбургом. Содержание, однако, все же выражает самое наше настоящее мнение. Прибавлю только, что, по моему впечатлению и по мнению Павла, несмотря на то, что Гришин [1]) нагрубиянил ему, — этот Гришин — человек, всецело поглощенный интересом дела, а никак не своим местом, чинами и отличием, мелким самолюбием, как наш Гинзбург. Настоящего товарища во всем Союзе у нас нет и, вероятно,

---

[1]) Гришин — псевдоним Т. Копельзона. По его словам, В. И., под словом «нагрубиянил» имела в виду происшедший у Т. Копельзона крупный разговор с П. Б. Аксельродом из-за мандата, отправленного Бундом в Нью-Иорк Берте Левенсон (Стон) на ее представительство в Америке. Этот мандат Аксельрод взялся переслать ей через д-ра Ингермана, жившего в Нью-Иорке, но последний почему-то не передал его Б. Левенсон.— *Ред.*

не будет ни одного, но, если уж предположить, что мы обречены без конца водиться с этими людьми, из двух зол я выбрала бы Гришина.

Не злитесь, милый Жоржик. *Ваша Вера.*

[После подписи В. И. идет следующая приписка П. Б. Аксельрода — *(Л. Д.)*:]

«Павел, который еще собирается писать таким же добрым голосом тебе лично».

99

Цюрих, 25/V 1898 г.

Дорогой Жоржик, не могла бы я, пока не кончится эта сумятица, отдохнуть ни в Цюрихе, ни в Женеве. Если бы я туда поехала, так не для отдыха, а для убеждения вас. Последнее ваше письмо такое, что как будто бы с вами можно говорить. Прошлое показывало очевидным образом, что нельзя. Я не веду никаких переговоров с Гришиным, а лишь разговоры. Приходит он что-нибудь принести, сообщить совсем невинное, а затем сидит часа три и все время говорит. Ни тени грубости я от него не слышала. Не бойтесь ничего, я не говорю ему такого, что могло бы повлиять хоть чуточку [на] что бы то ни было. Я его выспрашиваю, так, для собственного просвещения. Мне кажется, что своими вставками, замечаниями не раз заставила его задуматься над их правотой по отношению к нам. Но это так только. Нашим самым серьезным противником он все-таки будет. Разговоры (допросы его) с ним доставляют мне своего рода удовольствие, правда, очень горькое. Он, по-моему, в высшей степени правдивый человек. Разговоры поставлены у нас на самый объективный тон. Он излагает мне то, что есть. Горькое удовольствие заключается в том, что то, что я узнаю от него, подтверждает все, что я предчувствовала, предвидела в течение всего этого года. Правда, в бо́льших размерах против моих опасений. Я думаю, что разговоры с Блюм[енфельдом], Гинзб[ургом], с вами (предпоследнего письма) волновали бы меня еще больше, чем с ним. Он для меня просто объективный, необходимый факт действительности. А в том, что сделаете вы (хоть бы я на край света во время ваших действий запряталась), я буду чувствовать себя виноватой, это и меня

обяжет. Не могу я передать вам своего голоса. Я знаю, что у меня чутье действительности (того, что есть на самом деле) неизмеримо больше, чем у вас. У вас она заслоняется (иногда прямо до сумасшествия) представлением о том, что должно быть, но чего нет и нет средств сделать, чтобы оно было. Вы утопист в практических отношениях, не меньше Фурье. Вы ошибаетесь, когда думаете, что против нас только 2 дурака, которых надо высечь. Против нас почти вся молодая эмиграция с присоединением тех элементов из студенчества, которые уже действовали или собираются серьезно действовать. Они полны энергии, чувствуют за собой Россию, в виде Вильны, Минска и Киева (Этингер). Они деятельно готовятся к выступлению, пишут в Россию, собирают силы по всей Европе. Послание администрации, думается мне, очень помогло им в этой агитации. С[ергей] Н[иколаевич Прокопович] — не серьезная штука. Очень вероятно, что с его теоретическими измышлениями нетрудно покончить одной-двумя брошюрами. Лишь бы он поскорее и покатегоричнее высказал их печатно. Но этим общий подъем духа (против нас) лишь внешним образом связан с С[ергеем] Н[иколаевичем]. Он готовится уже давно и в слабейшей степени уже начинался в прошлом году. Его нельзя скрутить, а надо переждать. Я боюсь, что вам всем в Женеве кажется, что с ними следует расправиться или административным порядком за нарушение тех или других статей устава (они их, вероятно, нарушат) или посредством подобранного большинства (не принять Эт[ингера] и Петербуржца[1]), хотя по соглашению с россиянами всякий член русского союза, приезжая за границу, становится нашим членом, и вытащить на сцену Гуковского). Формально это возможно, но эта-то наша формальная победа и была бы нашим величайшим поражением. Мы не можем исполнять функции Союза: создать рабочую литературу. Вы говорите, что нельзя бросить то дело, которое мы делали 15 лет. Да за последние 3 года мы делаем совсем не то дело, которое делали в предыдущие 12. То мы могли бы продолжать. Это я и предлагаю. Издавать же такую литературу для рабочих, которая удовлетворяла бы требованиям россиян, мы не можем. И всем кажется при

[1]) Иваншина — *Ред.*

этом, что мы мешаем тем, кто может. Быть может, это им только кажется. Своего идеала и они не достигнут, но у них есть такой идеал, а у нас его нету. У них есть жажда деятельности в этом направлении, но лишь не под нашей редакцией. Им ужасно хотелось бы при этом, что[бы] мы остались редакцией Союза, а они издавали рядом с нами, помимо нашей редакции. Своим бездельем (ни одной рукописи к нам приходить не будет) или издаванием вещей, ненужных для пропаганды среди рабочих, мы выгодно оттеняли бы их деятельность. Соперничество с нами поддерживало бы в них священный огонь. Но мне не кажется полезным доставлять им это лишнее торжество. Я совершенно согласна с тем, чтобы мы только редакцию оставили, а не выходили из Союза. Это сведется к одному и тому же. Это даже лучше, и ничуть не помешает нам издавать что угодно от г[руппы] «О[свобождение] т[руда]», а не от имени Союза. Как обставить это оставление редакции? Я думаю, что форму подскажут своими действиями наши противники. Я бы находила наилучшим просто заявить, что мы сами не находим результаты своей деятельности по изданию рабоч[ей] литературы блистательными, что согласны дать нашим критикам возможность испробовать свои силы на полном просторе. Но это, я сама знаю, было бы уж слишком по-доброму. Не дало бы никакого исхода негодованию против наших противников. На такую формулировку и Павел ни за что не согласится, хотя и знает, что мы не можем издавать рабочей литературы. Вы с Павлом придумаете что-нибудь позлее, и я не буду спорить (разве немножечко, но уступлю, конечно, и подпишусь).

Ваша Вера.

На печатание польской рукописи отдельно и на ваше предисловие и я, и Павел абсолютно согласны. Посылаю поэтому его обратно для печатания.

А отчего не издается брошюра Дикштейна? Отчего не набирается (хоть в чужой типографии) та хорошая рукопись (о России, с немецким заглавием, которую недолго перевести), которую, кажется, вы с собой увезли? Предчувствуя неизбежность разрыва, мне бы хотелось хоть начать ее печатать при нас, а не им оставить такую хорошую вещь.

Вера.

100

Цюрих, 27/V 1898 года.

Дорогой Жорж, третьего дня я писала вам, что мы с Павлом намереваемся к вам ехать. Вчера узнала, что Гришин выписывается в Женеву для переговоров, а сегодня получаю вашу телеграмму. Как понять нам это?

О чем же будете вы с ним переговоры вести, не сговорившись с нами? Вот наши противники так между собой обо всем сговариваются.

Мы думаем, что переговоры вести с ними не о чем, а надо прямо объявить им наше решение. Но сперва надо принять его, и этого нельзя сделать, не сговорившись.

Гришин думает, что едет переговариваться с вами, но требование приехать написано Блюмен[фельдом]. Может быть, он это без вашего ведома своим произволением его выписывает? В таком случае, во избежание недоразумений, [нужно], чтобы Блюмен[фельд] вывел Гришина из его заблуждения. Он едет в среду, — если сейчас оборудуете Блюмен[фельда], еще успеете. Требование приехать сопровождается выговором Гришину, зачем он ведет переговоры с больным человеком. Господи, что мне сделать, чтобы прекратить такое... Опять, повторяю, Гришин не вел со мною переговоров, а излагал мне положение дела, читал письма и прочее. Сообщал он мне все это, как противнику, но с которым он желает вести дело начистоту, не оставлять его в потемках. А вот свои-то оставляют нас с Павлом впотьмах. И уж никак не сообщение Гришина, а именно эти потемки меня волнуют. На просьбу (в коллективном письме) нашу с Павлом сообщить нам намерение администр[ации] Гинзбург своим обычным юпитерским тоном ответил Павлу (я по справедливости оставлена без всякого), что будет спрашивать его мнение лишь тогда, когда его голос не будет передан Г[еоргию] В[алентиновичу]. Павел просит вас сообщить сему громовержцу, что он уже владеет своим голосом. Он просит меня тоже сообщить вам, что категорически высказывается против редактирования изданий «Союза» гр[уппой] «Ос[вобождение] т[руда]». Я тоже. Он просит прибавить, что в желании всех пересечь он присоединяется к вам всей душой. Только ввиду важности момента (и неудачного начала се-

ченья), не может отказаться от предварительного обсуждения. Сохранить редакторство за г[руппой] «О[свобождение] Т[руда]» несогласен, однако, даже ради сеченья.

Рукопись С[ергея] Н[иколаевича] уже получена Гришиным и переписывается для [отсылки] одного экземпляра в Россию. Гришин говорит, что она «умеренна», но, быть может, по его мнению, все умеренно, если только нет ругательных слов.

Милый Жорж, не уверяйте себя, что на мои письма можно не обращать внимания, потому что их содержание «объясняется нервозностью». Моя нервность никогда еще не заставила меня сказать или сделать что-нибудь такое, чего бы я не сказала бы и без всякой нервности. Припомните, и если захотите быть справедливым ко мне, вы с этим согласитесь. Вы и Павел даже, когда сердитесь, думаете иначе, чем в обычное время. А я, когда волнуюсь, думаю только напряженнее, старательнее, но результат у меня тот же, как и без волнения.

101

Цюрих [1898 г.].

Дорогой Жорж!

Плохо с Надей [1]): вместо тифа оказался туберкулез. Доктор, который ее лечит, уже несколько дней предполагает это, а я уговаривала Павла не верить. Больше, мол, сорока лет человеку, никогда она даже не кашлянула, и вдруг сразу такой крутой процесс! У нее редко, и то на какой-нибудь час, температура спускается ниже 39°, а к вечеру доходит до 40°.

Сегодня был консилиум, что туберкулез. Пропадет с ней и Павел: нельзя его себе представить живущим без Нади. Несмотря на такой жар, она всегда в памяти. Про туберкулез ей не говорят.

Серг. Ник. уехал. В нашей «свободной» прессе он участвовать не будет. Он уже за это время новое выдумал: ничего не нужно, кроме легальных организаций. Этим уж

[1]) Надежда Исааковна, жена П. Б. Аксельрода. — *Ред.*

он и Гришина с Иваншиным разгорячил. Будем писать легальную о правах. Рукопись о «заседаниях Госуд. Сов.» попала сюда. Я ее Тюленю отправила. А в России вторая соц.-дем. партия образовалась, т. е. «соц.-рев.», по обезьянству, тоже объявили себя «русской» (вместо Российской) с.-д. партией и тоже нечто вроде манифеста выпустили.

И нечего мне там делать у Павла, и без того их, мне кажется, слишком много толчется около нее: их четверо да сиделка пятая, но так это невозможно вышло, вдруг этакий приговор над ними точно с неба свалился! И доктора говорят, что на одно еще есть надежда, что процесс может приостановиться, не сразу, значит, доест все легкие, а с передышками. А какое тут лечение ученое? Никаких средств, понижающих температуру, да и вообще ничего не делают, кроме морфия от кашля да льда к боку. Об Ганелине ничего не слышно, о... [Нет конца.]

102

Цюрих [1898 г.].

Дорогой Георгий Валентинович!

Гинзбург потребовал официального ответа на письмо администрации, который я прилагаю. Неофициально я предлагаю вам посоветовать Гинзбургу разослать это письмо членам, снабдив его удивлением относительно моей непонятливости, заставившей его, однако, допустить, что может найтись и другой столь же непонятливый член, которому потребуются пояснения. Или просто сослаться на мою непонятливость и дать пояснение от себя.

Гинзбург пишет, что имеет в виду «устав», а не «проект»: всякому ясно, что «проект», и никому не приходит в голову, что «устав». Прибавлю, что не потому я так на этом настаиваю, что не желаю наказания бельгийцу [1]), а потому, что знаю, что результатом письма администрации, если его не «объяснить», будет блистательная награда этому самому бельгийцу за ловкую подтасовку. Не могу я передать вам своего голоса? Допускаю, что вы в положении «генерала

[1]) Кажется, Тахтарев. — *Ред.*

Отчаянного» себя не почувствуете. Ваши практические ошибки утонут в лучах вашей литературной славы, а я почувствую. «Недоросли» меня сами по себе не волнуют, я отношусь к ним исторически. Меня волнует лишь наше положение среди них; их не переделаешь.

Ваша Вера.

На своем «неконституционном» предложении относительно изданий я теперь не настаиваю, так как знаю, что оно уже не удовлетворило бы Гриш[ина] с компанией: они закусили удила и будут самостоятельно издавать все рукописи, какие достанут, не представляя редакции.

103

Цюрих.

Дорогой Жорж, получила ваше письмо только в понедельник. Поймать Павла, чтобы поговорить с ним, совсем не легко: дома он почти не бывает (все в кефире), а когда бывает, трудно найти уголок, который не был бы полон Тищенкой, его женой, детьми и пр. [1]). Поэтому сейчас отвечаю за себя, а поймав Павла, предоставлю ему отвечать за себя.

Очень я рада, что переговоры не кончились войной и разрывом; со всем согласна, кроме одного пункта: прием Этингер и Иваншина. Оттягивая их прием, мы искусственно культивируем в них злобу против нас и преданность С. Н. [2]). Нас, мол, несправедливо лишают нашего права быть членами Союза, очевидно, и его так же несправедливо обижают. Этингер, правда, приехала с поручением от киевлян хлопотать насчет литературы, что заранее расположило ее к союзу с Гришиным. Но последнее время она забегала к Павлу кротче всякой овечки, клялась в преданности «целям Союза». Она искреннее, но наивное создание.

[1]) Тищенко — революционный псевдоним «Титыч», — видный член «Земли и Воли», был женат на Августине Каминер, сестре Надежды Исааковны Аксельрод. В 90-х гг. Тищенко, служа в Баку на нефтяных промыслах, сам стал нефтепромышленником-богачом и приобрел все замашки капиталиста-эксплоататора. Кончил жизнь позорно. — *Л. Д.*

[2]) Прокопович. — *Ред.*

Иваншин же только в том и виноват, что Пескин и Гриш[ин] высказывались за его прием. Это истый руссак, петербуржец. Арестован он был вместе с Путманом [Потресовым], был потом выслан и далеко стоял от всех треволнений последнего времени. Сам-то по себе он и насчет литературы обеспокоен. Они оба и ко мне заходили, оба производят очень хорошее впечатление, но я всячески старалась избегать какого-нибудь серьезного разговора с ними, иначе, может быть, и нетрудно было бы показать им всю искусственность раздутого против нас недовольства. Но ведь для них больное место теперь их неприем. Я им в этом всей душой сочувствую, считаю *нас* неправыми, а вынуждена была бы бормотать нечто противоположное. По-моему, их надо принять немедленно. Я подаю свой голос за их немедленный прием. Принятые до съезда, они успеют притти в нормальное состояние. Иначе ведь на съезде-то они во всяком случае будут приняты, но в обиженном, раздраженном состоянии. Гришину это, может быть, и выгоднее настаивать, но не добиться их приема, а нам невыгодно. Мы-то ведь «законного права» не имеем противиться их приему. Они члены: один Петербургского, другая — Киевского союза, и ни в чем не провинились. Иванщин даже и ни одного оппозиционного слова пока еще не сказал. Раз изгонять С. Н. [Прокоповича] и по-вашему теперь нельзя иначе, как брошюрой, то ведь и искусственное обеспечение большинства голосов теряет смысл даже с вашей стороны.

Брошюры С. Н. [Прокоповича] Пескин нам не передавал, но я заранее присоединяюсь к вашему о ней мнению, что она пуста, но социал-демократична.

Выходу одного С. Н. с женой и я буду только рада. Он самая двуличная шельма, но наказан он был бы, если бы никого за собой не увел.

Мне уж Гришин [Копельзон] говорил, что, по его мнению, брошюра [1]) хорошая, но есть нехорошие фразы, которых не должно быть, — например, о мяче. Я, испугавшись за эту фразу, пустилась даже в защиту свободы слова. Полемическая, мол, брошюра должна быть напечатана без всяких изменений. Он на это отвечает, что вычеркнуть такие

[1]) Повидимому, написана С. Н. Прокоповичем. — *Ред.*

фразы должен сам автор и что он ему об этом уже писал. Ну, а я знаю, что бельгиец с бельгийкой Гришину самым усердным образом куры строят и глазки делают, как первейшей в мире красавице, и по его настоянию непременно вычеркнут.

200 рублей через Каутского я действительно получила без всяких объяснений и, решив, что это — уплата долга за набор и печатание брошюры о печати, мгновенно отослала их Блюменфельду. Так что *от этих 200 рублей* я не разбогатела, но вообще-то, ничего себе, и 2 (маленьких) книги все-таки могла бы вам подарить. Если я и ошиблась в назначении 200 рублей, пущай все так и остается. Заказ сделан через меня, я за уплату отвечаю. Если это и есть «друзья», то приблизительно те же, которые не платят за заказ (потому, вероятно, что ему, Тел[енку], самому не платят). Это скоро объяснится. Сюда в конце этой недели прибудет тетушка [1]) Теленка, которого теперь действительно приходится признать бычком, так как у него родился подтеленок [2]). Его-то самого теперь уж не увидишь лет 15 — пока дети не вырастут. Родитель он будет нежнейший и будет детей, как кошка, в зубах носить, а в этаком-то виде далеко ездить неудобно. Теперь уже прощай, Теленок! А какой был отличный!

104

Цюрих, 1898 г.

Дорогой Жорж, была у нас с вами «общая» барышня. Заместителем барышни мне теперь объявлен «хороший человек и замечательный эконом», поселившийся в том же городе, где с осени живут Серг. Ник. с женой [Кусковой]. Сказано, чтобы писать ему через «редактора», и больше никаких указаний. Редакторов на свете так много, что такое указание не говорит мне ровно ничего. Я думаю, что раз барышня была общая, то и замечательный эконом, наверно, общий же. Может быть, вам даны ближайшие указания, как ими пользоваться, а мои так туманны в предположении, что более точно узнаю от вас? Верно ли? В полученном мною известии (оно писано, очевидно, раньше прибытия туда

[1]) Ал. Мих. Калмыкова. — *Ред.*
[2]) То есть, дитя. — *Ред.*

барышни) говорится тоже, что «статья о роли лич[ности] уже пристроена, но не знаю, когда именно напечатают».

Есть и карамзинизм. «Мысль о возрождении преследует всех, но пока ничего нет конкретного... а все же я верю, что опять будет праздник на нашей улице, и опять закипит работа». Говорится еще: «Хорошо одно: «технолог» благополучно существует. Он ждет речей Коли». Я никакого такого технолога не знаю. Может быть, вы знаете? Путман здоров, всем нам крепко кланяется. Но настроен очень грустно. Запасается в отъезд книгами по философии. Насоветует ему Тел[енок] таких, что бедный Пут[ман] перестанет признавать существование вещей.

Читаете ли вы Парвуса в «S[ächsischer] A[rbeiter] Z[eitung]» против Бернштейна? Он в них не философствует, да и как — в газете? Но мне его постановка нравится: удалая такая. Экономические-то условия для перехода власти в руки пролетариата уж, мол, готовы. Недостает только политических. Как капитализм развился широко не раньше, а после перехода государственной власти в руки буржуазии, то же будет и с социалистическим строем. Всех мельчайших самостоятельных (которыми пугает Бернштейн) починяльщиков сапог, самостоятельных прачек, швей и пр. Парвус решает оставить на первое время совсем в покое, а взять производство лишь из рук капиталистов. Не то, чтобы все очень мудро, но очень бодро. Цеткина тут была, говорит, что чуть не общий крик в партии против Бернштейна. А Серг. Ник. пишет, что это самое могучее течение, и объявляет себя полным последователем Бернштейна. Воден мне давно уже написал: «Иду покупать нелепую книгу и тотчас посылаю ее Георг. Валент.». Послал ли?

Мне «Sächsischer Arbeiter Zeitung» от Грозовского тайком носят. Попросите Парвуса, — он, наверное, рад будет прислать вам всю серию. Уже статей десять написано.

Насчет гор ничего не знаю. У меня вообще величайшее отвращение строить планы относительно своего будущего, хотя бы ближайшего; вспоминать, что оно есть, и то уж тоска. Но отвлеченно рассуждая, я считаю вероятным, что, раз вы будете в горах и ласковым голосом меня туда будете звать, я соблазнюсь и приеду погулять. Деньги найдутся.

105

Цюрих, 1898 г.

Дорогой Жорж, порядочное это живодерство, что долго не отвечаете. Сообщу вам несколько новых данных. Видела вчера представителя «Рабочей мысли», — Гришин привел его. Довольно тупой, но деловой, вероятно, очень усердный интеллигент. Только что приехал, кажется, за транспортом (для этой «Мысли»), а, може, и еще за одним, более еще того конспиративным делом. На мои расспросы о «Раб. мысли» принялся сообщать, что она Манифеста не признает, и решила не распространять, к партии не пристает, считает, что ее им не нужно (но с Пет[ербургским] союзом вошла в практическое соглашение). Заботится о том, чтобы в Петербург не попадало павловых брошюр, а также и вашей о народов[ольцах] (по ее бесполезности).

На этом месте получила ваше письмецо, тотчас же послала на poste restante приглашение Райчину. Потому не телеграмму, что ведь надо ему предложить денег на дорогу. Я заметила, что он на них стал очень жадный. Тяжкий с ним здесь крест будет (уж очень другими заботами захвачен), но все же лучше, чем там его оставить, — от одного страху все равно изволнуется.

На этом месте, укушенная мыслью: «А что же я, однако, скажу Райчину? Чем его удержу?» — я бросила письмо и побежала к Павлу, — они там никакого участия как-то не приняли, помощи не обещали. Он им почтения не оказал, когда там был. Да вдобавок Павел пишет статью о голоде, поэтому болен, конечно, статья не подвигается, он мучается и ни о чем слушать не хочет, говорит обо всем раздраженным тоном, точно вот именно я во всем виновата.

А по письму Блюм[енфельда], сейчас только мною полученному, и он тоже *ненормален*, и он тоже уверяет, что Райчина убьет, а заявление его Райчину (это я письмо цитирую): «вы здесь не будете работать, потому что мне не нужно, а распоряжаюсь тут я...» — ведь это, по меньшей мере, до отвращения безжалостно было. Ведь у того несчастного могла быть фантазия, что в *этой* типогр[афии] он имеет право работать. Ну, да все равно, не поможешь этому.

Все это время Гриш[ин] мучил меня уговорами хлопотать за его план двойных групп. Съезда он не одобряет из-за грубостей и скандалов, которые могут на нем произойти. Боюсь и я настаивать на съезде, говоря по правде: такой ругатель, как Блюм[енфельд], непременно наделает скандал, Гинзб[ург] на собраниях тоже бывает груб. И у Гришина парочка таких найдется (Серг. Ник. с женой на съезде не были бы, но они-то вежливый народ). А ведь нам скандал и разрыв невыгодны, особенно раз причинят его наши.

Предложением двух групп устранялась надобность в общем съезде. Раз мы его не принимаем, надо представить контрпроект. Я предлагаю так: в следующем № «Листка», который выйдет уже без нашей редакции, заявляется, что ввиду, там, прилива «свежих сил» или хоть того же «разделения труда» редактирование изданий Загр. союза переходит к молодой редакции.

Ну, а дальше? Если кто-нибудь из группы пожелает писать, будет ли отдавать произведения в их редакцию? Это уж вам решать. Ведь вы их разносить-то будете, если заслужат? Я думаю, что величественнее ничего себе на этот счет не выговаривать. Ну, а если кто-нибудь (паче чаяния) пришлет произведение с непременным желанием, чтобы мы редактировали? По-моему, проредактировать и на этой вещи отметить «под редакцией группы», или имя когонибудь из нас в качестве редактора.

Большинство вырабатывает проект устава, мы сделаем или не сделаем свои замечания. Вотируется по почте через письма. Не знаю пока, что еще...

Если с этими пунктами вы согласны, не терзайте меня молчанием, а напишите карту, и я тогда уже официально объявлю Гриш[ину], что проект двух групп не принят, а (если не съезд) то вот на что мы согласны. Вот еще, Жорж, по-моему, вся наша борьба заключается лишь в предоставлении им полного простора. Никаких мелких, частных затруднений и пакостей мы им строить не станем, на роль внутренних врагов я несогласна. Я уверена, что и вы так смотрите. Я это оговариваюсь для того, чтобы предупредить вас, что с Блюм[енфельдом] и Гинзб[ургом], которые могут этой ролью увлечься, я солидаризироваться не намерена.

Неясным для меня остается пункт о типогр[афии]. Для этого нужно с Блюм[енфельдом] сговариваться, а я не знаю, возможно ли мне с ним в чем-ниб[удь] сговориться словесно, но знаю, что уж письменно-то совершенно невозможно. Гришин желает, чтобы тип[ографией] продолжал заниматься Блюм[енфельд], но сделает [ли] это последний, когда редакция от нас перейдет, я решительно не знаю. Знаю только, что погубить их, отняв у них тип[ографию], нельзя, — будут печатать в чужих, а скверный вид это нам придаст маленько — бессильной злости какой-то. Да и мы же ведь желаем, чтобы они поскорее высказались.

Покорнейшая просьба к вам, вернее, к Розалии Марковне! Ведь у меня голова лопается от думушек насчет того, что мы теперь делаем, — ведь это на моей совести лежит, что из этого выйдет. А теперь еще Райчин! По этим причинам, да еще из-за сильного кашля, я окончательно сбилась со сна. Чувствую ужасную потребность выспаться и не сплю ночь за ночью. Умоляю Розалию Марковну прислать мне хлорал. Ведь дубина Членов [1]) помешан на хлоралистах! А вы знаете, что я не хлоралистка. Да уж из одной экономии, бережливости, которые мне вообще свойственны, я до последней степени стараюсь не тратить хлорал, раз его имею. Бога ради пришлите.

Ваша Вера.

106

Цюрих, 1898 г.

Дорогой Жорж, сейчас напишу Мендельсону об отчетах. Он даже обещал мне выслать №№ газет, где будет лучший отчет о последнем конгрессе, но не прислал. Теперь попрошу. Печатаются ли отдельно отчеты конгр[ессов], я не знаю, а если нет, то ведь за прошлые-то года едва ли возможно достать отчеты, но я попрошу его. Что Блюм[енфельд] будет упрямиться печатать их произв[едения], — это возможно: он и с этим листком с наслаждением «поджаривает их на медленном огне» и только зря бесит. И, по-моему, тоже терять нам его, боже сохрани: типографщика, до такой степени вкладывающего всю душу в дело, в 100 лет

[1]) Врач, старый соц.-дем., близкий товарищ членов группы «Освобождение труда». — *Ред.*

другого не сыщешь, и человек хороший в своем роде. Но заставлять его набирать неприятные ему вещи безусловной надобности не будет. Ведь и теперь приходится то то, то другое отдавать набирать Ивану или Кузьме [1]). Наша фирма издает больше, чем нашей типографии под-силу. Можно бы, следовательно, отдавать именно ихние писания. Тут другая закорючка: Блюм[енфельд] в то же время и кассир, — все деньги Союза в его руках. Теперь «оппозиция» собирает на свои «нелегальные» брошюры отдельный фонд. Но если узаконить «Листок» (позволить выходить под фирмой соц.-дем. партии), нет смысла и брошюры держать вне закона. Поэтому произойдет слияние касс. Вот если Блюм[енфельд] будет стремиться ни сам «Листка» не набирать, ни на печатание его в другой типографии ни копеечки не давать, — это, конечно, невозможно, но тут я думаю, что усовестить его будет возможно.

Разнести Иванш[ина] с К⁰ через 3 мес. слишком рано, — не успеют много наврать, — с $1/2$ года, пожалуй, придется отпустить. Это, впрочем, уже от них будет зависеть. Как наврут хорошенько, так и разнести. Заводить речь о принятии в Союз всех, работавших для «Листка» (ишь вы, раздобрились!), едва ли есть надобность. Иванш[ина] и Этингер, конечно, принять, и еще, вероятно, предложат одного вновь приехавшего члена Российской с[оциал]-д[емократической] партии. Для «Листка» он уж успел написать о франц[узских] выборах, и статейка, по направлению, представьте, такая, что всякий из нас мог бы написать: ни тени специфического «экономизма», и вся любовь автора и все заботы сосредоточены на Гэде и Жоресе. Прямо, милая статейка. Этого, думаю, тоже надо будет принять. Ну, ладно, примем мы их и Ив[аншина] сделаем редакт[ором] «Листка» и... [слово неразборчиво] брошюр тех авторов, которые предпочтут издавать под его редакцией? Или брошюры все-таки оставить за штатом? А мы чем будем — редакторами чего? *Это в настоящий*

[1]) Иван (Бохановский), став народовольцем, работал в качестве наборщика и вместе управляющего в устроенной мною типографии для «Вестника народной воли»; Кузьма (Ляхоцкий), украинец, являлся таким же, как Бохановский, наборщиком, заведывавшим типографией драгомановской «Громады» в Женеве. Оба они принимали заказы от любых эмигрантов. — *Ред.*

момент вполне, конечно, от нас будет зависеть. Ведь они никаких этих милостей не ожидают и будут ошеломлены. Они теперь думают, что потеряли даже и мою сравнительную благосклонность, и заискивают маленько. Но я, конечно, не ручаюсь за них в будущем. Лично ведь я из них знаю одного Гришина. Что он теперь никаких камней за пазухой не носит и очень желает полного с нами мира, — это да, а другие — чорт же за них поручится! Ни одной статьи С[ергея] Н[иколаевича] [Прокоповича], ни его вещи в «Листке» нету. «Русская» с[оциал]-д[емократия], тоже и не глупее Российской, но, вероятно, мертворожденная вещь. Типографию ее уже забрали. Таковой, впрочем, нету и у Российской. Недавно опять был погром в Питере, и выбраны все остатки бывшего Союза борьбы (т. е. теперь Российской партии в Петербурге), кроме инженера [?], но тот болен, так что все равно, что и его нету. Едва ли не наименее фиктивной причиной будет чисто рабочая организация издателей «Раб. мысли». Вместе с газетой у них еще организация кассы есть. Ни с Российской, ни с русской партией они не сходятся. Гришину с комп[анией] очень бы хотелось с ними сойтись. Сношения завязать вполне возможно. Есть общие знакомые. Но особенно-то им хочется этого потому, что им кажется, что передовая в 1-м № «Раб[очей] мысли» вполне подтверждает те «принципы». Посылаю вам с нее копию, это очень интересно, так же, как и устав кассы. Единст[венный] экземпляр имеется у Серг. Ник., а вышел № еще в октябре. Мне приходит в голову, что из него-то именно он и почерпнул свои последние «принципы». Но во 2-м № уже добавлены к «принципам» *недостающие* в первом вещи. Сейчас б[ыл] у меня Гришин... Ничего-то он не ожидает... Я и не намекаю им, пока не сговоримся хорошенько между собою. А еврейск[ий] союз чистый «Ванька-встанька»: взяли у них 2 типог[рафии] и массу народа, — всех, кого знал Гришин, а они уже успели выпустить в России маленький № жаргонной газеты. И путь опять налаживается через границу. И досадно, что это они такие деловые, а не русские [1]), а все же надо им отдать справедливость.

[1]) Здесь В. И. имела, конечно, в виду членов *русской организации. — Ред.*

Так значит *конституция?* Но надо еще оформить, что именно им объявить? С нетерпением буду ждать вашего ответа; что я этому всему рада, нечего и говорить. Мы теряем возможность выключить их всех из Союза, но я-то лично всегда считала такую *победу* ничего не стоящей ерундой. Как без съезда (и перемены устава) сделать легальным прием новых членов? В уставе прием — «единогласно», и Гинзб[ург] скажет: «нет». Но ведь это же идиотский пункт, записанный Гинзб[ургом] в противность тому, что было в Лондоне [1]) вотировано (я отлично помню). Вместе с запросом членов о приеме новых написать и то, что прием производится большинством голосов? Или раньше посредством опроса членов изменить эту статью устава?

107

Цюрих [1898 г.].

Дорогой Жорж, Блюм[енфельд] прислал копию с полученного вами от «Раб. знамени» (это ведь группа, объявившая себя «русской» с[оциал]-д[емократической] [партией]) письма с вопросом, что я и Павел об этом думаем. Из приписки Блюм[енфельда] не разберешь, заинтересовались [ли] вы этим обращением, и думаете [ли] отозваться на него согласием, и интересуетесь [ли] нашим мнением, или только Блюменфельд. У меня есть мысли (проекты) и на тот и на другой случай, но неодинаковые. Вот мне и не хочется драть горло (или перо) по этому поводу, если вам в данную минуту по случаю полемики «абсолютно наплевать» на это. Ответить-то им, думаю, во всяком случае, надо. Замечу только теперь же (на тот случай, если бы вы им сейчас же ответили), что, може, «Раб. мысль» сделается органом «Союза б[орьбы] за о[свобождение]», но прежде и еще недавно она не б[ыла] им. Може, это не ложь, а просто незнание? Они и свое одновременное выступление в виде «партии» объясняют в 1-м № тем, что не знали ничего об образовании «Российской» партии.

[1]) Т. Копельзон предполагает, *что* по всей вероятности В. И. ссылается здесь на совещание членов Союза русск. соц.-дем., приехавших в Лондон во время происходившего там в 1896 г. интернационального съезда. — *Ред.*

Ответьте же, милый Жорж, написать ли вам подробно о сих предметах.

Ваша В[ера].

А каков проект «Раб. мысли», о котором вам Блюм[енфельд] рассказывал? Мне это кажется вполне вероятным,— нахальства на это у одного Ветрин[ского] [1]), и то хватит, а я еще их представителя из России видела. Совсем остолоп. Разве что «Раб. мысль» будет сделана оффициальным органом, а то непременно объявит самозванцами. А с другой стороны, за статейку об интеллигенции, ее и минист[ерство] внутр[енних] д[ел] могло бы сделать органом своего сердца.

108

Цюрих [1898 г.].

Дорогой Жорж! Опять уж скоро неделя не было от вас карты, и у меня насчет вашего здоровья неспокойно на сердце. Воображаю на минутку, что, может быть, вы выздоровели, мне хотелось бы спросить вашего мнения насчет одного пункта проекта устава, а именно, последнего, 9-го. Ведь у вас есть или были проекты относительно будущего посрамления наших противников; и то или другое отношение мое за всех нас на съезде к этому проекту, может быть, небезразлично... А я не знаю...

Но если вам совсем не до того, бросьте письмо на этом месте и потом загляните лишь на 4-ю страницу.

Очень вероятно, что нас будут выбирать в эту комиссию; вероятно, она и выдумана для того, чтобы мы какое-нибудь да заняли положение в Союзе. Делать в ней будет нечего (что в администрацию я ни за что на свете не пойду, это я твердо решила). Решительно отказываться нам всем итти в эту комиссию — это уж не просто отказ от власти, а враждебная демонстрация, — совсем, мол, с нами не хотят связываться. Мы этим подпадем (в намерении) под пункт о «хронически неактивных членах». Пункт, думаю, выдуман не для нас, а для Полинковского с Гуковским [2]). Тем

[1]) К. М. Тахтарев и Петербуржец. — *Ред.*

[2]) Полинковский и Гуковский — эмигранты, члены Союза, сторонники группы «Освобождение труда». — *Ред.*

не менее, отказ будет как бы вызовом: ну-ка, исключите за будущее бездействие!

Как вы думаете? Я, в сущности, ничего против этого не имею. Чего я боялась — это ужас остаться нам вдвоем с гинзбургским «союзом» при отдельной организации оппозиции! А раз их министерство будет обеспечено, я ничего не имею против оскаливания зубов в приличной форме, а это прилично будет. Мне теперь, положим, так отчаянно все опротивело (не исключая и русского «рабочего движения» с его «Мыслью», в редакции которой, как я невзначай узнала, находится Ветринский) [1]), что, по мне, все к чорту! Может быть, это только временно, от той нервной и нравственной встрепки, которую я непрерывно выношу с самого [начала?], а потом очухаюсь. Итак, мне все равно, — не знаю, что лучше. Отказ от выборов в комиссию — это как будто шаг по пути к выходу из Союза. Хорошо ли это делать — это зависит от планов на будущее, а у меня определенных нет, у Павла тоже: он думает о работе для легальной литературы, о философии и ни на волос о Союзе.

Но я-то рада была бы, чтобы у вас планы были в целости, и буду рада вам помогать. Злости у меня накопилось немало. Так вот решите, милый Жорж, как лучше поступить ввиду будущих планов. Должность-то в комиссии глупая. Лучше не принимать? *Ваша Вера.*

Это прочтите. Вашу статейку в «Neue Zeit» я раньше вашей карты читала. Мне положительно удовольствие доставило то место, где вы кантианские бедствия с Ding an sich [вещь в себе] так отчетливо выясняете. Но все здешние немцы очень огорчены вашим тоном относительно Конрада Шмидта. Такой, мол, он хороший человек. И Павел даже говорит, что первый раз в жизни ему ваша полемическая строгость кажется чрезмерной. Мне кажется: у немцев такое же чувство, как вот бы про барина при крепостном праве говорили: «человек, мол, изувечен за то, что тот какой-нибудь кошке хвост отдавил». Из какой-нибудь там Ding an sich-то теперь никому из них не рады, а про Шмидта все говорят (и Павел говорит) — уж очень хороший человек.

[1]) Недавно умерший К. М. Тахтарев, тогда ярый противник группы «Освобождение труда». — *Ред.*

Я-то об нем не имею даже как о писателе яркого представления, меня о кошке скорее больше интересует, чем сам Шмидт; мне поэтому статья очень нравится и резкой даже [не?] кажется последняя страница, но люди огорчаются.

Сейчас получила от Блюменфельда письмо, где он говорит, что вы ему говорили, что непременно желаете быть на съезде, разве что здоровье не позволит. Думаю, что это вы им для какой-то дипломатии говорите. А Павлу (и Наде за него) ужасно не хочется на нем быть, только иногда смущается: как же меня там одну оставить? (Кому-то-нибудь надо быть, а то путаница выйдет.) Но я его успокаиваю, что мне, мол, все равно. Если не будет трудно, передайте (или перешлите) проект устава Блюменфельду и тоже, если не трудно, пришлите павлово объявление насчет нашего выхода из редакции: может, понадобится прочесть на съезде. По-моему, оно хорошо, только чересчур доброе. Так же было бы, если бы мы передавали молодым друзьям, ну, Ломачанскому [Луначарскому?], напр., а не Иваншину. Ну, это ничего.

Съезд будет 10-го.

109

Дорогой Жорж, что значит ваша телеграмма, к[отору]ю прилагаю: «Ecrivez lettre dont je parle attendez Georges», я, конечно, не понимаю. Но во всяком случае выходит по ней. Письмо послано еще до ее получения, и я жду — не знаю чего. Но пишу я вам не по этому случаю, а по коллективному поручению (инициатива Виленца). Явилось предположение, что, быть может, к причинам вашего неприезда на конгресс примешиваются финансовые резоны и что, если бы это было так, то для их устранения имеются 200 фр. На типографию из Питера (а там всего 1 чел. остался) прислано 1 000 руб. (500 р. из них конфисковал Бухгольц, но надеемся вытребовать). Виленец предлагает послать из них вам 200 фр. с тем, что они (он ручается) будут пополнены в качестве «издержек делегации». Таким образом, несомненно, что взять эти деньги можно без малейших опасений дальнейших отрыжек. Виленец производит на меня теперь впечатление человека, к[ото]рому мы можем вполне доверять, к[ото]рый относится к нам совсем хорошо. Мы думаем, что

его прежнее поведение объясняется тем, что Бухгольц оклеветал нас перед ним, а теперь он сам видит и говорит, что Бух[гольцу] нельзя доверять, что он сумасшедший.

Ваша Вера.

Если бы финансовые проекты оказали свое действие, то телеграфируйте «согласен». Я не уговариваю вас. Боюсь насчет здоровья. Речь Павла сочиняем.

109 а

Дорогой Жорж, не писала вам потому, что ведь все равно и $1/_{10}$ не напишешь того, что уж рассказал вам Блюменфельд под свежим впечатлением съезда. То-то вы, я думаю, потешались! Это превзошло все мои ожидания. Я знала, что они начнут ссориться, но думала — месяца через 2, а они уж начали драться в самый момент нашей отставки; не успели даже додраться с нами. Вот какое к вам дело: Павлу очень хочется написать обо всем этом в Россию, да и я непрочь рассказать историю последних месяцев. У Блюм[енфельда] есть возможность. Но мне все-таки не хочется дать адрес тетки [1]), а другого не знаю. Написала Крыстю [2]), чтобы прислал адрес жены, но, пожалуй, не успеет притти. Вы, вероятно, знаете адрес того «экономиста» и философа, который б[ыл] нам с вами дан в общее пользование, и я еще попрекала вас, ч[то] вы его утаили. Так спросите вы у него, нет ли у него адреса для посылки старого журнала из Москвы.

Напишите свое мнение обо всей этой поросячьей комедии, если заинтересовались ею из рассказа Блюм[енфельда].

А как здоровье? Крепко жму руку.

Ваша Вера.

110

Дорогой Жорж!

Вы опять молчите, и неизвестно, по болезни или по полемике. Я послала Блюм[енфельду] письмо для России и просила принесть его вам прочесть. Это нужно. Я там говорю

[1]) Ал. Мих. Калмыкова.— *Ред.*

[2]) Раковский. — *Ред.*

о «Раб[очей] Мысли» (надуманной С[ергеем] Н[иколаевичем Прокоповичем]) и о том, ч[то] с этим направлением придется рассчитаться. Прочтите 4-й №. Вам Блюм[енфельд] даст. Может, что прибавите в письме? Если почему-ниб[удь] найдете, что незачем все это писать, то можете и уничтожить письмо. У Павла все выходила статья, а не письмо, он ее бросил, а моим доволен — только находит, что коротко. Ну, пишите же мне, собака вы этакая!

Ваша статья против Бернш[тейна] в «S[ächsischer] A[rbeiter] Z[eitung]» очень хороша, даже и по тону. И Павел против нее-таки ничего не имеет, а таскающийся к нему «австрийский немец», некий Каценштейн, визжавший против статьи о Конр[аде] Шмидте, говорит и про эту, что она написана тоном Ketzerrichter'а [судьи еретиков], только этот кошачий камень [1]) сам-то при ближайшем рассмотрении оказывается берштейнианцем. Много смуты в умах причиняет это «великое явление», к[а]к называет Бернштейна Иваншин. В вашей статье является диссонансом только постоянное повторение «hochgeehrter und lieber Genosse» [высокоуважаемый и любимый товарищ] на каждом шагу. Притворный вид это ей какой-то придает, не идущий к ее серьезному тону.

Прочтите в «Раб[очей] Мысли» передовую, «Заметку» об интеллигенции и отчет о Штутгартс[ком] конгрессе. Отвращение!

Ну, пишите же. *Ваша Вера.*

Приласкали бы вы Сибиряка, учен[ика] Блюм[енфельда]. Парень простой, хоть и генер[альский] сын, и такой храбрец.

А ч[то] слышно о Райчине? Пусть бы он захватил по удалении Блюм[енфельда] типографию. А хорошо бы уговорить Блюм[енфельда] на всякий случай остаться в типографии.

110 а

Дорогой Жорж!

Я тоже принимаюсь вам писать не потому, чтобы имела что определенное написать, а просто потому, что письмецо

[1]) В переводе на русский язык «Katzenstein» означает «кошачий камень». — *Ред.*

ваше хорошее, ласковое, — как же не отозваться? Я все еще чувствую себя нездоровой: как выйду — лихорадка, но мне почти не приходится выходить — Соня [1]) забегает делать покупки. Верочка [1]) скоро месяц, как уехала в Вену, и в восторге от нее. По всяким собраниям бегает. При ее чрезмерной скромности и застенчивости пожить самостоятельной единицей, а не дробью целого (семьи), как здесь, [ей] будет, наверное, очень полезно.

Я теперь в драке с собой, как бывает у меня всегда при начале писания. Мысли мелькают, а в порядок не приходят, плана нету, один хаос... Это очень тревожное состояние, но сравнительно с невозможностью даже думать о писании — это все-таки благодать, потому что я уже по опыту знаю, что, если ничто внешнее не помешает, то я из этого хаоса все-таки выберусь. Союзные дела есть-таки, но не слишком много, и от некоторых я и не хотела бы избавиться, т. е. от шифрованных писем В...[илен]ца. Право, он очень путный человек. Он нелегальным стал. В его городе был большой погром, и его искали. Получила маленькую записку от Тел[енка — Струве] он ожидает, что в ближайшем будущем «в чисто литературной области предстоят серьезные сражения, к которым надлежит приготовиться. Гг. противники потеряют терпение (вероятно, слухи такие до него дошли), тем более, что в окт[ябрьской] книжке им предстоит получить несколько сюрпризов».

Прилагаю при этом первый лист первой из находящихся на моем попечении брошюр. На них-то я не ропщу — их судьба меня интересует. Прочтите. Дальше идет все любопытнее и любопытнее.

Хорошо бы повидаться, хотя, если это случится в разгар писанья, то меня опять будет совесть мучить, как летом.

111

Дорогой Жорж!

Посылаю вашу статью и скорехонько (завтра-послезавтра) пришлю записку Витте — далеко убрана.

Я совершенно согласна с вами, что ловить всех фендрихов, стремящихся наговорить глупостей, — Сизифова ра-

[1]) Дочери П. Б. Аксельрода. — *Ред.*

бота. Пусть выболтаются, тогда будет удобнее прищемить им хвост.

Но как быть с «Листком»?

Для пояснения, как обстоит дело, я заявила Иваншину про одну статью, что он ее должен или вовсе выбросить, или вычеркнуть в ней кое-что. Он хотел сделать поясняющие добавления, но ничего не вычеркивать. Я ему сказала, что посоветуюсь со своими товарищами по редакции и дам ответ дня через 2. В разговоре он б[ыл] смирный, а на другой день прислал Пескина с запиской, где говорилось, что они думали, что имеют некоторую самостоятельность, а теперь видят, что их отношения к редакции не изменились, поэтому работать с нами не могут и думают самостоятельно издать собранный для «Листка» материал. Я молча отдала все написанные ими статьи, но оставила у себя все корреспонденции из России: без вас, мол, издадим. После этого прибежала г-жа Пескина с переделанной статьей Иванш[ина], я указала еще 2 фразы, которые нужно переделать, причем посредница уверяла, что и они будут переделаны. Ввиду такой уступчивости я написала Ив[аншину] письмо, черновую которого посылаю, также и его ответ. На этот ответ я только словесно (Пескиной) сказала, что данный «Листок» может выйти, а о дальнейшем решим потом. Ну, так-как теперь быть? Отношения, действительно, не регулированы: ведь работали для «Листка» многие и все нечлены Союза, и работали они серьезно.

Из России давно пищат об иностранном отделе. Они составили его очень недурно: изо всех почти стран и без претензий и теорий, просто и мило. Как же быть? Если: 1) отнять у них листок, мне такой иностранной хроники не составить: надо для этого долго и подробно следить за всеми газетами; 2) отдать «Лист[ок]» им совсем и отказаться от редакции? Но тогда «Листок» должен выходить без фирмы соц.-дем. партии, и у партии не окажется ни одного периодического издания, а у непартии несколько; 3) позволить им издавать без нашей редакции и от имени партии? Тогда уж и брошюры (безредакционные) не имеет смысла запрещать им издавать под фирмой партии; 4) оставить дело как есть: моя редакция, но «торговля» (я не знаю, почему он, Иванш[ин], это слово в кавычках ставит?) по поводу всякой моей поправки? Я за наказание этого, положим, заслуживаю, но...

Если ничего лучшего не придумаете, я остановлюсь на последнем, хоть лично мне это очень тяжело (и положение нелепое и сердцебиение при торговле-то одолевает позверски). Насчет совместной выработки программы я рада, и наверно согласимся. Вы «за свободу», а у меня руки опускаются за них хлопотать (я это у Гриш[ина] сказала). Им (не Гришину — он исключение) во ч[то] бы то ни стало хочется иметь собственные, отдельные от нас «принципы». Говоришь скотине: я согласна с тем, что вы хотели сказать, но сказали-то вы письменно совсем другое. Скотина не верит, что согласна: у меня, говорит, свои убеждения. Кроме самолюбия, тут вот еще что: им кажется, что нельзя одновременно соглашаться с ними (с тем, напр., что Гришин (или вы с Гришиным) в Сигризвиле [?] говорили о рабоч[ем] движении как борьбе) и с брошюрой Павла; они думают, что это вещи несовместимые. Гришин мечтает, что ваша брошюра о полит[ической] борьбе устранит это недоразумение. Он-то хоть не видит, как, а верит, что тут недоразумение. Громыхнули бы вы, в самом деле! Скажете — «некогда». Мало бы что! Надо же рассеять недоразумение. Ведь в нем не они одни виноваты, а отчасти и Павел. Вы скажете, чтобы я написала. Ей-богу, не по лени я говорю, что надо, чтобы вы. И авторитетнее это будет, и не сумею я так извернуться, чтобы, не противореча Павлу, все выразить, что нужно. И не я в павловых брош[юрах] виновата. Я его заранее, чуть не плача, уверяла, что они поднимут бесконечные недоразумения, а вы их одобрили, он и уперся.

Когда же вы напишите?

Гришин принес для вас брошюру той же «русской» партии, против к[ото]рой вас просили написать-то. Пришлю, когда скажете, что будете писать, а то потеряете, а ему ее кто-то только на подержание дал. Ганелин около Лондона: *The Hall Bushey, Herto.*

У него опять «мигает» [1]), и думаю, безнадежно. Пишет, что: «Компания нашла некоторый метод обработки своей

[1]) Здесь требуется длинное пояснение. Ганелин, друг членов группы «Освобождение труда», в особенности Веры Ивановны, был выдающимся химиком, к тому же крупным изобретателем. Он обещал уделить чле-

руды, метод хуже моего, но все же дело обстоит теперь для меня гораздо хуже, чем раньше, когда компания не знала, что с своей рудой делать». Он решил «уменьшить свои надежды в десять раз». Насчет наличных у него тоже стало сразу «плохо». Вот тебе и Рим [1]). Неужели серьезно думаете, что вас вышлют? От тетки было письмо, но это один визг насчет того, что ниоткуда не может получить определенных ответов. Инж[енера(?)], должно быть, не могла увидеть, а Теленок не высказывается определенно насчет проектов.

Ваша Вера.

Черновик моего письма.

Уважаемый г. Иваншин!

Я поняла ваше письмо в том смысле, что вы считаете вопрос о вашем сотрудничестве конченным, и берете статьи обратно. Теперь, когда при помощи г-жи Пескиной вопрос о двух фразах в вашей библиографии будет, вероятно, приведен к благополучному разрешению, я считаю необходимым во избежание дальнейших недоразумений ответить на то место вашего письма, где говорится о редакции, об «отношении к гр. «О. Т.» Здесь произошла перемена лишь в том отношении, что некоторые брошюры без фирмы с.-д. партии будут издаваться без редакции Группы. «Листок» же «Работник» остался, как и был, под редакцией *гр. О. Тр.* При распределении функций между членами редак[ции] «Листок» достался на мою долю. Я предложила составить его вам с товарищами под моей редакцией (обещала при этом, ввиду натянутых отношений, делать лишь самые необходимые поправки, и исполняю это; будь отношения иные, я бы их делала гораздо больше). Перед своими товарищами по редакции ответственна за него я и, разумеется, буду спрашивать их в затруднительных случаях. Вы, пока я заведую «Листком», имеете дело со мною, и я сообщила вам, что спрошу товарищей, лишь в пояснение того, что не смогу ответить раньше 2-3 дней, но возможно, разумеется, что, если товарищи будут недовольны «Листками» или я заболею, редакцию «Листков» вместо меня возьмет на себя кто-ниб[удь] из них. Желаете вы или нет работать для «Листка», дело ваше.

нам нашей группы значительную часть гонорара, который надеялся получить за одно свое очень важное изобретение, но дело это все не налаживалось вследствие каких-то недохваток в его изобретении. По этому поводу Плеханов рассказывал, как в 80-х годах известному русскому изобретателю лампочек электрического освещения Яблочкину все не удавалось получить на это патент, так как свет мигал. Поэтому, когда он встречал Ганелина, то спрашивал его, продолжает ли и его изобретение «мигать».

Как видно будет из имеющих быть напечатанными еще других писем, С. С. Ганелин все же, благодаря своим «мигавшим» изобретениям, не только оказывал значительную поддержку нуждавшимся В. И. Засулич и Г. В. Плеханову, но он помогал также и «Искре». Весной 1926 года он скончался в Германии. — *Ред.*

[1]) Т. е. потеряна надежда получить от Ганелина средства на поездку в Италию. — *Ред.*

112

Дорогой Жорж!

Павел просит меня переслать вам письмо Гришина и прибавить его мнение, что Гриш[ин] тут как будто предлагает то, что вы писали. Если, мол, Союз хочет печатать против Бернш[тейна], то вы с ним помиритесь. Но и зажавши уши, я чувствую, что послушаться Гриш[ина] невозможно. Задушевное мнение Павла, которое он сейчас сказал, тоже, что ответ должен б[ыл] бы быть нечто в том роде: «Исключайте, если вам неудобно, наше присутствие».

Павел не сам пишет, а меня просит потому, что вы ему не ответили.

А я лично зажала умственные уши и не то что мнение подавать, а даже и слушать-то не хочу о содержании письма Гришина.

Ваша Вера.

Павел просит, ч[то]бы вы или непосредственно Гришину ответили и сообщили ему сущность ответа или написали ему, что ответить.

Павел просит выпустить сборник.

113

Дорогой Жорж!

Посылаю вам проект устройства союзных дел, выработанный Гришиным и Бухгольцем. Не обращайте внимания на частности, ну, на то, напр., что уж они и имена все

расставили (это так, для примера) или не упомянуто о долгах типогр[афии] (просто забыли, вероятно); написан он с благими намерениями, и они его еще своей партии и не показывали. Если признать самую суть этого проекта — разделение на 2 группы, — то лучше, пожалуй, и не придумать. Но... можно бы согласиться на него только в одном случае, если бы на вас напала энергия издавать Сборники раза по 4 в год, как наш первый серенький; я пообещала бы вам помочь, чем смогу, сколько сил хватит...

Но, устранив эту гипотезу, согласиться нельзя. Ведь признав это существование 2-х соперничающих групп, надо же делать что-ниб[удь] видное, а не существовать лишь для оттенения своей непродуктивностью деятельности другой группы (уж за вкус не берусь, но писателей — грамотных, приличных по слогу — у них будет вволюшку, и ваш Кистяковский, между прочим). Ведь нечто несоизмеримое, совсем разное: $1\frac{1}{2}$ инвалида (т. е. мы с Павлом) и для сравнения вся заграничная соц.-демократия! Ведь Гинзб[ург] не помощник, а помеха. Павел от продолжения чудовищ Сборников всеми силами открещивается. Итак (если не гипотеза), согласиться нельзя. Не следует нам и брать на себя odium'а открытой злости, скандала.

А, кроме сознания бессилия нашего с Павлом, меня возбуждает против нашего существования как соперничающей группы, и *тайная* злость. Если мы совсем устранимся от соперничества, они скорехонько перегрызутся, ибо наберут массу разношерстного народа, а при нас не так-то скоро. Соперничество (esprit[дух] de... [неразборчивое слово]) будет в них единство и энергию поддерживать. Я уж это и Гришину предсказывала, что перегрызутся, но он не верит.

Гришину мотивировать отказ тем, что мы инвалиды, конечно, нельзя... Просто безобразием 2-х групп?

Отвечайте. *Ваша Вера.*

114

Дорогой Жорж, посылаю вам копию с только что полученного письма Центр. комитета, т. е. инженера, к[ото]рый оказывается здоров. Лично я этому почти рада, т[ак] к[а]к предвижу в близком будущем полное избавление от возни с Союзом, которая меня часто убивает (с самого... [неразборчивое слово] дня у меня не б[ез] сердцебиений, часто лихорадка и упадок сил, не меньше, чем весной), но тот план действий, который мы с вами так мило вырабатывали, мне кажется, терпит par force majeure видоизменение. Ведь все «распри» в том и заключаются, что свежие силы желают упражняться в писании без нашей редакции. Раз их «приток обеспечен» и о нашей редакции ничего не говорится, следовательно...

Мне кажется, логика вещей требует с нашей стороны предоставления «свежим силам» полного простора.

Вместе с общим письмом, копию к[ото]рого посылаю, пришло еще «частное» нам, очевидно, из того же источника. В этом частном говорится, правда, что молодежь нуждается в руководстве (лучше им б[ы] это в общем сказать), но что же нам делать, когда все распри в ее желании не иметь руководства!

Мне кажется, необходимо, чтобы мы без борьбы позволили собраться съезду и предоставили этому съезду полную Souverainité, до выбора редакции включительно. Нас не выберут (Павла, наверное, меня возможно, ч[то]бы выбрали как 3-ю при 2-х «свежих силах», но я, конечно, откажусь, уж и потому, между прочим, ч[то], будучи в меньшинстве, не смогу быть полезной).

В Исп. Ком. могут выбрать, но едва ли резон брать и эту функцию. Словом, остаться нам рядовыми членами без функций, поставить только какие-ниб[удь] условия относительно нашей части типографии. Блюм[енфельд], по всему вероятию, от заведывания типог[рафией] откажется, но выговорил право, ч[тобы] он там набирал, если мы ч[то]-ниб[удь] вздумаем издать. Отвечайте, милый Жорж, как можно скорее. Утаить «общее» письмо от членов нельзя. «Леонов» [?] знает и им скажет, Гришин будет спрашивать. А Гришин вел себя последнее время чисто как ангел. Напр., Блюм[енфельд] ни за что, ни про что пишет ему ругательное письмо. Он его содержания своим товарищам не передает, а то, мол, «они поднимут историю», а мне читает его и свой ответ. «Если, — говорит, — вы найдете, что мой ответ не соответствует его письму, то скажите, я изменю». Словом, полнейшее доверие и благоразумие. Если вы мне ответите, что

согласны со мною, я скажу Гришину, чтобы подготовлял съезд, и сейчас же пишу тетке, что из этого съезда выйдет вследствие ихнего одностороннего влияния (о редак. ни слова, а лишь о «свежих силах»). Попрошу сообщить это инжен[еру]. Если они испугаются, — ну, тогда успеют до съезда покричать... Я думаю, что «свежие силы» скоро на просторе наделают глупостей, и тогда... А я пока немножко хоть отдохну. Отвечайте скорее. Копию «общего» письма пошлите прочесть Блюм[енфельду], и ч[то]бы он Гинзб[ургу] передал. А *частное* возвратите мне. Мне кажется, что нелишнее будет и его показать Гришину. Если это *частное* от тетки, то она глупа, но от нее и другое вместе с этим пришло, так себе, разговоры о Тел[енке] и о себе, и на это письмо никакого намека. Не думайте, ч[то] я уж села на коня и поехала на этих своих предложениях вам. Если что лучше придумаете, и слава богу. Отвечайте скорее. А там собираются покупать журнал, но тетка упрямится, ей бы не хотелось здешнего.

Хвалит Чингис-хана [?] тетка. «Весело», мол, вспомнить о нем, — такой человек.

115

Дорогой Блюменф[ельд], вы спрашивали, что мы с Павлом думаем об обращении к Жоржу «Раб. Знам.» Я не поняла из вашей записки, Жорж ли этим интересуется (и, значит, собирается там писать) или вы сами? Я спросила у Жоржа. Он не отвечает, значит, не интересуется. Но, по-моему, приберечь это «Раб. Знамя» про-запас надо бы, хотя сразу пальца в рот класть им нельзя. Выдумали их (это ведь «русская партия») или открыли и помогли устроиться, — доставили типографию, — поляки в противовес «Российской партии». Это не от одного Гришина известно, а также из совсем других источников.

Но как бы там ни было, а если бы действительно «Российская партия» или Пет[ербургский] Союз, являющийся ее центром, сделала «Раб[очую] Мысль», какою она проявилась в отвратительном 4-м №, своим органом и отказалась бы от своего Манифеста, — нам считать себя солидарными с ней не было бы никакой возможности. Единство такой партии охранять мы не могли бы и должны бы были помогать

пропаганде наших (и Манифеста) идей помимо нее. Но на слово «Знамени» поверить нельзя. Если бы Жорж замышлял писать для него, то следовало бы предварительно всевозможными путями требовать от «Российской партии» ответа, правда ли, ч[то] она сошлась с «Р[абочей] М[ыслью]». Свою просьбу сторонникам Манифеста списаться с нами помимо Гриш[ина] я-таки послала другим способом, но ответа еще нет. Если Жорж и не думает о том, чтобы там писать, мне кажется, что все-таки хорошо бы, если бы он им ответил дружелюбно, но уклончиво, а затем мне вот что приходит в голову: хорошо, если бы вы или Гинзбург под каким-нибудь предлогом завели с ними переписку, чтобы узнать хорошенько, что это за компания. Вы спросите, почему вы с Гинзб[ургом], а не кто-ниб[удь] из нас? — Да потому, что больше шансов, что вам будут (если будут) писать попросту, по правде. К нам за последнее время редко кто подходит без задних мыслей, по-товарищески. Я не думаю, чтобы мы тут чем-ниб[удь] были виноваты, кроме того, что долго на свете живем. Многим представляется, ч[то] от нашего существования они на ½ вершка меньше ростом кажутся. Не случается этого только с очень умными или очень хорошими людьми, которые не беспокоятся о том, сколько в них вершков росту. Если Жорж нужен этим людям только для рекламы, они, може, и не захотят с вами разговаривать, но в таком случае и цена им невелика. Если же они серьезные люди, они должны желать объединяться со всеми своими единомышленниками, могущими работать, следовательно, с «Кольцовым» (его «произведения» за последнее время только ругали за упоминание о «политич[еской] свободе», но им-то это не порок) и с вами.

Что у «Раб. Мысли» хватит наглости объявить всех, кроме себя, самозванцами, я в этом совершенно уверена. Так что, думаю, произойдет одно из двух: либо Петерб. Союз признает «Р. М.» своим органом (до сих пор этого не было, «Рабочее Знамя» в письме Жоржу врет относительно прошлого) и отречется от «Манифеста», либо «Р. М.» всех предаст анафеме. В первом случае партия, имеющая оффиц[иальным] органом этакое чудовище, не соц.-демократы. Вот поэтому-то мне т[ак] и жаль, ч[то] вы уходите из типогр[афии], хотя

теперь и сама вижу, что «они» вас не оставят. Если бы дело выяснилось до вашего ухода...

А в еврейском воззвании хоть и есть фраза «национальное освобождение», все-таки не за что тут даже fouetter un chat [1]). Ясно, ч[то] под этим понимается освобождение от черты оседлости и пр. такое.

Крепко жму руку. *Ваша Вера.*

Вас за последнее время начальство навещало (Иван[шин], Гришин); милостиво ли обошлось?

116

Цюрих [1898 г.].

Дорогой Жорж, «ропот» мой относился исключительно к моему личному положению. И сами же вы спросили, имея, впрочем, вероятно, в виду лишь материальное удобство, чтобы «кто-ниб. ухаживал», к этому-то, собственно, я равнодушна и, отвечая, не об этом думала. «Свобода» относится совершенно к другой области и в неведомой (на ваше счастье) вам области, к которой мой «ропот» относился, ни помочь, ни помешать не может.

А я и теперь продолжаю думать, что мы хорошо сделали, освободившись от насильственного редактирования изданий «для рабочих», без сотрудников и против желания не только огромного большинства здешней публики, но и россиян, которым синица обещала зажечь море, как только мы дадим простор ее «свежим силам». Так как я нималейшего добра этой «неприятной птице» не желаю, то очень рада, что вам еще недосуг «захватить типографию». Бо́льшей услуги ей и оказать невозможно, как теперь захватить. (Можно бы не отдавать, о ней я ни слова до съезда не говорила. Но Блюм[енфельд] кричал о долгах и ни малейшего желания ее сохранить — конечно, вместе с долгами — не выказал.) Она, голубушка, все устроила так, чтобы обмануть все надежды и провалиться. При трех редакторах, живущих

[1]) Высечь кошку.

в трех концах Европы, из коих 2 между собой во всем диаметрально противоположного мнения, а третий т[ак] виляет, что 1-й и 2-й оба надеются быть в большинстве, ей будет едва ли под-силу хоть один «Листок» издать (а на съезде решено сосредоточить все силы на «Листках»). Устроила себе такое положение синица собственными усилиями, в том предположении, что раз мы не хотим Крич[евского], он будет для них находкой. Жаловаться не на кого, — нет оправданий перед публикой и россиянами, остается грызться промеж себя. «Захват» и оправдание даст и раздоры прекратит. Опять явится бодрость и единение.

За немедленный захват говорит только нетерпение Блюменфельда. Если бы он был способен посидеть смирно, в ближайшем будущем представились бы, мне кажется, прекрасные моменты для захвата, доставили бы их и здешние, а еще лучше российские истории.

Посылаю вам записку тетки [Калмыковой]. Это я сейчас после отъезда написала о нем несколько слов самому Крысю [1]), — он сообщил жене, а та тетке. Записка («Раздробление и междоусобия в полном ходу...») — ответ на это известие. «Междоусобие», конечно, промеж сторонниками «Манифеста РСДРП» и его противниками за подчеркивание политич[еской] борьбы. До сих пор ведь «простор свежим силам» нас просили дать сторонники Манифеста. Тетка... пишет дурацкими общими фразами, но что там идет такая борьба — я и без нее знаю.

Под влиянием этого письма я-таки подробно написала. Обращалась прямо к сторонникам Манифеста, членам организации, прося сообщить нам об их положении и намерениях помимо Гришина, т[ак] к[а]к от него мы правды не узнаем. Очень настаивала тоже на решении (как мы предлагали) вопроса о типогр[афии].

У меня нет прямых сведений, но целый воз косвенных, что «Р[абочая] М[ысль]» не только редактируется, а и печатается за границей, — думаю, на деньги С[ергея] Н[иколаевича Прокоповича].

---

[1]) Х. Г. Раковский.

Кочан [?] уж давно превратился в ярого политика: с ним случилось вроде как с Белинским. «Когда, — говорит, — начали другие твердить то, что я прежде говорил, я тут только понял, как это глупо». Фирюнова с Иванш[иным] и Песк[иным], но я надеюсь, что это она просто за недосугом подумать, к экзамену готовится.

Где писал Конрад Шмидт против вас? И Павел не знает. А меня очень, очень интересует, что он ответит.

Зверский кашель у меня прошел, но явилась другая небывалая у меня невзгода: что ни съем, тупая боль в желудке, и по утрам несколько раз рвало. Попробую кур есть.

А как Женичка? [1]) Поправилась ли?

Разве я вам не писала, что у Ганелина эта самая беда уже случилась: компания, с которой он торговался, приобрела другое изобретение для обработки своей руды. Об нем нечего и мечтать. Он давно замолчал, как зарезанный [2]).

117

Милый Жорж, пишу не затем, чтобы мучить вас вопросами, а просто, узнавши из письма Блюм[енфельда], ч[то] вы больны, какой-то «нарыв не дает покою». Он пишет вдобавок, что вы очень огорчены его рассказом «о положении дел». Понять не могу, что же мог он вам нового рассказать и огорчительного. Я все вела по нашему, вами формулированному рецепту, «ч[то]бы мы остались *простыми членами* Союза, и в министерстве пусть идет оппозиция, пусть они редактируют *все*». Это хоть и нелегко (они боятся, ч[то] тут крокодил какой-ниб[удь] скрыт, а после «Нового года» еще и против Гришина взбунтовались), но вполне дости-

---

[1]) Младшая дочь Г. В. — Евгения. — *Ред.*

[2]) Эта неудача Ганелина не была окончательной: потом ему все же удалось какое-то свое изобретение сбыть, но получил он уже не «миллионы», как раньше рассчитывал, а всего сотни или тысячи долларов и, как уже упоминалось, он делился с нами во время существования старой «Искры». — *Ред.*

жимо. На съезде я не настаивала, потому что мне казалось, что он решительно ни к чему, кроме как к драке, не нужен, а переменить устав, принять членов, сделать выборы можно и по почте. Вы, положим, писали Павлу, «что не знаете, как устроить без съезда», но я т[ак] и поняла, что просто не знаете, а не то что хотите съезда. Но сегодня, получив от Блюм[енфельда] письмо, где он за вашей болезнью передает от вас, ч[то] вы считаете съезд необходимым, и письмо Гинзбурга о том же, я (на основании перед «оппозицией» письма Гинзб[урга]) начала агитировать за съезд, и дня через два думаю будет послано Блюм[енфельду] официальное извещение о назначении съезда в Цюрихе, конечно, — здесь целых 6 членов, и т[ак] к[ак] настаивают женевцы, то справедливо, чтобы они и проездились. Вы-то, я думаю, не поедете? Ничего приятного на нем не предвидится. Я думаю, ч[то] вы настаиваете на съезде ради желания Гинзб[урга] и Блюм[енфельда]. Для меня-то, если я только смогу внутренно махнуть рукой на исход съезда (я, мол, не виновата!), это даже облегчение. Не от меня уж зависит, мол, не мне и голову ломать.

Получила от Мендельсонихи карту, что, мол, Станислав добывает для меня отчеты и непременно пришлет. И в старухин склад [?] послан заказ на названные вами книги. Видите, как я стараюсь заслужить, «а он свенья недоволен нами» [1]), т. е. как-то подозрительно молчит. А какое противное (по его письму к Р. М.) у Райчина помешательство — клеветническое этакое! А все-таки жалко его очень.

Крепко жму руку. *Ваша Вера.*

Какой тут мальчонка (лет 25) из Сибири прибежал — одна прелесть! Так хорошим семидесятником от него и разит. Быть может, он и оттого нравится, что еще полуобращенный, не нынешний с.-д. Из народовольцев 4-го «Листка» [2]).

---

[1]) Как уже известно из сообщения Р. М. Плехановой, эта фраза была употреблена одним рабочим в корреспонденции, присланной им в «Землю и Волю», по адресу хозяина завода. (См. Сборник «Группа «Освобождение труда», № 4, воспоминания Р. М. Плехановой «Периферийный кружок «Земли и Воли».) — *Ред.*

[2]) Т. е. из той группы, которая издала указанный «Листок».

Видел Дмитра [Стефановича]. Говорит, что он очень добр, много читает ученых книг, но в публике о теориях молчит (можно узнать Дмитра). В разговоре же вдвоем очень одобрил намерение народовольцев слиться с соц.-дем. Говорит, что он отличается от других старых ссыльных. Многие обзавелись домком, семьей и погружены в это, а он ничем не обзавелся и не имеет такого оседлого, ручного вида.

Нам издать Эрф[уртскую] прогр[амму] и Маниф[ест], конечно, можно, если бы только Блюм[енфельд] согласился рядом с собою пустить наборщика для их [1]) изданий или сам взялся без штук и за их издания.

118

Цюрих [1899 г.].

Любезная госпожа Бестия!

Чем-то вы «дорогих товарищей» уж очень огорчили или напугали? Был у меня вчера Иваншин. Вошел с убитым видом и говорит: «Итак, нам объявлена война!» Не стану передавать разговора. Я от всяких обсуждений уклонилась. Георгий Вал., мол, уж сам разберет, он ведет с вами дело, а я жалею, что и в прошлом-то году вела. Но вот что выдумали и твердо намерены продолжать врать. Мне недели 3 тому назад Гинзб[ург] писал, что Джон [2]) сообщил ему в виде догадки, что мы отказались от редакции, потому что надеялись, что они без нас пропадут, но, увидя, что без нас дела у них еще лучше пошли, мы спохватились и напали на них. Теперь слово в слово то же самое говорит мне Иваншин, но уже не как догадку, а как факт, подтвержденный сознанием кого-то из нас («один из ваших») кому-то из его товарищей. Я сказала, что тот, кто ему это говорил, сказал неправду, что никто из моих товарищей не мог сказать такой нелепости.

Я жалею, что не потребовала, чтобы он сказал, кто и кому это говорил, чтобы уличить во лжи. Больше-то уж

---

[1]) Вера Ивановна под «их» имела в виду членов Союза русск. соц.-дем., с которыми члены Группы «Освобождение труда» разошлись.

[2]) Бундист И. Миль. — *Ред.*

он ко мне, наверно, не придет. Кажется мне, что они уж и из России что-то такое неприятное для себя слышали.

Ганелин уже откликнулся: у него уж опять все в расстройстве, совсем «швах дела» пишет. Пишет, что, однако, для меня все-таки будет, что он припрятал, но только минимум того, что собирался дать, едва $^1/_5$ обещанного. Так что уж какие там Римы! Да мне-то в такой момент (для моей-то субъективной особы ведь это «момент», конечно) и «не в коня корм» были бы райские чудеса. Вот отчего из Флоренции тогда не съездили.

Клеменца видела, разумеется. Марксизма в нем ни на волос, а так — милый. Для промежутка в 21 год, что я его не видала, ужасно мало переменился: точь-в-точь тот же способ выражаться, те же манеры. Мне хотелось даже с ним посоветоваться. Но надумала я это, пока он был в Париже, а на обратном пути он пробыл лишь один вечер, и я ни на секунду не могла поймать его без жены, а при ней язык у меня не повернулся бы: мне она хозяйственной такой кажется. А жаль, что не поговорила: это мне придало бы независимости от зверинца. Я зверей уважаю, а все же желала бы не очень от них зависеть.

119

Цюрих [1899 г.]

Дорогой Жорж! Был нам прислан еще во время нашего редакторства перевод «Klassen-Kämpfe» Маркса. Перевод не особенно плох, — я даже несколько страниц тогда исправила. Автор — Капелюш [1]), ничего себе человек. При перемене редакции мы отдали рукопись Иванш[ину]. Сегодня встречается мне сей Иванш[ин] и говорит, что им нужно печатать этот перевод, так как Капелюш достал на это денег, и очень меня просит поправить перевод, а, главное, самой «устроить и его печат[ание], чтобы уж совсем на вашем попечении». Мне мелькнула мысль, что ведь у Блюм[енфельд]а работы нет; перевод этот только тем и виноват, что у них немного полежал, что, словом, следует согласиться. Я и сказала, что, может быть, возьмусь; как

---

[1]) Ф. Капелюш сотрудничает в «Известиях» и др. изданиях. — *Ред.*

вы думаете и как думает Блюменф[ельд]? Я, если возьмусь, то больше для него, но и сама работа ничего себе, не неприятна. Но не нарушает ли это тона нашего отношения, — вот не могу решить. Капелюш-то ничем не провинился и даже, живя в Вене, не был в дружбе с Тепловым. Но рукопись все же лежала у Иванш[ина]. Ответ нужен к понедельнику. Я бы для скорости написала и самому Блюм[енфельд]у, но не знаю, попадают ли прямо в его руки письма, послан[ные] на типографский адрес. Получили ли питерские письма?

Ваша Вера.

120

[Цюрих, 1899 г. (?)]

Дорогой Жорж, Павел, надеюсь, уже отослал вам письма ссыльных. Милейший Путман! Как живой! Сохранил свою воинственность. Только, по-моему, он ошибается, выводя из статей, написанных рабочими, что они переросли «экономистов». Я думаю, что это просто значит, что пишут ещё рабочие, раньше спропагандированные настоящими соц.-дем. и народовольцами. Но царствуют экономисты, так и выучат новых рабочих квакать по-своему.

В понед[ельник] я ничего не получила. Приходит Ив[аншин], я говорю, что еще не получала ответа от Блюм[енфельда], так как ведь дело в нем.

— Нет, нет, его не надо!

— Так для чего же вы меня просили? Ведь Кричевский опытный переводчик и может сам поправить.

— Да нам некогда.

Тогда я наотрез отказалась: мало бы что некогда — это обязанность редакции.

Если бы без моей помощи не могли издать этой книги — дело другое.

Прилагаю письмо Крысти [1]).

Начались страшные холода; снег, мороз, а мне, к моему величайшему удивлению, вдруг стало гораздо лучше. Лихорадка прекратилась.

Прокопович арестован в России.

---

[1]) Раковскому. — *Ред.*

121

Цюрих, 1899 г.

Дорогой Жорж, отправила Тюл[еню] большое послание. Написала я о грабеже. И ваши слова переписала и в том же духе еще расписала, но в особенности старалась поджучить насчет журнала. Боюсь, что у них этот проект закиснет.

Совсем я не удивляюсь, что вам «дорогих товарищей из колена Гадова» [1]) даже бить начинает быть противно. Меня удивляло все, как только у вас на них охота имеется. Мне кажется, что самая почва для их избиения явилась бы только с журналом. Тогда около него сгруппировались бы те, кому немил их кагальный дух. Они бы остались при своей жаргонной области. Литературу для русской «массы», в которой всегда бы можно с вами соперничать (так как тут что нужно неизвестно, всегда можно сказать: «рабочие требуют»), они выпустили из рук, «Рабоч. Мысли» предоставили. А та третьесортная литература для интеллигенции (или полуинтеллигенции), которою они занимаются, сразу бы надоела, как только появилась бы настоящая интеллигентная литература.

Они потеряли бы raison d'être [смысл] в качестве русского союза, остались бы «Бундом», где они неуязвимы.

Мне Павел говорил, что какой-то Берлин (или что-то в этом вкусе) говорил ему, что тут решают чествовать 10-летнюю годовщину смерти Чернышевского, и просил его написать вам не приедете ли прочесть реферат о Чернышевском; Павел согласился написать, а потом говорил мне, что кается, пусть бы сами написали, а то не надули бы насчет «подъемных». Уж не знаю, писал ли он вам. А хорошо бы, кабы приехали. Ведь вы столько писали о Черныш[евском], что вам бы нетрудно составить реферат. Да и тема такая революционная. То есть, память о нем и его каторге действовала революционно. А я бы при этом случае вас повидала. 20 какого-то октября это. Приезжайте. Ганелин как-то опять спрятался. Ни из России, ни от Раковс[кого] ничего нет, и я дрожу, как заяц под кустом. Это, впрочем,

---

[1]) Так Г. В. называл одно время некоторых членов из «Союза русс. соц.-дем.». — *Ред.*

в дурную погоду мне все кажется, все забыли. Ай! Ай! В хорошую же все рисуется в более благоприятном свете. Если бы быть уверенной, что оттяжка меня бы не мучила [1]). Столько надо перечитать, что страсть. А как перепугаюсь, что, мол, останешься ты навеки в цюрихском одиночном заключении, так и не читается. Мне посылают «Новое Время». Хотите, буду вам посылать?

122

Цюрих, 1899 г.

Дорогой Жорж, все у меня есть, так что теперь даже и нельзя оттягивать. Я это только сейчас узнала и дня еще не назначила. Да, впрочем, еще одной маленькой вещицы нету. Такой же, какую актрисин муж даст или хотели выпросить у Евреиновой, но только нужна она на короткое время, тот же муж ее возвратит. Это ведь нетрудно? Только, по разным соображениям лучше, чтобы не здесь ее заказывать, а у вас. В крайнем случае, пожалуй, и Филомен могла бы. Я, мол, больна, так для теплых стран нужно. Но лучше другой кто. Надо скоро. Не позже недели [2]).

Взволнована я (как мне и полагается), как собака, и хотя это и нетяжелое (наоборот) волнение, но из заботливости о себе и благоразумия все же лучше иногда и поспать, а я, пожалуй, надолго заряжу совсем не спать. Поэтому из чистейшего благоразумия подаю Розалии Марковне покорнейшую просьбу насчет хлорала. Как можно побольше. Пригодится. Я все это время его почти не принимала. Гулять я себя ежедневно водила, кормила. Вообще ухаживала за собой, точно я и не я, а вы, напр., когда бывали нездоровы.

Ваша Вера.

Не знаю, обманывает ли меня моя память на имена, но мне кажется, что Войнов — фамилия того господина, у

[1]) Под оттяжками В. И. имела в виду откладывания и задержки в осуществлении ее намерения поехать в Россию нелегально с паспортом румынки из Тульчи, что Раковский обещал ей устроить и действительно потом исполнил. — *Ред.*

[2]) Повидимому, речь идет о получении визы на заграничный паспорт на въезд в Россию. — *Ред.*

которого 2 сестры (одна жена) обе сразу родили, одна от ванны. Да? Еще в Морнэ они жили?

Отошлю вам завтра все остальные ваши книги, чтобы меня худым не поминали.

123

Стокгольм, 1900 г.

Дорогой Жорж, я писала вам и Павлу вместе на другой же день по приезде, но я была очень измучена и, кажется, писала бестолково. Повторяю нужное. Пишите мне сюда так: Frau V. Dmitrieff. Hôtel de Frankfurt, Skeppsbron, 16, Stokholm. На адрес Войнова теперь, боже сохрани, писать. Но, если хотите что сообщить туда, где я была [1]), пишите скорее. Мне обещано, что недели через $1^1/_2$ у меня кто-нибудь будет. Бровь [?] положим сама к вам в апреле собирается, но неизвестно еще, пустят ли. Она и 2 ее (и наших) полных (то есть вполне, а ведь они кожа да кости) товарища изо всех сил стараются над организацией того предприятия, о котором вам писали, и вполне верят в успех, если только удастся хорошо организовать дело [2]). Они во главе предприятия, но в провинции сочувствующих и содействующих огромное большинство на их стороне. Да и в сказочном городе ближайшее же поколение (а они длятся уже многомного $^1/_2$ года) может быть покорено.

Бернштейниада полная идейная война, но по существу, по содержанию, за нарушение не «ортодоксии» (бернштейновцами выдуманное словечко), а истины, а подчас и здравого смысла. Я получила перед отъездом ваше объявление об изданиях, и оно произвело на меня хорошее впечатление насчет постановки вопроса о содержании войны. Но пробежала я его в минуту, когда приходилось думать еще и о другом, а с собой, конечно, не могла взять. Пришлите мне еще экземпляр в письме. Оно, кажется, маленькое.

[1]) В конце 1899 г. Вера Ивановна нелегально отправилась в Петербург, откуда по прошествии 2-3 месяцев, по настоянию друзей, боявшихся ее ареста, отправилась в Стокгольм. — *Ред.*

[2]) Речь шла об организации за границей большого органа. Похоже на то, что под кличкой «Бровь» В. И. имела здесь в виду «тетушку», Ал. Мих. Калмыкову. — *Ред.*

Это предприятие должно держать в секрете. Должно оно остаться таинственным (где? как?), как ухитрилась остаться «Р[абочая] М[ысль]». Я плохо надеюсь, что удастся, но они все этим страшно дорожат.

В секрете должно остаться и мое пребывание здесь. Я, быть может, окажусь здесь очень нужной, но лишь в том случае, если сохранится секрет. Готовьте статьи самые что ни на есть умные и блестящие. Хорошо, кабы написали пообстоятельнее, что именно выберете, я бы сообщила это дальше, а им это нужно для соображений насчет своих тем. Очень затруднительным казался там вопрос о месте редактирования, не из независимости (ни тени этого), а из-за географической, практической и проч. причин (легкое ли дело в самом деле пересылки?), но если выйдет, что географически в средине (и в должном месте) окажется Дмитрий [?], мне кажется, дело очень упростится. Вы не положитесь на ее воинственность, но на добросовестность (что все сомнительное), вам сообщит, на это положим бы, если бы паче чаяния было. Это мне самой пришло в голову. Но это было бы лишним резоном для моего закрепления здесь. Вот, кажется, и все нужное. Да, заказных писем мне не пишите. У Бед[екера(?)] сказано, что для получения их нужен паспорт.

Можно подумать по письму, что я в самом аккуратном, рациональном (что сам «Дворник» [1]) одобрил бы) расположении духа. А я... Я, конечно, буду рада, если моя беда (что очутилась) окажется выгодной для предприятия, и буду служить верой и правдой. Но сердце все-таки очень ноет. Я совсем не насытилась той страной. Меня некоторым образом даже совесть теперь мучает за оказавшееся излишним благоразумие. Знай я, что только 4 месяца мне жизни там, я бы не так жила, а я экономничила своей невинностью, чтобы хватило на годы. Ни разу даже в В[ольно]-эк[ономическом] об[ществе] не была. И это уже совсем мелочность и сентиментально, а все-таки мне до слез жалко, что не осуществится моя давнишняя мечта провести лето в деревне под М[осквой], а еще 4 дня тому назад я не сомневалась, что

[1]) Т. е. Александр Михайлов, известный народоволец, отличавшийся большой конспиративностью. — *Ред.*

проведу. Так это было просто. Стокгольм очень красив. Та часть, которую я вижу, вся из островов, соединенных мостами, как в Венеции, хотя до нее-то, конечно, далеко, а все же очень красиво. Но мне его красоты мертвы. А вот сад, потонувший в березовых лесах... Ну, все это уже надо забыть опять, что и на свете есть.

Напишите же, что у вас нового. Ведь о вас-то я с ноября совсем ничего не знаю. Павел еще писал, а вы нет. Как ладите с Баум[аном]? Бровь в него просто влюблена. Все, говорит, на его молодечество любовалась.

Я тут очутилась совсем без книг.

124

Из Стокгольма, начало 900-х годов.

Дорогой Жорж, скоро месяц, как я здесь, и написала вам сейчас по приезде, но до сих пор не получила от вас ни слова. А между тем, вы получали мои письма, это видно из письма любимца Пут[мана]. Если бы вы были больны, вы хоть ему поручили бы написать мне об этом. Что же мне думать, кроме того, что вы прокляли меня? Но ведь какое же преступление должна я была совершить, чтобы вызвать такое отношение? А, ей богу, я не знаю за собой даже и проступка определенного, — проступка с вашей точки зрения, ведь я ее знаю. Мне вот теперь пришло в голову, что, может быть, у вас не политич[еское] на меня негодование, а что вы обиделись за выраженное мною в 1-м же письме нежелание возвращаться в Цюрих, приняли это за нежелание видеться, — что ж, мол, ей и писать! Ах, нет! Видеть вас мне очень хочется и так часто хотелось. Часто я замечала, что передумываю свои впечатления в форме рассказов о них вам. Воображаю, будто вам рассказываю. Но что я боюсь, боюсь Цюриха — это верно. Стряхнув с себя тамошнее состояние, поздоровев психически, вспоминая его как прошлое, я теперь убеждена, что я шла там к какой-то психической болезни, выражавшейся для меня в неодолимом ощущении глухой стены между мною и всем миром (или дно колодца, как я тогда пыталась вам пояснить) и невозможности поэтому жить объективными интересами (теоретич[ескими] мыслями, посторонними заботами и проч.), к

чему я всегда стремилась и почти всегда умела и теперь опять умею. А за 2 года в Цюрихе я потеряла это уменье, вечно чувствовала боль в душе и чувствовала, что иду к какому-то дну, и не находила ни соломинки вокруг, чтобы ухватиться за нее. Я убеждена, что сошла бы с ума или отравилась, если бы не спаслась каким-то чудом. Опять мне хочется вас видеть, но всегда я знаю, что вам не спасти меня, коли опять начну тонуть; ну, подарите вы мне неделю, как во Флоренции, я немножко приподнимусь, а отошли, — я опять на том же дне. Теперь сижу я здесь вроде птицы на ветке, жду, что дальше, а пока пишу статью, ни о чем, кроме нее, пристально не думаю. А какая статья-то, редкость! Правовернейшая, и кусается! Только вот ваше молчание мешает, кусает меня. Я боюсь возвращения в Цюрих на жительство без надежд в будущем. Но раз определится, что мне надо тут в... [неразборчиво] по объективным причинам жить, или что я вернусь туда, где была (это не невозможно, потому-то я так и бодра), я [1]), мне кажется, пред окончательным устройством здесь или решенным возвращением туда, не утерплю и съезжу-таки повидаться. В таких условиях это будет одно удовольствие и ни капли тяжелого. Когда ответите по-доброму, я вам опишу визит к Н[иколаю] Конст[антиновичу Михайловскому]. Изображу потом один любопытнейший тип, прозванный мною «ущипнутый нос», «талантливый нос» (автор статей о выставке), но удивительный. Все последние 3 строки написаны в предположении, что вы молчите из дружелюбной обиды на меня. Если же ошибаюсь, считайте их ненаписанными.

А в Питере *майские* листки решено писать для каждой фабрики разные и говорить в них лишь об нуждах этой фабрики. Как вам это нравится? Я не могла добиться толку, почему эти листки должны быть «майскими». Так, уж, мол, привыкли, чтобы были майские листки.

125

[Цюрих, 1900 г.]

Дорогой Жорж, меня давно разбирает нетерпение с вами повидаться, и подбираюсь я к этому второй месяц, с самого

[1]) По всей вероятности, намек на поездку вновь в Петербург. — *Ред.*

отъезда из Стокгольма. Получивши вчера ваше письмо, я было решила поехать. А потом усомнилась. Ведь сказано опять: приезжать с А. Н. [1]). Я бы рада с ним приехать — вместе веселее, да он хоть и кончил леченье, но находится зато в самом азарте писанья статьи (прелесть будет статья — он мне ее по кусочкам читает). Ну, а приеду я одна не [то] в Корзье, не то в Монтре, не то в Женеву (если у вас остановиться нельзя, так в Женеву мне бы не хотелось по некоторым соображениям), а вдруг вы меня еще «поучить» вздумаете и отложите свиданье до приезда А. Н.? Сказано, мол, тебе. Что я, бедная, буду делать? Сидеть и беситься, окромя жары (она и здесь основательная, но лес очень близко), еще и от обиды. Как тут решить? Правда, А. Н. надеется кончить дня в четыре; кабы так, то уж не стоило бы и пищать. Только писатель ведь он не очень опытный, а и с опытными очень часто бывает просчетка и всегда в сторону удлинения срока.

Если придумаете что-ниб[удь] в одобрительном для меня смысле, так напишите сюда на адрес [следует].

Этак скорее, чем через Цюрих. А то уж буду дожидаться А. Н. An und für sich здесь недурно. И компания хорошая, и лес отличный, и не сидится здесь только потому, что вас хочется поскорее увидеть.

Ваша Вера.

126

[Цюрих, 1900 г.]

Дорогой Жорж, сейчас получила ваше [письмо], — хотя узнала, по крайней мере, почему молчали, а то по свойственной всякому человеку эгоцентричности я и не догадывалась, что вам просто было не до меня и моих писем. Что меня беспокоит, так ваше неудовольствие на Пут[мана] и Пет[ра] [2]), — я что-ниб[удь] неясно писала, что ли? Ведь вы получили письмо Пут[мана], писанное у меня? О том, до какой степени в Петерб[урге] трудно организовать получение писем, вы косвенно можете судить по тому, что обитатель [?] Галилеевой комнаты считался самым чистым и благополучным человеком для хранения всякой всячины.

[1]) Ал. Ник. Потресов. — *Ред.*

[2]) А. Н. Потресо в; П. Струве. — *Ред.*

Неужели они думают «воевать без вас»? Да наоборот же! Как только начало обрисовываться то большое серьезное предприятие [1]), которое они затевают (не для одной войны, но и для войны), так вам и написали отчасти сам И[льин?], отчасти через меня. Его хотят, коли позволите, поставить под флагом г[руппы] «О[свобождение] Т[руда]». Через 2 недели было назначено окончательно [там] решение. И решили сейчас же вам его отправить на цензуру. Пут[ман] надеялся сам поехать. Что было дальше, не знаю.

Поехать «на помощь» Пут[ман] не мог, как и о сю пору, очевидно, не может выбраться. А оттуда частной помощи он не мог бы подать, если бы даже представить себе ее надобность против «quantité négligeable». Это он мне выражение подсказал. Устроить им [?] от какой-ниб[удь] организации невозможно. Не потому, чтобы их кто-ниб[удь], кроме Вильн[ы], любил, — до них никому нет дела. А просто всякий найдет, что это пустяки — заграничные дрязги. Питерские же практики, вне Р[оссии [?]. Мною и ею они недовольны, положим, но все же за нее держатся. Им и Союз немил, но и мы еще больше, вероятно. Большое, серьезное дело, охватывающее и интелл[игентную] и рабочую литературу (за это Петров [2]) очень стоит), ведомое без мышей, их уж и вовсе уничтожит. Путм[ану] кажется, что это-то и есть серьезная помощь против и их и «Раб[очей] М[ысли]» и всех ваших врагов. Пут[мана] вы же знаете, а настроение по отношению к вам Петрова я могу характеризовать таким отрывком из его слов: «Они (бернш[тейнианцы]) теперь ругаются ортодоксами, а я нарочно говорю им, я не только ортодокс, — я еще плехановец».

Если бы вы смогли посмотреть на мышей издали «с птичьего d'oiseau», горечь у вас тотчас же пропала бы. Эти мыши настоящие товарищи, не помышляющие отделять от вас своего дела, серьезные, прекрасно настроенные люди. Из них каждый не только как личность — это несоизмеримо — а по возможному общественному влиянию стоит всех мышей, помноженных на бесконечность.

---

[1]) Орган за границей.
[2]) Ленин.

ПЕРЕПИСКА КАРЛА КАУТСКОГО И Г. В. ПЛЕХАНОВА.

(Продолжение.)

39

Женева, 22 июля 1898.

Дорогой Каутский!

Вы, наверное, знаете Сергея Булгакова, молодого русского ученого, живущего в Берлине. Мы были в переписке, но с некоторых пор он не пишет, и я полагаю, что он не получил моего последнего открытого письма. Если вы знаете его настоящий адрес, то пошлите ему прилагаемое письмо. Если вы его не знаете, сохраните письмо, пока Булгаков приедет к вам, что он не преминет сделать. Возможно также, что Браун (из «Архива») знает его адрес. Извините, что беспокою вас.

Я пользуюсь этим письмом, чтобы еще раз сказать вам: не печатайте моей статьи, верните ее мне, если она вас стесняет; я хорошо помню ваши чувства к Бернштейну, надеюсь, что вы понимаете мои (вы говорите, что вычеркнули из моей статьи несколько выражений «persönlich beleidigend» [лично оскорбительные] для этого ex-социал-демократа. Но я не говорю о его личности и не могу его оскорбить. Моя критика не является мягкой, но она не носит личного характера. Впрочем, должен сознаться, что в настоящее время я далек от любви к Бернштейну: это — враг, и если я люблю врагов, то *не христианской любовью*).

Привет вам и госпоже Каутской. Преданный вам *Г. Плеханов.*

P. S. Надеюсь, что вы не откажетесь исполнить мое поручение.

40

Берлин, Friedenau, 21/VIII 1898.

Мой милый Плеханов, я и со мною масса читателей с большим нетерпением ждем продолжения ваших статей против К. Шмидта и Бернштейна. Ежедневно приходят запросы о том, когда появятся эти статьи. Прошу вас прислать мне рукопись возможно скорее: она тотчас же появится.

Сердечный привет от нашего дома вашему.

Преданный вам *К. Каутский.*

41

Женева, 1 сентября 1898.

Дорогой Каутский!

Я только что вернулся в Женеву после довольно продолжительного пребывания в горах и спешу предупредить вас, что я уже начал писать свою статью: *«Фр. Энгельс и Конрад Шмидт»*.

Я не написал ее раньше вследствие отсутствия из Женевы и потому, что ждал ответа Бернштейна. Но, так как он молчит, я продолжаю атаку.

Ввиду того, что подготовительные работы уже сделаны, статья будет, вероятно, окончена дней через восемь. Само собою разумеется, что я немедленно отошлю ее вам. Как подвигается ваша книга по аграрному вопросу? Я жду ее с большим нетерпением и уверен, что в ней будет ответ, хотя бы и косвенный, тем из наших товарищей, которые охотно отказываются постепенно от всех основных положений теории Маркса. Если не ошибаюсь, книга ваша должна выйти в октябре.

Сердечно кланяюсь г-же Каутской.

Ваш *Г. Плеханов.*

P. S. Кстати, я еще не получил своего гонорара за статью против Бернштейна. В чем причина этого?

42

Женева, 16 сентября 1898 г.

Дорогой Каутский!

Только сегодня посылаю вам свою статью против Шмидта. Она стоила мне большого труда, так как философский язык Шмидта не отличается ни точностью, ни понятностью. Я работал con amore [с любовью] и надеюсь, что вы будете довольны моей статьей. Вы, может быть, найдете, что я был слишком суров к моему противнику, но примите во внимание, что я защищал *своих учителей* от нападок этого господина, желающего подражать философам декадентской буржуазии. Не лишайте меня слова, — позвольте высказать свою мысль до конца.

Надеюсь, что статья будет скоро переведена, и вы, дорогой и любезный Каутский, обратите хорошенько внимание на перевод. Затронутые Шмидтом вопросы очень важны,— говоря о них, нужно говорить хорошо. Теперь в особенности я сожалею, что не могу писать по-немецки.

Продолжать ли еще? Я хотел бы написать еще большую статью о манере Бернштейна истолковывать марксистскую концепцию истории. Напишите немедленно, согласны ли вы, чтобы я это сделал, и хотите ли, чтобы я сделал это возможно скорее.

Если вы хотите, чтобы я писал против Бернштейна, предоставьте мне полную свободу слова: Бернштейн должен быть уничтожен, и я возьму это на себя, если вы позволите мне это сделать.

Мне также нужны будут номера «Neue Zeit», в которых помещены статьи Бернштейна по данному вопросу.

Очень компетентное в философии лицо [1]) хотело бы послать вам одну или две статьи *против* кантианства, — согласны ли вы печатать их? Может быть, вам уже довольно философии?

Как идет ваша работа по аграрному вопросу? Жду с большим нетерпением выхода вашей книги.

До сих пор все еще не получил гонорара за предыдущую статью. Почему это? Сумма невелика, но мне важно

---

[1]) Г. В., несомненно, имел в виду Л. И. Аксельрод-Ортодокса.—*Ред.*

знать, почему она не приходит. Пожалуйста, объясните это.

Мой дружеский привет вам и вашей жене.

Г. Плеханов.

43

Берлин, Friedenau, 21/IX 1898 г.

Мой милый Плеханов!

Большое спасибо за вашу превосходную статью, которую я передал Цеткин для перевода. Я ее помещу, как только получу перевод.

Разумеется, я буду очень рад и третьей статье против бернштейновского взгляда на историю. Вы меня поймете, если мне при этом хочется по возможности избежать личных резкостей по адресу Бернштейна. Но, я надеюсь, ваша первая статья показала вам, что я не вычеркиваю ничего, что должно быть сказано и что придает силу сказанному.

Вы пишете, чтобы я выслал вам номера «Neue Zeit», где Бернштейн высказывается об историческом материализме. Какие статьи вы подразумеваете? Те, которые появились в текущем году, об «идеалистическом и реалистическом моменте в социализме», или прежние?

Мне очень неприятно, что вы не получили вашего гонорара. Не знаю, чем вызвано это запоздание. Я просил Дица выслать его вам, и надеюсь, вы получите его в ближайшие дни.

Я был бы очень рад нескольким статьям против кантианства. Но, чтобы покрыть расходы и иметь возможность распространить наше влияние в широких кругах, нам нужно иметь 5 000 подписчиков и, пожалуй, 10 000 читателей. А такой широкой публике нельзя слишком часто предлагать неудобоваримую пищу. Ввиду этого в ближайшем будущем я не смогу поместить статей против Канта. Но через некоторое время, после вашей полемики с Бернштейном, они смогут пригодиться.

Мой «Аграрный вопрос», наконец, в печати; на-днях я послал первые листы Аксельроду, который меня раньше как-то об этом просил. Теперь, когда работа печатается, она меня совсем не удовлетворяет, но лучше я сделать не

могу. И когда я читаю все те глупости, которые теперь пишутся в партийных кругах по аграрному вопросу, она мне представляется все-таки нужной.

Не знаю, пригодна ли эта работа для России: она все же очень немецкая, хоть я и пытался сделать ее по возможности интернациональной.

Сердечный привет от нашего дома вашему.

Преданный вам

К. Каутский.

44

[Открытое письмо.]

Женева, 4 октября 1898.

Дорогой Каутский!

Я именно имею в виду статьи Бернштейна, в которых он старается решить вопрос «inwieweit Marxismus Ideologie und inwieweit etc.» («поскольку марксистская идеология и поскольку и т. д.»). Я получаю «Neue Zeit», но какой-то русский студент взял у меня номера, содержащие эти статьи Бернштейна. Пришлите их мне.

Прошу вас также прислать мне французскую рукопись моих статей против Бернштейна и Шмидта.

Ваш *Г. Плеханов.*

45

Friedenau, 4/IX 1898.

Мой милый Плеханов, вы, вероятно, догадались, что я был в Штутгарте, и этим объяснили себе запоздание моего ответа. Одновременно высылаются номера «Neue Zeit», которые вам хотелось иметь, и первая рукопись. Вторая переведена и вскоре появится, но должна быть еще внимательно просмотрена в корректуре. Как только это будет сделано, я отошлю ее обратно. Довольны ли вы штутгартским партийным съездом?

Думаю, он достаточно разъяснил дело.

Сердечный привет от нашего дома вашему.

Преданный вам

К. Каутский.

Получили ли вы гонорар?

46

Берлин. Friedenau, Hauptstr., 12/XII 1898.

Мой милый Плеханов!

Разумеется, «Neue Zeit» предоставляется для вашего ответа, но чем короче он будет, тем мне будет приятнее: мы уже посвятили этой теме довольно много места, и большинство наших читателей не может следить за дискуссией, так как философское мышление им непривычно.

Кроме того, вскоре начнется моя полемика против Бернштейна. Слишком же много полемики у нас не должно быть, иначе наши читатели потеряют терпение. Принимая это во внимание, Меринг отказался возражать Шмидту, и я прошу вас выражаться настолько коротко, насколько дозволяет тема.

Чем скорее я получу рукопись, тем, конечно, мне будет приятнее.

С сердечным приветом, преданный вам

К. Каутский.

47

Женева, 24 декабря 1898.

Дорогой Каутский!

Простите, что пишу на такой плохой бумаге, и примите мою благодарность за ваше последнее письмо: оно рассеяло недоразумение, которое было для меня очень мучительно. Подумайте только: Бернштейн заявляет, что Шмидту будет очень легко опровергнуть меня, а вы в то же время отказываете мне в возможности ответить последнему (так я понял вашу открытку). Но теперь это недоразумение исчезло, и я еще раз благодарю вас.

Посылаю мой ответ Шмидту: он не больше статьи этого господина. Умоляю вас всем, что вам дорого, печатать его, как он есть, ничего в нем не изменяя. Даже если вы его найдете несколько длинным, примите во внимание, что я защищаю идеи Маркса и Энгельса и что для нас было бы непростительно сдаться при первой атаке каких-нибудь университетских педантов. Окажите же мне услугу и отошлите Цеткин мою статью тотчас по получении, чтобы она перевела ее возможно скорее. В самом деле, лучше сперва покончить с философской полемикой, прежде чем приняться за полемику с Бернштейном.

Вы говорите, что ваши читатели не интересуются философией. Я думаю, что надо *заставить* их интересоваться ею: это *наука наук*.

Я кончаю. Желаю вам счастливого года (1899). Будьте здоровы и победоносны, — это все, что нужно борцу.

Преданный вам *Г. Плеханов.*

Важная просьба: напишите мне, пожалуйста, в Берлине ли С. Булгаков и какой его адрес, — это очень спешно.

48

Женева, 11 января 1899.

Дорогой Каутский, бесконечно благодарен вам за вашу книгу; на-днях начну ее читать и заранее наслаждаюсь, думая об этом чтении, которое мне будет столь же полезно, как и приятно.

Получили ли вы мою статью против Шмидта? Я ее послал 24 декабря. Так как вы ничего не пишете об этом, я начинаю опасаться, не затерялась ли статья в дороге. Напишите, пожалуйста, получили ли вы ее.

Одновременно со статьей я послал вам письмо, в котором спрашиваю вас, знаете ли вы адрес Булгакова. У меня есть довольно спешное дело, по поводу которого я хотел бы ему написать; чтобы не терять времени, посылаю вам для него письмо. Если он в Берлине, — перешлите ему это письмо, если нет его, — возвратите мне. Извините, если это причинит вам лишние хлопоты, но я не знаю, что делать, и не хочу писать непосредственно Булгакову, не будучи вполне уверен, что он в Берлине. Итак, извините. Жду с большим нетерпением вашего ответа.

Ваш *Г. Плеханов.*

49

Женева, 15 января 1899.

Дорогой Каутский!

Только что получил ваше письмо и спешу на него ответить: может быть, мой ответ придет еще во-время. Вы говорите о смягчении в моей статье против К. Шмидта.

Сознаюсь, мне очень трудно сделать даже самые незначительные смягчения, потому что К. Шмидт заслужил гораздо более решительной разноски, чем моя. Само собою разумеется, что мне нет никакого дела до его личности *как таковой*, но я *ненавижу его как писателя* и я не понимаю, почему я не имею права разругать этого господина, который смеет поносить наших учителей, не поняв ни одного слова в их философии. Ах, дорогой Каутский, если бы был жив Энгельс, он не осудил бы меня за резкость!

Как бы то ни было, вы — хозяин, и поступите, как найдете нужным. *Умоляю* вас только смягчать как можно меньше. Считаю нужным прибавить, — я ни в каком случае не хотел бы отказаться от того места, где говорю, что никогда не прощу себе представления (Vorstellung) так плохо рассуждающего доктора и т. д. *Я абсолютно настаиваю на этом.* Значит, Изегрим — это Шиппель. Жаль: Шиппель — талантливый человек, но... он выступает как ротбертусианец.

Ваш *Г. Плеханов.*

50

Женева, 6, rue de Candolle. [Январь 1899 г.]

Я подготовил много материалов для критики той статьи Бернштейна, в которой он спрашивает себя, насколько социализм есть идеология. Я теперь вижу, что «Neue Zeit» будет очень занята полемикой, касающейся другой стороны взглядов Бернштейна. Думаете ли вы, что *«Socialistische Monatshefte»* [«Социалистические ежемесячники»] напечатают мою статью? Я очень хочу напечатать эту статью (или, вернее, ряд статей), потому что, мне кажется, что я могу сказать кое-что интересное по поводу *деталей* нашего понимания истории. Я хотел бы с помощью примеров из истории французского искусства (поэзии и живописи) сделать наглядной нашу концепцию истории. Что вы думаете о журнале *«Deutsche Worte»*?

Преданный вам *Г. П.*

P. S. Я распечатал свое письмо, чтобы просить вас возвратить мне мою французскую рукопись по миновании надобности.

51

Берлин, Friedenau, 22/I 1899.

Мой милый Плеханов!

Мне очень приятно, что вы позволяете мне смягчать [1]). Конечно, смягчений будет возможно меньше, и только такие, которые не затрагивают смысла. Я не вычеркнул той фразы, которую вы хотели сохранить. Жду корректуру завтра или послезавтра. Статья должна появиться в 19-м номере.

А теперь о вашей статье об идеологии и социализме. Вы правы, в ближайшие месяцы у нас для нее не будет места, пока идет моя полемика против Бернштейна. С другой стороны, я не уступаю вашей статьи «Deutsche Worte» и тем менее «Socialistische Monatshefte».

Пернерсторфер — беллетрист; издатели «S[ocialistische] M[onatshefte]» — студенты, которые готовы эклектическую похлебку объявить высочайшим наслаждением. Единственная задача их заключается в том, чтобы делать немарксистских авторов, как Сорель, Корнелисс и т. п., доступными для немецкой социалистической публики. Я ненавижу этот листок из-за его развращающего влияния и был бы очень огорчен, если бы вы его поддерживали.

Но разве статья должна появиться в ближайшие два месяца? Позднее у меня опять будет место. Сохраните ее для нас. Я бы вам посоветовал не писать статьи сейчас, а подождать, пока появится брошюра Бернштейна: вы в ней найдете гораздо больше пунктов для нападения, чем в его статьях; он, между прочим, самым резким и нелепым образом нападает на диалектику. Я не могу коснуться всех его заблуждений и охотно предоставляю вам обсуждение философской, или, вернее, нефилософской стороны брошюры. Я бы с удовольствием отдал вам первенство, если бы не боялся, что на этот раз мое молчание будет дурно истолковано. А теперь у меня нет оснований молчать. Но если вас удовлетворяет высказаться после меня, то я от всего сердца приглашаю вас сделать это.

[1]) Конечно, речь идет о «смягчении» тона в статьях Плеханова против Конрада Шмидта. — *Ред.*

Если же вы не хотите ждать, то, может быть, вы лучше обратитесь в «Mouvement Socialiste», чем в оба эти эклектические органа.

Сердечно приветствую вас и вашу милую жену.

Преданный вам *К. Каутский.*

52

Берлин, Friedenau, 10/III 1900.

Мой милый Плеханов!

Корректура вашей статьи пришла, к сожалению, слишком поздно для нашего марксовского номера. Но я хочу выпустить одну или две большие ваши работы в летнем, июльском приложении. Подойдет ли для этого ваша работа о марксизме? Может быть, вместе со статьею об Ибсене или о французской драме? Какую бы вы предпочли?

Что касается Маха, то я отношусь к нему без всякой предвзятости; должен сознаться, что еще не собрался ничего прочесть из его произведений. Ввиду значительности его выступления, я считаю необходимым давать высказываться в «Neue Zeit» его сторонникам, так как «Neue Zeit» является органом для *дискуссии* всех *серьезных* социалистических воззрений. А поскольку мне известно о Махе, к нему нужно отнестись серьезно. Конечно, я отвергаю те работы, к которым нельзя отнестись серьезно. Так, например, я нажил себе недавно врага в молодом Дицгене, так как я отверг одну за другой три статьи о Дицгене — Унтермана, Ланге и одного англо-американца, имя которого я запамятовал: это были сплошь смехотворные статьи.

Я ставлю И. Дицгена несколько выше, чем вы, но тот культ, которым сын окружает своего отца, такого простого, непритязательного, никогда не чувствовавшего себя сверхчеловеком или сверх-Марксом, — смешон, даже неприятен, потому что он — следствие большого кошелька [1]).

---

[1]) Этим выражением Каутский указывал на богатство сына И. Дицгена — Евгения, нажитое им торговлей в Северо-Американских Соединенных Штатах художественными произведениями Западной Европы.—*Прим. перев.*

Если какой-нибудь товарищ хочет ответить Адлер-Богданову, то, разумеется, я буду рад.

Я бы написал вам раньше, но, к сожалению, у меня с вами, кроме иных, лучших свойств, общее и то скверное, чем мы часто прихварываем. В последние недели меня уложила инфлуэнца, которая сделала меня нетрудоспособным.

Извините, пожалуйста, этим мое запоздание.

Сердечный привет.

Преданный вам

К. Каутский.

53

Женева, 11 сентября 1900, 6, Rue de Candolle.

Дорогой Каутский!

Я болен: сильный грипп мешает мне писать. Поэтому я буду очень краток.

Я пошлю вам в течение года две статьи: 1) о распределении дохода, 2) Verelendungstheorie (о теории обнищания). Если вы находите эти темы подходящими, объявите о них.

Кроме того, предлагаю следующее: мы выпустили новое издание Манифеста Коммунистической партии, к которому я написал длинное предисловие о том, что Энгельс назвал Grundgedanke des Manifestes (основной мыслью манифеста), т. е. об идее борьбы классов. Я дал исторический обзор этой идеи и показал, что идеологи буржуазии (Гизо, Минье, Тьерри) эпохи реставрации проповедывали классовую борьбу. Затем я показал, на какой исторической концепции основывалась идея борьбы классов у буржуазии и на какой концепции основал ее Маркс. Это изложение сопровождается критикой наших критиков: Зомбарта, Кроче, Бернштейна и т. д. Не напечатаете ли вы в «Neue Zeit» перевод этого предисловия? *Предупреждаю вас, что оно довольно длинно.*

Теперь — важное дело. Зеваес приглашает меня приехать в Париж (на конгресс), *несмотря на мое изгнание. Я хотел бы знать, поедет ли Бебель* (который также изгнан). Но я не знаю его адреса и неуверен, скоро ли я его узнаю.

Окажите мне услугу, спросите у Бебеля, едет ли он в Париж, и напишите мне тотчас же. *Если он поедет, я также поеду*. Поверьте мне, дорогой Каутский, это дело очень важно для меня. Мы не можем терять времени; итак, поговорите с Бебелем тотчас же по получении моего письма. С нетерпением жду вашего ответа.

Ваш *Г. Плеханов*.

54

Женева, 3 декабря 1900.

Дорогой Каутский!

Считаю нужным предупредить вас, что я заканчиваю *статью против Петра фон-Струве*, т. е. критику его длинной диссертации, напечатанной в «*Архиве Брауна*» («Marx's Theorie der socialen Entwicklung» — Марксова теория социального развития). Я пришлю вам свою статью *в январе*. Так как вы не сможете уделить много места полемике со Струве, то прошу вас *подождать моей статьи и не печатать других критических статей, направленных против того же автора*. Обращаюсь к вам с этой просьбой по той простой причине, что я хотел бы, чтобы моя статья была напечатана в январе же. Напишите, согласны ли вы и могу ли я рассчитывать на вас.

Передайте поклон госпоже Каутской.

Ваш *Г. Плеханов*.

P. S. Повторяю, что я заканчиваю статью.

55

Берлин, Friedenau, 11/X 1900.

Мой милый Плеханов!

Разумеется, я вполне согласен на ваше предложение. С удовольствием жду удара вашей критики, который падет на Струве. Никакой другой статьи на эту тему я не напечатаю. Вы уже знаете разницу между размером «Neue Zeit» и ваших русских обозрений, а также различие между русским читателем и читателем гнилого «Запада» («Sapad»), который не имеет времени и вкуса к недостаточно коротким статьям.

Очень жалею об этом явлении, но с ним приходится считаться. Единственное чтение пролетария — это ежедневная газета; уменьшение распространения наших обозрений, книг и брошюр прогрессирует с каждым днем.

Бернштейн стал теперь вашим соседом: он поселился в Цюрихе, где входит в редакцию «Züricher Post». Но вы, может быть, лучше, чем я, осведомлены через Павла Аксельрода, — не знаю его отчества.

Желаю вам всего хорошего на Рождество. Поклон вашей жене и дружеский привет вам также и от моей жены.

Преданный вам

К. Каутский.

56

Берлин, Friedenau, 29/IX 1902. Saar-Strasse, 14.

Мой милый Плеханов!

Я очень рад, что вы позволяете мне приспособить к нашим потребностям вашу прекрасную статью. Надеюсь, скоро найти для нее место. Другая послана обратно под бандеролью.

Я очень доволен мюнхенским партийным съездом. Он ознаменовал бо́льшую моральную победу, чем любой из партийных съездов после ганноверского; это яснее всего обнаружилось в выборах контрольной комиссии. В партии обычная вежливость требует, чтобы в контрольную комиссию, если освободилось место, был выбран представитель той местности, где происходит съезд; так же обычно перевыбирают прежних членов, если ими довольны. На сей раз образовалось пустое место — умер Метцнер. Но, хотя съезд происходил в Мюнхене, на его место вступил не Фольмар, а совершенно неизвестный; также и Давид, который благодаря вышеупомянутой вежливости был в Майнце выбран в комиссию, на этот раз провалился, что является в нашей партии признаком серьезного неодобрения. И это произошло вполне само собой, без какой бы то ни было агитации против него.

Сам Бернштейн играл жалкую роль. Национал-социалистический священник Науман уже отказывается от него. Он пишет в своей газете («Die Zeit») приблизительно сле-

дующее: Теоретический ревизионизм умер. Жизнеспособен практический ревизионизм, который стремится при помощи писем и статей контрабандой проводить свои идеи в партию. Итак, бернштейнианство из пересмотра теории становится интригою нескольких выскочек.

Это — очень правильное определение настоящего положения ревизионистского движения в Германии. Я был бы счастлив, если бы о России и Франции можно было сказать то же.

Я с нетерпением жду статьи Засулич о различных направлениях революционного движения в России. К сожалению, она заставляет себя ждать.

Сердечно приветствую вас и
жму вашу руку.

Преданный *К. Каутский.*

57

20/V 1904.

Мой милый Плеханов!

Перевод четвертого тома становится своеобразной комедией ошибок.

Положение дела таково: когда Гурвич [Дан] несколько времени тому назад переписал рукопись, он попросил меня предоставить ему русский перевод; но право перевода — свободно, [и] дело только в том, чтобы передать в его распоряжение корректурные листы, так чтобы он их мог перевести раньше кого-либо другого, и таким образом сохранить, если не юридическое, то фактическое право на перевод.

Я охотно обещал исполнить его просьбу, так как его копия убедила меня в том, что он отлично понимает развитие идей Маркса и работает добросовестно.

Это было перед его арестом. После бегства из Сибири он повторил мне свою просьбу, и я подтвердил свои обещания.

Несколько месяцев тому назад он написал мне из Женевы, что у него нет времени перевести самому, но он просит все-таки прислать ему корректурные листы: товарищи (из «Искры») озаботятся найти хорошего переводчика.

За это время я получил из Петербурга просьбу передать право на перевод тамошним товарищам, но на эти запросы я всегда отвечал, что право передано Гурвичу. Несмотря на это, Гурвич сообщил мне, что он узнал, что я хочу передать перевод кому-то другому, и просил меня этого не делать. Я ответил ему, что наше старое условие остается в силе.

Теперь вы сообщаете мне, что один товарищ, имени которого вы не называете, передал вам перевод, но что вы узнали, что я против этого.

Это сообщение меня очень изумило, ибо ни с чьей стороны мне до сих пор не называли вашего имени в качестве переводчика, который должен заменить Гурвича. А я вообще не спрашивал об этом, так как думал, что у переводчика важные основания, чтоб не называть себя; товарищи же из «Искры» ручались, что переводчик будет хороший.

Если бы мне назвали ваше имя, я не только не высказал бы колебаний, а с величайшим удовольствием дал бы свое согласие: право, я не знаю никого, кто более, чем вы, был бы призван сделать этот перевод или руководить им.

Таким образом с моей стороны нет ни малейшего возражения, чтобы вы взяли на себя перевод, и я уверен, что г-жа Лафарг тоже согласится. Я чувствую себя связанным своим обещанием Гурвичу. Если это обещание не является препятствием, то вы можете приступить к переводу, как только начнется набор.

Итак, еще раз: с моей стороны нет препятствий к тому, чтобы вы перевели это произведение. Напротив, я этому рад. Единственное «препятствие» — мое обещание Гурвичу — если оно является препятствием — вы можете устранить легче, чем я, так как Гурвич у вас под-рукой.

Относительно самого произведения я могу заметить, что в Германии я его выпускаю не как 4-й том «Капитала», а как самостоятельную работу, часть «Критики политической экономии».

Не к «Капиталу», а к этому произведению относится рукопись, которой я пользуюсь; в своем предисловии я разовью те основания, по которым я считаю нужным, в противоположность Энгельсу, выпустить эту работу не как

4-й том «Капитала», что вызовет неверные ожидания, а как «*Теорию прибавочной стоимости*», по рукописи к «Критике политической экономии» Карла Маркса.

Целое будет состоять из 3-х частей:

1. Физиократы и Адам Смит — 300 страниц.
2. Рикардо — 500 страниц.
3. Мальтус и распадение рикардовской школы — 300 стр.

К печати готова только первая часть, которую я хочу выпустить осенью. Я надеюсь каждый год подготовлять по одному следующему тому.

Так как Диц, к сожалению, еще не начал набора и рукопись лежит у меня, кто-нибудь мог бы списать ее у меня для вас, если вы хотите доверить эту работу какому-нибудь надежному товарищу. Таким образом вы могли бы раньше получить немецкий текст.

Во всяком случае я готов сделать все, что могу, чтобы облегчить разрешение вопроса соответственно вашему желанию.

Получил ли Потресов мое письмо о Ленине? Мне было бы очень интересно услышать ваше мнение.

С сердечным приветом.

Преданный вам

К. Каутский.

58

Берлин, Friedenau, 16/IX 1904. Saar-Strasse, 19.

Мой милый Плеханов!

По поручению Розы Люксембург сообщаю вам следующее: статья против терроризма, которую Роза написала в ответ на привешанный редакцией «Vorwärts'a» хвостик к вашей статье, отклонена редакцией и окончательно [не одобрена] комиссией по делам печати. Можно было бы еще апеллировать в контрольную комиссию, но мало надежды на успех.

Редакция объяснила свою точку зрения и больше к этому она прибавить ничего не хочет: она отвергает пропаганду террористической тактики, но сочувствует отдельным террористическим актам как выражению героического самопожертвования. Против этой точки зрения вряд ли можно что-нибудь возразить. Правда, заметка в «Vorwärts'e» составлена очень нескладно, если она имела в виду это выразить.

Впрочем, довольно безразлично, что хотела сказать редакция. Суть дела в том, будет ли и как использован отрывок о террористах. Если он не будет использован, то я советовал бы вам дать делу заглохнуть. Немцы ничего не понимают в русских отношениях, и вряд ли удастся дать ясные представления редакции «Vorwärts'a», которая (в большинстве) состоит не из подготовленных марксистов, а из сумбурных социалистов по настроению. Но ей в «Vorwärts'e» всегда принадлежит последнее слово.

Разумеется, дело будет обстоять иначе, если социалисты-революционеры поведут пропаганду в свою пользу при помощи этого отрывка из «Vorwärts'a», — тогда нужно [будет] против этого выступить.

Если вы можете представить доказательства, что заметка в «Vorwärts'e» используется в смысле терроризма, тогда пришлите мне их, пожалуйста. Я позабочусь, чтобы или сама редакция «Vorwärts'a» дала правильные разъяснения своей точки зрения, или — если она этого не захочет или не сможет сделать — президиум партии высказался бы против всякого одобрения терроризма. Я считаю этот метод более действительным, чем опубликование статьи Розы, которая все же не считается настоящей немкой.

Пишу второпях, так как собираюсь поехать в Бремен [1]), а время между Амстердамом и Бременом было поглощено полемикой.

Никогда нет времени, чтобы отдаться друзьям.

А мне в Амстердаме о многом надо было с вами поговорить, между прочим, о IV томе и его русском переводе, относительно которого я в еще бо́льшем недоумении, чем когда-либо. Гурвич сказал мне, что окончательно порвал с Финном, но не мог мне сообщить, что он имеет другого издателя; точно так же он не мог ручаться за переводчика, — кажется, его фамилия Лавров? Я в очень затруднительном положении. Я склонил г-жу Лафарг предоставить перевод Гурвичу, и по отношению к ней я ответственен за то, чтоб перевод был сделан хорошо и вышел в хорошем

[1]) Т. е. на ежегодный съезд ГСДП. — *Л. Д.*

издательстве. Но теперь дело выскальзывает из моих рук, и я буду ответственен за вещи, которые я абсолютно не в состоянии контролировать.

Но я буду совершенно спокоен, если вы возьметесь за это дело и позаботитесь о том, чтобы сделали хороший перевод и нашли хорошего издателя. К Гурвичу как к *переводчику*, — а об этом первоначально и шла речь, — я имел полнейшее доверие; но я совершенно не знаю его как *издателя*, который находит переводчика и издателя и наблюдает за ними. Я был бы вам очень благодарен, если бы вы взяли на себя функции моего заместителя по отношению к Гурвичу.

Почему разрушился план с Финном, я также как следует еще не знаю.

Надеюсь, что Гурвич окажется достаточно рассудительным, чтобы не обидеться за мою просьбу, обращенную к вам. Она проистекает не из недоверия к нему, а из чувства ответственности.

Сердечный привет от моей жены и меня вашей милой жене и вам

от вашего *К. Каутского.*

59

Женева, 28 сентября 1904.

Дорогой Каутский!

Я не ответил вам до сих пор, полагая, что вы не получите моего письма до окончания бременского партейтага. Теперь, надеюсь, что мое письмо застанет вас в Берлине, пишу вам.

Начинаю с конца. Вы можете быть уверены в том, что как редактор перевода IV тома «Капитала» (употребляя этот несоответствующий термин) я сделаю все от меня зависящее, чтобы ни идеи, ни стиль Маркса никоим образом не были искажены. Товарищ Лавров, переводчик, человек знающий, хорошо владеет русским и немецким языками. Есть поэтому полное основание думать, что с литературной стороны наше предприятие будет вполне успешно. Что касается издателя, то дело обстоит следующим образом. Финн, как видно, помешал своему издателю взять на себя издание Маркса. По крайней мере, с этой стороны *нет никаких признаков жизни*. Но мы ведем переговоры с другими, не менее серьезными издателями. До сих пор ничего еще не решено окончательно. Но будьте спокойны, такой труд, как Карла Маркса, всегда найдет издателя в России. При других обстоятельствах у нас бы рвали его из рук, но ввиду войны кризис распространился даже на книжное дело, поэтому переговоры идут вяло.

Кстати, будьте любезны сообщить мне возможно скорее, сколько печатных листов и сколько букв в листе содержит весь том. Эта подробность необходима, чтобы иметь возможность точно ответить на вопросы издателей.

Перейдем теперь к статье «Vorwärts'a». «Социалисты-революционеры» эксплоатируют и будут эксплоатировать эту статью поистине возмутительным образом. Они не только пользуются ею, чтобы бить нас, но в то же время насмехаются над самим «Vorwärts'ом» и третируют его с величайшим презрением. Надо положить этому конец, и я очень вас прошу сделать все от вас зависящее, чтобы бестактный «Vorwärts» на этот раз объяснился наиболее удачно.

Тактика «социалистов-революционеров» заключается в следующем: они стараются воспользоваться западно-европейскими социал-демократами для борьбы с нами и делают все, что могут, чтобы дискредитировать западных же социал-демократов. Вот пример. В последнем номере «Tribune Russe», издаваемой партией «социалистов-революционеров» и редактируемой Рубановичем, сказано, что эти господа принуждены были бороться против голландской резолюции о всеобщей стачке, потому что она была редактирована под влиянием узких и утопических идей *Карла Каутского!* Они буквально заявляют, что вы отрицаете всякую идею революционного восстания современного пролетариата.

60

Женева, 14 января 1906.

Дорогой Каутский!

Я вернулся к себе больным; но теперь мне лучше, и я уеду во вторник или в среду вечером. Так как я спешу, то не остановлюсь в Берлине. Кланяюсь вам и г-же Каутской. Будьте здоровы. Кланяйтесь Ганелину.

Само собою разумеется, вы можете напечатать в «Neue Zeit» перевод моей статьи о выставке в Венеции, но в ней много опечаток. Пусть переводчик обратит на это внимание.

Во избежание затруднений в транскрипции фамилий иностранных художников я завтра вышлю вам каталог выставки. Там он найдет фамилии всех художников.

Сожалею, что не могу послать вам другой статьи. У меня в настоящий момент нет номера, в котором она была напечатана.

Еще раз будьте здоровы.

Преданный вам *Г. Плеханов.*

61

Берлин, Friedenau, 16/III 1906.

Мой милый Плеханов!

В течение последних месяцев я не знал, где вас мысленно искать. Прилагаемое письмо, которое я сегодня получил для вас, показывает, что вы находитесь вне России [1]), где-то на юге. Это меня тем более радует, что показывает, что вы на свободе, но оно меня и беспокоит, так как говорит о том, что вы больны. Надеюсь, что это беспокойство неосновательно и что другие обстоятельства гонят вас в Италию.

О России я, конечно, хотел бы с вами много поговорить, многое от вас узнать — слишком много для письма. Многого жду от следующих двух месяцев, так как в это время обнаружится — вступят ли крестьяне в борьбу за землю или нет. Если дело не дойдет до такой борьбы, если крестьяне будут мирно взирать на то, что земля крупных землевладельцев продолжает обрабатываться ими как чужая земля, тогда вообще нечего больше ждать от аграрного движения, и тогда надо будет установить такую тактику, которая не рассчитывает в будущем ни на какую катастрофу. Городские рабочие одни не могут в ближайшее время вести никакой большой борьбы.

---

[1]) Упоминание о России объясняется тем, что, как было известно Каутскому, Плеханов уже собрался ехать туда, но мой арест (в январе 1906 г.) остановил его. — *Л. Д.*

Так я воспринимаю положение, и потому апрель и май представляются мне решающими месяцами для русского будущего и нашей дальнейшей тактики там.

Ваша статья о венецианской выставке переведена и вскоре появится у нас. Она — блестяща.

Мы оба приветствуем вас и будем очень рады скоро снова увидеть вас здесь [1]). Сейчас здесь Горький. Что вы о нем думаете?

Приветствую вас.

Преданный вам

К. Каутский.

Сердечный привет и от меня вам и вашей уважаемой жене.

Луиза Каутская.

62

14/III 1908.

Милый Плеханов!

Я узнал, что вы написали для русского сборника статью о Марксе. Не могли ли бы и мы получить ее для «Neue Zeit»? Я был бы очень рад опубликовать ее в номере, посвященном Марксу. Но для этого мне надо ее иметь *немедленно*. Итак, пожалуйста, будьте добры прислать мне копию вашей статьи — будь то на русском, французском или — что, разумеется, всего приятнее — на немецком языке. Надеюсь, что у вас все благополучно.

Сердечный привет.

Ваш *К. Каутский.*

63

Нерви, 26 февраля 1908.

Дорогой Каутский!

Буду чрезвычайно рад, если моя работа о Марксе будет напечатана в «Neue Zeit». Я уже написал в Россию, чтобы мне прислали корректуру этой работы. Боюсь только, что она

---

[1]) В декабре 1905 г. я из России по поручению нашего ЦК приехал в Берлин, куда вызвал из Женевы Г. В., — тогда мы с ним бывали у Каутского. — *Л. Д.*

окажется слишком большой для вашего журнала. Впрочем, вы [сами] увидите. Должен еще предупредить вас, что в этой работе я много говорю о *материалистической* философии Маркса. А мне кажется, что наши немецкие товарищи все более и более отворачиваются от материализма. Кстати, один товарищ спрашивает меня, может ли он рассчитывать, что «Neue Zeit» напечатает статью по вопросу о том, были ли Маркс и Энгельс в философии марксистами или же скорее *махистами,* как говорит Адлер junior? Я не решился ответить ему утвердительно.

Что скажете вы об этом?

Пишите мне сюда, в Нерви, 16, via Marco Polo. Здоровье мое все плохо.

Преданный вам и госпоже Каутской

Г. Плеханов.

64

Берлин, Friedenau, 6/V 1908.

Мой милый Плеханов!

Я только что намеревался отдать в печать вашу превосходную статью об Ибсене в качестве ближайшего приложения, как обратил внимание на то, что вы оканчиваете ее обещанием написать еще о причинах ибсеновского успеха у публики. Появилась ли эта работа? Тогда, пожалуйста, пришлите нам ее поскорее, чтобы мы могли ее опубликовать вместе со статьею об Ибсене. Есть еще месяц времени, так что она легко могла бы быть переведена.

Дело в том, что статья об Ибсене одна слишком мала. Мы хотели первоначально дать вместе с нею статью о французской драме, может быть, под общим заглавием: «Очерки по материалистической истории литературы». Но обещанная статья об Ибсене больше подойдет к написанной.

Рубинштейн — прекрасный переводчик, лучший переводчик с русского, какого я до сих пор знал. Излишне, чтобы Кл. Цеткин проверяла его перевод.

Надеюсь, что вы бодры и благополучны.

Ваш *К. Каутский.*

65

Женева, 9 мая 1908.

Дорогой Каутский!

Если статья об Ибсене очень мала и вы располагаете достаточным местом для статьи о буржуазной драме, тогда, очевидно, лучше напечатать *обе эти статьи вместе.*

Вот почему я так думаю.

Вопрос о том, чем объясняется большой успех Ибсена в странах, далеко не являющихся мелкобуржуазными по преимуществу, интересен сам по себе, но он не требует многих доводов: достаточно главы в несколько страниц. Но тогда статья об Ибсене все еще будет очень мала, и вам придется опять думать о том, как заполнить остающееся место.

Впрочем, это вам решать, и, если вы находите нужным, чтобы я написал главу, о которой идет речь, надо только ответить мне со следующей почтой, *сколько букв должна содержать эта глава.* С нетерпением жду вашего ответа, чтобы знать, что мне делать.

Я писал вам из Италии, но вы мне не ответили. Может быть, вы не получили моего письма? Почта отвратительна в Италии.

Сердечный привет г-же Каутской.

Ваш *Г. Плеханов.*

66

Женева, 16 мая 1908.

Дорогой Каутский!

Решено: через десять дней я пришлю вам новую главу моей брошюры об Ибсене. Я очень рад, что вы находите ее приемлемой.

Кланяюсь г-же Каутской.

Ваш *Г. Плеханов.*

67

Берлин, Friedenau, 11/V 1908.

Мой милый Плеханов!

Если прибавление к статье об Ибсене и будет коротким, оно все же будет очень полезно. Поэтому я вас прошу о нем — если я его (оригинал, который Рубинштейн сможет

перевести) могу получить в течение двух недель. Размеры его всецело предоставляются вам; я ведь не могу точно вычислить, сколько в имеющейся у меня рукописи, так как она неровно написана. Будет хорошо, если новая часть составит около ½ листа. Но прибавление может быть и длиннее.

Ваше письмо из Италии я получил, но, несмотря на это, вы правы в своих жалобах на итальянскую почту, так как я вам тотчас же ответил, а, как видно из вашего сообщения, вы моего ответа не получили. Письмо было адресовано в Нерви. Тем более жалею о пропаже его, так как думаю, что мой ответ относительно Дицгена — Маха удовлетворил бы вас.

К сожалению, у меня сейчас нет времени повторить мои тогдашние разъяснения. И письма вашего у меня нет под рукой, так что я сейчас точно не помню исходной точки моего ответа. Мы, конечно, об этом еще поговорим.

С сердечным приветом от нас обоих.

Ваш *К. Каутский.*

Попадается ли вам в Женеве «The Socialist», Scattle, Вашингтон? В последнем номере его, от 18 апреля, Унтерманн объявляет мне войну от имени дицгеновской клики — Ланге и К°. Меня он вешает на одной с вами виселице — этого достаточно.

68

Женева, 1 июня 1908.

Дорогой Каутский!

Возвращаю вам корректуры моего Ибсена. Перевод мне кажется хорошим. Правда, что в вопросах немецкого стиля я совсем не компетентный судья.

Я сделал следующие поправки:

В столбцах I, II, III, IV я поставил слово *Empörung* (возмущение) вместо *Revolutionierung*; сделал это потому, что у Doumic'а, *слова которого я привожу,* речь идет о «*возмущении* человеческого духа». И мне казалось, что это слово будет лучше передано немецким словом: Empörung. Вам лучше судить, прав ли я (может быть, лучше будет употребить слово: *Aufstand* [восстание]?).

Ст. IX. Я прибавил примечание на таком немецком языке, который, естественно, мне кажется заслуживающим критики. Будьте любезны, обратите внимание на это примечание. Письма, которые я цитирую, появились во французском переводе *после* напечатания моей брошюры. Я не помню, чтобы я видел письмо к П. в напечатанных по-немецки произведениях Ибсена.

Ст. XIII. Я исправил одно место, казавшееся вам неясным. Не знаю, яснее ли оно теперь.

NB. Ст. XIV. *Конец этого столбца относится к концу XIII столбца.* Я его отрезал и пришил к соответствующему месту. Но не знаю, как предупредить немецкого метранпажа об ошибке, сделанной наборщиком.

Ст. XVII. Я зачеркнул последний абзац, потому что он будет заменен IX главой.

Чуть не забыл еще одного замечания:

Ст. IX, 17-я строка сверху: Рубинштейн поставил слово: *Persönlichkeiten* (личности), между тем как в русском тексте сказано: *Individualisten* (индивидуалисты). Это изменяет оттенок моей мысли, и я считал исправление необходимым. Удачно ли это сделал?

Очень благодарен вам за возню с моим Ибсеном. Весьма благодарен также за «The Socialist». Я возвращу вам его на-днях.

Передайте поклон госпоже Каутской.

Ваш *Г. Плеханов.*

69

Берлин, Friedenau, 19/VIII 1910.

Мой милый Плеханов!

Я был бы ужасно рад видеть вас у себя, но 25-го вечером это невозможно, так как 25-го утром я должен уехать в Копенгаген, где на следующее утро будет заседание Интернационального бюро; я должен буду принять участие в нем, замещая Зингера. 24-го, напротив, я в вашем распоряжении. И для меня было бы чрезвычайно важно поговорить с вами.

Сердечный привет вашему дому от нашего.

Ваш *К. Каутский.*

70

Берлин, Friedenau, 29/II 1910.

Милый Плеханов!

Г-жа Герцмарк из Вены уже давно прислала мне перевод этой вашей работы — я полагаю по соглашению с вами, — и я, разумеется, с удовольствием ее принял.

Но теперь, при чтении корректур, я обнаруживаю, что переводчица на-авось переводила с русского собственные имена. Некоторые я мог исправить, но не все. Поэтому я вас прошу взять на себя труд просмотреть корректуру, в особенности места, подчеркнутые красным. Никак не могу себе представить, чтобы фамилия француза была Ассенфрац. Мне это кажется невозможным даже для санкюлотов.

Я был бы вам очень благодарен, если бы вы возможно скорее покончили с корректурой, так как у нас сейчас как раз есть место для этой работы.

Ваша прекрасная статья заставляет меня снова жалеть, что я из ваших работ знаю только те немногие, которые появились на немецком языке.

К сожалению, я не могу судить, какие из них так же значительны для немецкой публики, как для русской. Во всяком случае я буду очень рад, если вы чаще будете предоставлять свои работы для опубликования их в «Neue Zeit», причем, разумеется, безразлично, если они уже появились по-русски.

Не писали ли вы когда-нибудь о Толстом? Мы сейчас в состоянии печатать и крупные работы. Было бы очень хорошо, если бы ваша работа о Толстом вышла в качестве приложения.

Очень жалею, что заболел в Копенгагене, и потому не мог с вами там встретиться.

Я бы с удовольствием снова выслушал ваши сообщения о русских делах.

Надеюсь скоро получить от вас добрые вести. У меня нет другого адреса, кроме женевского, потому я пишу туда, хотя предполагаю, что вы на Ривьере.

Сердечно приветствую вас и вашу жену.

Ваш *К. Каутский.*

71

Сан-Ремо, 7 декабря 1910.

Дорогой Каутский!

Ваше письмо застало меня в Италии. Оно доставило мне большое удовольствие. Я был поистине счастлив, узнав, что моя статья о французской драме понравилась вам. Я часто и сам думал, что мне следовало бы стать более усердным, чем теперь, сотрудником «Neue Zeit». Но что поделаешь? Я пишу главным образом о *русских* делах, которые не интересны для немецкого читателя. Сейчас пишу о Толстом. Если это для вас подходит, я дам переписать свою статью и пришлю ее вам для «Neue Zeit».

Очень сожалею, что не видел вас в Копенгагене. В вашей полемике с Розой Люксембург я был вполне на вашей стороне и согласен с вами до мельчайших подробностей. Это показало мне, к великой моей радости, что нам будет легко столковаться по вопросам русской тактики. Не забудьте, что меня критиковали те же самые лица, которые критиковали потом и вас, и почти с теми же аргументами и с теми же упреками. И я нахожу, что мне следует вас повидать. Но где? И когда? Отвратительное состояние моего здоровья принуждает меня провести зиму в Италии. Теперь мне невозможно приехать в Берлин. Поэтому мне приходится ждать до весны.

Завтра или послезавтра я пошлю вам корректуру. Переводчица не очень исказила собственные имена. Вместо *Assenfratz* надо было написать *Hassenfratz!* Вероятно, эльзасец! Как видите, разница не очень велика.

Не посылаю сегодня корректуры потому, что хочу сделать примечание, которое я напишу *по-французски.* Поклон г-же Каутской.

Ваш *Г. Плеханов.*

Адрес: G. Plekhanoff, Villa Victoria № 2. San Remo, Riviera di Ponente, Italien.

Кстати. Где могу я найти результаты последней статистической анкеты о состоянии промышленности в Германии? «Vorwarts» писал об этих результатах. Они кажутся мне очень важными.

Г. П.

72

Сан-Ремо, 14 декабря 1910.

Дорогой Каутский!

Я немного запоздал со своей статьей. При более внимательном рассмотрении обнаружилось, что перевод оказался не так удовлетворителен, как мне показался сначала. Говоря это, я имею в виду транскрипцию собственных имен. Я должен был выписать из Женевы мои материалы, чтобы проверить цитаты. Надо сказать также, что в статье много *опечаток*. Буду вам также очень признателен, если вы напишете в Штутгарт, чтобы внимательнее исправили французские слова.

Переводчица везде поставила *Vernunft* (разум) вместо *Verstand* (рассудок). Это — большая разница, на которой я особенно настаиваю.

Точно так же переводчица плохо поняла меня там, где я говорю о возвращении Бурбонов во Францию (II, 4). Я говорю, что они вернулись в сопровождении неприятельского обоза (союзников: немцев, русских, англичан). Так тогда выражались. А переводчица поставила *Staatswagen* (парадная карета), что не имеет ровно никакого смысла.

Я хотел прибавить *одно* примечание. Как вы увидите, я сделал их много. В одном месте я рискнул сделать примечание по-немецки (horribili dictu!). Я уверен, что мой немецкий язык никуда не годится. Исправьте его. Примечание находится — III, 2, с правой стороны.

Надеюсь, что, снабженная примечаниями, статья моя будет более заслуживать вашего одобрения. Надеюсь также, что вы ничего не имеете против примечания автора в начале.

Завтра вышлю вам свою статью о Толстом. Но она написана по-русски. Сумеет ли та же самая переводчица перевести ее? Поклон г-же Каутской.

Преданный вам *Г. Плеханов.*

P. S. *Статью о Толстом высылаю завтра без всякой задержки.*

Согласитесь ли вы напечатать в «Neue Zeit» перевод моей статьи о *религии* с точки зрения исторического материализма?

73

Берлин, Friedenau, 15/XII 1910.

Мой милый Плеханов!

Меня очень обрадовали оба ваши последние письма. Но все же сперва дело, а потом удовольствие.

Я получил вашу корректуру и очень благодарю за тот большой труд, который вы на себя взяли. Старая история: переводчик-предатель (traduttore-tradittore). Сговаривались вы с переводчицей, или она переводила, не спрашивая вас? Я предполагаю первое, но хочу быть вполне уверенным, и знать, как разделить гонорар между вами и переводчицей, — по нашим обычным условиям или по особому соглашению.

Нас обоих постигла неудача со статьею о Толстом. Едва я отправил вам письмо, как мы получили статью о Толстом от Раппопорта. Так как мы долго не получали от вас ответа, а время не терпело, то мы приняли статью Раппопорта. Иначе была опасность остаться совсем без статьи.

А теперь пришла и ваша. Толстой достаточно значителен, чтобы мы могли напечатать о нем и вашу работу. Я убежден, что обе статьи друг друга не повторяют, а дополняют, так как ваш метод изложения совсем иной, чем Раппопорта. Но все же я должен просить подождать, пока появится его статья, и сообщить мне затем, подойдет ли нам ваша статья после этой. Мне было бы очень жаль отказаться от вашей статьи.

Если у вас есть возможность опубликовать ее раньше где-нибудь в другом месте, то я вас очень прошу не считаться с нами. Пожалуйста, сообщите мне — оставить ли мне пока рукопись у себя или отослать обратно.

Мне очень жалко труда, который затрачивается на переписку. Из вашего первого замечания по поводу статьи о Толстом я понял, что вы писали ее для какого-то русского журнала и дадите нам корректуру, что не требует труда. По странной случайности и вторая тема, о которой вы нам сообщаете, — о религии, — скоро будет разбираться в «Neue Zeit». На будущей неделе появится фельетон Кунова на эту тему. Он открывает собою серию статей об этом.

И здесь я не хотел бы остаться без вашей статьи. Тема так обширна, что мы можем опубликовать несколько работ, а вы внесете столько своего, что ваша статья не будет повторением куновской. Прошу вас дождаться ее появления и по возможности исходить из нее — или дополняя ее или защищая иную точку зрения. Кунов выступает против воззрения Маркса и Энгельса на примитивную религию, будто бы опровергнутого новейшими исследованиями.

Результаты последней ремесленной и промышленной переписи опубликованы в толстых томах Германской имперской статистики. Вероятно, их можно получить в женевской университетской библиотеке. Но пользоваться ими очень трудно, потому что они дают абсолютные цифры 1907 года. Сравнительная обработка, одна дающая возможность выводить следствия, еще впереди. Некоторые важнейшие цифры вы найдете в Статистическом ежегоднике Германской империи за 1909/10 год.

Очень был рад узнать, что в вопросе о Люксембург вы стоите на моей стороне. Это для меня очень ценно. И я тоже очень сожалею, что мне не удалось поговорить с вами в Копенгагене. Но конгрессы редко бывают благоприятны для спокойного разговора. Важнее было бы для меня как-нибудь поговорить с вами на каникулах. Тогда ничто не помешало бы. В особенности важно было бы мне узнать от вас о русском партийном расколе. Я слышу об этом с разных сторон настолько противоречивое, что трудно получить ясное представление.

Надеюсь, что как-нибудь буду иметь счастье встретиться с вами, как однажды в Локарно, где вы, к сожалению, не могли долго остаться. Во всяком случае мы встретимся теперь не под ауспициями Дицгена, который из общего друга превратился в общего врага.

Благодаря тому, что у этого человека есть деньги, он может со своими подкупленными помощниками учинить еще какой-нибудь скандал.

Но серьезно принимают его только в Америке.

Моя жена и я сердечно приветствуем вас и ваших.

Преданный вам

К. Каутский.

74

Берлин, Friedenau, 8/III 1911.

Мой милый Плеханов!

Я долго не отвечал на ваше письмо, но последнее время я опять захворал; это может служить мне извинением.

За это время у нас появилась статья Раппопорта о Толстом. Вы можете теперь, вероятно, судить, может ли после этой статьи появиться у нас ваша статья о Толстом. Я решаю этот вопрос утвердительно, так как ваша манера изложения и восприятия вещей так отлична от раппопортовской, что даже в том случае, если вы придете к тем же выводам, что и он, — все же, наверное, сумеете дать новое освещение этому предмету. А такая фигура, как Толстой, достаточно велика, чтобы ее стоило осветить с разных сторон в том же журнале.

Итак, я прошу вас сообщить нам, полагаете ли вы, что ваша статья достаточно отличается от раппопортовской, чтоб ее можно было поместить вслед за последней в одном журнале. Тогда я тотчас же дам ее перевести.

Если же вы найдете, что обе эти статьи, хотя и написанные независимо друг от друга, слишком во многом соприкасаются, — а это возможно, поскольку Раппопорт был с вами в постоянном общении и воспринял от вас во многом ход мыслей, — тогда нам, конечно, придется отказаться от вашей статьи.

Я был бы вам очень благодарен, если бы вы указали нам на какую-нибудь другую из ваших статей, которая могла бы появиться у нас.

Ваши сообщения о русских делах меня в такой же мере интересуют, как и огорчают. Во всяком случае я уверен в том, что фактические противоречия в русской социал-демократии не так глубоки, как в немецкой; в этом смысле я недавно писал Ленину. Я убежден, что действительные разногласия между Мартовым и Лениным не так велики, как между Бернштейном и мной, и что у Потресова и Луначарского больше общего, чем, например, у Кольба и Розы Люксембург. Разница в том, что наша партия достаточно

велика, чтобы предоставить каждому поле действия и чтобы вести в одном направлении всех отдельных лиц, как бы они индивидуально ни расходились.

В русской социал-демократии отсутствует это воздействие массы, и поэтому личные трения здесь обостряются гораздо больше, хотя фактические расхождения меньше. К этому присоединяется озлобленность, вызванная неудачей.

В общем наша партия относится очень неодобрительно к русской социал-демократии за ее распри. Но если вспомнить немецкую эмиграцию после 1849 года, то приходится признать, что теперешняя русская бесконечно выше ее. Я как раз прочел переписку Маркса и Энгельса этого периода. Нет ничего более удручающего, чем эта переписка, — так много в ней мелочных ссор. Но если это выступает даже у Маркса и Энгельса, то можно себе представить, каково было у остальных. Так же плохо обстояло дело в свое время с беглецами Коммуны. Если принять это во внимание, то приходится сказать, что современная русская эмиграция несравненно выше всех прежних эмиграций.

А от раскола никто не защищен. Это испытывают сейчас австрийцы, которые до сих пор так гордились своим единством и отсутствием всякой партийной узости.

Я надеюсь, что движение в России скоро снова оживет, и бесплодно томящимся за границей силам найдется применение. Под движением я разумею здесь не революцию. В скорое возобновление революции в России я не верю, разве если бы присоединились совершенно неожиданные обстоятельства. Я думаю, что наши русские друзья должны были бы устроиться так, чтобы развивать движение в *данных условиях*, как бы это ни было трудно. Важно найти такие формы, в которых при данных условиях могло бы существовать и развиваться пролетарское движение. Это настолько чисто практический вопрос, что следовало бы найти возможность обсуждать его без озлобления.

Но я так далек от русских дел, что мои замечания о них едва ли могут доказать что-либо, кроме моего горячего интереса к русскому движению. А во фракционные разногласия я не хотел бы вмешиваться уже потому, что в каждой фракции у меня есть дорогие друзья, с которыми я фактически имею больше точек соприкосновения, чем со многими из моих немецких товарищей по партии.

Сердечный привет.

Ваш *К. Каутский.*

Сердечный привет вам и вашим шлет *Луиза К.*

75

Сан-Ремо, 21 марта 1911.

Дорогой Каутский!

У меня до сих пор не было времени прочесть статью Раппопорта о Толстом. Теперь я ее прочел. Если не считать некоторых маленьких неточностей (в именах и числах), статья эта мне очень понравилась. Я совершенно согласен с Раппопортом в его *выводах*. Но в моей статье о Толстом, рукопись которой у вас имеется и которая была напечатана в Москве в «*Мысли*», я стал на совершенно другую точку зрения, чем Раппопорт. Наши обе статьи, таким образом, не являются повторением: они скорее дополняют одна другую. Таково мое мнение. Но прошу вас, дорогой Каутский, не стесняйтесь и не печатайте статьи, если у вас мало места.

Вы говорите в вашем последнем письме, что различия во взглядах между Мартовым и Лениным не настолько велики, чтобы деятельность их в одной и той же партии была невозможна; вы совершенно правы. Но наши расколы вызываются не различием во взглядах. Скорее можно сказать, что наши расколы порождают оттенки наших политических и тактических взглядов. Это может показаться странным, но, увы! это правда. В этом состоит трудность нашего положения.

Каждая из обеих фракций нашей партии считает своим долгом не подчиняться постановлениям наших съездов (или конференций), принятых под влиянием противоположной фракции. Если Центральный комитет партии в своем большинстве состоит из *меньшевиков*, то возмущаются *большевики*. Если Центральный комитет находится под влия-

нием *большевиков*, тогда очередь *меньшевиков* поднять знамя восстания. И таким образом знать не хотят дисциплины. Скажу больше: дисциплины совсем не существует *в партии*: она существует исключительно *в пределах фракций*. Следовательно, имеются две дисциплины: большевистская и меньшевистская. И каждая из них совсем не хочет повиноваться постановлениям *партии*, когда дело идет о поражении противной фракции.

При таких условиях всякое общее действие становится невозможным.

В настоящее время *Центральный Комитет* находится под влиянием большевиков. В редакции *центрального органа* партии большевики (с их союзниками — поляками) находятся в большинстве. Этого достаточно, чтобы меньшевики были в состоянии перманентного возмущения против партии. И на этот раз дело зашло очень далеко. Бунтовщики хотели бы «*ликвидировать*» партию, это их выражение. «*Ликвидировать*» партию — это значит *разрушить ее*, это очень хорошо известно. Но меньшевики только этого и хотят. Они говорят, что раз партия будет уничтожена, будут созваны конференции для организации *новой*, и тогда у меньшевиков будут шансы стать *большинством*. Они думают, что для достижения этой цели все дозволено. У нас, таким образом, есть социал-демократы, сознательно работающие над разрушением («ликвидацией») их собственной партии. Это неслыханно! Вы прекрасно понимаете, что можно не одобрять подобного поведения. И поэтому я разошелся с нашими теперешними бунтовщиками (этими «ликвидаторами»). Это их раздражает; они с большим ожесточением нападают на меня. Но... ich kann nicht anders! (я иначе не могу). Партия выше фракции... К тому же я не один. Одновременно со мной многие меньшевики разошлись с ликвидаторами. Те, которые с нами, всячески пытаются урезонить «ликвидаторов», что совсем не легко.

Вот наше положение. Оно — отвратительно, и я не думаю, чтобы оно могло скоро улучшиться.

До следующего раза. Крепко жму вашу руку. Поклон г-же Каутской.

Г. Плеханов.

76

Берлин, Friedenau, 5/V 1911.

Мой милый Плеханов!

Я не знаю, все ли вы еще на Ривьере или в Женеве; надеюсь все же, что письмо мое достигнет вас во всяком случае.

Меня все еще занимает ваша статья о Толстом. Я бы хотел прочесть ее сам и познакомить с нею читателей. Но, разумеется, смерть Толстого уже не может служить исходной точкой. Это слишком давнее событие. Теперь вышли письма Толстого, изданные у Ладыжникова в Берлине. Вы, конечно, их прочтете. Не могли ли бы они послужить поводом для опубликования вашей статьи у нас с некоторыми соответствующими изменениями?

В такие моменты я особенно тяжело чувствую то, что в молодости упустил случай изучить русский язык. Теперь уже поздно, даже независимо от того, что мои способности к языкам вообще ограничены.

В русских разногласиях, кажется, нет больших перемен. Наибольшее затруднение состоит в том, что ни одно направление не располагает ясно выраженным большинством. Если бы в Германии ревизионисты и марксисты были одинаково сильны, тогда бы у нас все шло значительно хуже.

Вы, вероятно, принимаете участие в «Мысли» — не там ли появилась ваша статья о Толстом? Вскоре появится моя очень популярная брошюра о тактических течениях в немецкой социал-демократии; одновременно с этим она должна быть опубликована и в «Мысли». Меня заставили написать особое предисловие для русского издания и высказаться в нем за объединение. Я сделал это, хотя подобные отеческие наставления из-за границы кажутся мне довольно бесцельными. Ведь не хватает, конечно, не доброй воли к объединению, а необходимых для него предпосылок.

На-днях у меня были большевики, меньшевики, отзовисты и ликвидаторы. Все милые люди, и когда с ними говоришь, не чувствуешь больших разногласий. Человека

узнаешь только в работе, а за работой наших русских товарищей я никогда не мог следить.

Сердечный привет.

Преданный вам *К. Каутский.*

Привет и от моей жены, конечно, от нас обоих вашей жене.

77

[Открытое письмо.]

Сан-Ремо, 20 мая 1911.

Дорогой Каутский!

Простите, что не ответил вам до сих пор. Я был очень занят и буду занят еще несколько недель. Поэтому мне невозможно переделать мою статью о Толстом на основании его переписки, изданной Ладыжниковым. *Невозможно теперь.* Но я могу сделать это к концу июня. Устраивает ли это вас? Я остаюсь в Сан-Ремо до 6-10 июня. Затем я поеду в Женеву (6, rue de Candolle). Вы, без сомнения, знаете, что редакция «Мысли» подверглась преследованиям из-за вашей задержанной рукописи? Скажите, возможно ли прочесть ваше предисловие относительно положения в России. Это доставило бы мне большое удовольствие.

Ваш *Г. Плеханов.*

78

Берлин, Friedenau, 25/V 1911.

Мой милый Плеханов!

Разумеется, мы будем рады вашей статье о Толстом и в июне или июле. Тема ведь не стареет.

О несчастьи, которое постигло «Мысль» из-за моей статьи, я уже слышал. Дело это мне совершенно непонятно. Это самая безобидная работа, которую я когда-либо выпускал. В России были уже напечатаны мои гораздо более предосудительные вещи. Так как у вас, вероятно, еще нет этой брошюрки, я позволю себе послать вам ее.

К сожалению, у меня нет копии моего предисловия к русскому изданию. Если рукопись еще цела, то она находится у Рязанова, который в данный момент в Париже, где он хочет читать лекции в партийной школе.

Но вы ничего не потеряете, если не прочтете предисловия. Рязанов настаивал, а редакция «Мысли» желала во всяком случае иметь свое особое предисловие, — мне и пришлось написать несколько строк, подчиняясь необходимости, а не следуя собственному желанию. У меня не было достаточно времени для размышлений, так как русский перевод должен был появиться одновременно с немецким оригиналом.

Сердечный привет. Преданный вам *К. Каутский.*

79

Берлин, Friedenau, 24/X 1911.

Мой милый Плеханов, месяц тому назад я отправил вам письмо, где просил разрешения опубликовать вашу философскую статью, которую Стеклов излагал в «Neue Zeit». Изложение было умышленно сделано очень коротким, так как мы хотели поместить статью полностью. Кроме того, я спрашивал ваше мнение о теперешних внутренних раздорах среди русских социал-демократов. С тех пор я во всяком случае сложил с себя обязанности посредника, так как считал бесполезным занимать это место далее. К сожалению, я не получил ответа на мои вопросы. Надеюсь, что причиной вашего молчания является не ваша болезнь, а пропажа моего письма.

Сердечный привет. Ваш *К. Каутский.*

Мое письмо было адресовано в Женеву.

80

Сан-Ремо, 31 октября 1911.

Дорогой Каутский!

По дороге в Сан-Ремо я провел несколько дней в Турине (на международной выставке) и в Генуе. Я простудился и приехал в Сан-Ремо совершенно больной. Теперь мне лучше, и я спешу ответить вам.

Я не получил вашего письма, о котором вы говорите в открытке. Было ли оно адресовано в Женеву или в Сан-Ремо?

Само собою разумеется, что вы можете располагать моими статьями. Буду очень рад увидеть мою критику книги Р. Рихтера, переведенной на немецкий язык и напечатанной в «Neue Zeit». Прошу вас только прислать мне корректуру.

Вы говорите, что спрашивали меня о положении нашей партии. Вдвойне поэтому сожалею о пропаже вашего письма.

Положение наше таково: каждая из борющихся фракций хочет созвать конференцию, которая будет окрещена *партийной*. Это будет ложь, но наши «feindliche Brüder» *[враждующие братья]* убеждены, что ложь в данном случае совершенно обязательна. Вы знаете, как они ведут борьбу друг с другом. Мартов обвиняет (в своей гнусной брошюре) большевиков. Большевики в свою очередь, издают брошюру — Каменева, — в которой обвиняют меньшевиков. Хочется прямо плакать со злости! Что до меня, то я стараюсь воздействовать на общественное мнение нашей партии в смысле созыва *одной только конференции*, которая в самом деле явилась бы *партийной*, а не только *одной из фракций*. Я еще не совсем потерял надежду на успех, но в данный момент мне трудно отвечать за что бы то ни было. Если вам придется писать о нашем положении, то выскажитесь *против раскола и за единство*, вы нам окажете большую услугу.

Скоро у нас будут выборы в Думу. Можете себе представить, какой блестящий успех готовят нам наши враждующие братья.

Поклон госпоже Каутской. Преданный вам

Г. Плеханов.

P. S. Одновременно с письмом к вам пишу Мерингу в ответ на его письмо. Мне нужно достать для одной работы несколько книг из вашего партийного архива. Можете ли вы помочь в данном случае?

81

Берлин, Friedenau, 14/XI 1911.

Мой милый Плеханов!

Когда пришло ваше письмо, я был в Иннсбруке на партийном съезде. По возвращении я должен был спешно приготовить избирательную брошюру. Вот и вышло так, что я только сегодня принимаюсь за ответ.

Потерявшееся письмо я адресовал в Женеву. Заключавшиеся в нем вопросы в большей своей части теперь уже разрешены. Я говорил и спрашивал о русских внутренних делах. Теперь мы с Кларой Цеткин сложили с себя звание посредников [1]). Это был единственный выход из путаницы. Теперь осталось только выяснить, кому принадлежат деньги. По моему мнению, они принадлежат не одной какой-нибудь фракции, а партии в целом, и их следует держать до тех пор, пока не будет вновь единая партия. А вы (разве) иного мнения?

Что касается вашей статьи, то я в своем письме спрашивал, между прочим, не имеете ли вы каких-либо определенных желаний относительно переводчика. Не всякий может переводить статьи по философии. У нас здесь есть один переводчик, который переводит для нас статью Рязанова. Можно ли ему доверить вашу статью, или вы можете предложить кого-нибудь другого?

Надеюсь, что книги из партийного архива вы уже получили. Если же нет — я об этом позабочусь.

Надеюсь, что вы опять здоровы и бодры.

Преданный вам

К. Каутский.

82

Сан-Ремо, 20 ноября 1911.

Дорогой Каутский!

Вы, конечно, правы. Деньги эти принадлежат *партии* и *только партии*. Ни одна из *фракций* партии не может иметь исключительного права на них. Ваше решение сильно поможет восстановлению единства в русской социал-демократии. Одна только вещь беспокоит меня. Так как вы и Клара Цеткин не являетесь более хранителями этих денег, то ваше решение, повидимому, может быть аннулировано. А это было бы очень жаль. Попав в руки одной из фрак-

---

[1]) Большевики и меньшевики после конференции, состоявшейся в Париже в 1910 г., избрали Клару Цеткин и Каутского посредниками — держателями общепартийных спорных денег. — *Л. Д.*

ций, деньги станут *поводом раздора:* они будут истрачены на печатание и перевозку в Россию брошюр во вкусе Мартова и Каменева.

Что касается переводчика, то я не знаю того, о ком вы говорите. Но так как у меня нет другого (для философии), то прошу вас дать ему переводить мою статью, и позвольте мне заглянуть в корректуры. Вы уже сделали так с моей статьей о литературе и искусстве во Франции.

Я еще не получил необходимых мне книг. Больше того. Я еще не обратился к Vorstand'у немецкой партии, потому что я боюсь отказа. Вы окажете мне большую услугу, облегчив мне хлопоты в этом деле. Вот наиболее необходимые мне книги:

1) Das Weserdampfboot (Bielefeld, 1844).
2) Der Gesellschaftsspiegel (Elberfeld, 1845/46).
3) Rheinische Jahrbücher zur gesellschaftlichen Reform (Darmstadt et Belle-Vue bei Konstanz, 1845/46).
4) Deutsches Bürgerbuch (2 volumes, Darmstadt et Mannheim, 1845/46).
5) M. Hess: Die letzten Philosophen (1845).
6) K. Grün: Neue Anekdota (1845).
7) Ib. Ueber die wahre Bildung.

Само собою разумеется, что мне не нужны все эти книги сразу. Напишите мне в открытом письме, имеются ли эти книги в партийном архиве и возможно ли мне их получить.

Кстати. Я написал для одного русского издания критический очерк французского утопического социализма. Статья эта не превысит $2\frac{1}{2}$ печатных листов. Хотите ли вы напечатать ее в виде фельетонов в «Neue Zeit»? Понятно, что *перевод* не может появиться *раньше* русского подлинника, т. е. только в феврале или марте 1912. Мне кажется, что я рассматриваю историю французского социализма с точки зрения, которая до сих пор была чужда большинству историков социализма. Речь идет в значительной степени об *экономических* идеях французских утопистов. Если статья моя вас интересует, я дам ее перевести г-же Гримм из Берна.

Поклон г-же Каутской.

Ваш *Г. Плеханов.*

83

Сан-Ремо, 27 ноября 1911.

Дорогой Каутский!

С неделю тому назад я послал вам письмо в ответ на ваше последнее, но так как оно не было заказным, я опасаюсь, что оно пропало. Будьте добры, сообщите открыткой, получили ли вы его. У нас борьба обеих фракций продолжается; это становится слишком монотонным.

Ваш *Г. Плеханов.*

84

Берлин, Friedenau, 30/XI—1911.

Мой милый Плеханов!

Ваше письмо я получил. Простите, что не сразу на него ответил. Я ждал ответа из архива по поводу книг, которые вам были нужны. Архив довольно далеко от Friedenau, телефона у меня нет, вот я и выбрал древнейший способ сношения — письмом. Но наш архивариус немного медлителен, да и к тому же занят на нескольких службах, и я до сих пор жду ответа.

Я бы сам отправился за ответом, но, к сожалению, печальная обязанность зовет меня на несколько дней в Париж. Смерть Лафарга и его жены сильно на меня подействовала [1]).

Разбирая этот случай, я и сам колеблюсь — геройство это или причуда. Лафарг всегда был любителем парадоксов.

Жизнь не кажется мне бесцельной, пока можешь себе ставить цели и можешь служить этим целям, а ведь именно так это и было у Лауры и Поля. С другой стороны — можно как угодно думать о самом принципе. Но все же импонирует то, что они кончили самоубийством ради принципа, не вынужденные ни моральным, ни физическим, ни экономическим банкротством.

---

[1]) Поль Лафарг и жена его Лаура — дочь Маркса, в глубокой старости (около 70 лет было каждому из них), совершенно без всяких видимых даже для близких друзей причин, покончили самоубийством: они заранее решили, что, доживши до этого возраста, покончат с собою. — *Л. Д.*

Но надеюсь, что среди марксистов в этом отношении у них не будет последователей. Наш молодняк еще слишком незначителен, чтобы нам, старикам, можно было без нужды уходить с поля сражения. Мы еще прекрасно могли использовать Лауру и Поля Лафарг.

Относительно ваших статей могу сообщить следующее: ваша работа о скептицизме [находится] у переводчика; очень приветствую, конечно, ваш набросок о французском утопизме. Для коротких статей у нас всегда есть место. Длинные же статьи должны по большей части ждать — в них наблюдается перепроизводство. Хотя я и не знаю этой статьи, все же сожалею, что она коротка. Самая тема требует большей обстоятельности. Несмотря на то, что я обычно говорю нашим сотрудникам: будьте насколько возможно кратки, — я на этот раз говорю: если вы хотите расширить статью — пожалуйста!

Сердечный привет от нашего дома вашему.

Ваш *К. Каутский.*

85

Берлин, Friedenau, 12/XII 1911.

Мой милый Плеханов!

Я получил, наконец, ответ от Грюнвальда. По-моему, будет лучше всего, если вы снесетесь с ним непосредственно и укажете ему ту книгу, которую вам надо раньше всего выслать.

Переводчик приступил к вашей философской статье. Потребовалось некоторое время, пока он достал здесь этот номер журнала.

Я был в Париже по поводу смерти Лафарга. К сожалению, распространившийся слух о том, что вы также приедете, оказался ложным. Я бы с таким удовольствием поговорил с вами.

Дело Лафарга при более близком рассмотрении не производит на меня того величественного впечатления, какое произвело сначала. Оно является своеобразным и загадочным соединением стоицизма и философского глубокомыслия с парадоксальной и странной растерянностью и легкомыслием. Лафарг отдал распоряжения о своих курах и собаках, а

о марксовском наследии, о его библиотеке и своих собственных бумагах — ни слова. А от Лауры Лафарг вообще нет ни слова.

В нашей партии всегда несчастья с наследствами. Русский фонд, которым я ведал, был оставлен Ленину; Энгельс сделал своим литературным наследником Бернштейна, а Лафарги предоставили марксово литературное наследство — случаю. Ввиду того, что определенных указаний относительно этого нет, родственники Лафарга — непартийные люди — имеют то же право на наследство, что и Лонге! [1]).

Уход Лафарга из этого мира мог быть давно обдуман. И тем не менее, он не был хорошо подготовлен. Об участии Лауры в последних событиях вообще ничего неизвестно.

Вы видите, дело при ближайшем рассмотрении производит угнетающее впечатление. В особенности бедная Лаура, мне кажется, играла при этом скорее роль пассивной жертвы, чем активной героини.

В парижских партийных кругах я встретил некоторое озлобление против Лафарга. Создается впечатление, что по капризу устранены две большие силы, которые могли бы еще во многом помочь нашему делу. В этом случае смерть утрачивает тот облик неумолимости, перед которым мы обычно склоняемся.

Ну, волноваться — бесцельно, но я надеюсь, что больше никто из моих друзей не расстанется со мною подобным образом. Сердечный привет. Ваш *К. Каутский.*

Сердечный привет. *Луиза К.*

86

Берлин, Friedenau, 23/XII 1911.

Мой милый Плеханов!

Только что получил от переводчика вашей статьи прилагаемое письмо. Я предоставляю вам — хотите ли вы в статье упомянуть о втором томе рихтеровского труда и в зависимости от этого хотите или нет расширить ее.

---

[1]) Жан Лонге — известный французский социалист — внук Маркса и племянник Лауры Лафарг. — *Л. Д.*

С этим можно не спешить, так как Меринг как раз составил приложение — Маркс и Фрейлиграт, — которое должно появиться в январе. Кроме того, смерть Лафарга побуждает меня издать в виде приложения еще не появлявшуюся на немецком языке его работу о французском языке до и после революции. Статья эта была напечатана в «Ere Nouvelle».

У вас, таким образом, достаточно времени, чтобы расширить вашу статью, если вы этого захотите. Конечно, она не должна превышать размеры приложения. Немецкая публика в противоположность русской предпочитает короткие статьи длинным. Если II том Рихтера не даст вам повода сказать что-либо новое, то мы будем вполне удовлетворены и теперешними размерами статьи.

Моя жена и я шлем вашей милой жене и вам лучшие пожелания к Новому году и сердечный привет.

Всегда ваш *К. Каутский.*

87

Берлин, Friedenau, 16/I 1913.

Мой милый Плеханов, сердечно благодарю вашу милую жену и вас за ваше участие и жму вашу руку.

Очень недоставало мне вас в Базеле. Надеюсь, что причиной вашего отсутствия не была болезнь. Среди русской делегации там разыгрались тяжелые сцены; тем не менее, найдены точки соприкосновения, которые, повидимому, помогут найти modus vivendi для обеих спорящих фракций.

Какую позицию занимаете вы в этом вопросе? Я был бы очень рад, если обещанная вами нам философская статья о скептицизме была скоро готова. Если II том произведения — не припоминаю сейчас названия — не дает вам нового материала для прибавления к статье, тогда она появится в том виде, как есть.

Еще раз сердечно благодарю вас за ваше дружеское участие и шлю привет вам и вашей жене.

Ваш *К. Каутский.*

Уважаемые друзья! И я благодарю вас за ваши приветы и, в свою очередь, посылаю вам от всего сердца пожелания к 1913 году. Всего хорошего вам и вашей семье.

Преданная вам *Луиза Каутская.*

88 [1]

Сан-Ремо, 11 февраля 1913.

Дорогой Каутский!

Я получил ваше письмо, когда я был сильно болен. Ничего опасного, но очень — вернее — слишком утомительно; нечто вроде скверного гриппа. Теперь мне лучше, и я спешу вам ответить.

Вы спрашиваете меня, почему я не приехал в Базель? Мне также помешала болезнь — другая. Зимой здоровье мое вообще отвратительно.

Знаю, что в Базеле происходили очень неприятные сцены в русской делегации. Но на этот раз ссору вызвали наши «ликвидаторы». Они хотели ввести в делегацию одного «товарища», являющегося представителем одной из так называемых инициативных групп. «*Инициативные группы*» взяли на себя «инициативу» борьбы *против нашей партии*. Я не понимаю, как можно было их признать. Мне кажется, что наши иностранные товарищи не отдают себе отчета в отвратительной роли этих групп. Если бы они отдавали себе в этом отчет, *они бы первые осудили их самым строгим образом.*

До сих пор я не мог послать вам статью о книге Р. Рихтера (т. е. о втором томе ее). Простите, пожалуйста. Постараюсь скоро исправить свою вину. Окажите мне еще немного доверия.

Кланяюсь г-же Каутской.

Ваш *Г. Плеханов.*

---

[1]) Это — последнее письмо, имеющееся в архиве Г. В. — *Ред.*

В. ИВАНШИН.

ПИСЬМА К Г. В. ПЛЕХАНОВУ.

I.

Женева, 16 мая 1900 г.

М. г. Плеханов!

В ответ на ваше предложение, сделанное 10 мая с. г., комиссия от имени Союза русских социал-демократов считает нужным заявить, что она снова категорически требует от группы «Осв. труда» и примыкающих к ней лиц не задерживать выхода номера 6 «Рабочего дела» и снова решительно протестует против насильственной конфискации его у Союза русских соц.-демократов, продолжающейся вот уже в течение целого месяца.

Ни на какие оговорки и заявления в насильственно задержанном номере «Раб. Д.» комиссия, по требованию противозаконно конфисковавших его лиц, ни в каком случае не согласится.

Мы получили ваше письмо от 13 мая, подписанное Кольцовым от имени гр. «Осв. тр.» и 10 примыкающих к ним лиц.

Администрация и комиссия от имени Союза р. с.-д. уже неоднократно и самым определенным образом заявляли вам, что по требованию гр. «О. Т.» и небольшой части членов Союза (по требованию, лишенному всякого законного основания) Союз русских социал-демократов не прекратит своего существования. Он будет, конечно, продолжать свою деятельность, он даже *не имеет права* прекратить исполнение взятых на себя функций.

Что касается вашего заявления — «выступить перед общественным мнением с публичным заявлением», то мы считаем это, конечно, вашим делом. Это ваше заявление только побудит нас ускорить выход подробного разъяснения, с ко-

торым мы уже решили, с своей стороны, обратиться к тому же общественному мнению по поводу «глубоко печальных обстоятельств», мешающих деятельности Союза русских социал-демократов.

Комиссия считает нужным заявить вам, что от одного Российского комитета партии к нам поступил на-днях запрос на литературу. Мы снова решительно протестуем против закрытия склада Союза и требуем выдать нам немедленно все издания, нужные для отправки в Россию. Иначе мы слагаем с себя всякую ответственность перед российскими товарищами за неисполнение их требования.

За комиссию *В. Иваншин.*

II.

Женева, 26 мая 1900 г.

Милостивый государь, г. Плеханов!

12 мая утром я сообщил вам текст шифрованного письма, в котором российские товарищи приглашали группу «Осв. тр.» прислать своего представителя или свой отчет «на предстоящий на-днях» съезд Российской социал-демократической раб. партии. 15 мая я вручил вам лично свое письмо, в котором я привел точный текст приглашения, снова заявлял вам, что имею адрес для *явки* представителя на съезд и что этот адрес я могу сообщить кому-либо из членов гр. «Осв. тр.», но с определенной целью *для явки* (а не для письменных сношений) *делегата, которого пошлет от себя группа «Осв. тр.»* Затем я сообщал, что у нас нет специального адреса для сношений, касающихся съезда, который бы мы могли передать гр. «Осв. тр.», но что мы можем доставить отчет или какое-либо письмо группы «О. Т.» товарищам в России или через отъезжавшего тогда нашего представителя, или же обычным путем — через товарища, заведующего конспиративными сношениями с рос[сийскими] товарищами. До сих пор ни за адресом для явки делегата, ни с предложением переслать от вас что-л[ибо] на съезд, вы к нам не обратились. В настоящее время я считаю своим долгом обратиться к вам с просьбой сообщить мне: какой ответ гр[уппы] «Осв. тр.» я должен сообщить российским

товарищам на их приглашение принять участие в партийном съезде? Ответ прошу передать через подателя Марка (письменно). Обращаюсь к вам с этим письмом ввиду вашего отказа вчера вступить в разговор с Акимовым и мною по одному поручению от российских товарищей.

Готовый к услугам *В. Иваншин.*

От редакции. Среди писем Веры Ив. Засулич к Г. В. П. находился черновой набросок этого письма без обозначения числа и того, кому оно предназначалось. Быть может, оно являлось ответом на помещенное выше обращение В. Иваншина к Г. В. с требованием о возвращении типографии, устроенной мною осенью 1883 года. — *Ред.*

(Союзу русских социал-демократов)

(Без даты).

Я никогда не считала, чтобы нами — группой «Освобожд. труда» — созданная типография могла стать чьей-либо собственностью, помимо нас. Она была отдана нами в пользование образовавшегося в 1895 году Союза р. с.-д. за границей, вполне разделявшего наши взгляды. На съезде 1898 г., совершенно изменившем характер Союза, мы, по излишней уступчивости, предоставили решение вопроса о типографии петербургскому «Союзу б[орьбы] за о[свобождение] р[абочего] кл[асса]». Но так как петербургский союз не взял на себя этого решения, типография остается по праву нашей собственностью, а удерживание ее против нашей воли является простым захватом чужой собственности.

В. Засулич.

Г. ПЛЕХАНОВ.

ОТ РУССКОГО СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО СОЮЗА.

В конце 1894 года группа «Освобождение труда», соединившись с некоторыми, не входившими в ее состав, но вполне надежными и известными русскими социал-демократами за границей, основала «Союз русск. соц.-дем.», предоставив в его пользование свою типографию, в которой были набраны первые по времени социал-демократические произведения на русском языке.

Новый «Союз» заявил, что он стоит на почве международного социализма и вполне разделяет основные взгляды группы «О. Т.» как на капиталистическое развитие современной России, так и на вытекающие из этого факта ближайшие задачи русских социалистов-революционеров.

Главною целью его было оказание посильной поддержки начинавшемуся в России социалистическому движению в среде пролетариата. Эта широкая цель оставляла много места для новых будущих членов «Союза», привлечением которых он озаботился по своем возникновении мало-по-малу, и особенно благодаря быстрым и блестящим успехам социал-демократической пропаганды в России; состав «Союза» увеличился довольно значительно, и число новых членов даже превысило число членов-основателей.

Это обстоятельство было бы очень благоприятно для главной цели «Союза», если бы все новые его члены всецело и окончательно усвоили себе основные положения научного социализма. К сожалению, для некоторых из них это было не так. Они увлеклись марксизмом совершенно искренно, но не надолго и не вполне разделавшись со старыми идеалистическими и мелкобуржуазными предрассудками. С течением времени эти идеалистические и мелкобуржуазные

предрассудки, под предлогом критического пересмотра учения Маркса, снова заняли господствующее место в их социально-политических взглядах. Главным выражением их явилась рукописная брошюра, направленная против группы «О. Т.» и недавно напечатанная в сборнике «*Vademecum*» *для редакции «Рабочего дела»*. Влиянию «критиков» Маркса поддались многие другие члены «Союза», разногласия постоянно увеличивались и осложнялись разными организационными недоразумениями.

Осенью 1898 года группа «Освобождение Труда» отказалась от редактирования изданий «Союза русских социал-демократов», не желая брать на себя ответственность за новые «критические» взгляды, настоятельно требовавшие себе литературного выражения. Дальнейшая история «Союза» была рядом самых печальных недоразумений, о которых в настоящее время достаточно сказать лишь то, что в апреле нынешнего года они причинили в «Союзе» окончательный *раскол* и как естественное следствие раскола — анархию, приостановившую отправление всех его функций.

Чтобы покончить с таким печальным положением дел, группа «О. Т.» с некоторыми «молодыми» членами бывшего Союза, а также с его членами-основателями создала новую организацию, которая будет называться «*Русским социал-демократическим союзом*». Новая организация задается той самой целью, которую поставил себе при своем основании ныне распавшийся «*Союз русских социал-демократов*». Она стремится по мере своих сил помогать социалистическому движению в русском пролетариате.

Но эта общая цель приобретает теперь особый вид благодаря некоторым специфическим особенностям переживаемой нами минуты.

Так называемая «критика марксизма», которая представляет собою жалкую, реакционную попытку ослабить борьбу пролетариата с буржуазией на практике и облегчить его сближение и примирение с нею [в] теории, сделалась модой в среде нашей ученой и полуученой, образованной и полуобразованной мелкой буржуазии. Один за другим переходят под флаг критики и покидают все основные положения марксизма те самые люди, которые называли и до сих пор продолжают называть себя учениками Маркса.

Умственный хаос, применяемый этой псевдокритикой, принимает поистине величественные размеры и грозит, проникнув в рабочую среду, принести большой вред нашей молодой и еще не окрепшей социал-демократии. Борьба с этой умственной анархией является ближайшей задачей революционных социал-демократических элементов, не поддавшихся модной заразе антиреволюционной «критики».

«Русский социал-демократический союз» будет содействовать такой борьбе всеми зависящими от него средствами и протягивает братскую руку всем тем социал-демократическим группам и организациям, которые *имеют мужество решительно отвернуться от ложных друзей социал-демократии и не затемняют положения дел в нынешней социал-демократической России казенными широковещательными фразами на тему, что все обстоит благополучно.*

Да здравствует революционная критика антиреволюционных «критиков»!

Да здравствует революционное движение рабочего класса!

«Русский социал-демократический кружок».

Г. ПЛЕХАНОВ.

ПРОЕКТ СОГЛАШЕНИЯ, ПРЕДЛОЖЕННЫЙ ГРУППОЙ «ОСВОБОЖДЕНИЕ ТРУДА».

Среди писем В. И. Засулич этого периода находился прилагаемый проект соглашения. — *Л. Д.*

1) Ввиду того, что с некоторых пор существуют несогласия между гр. «Осв. Тр.» и некоторой частью Союза, ввиду того, что последняя часть Союза составляет большинство, ввиду того, что это обстоятельство лишает гр. «Осв. Тр.» всякой надежды проводить в Союзе желательные для нее меры посредством голосования, — совершается, по предложению группы, прием 6 новых членов, который установит равновесие в численном составе Союза.

2) Гр. «Осв. Тр.» предпринимает издание, в котором она будет защищать направление, свойственное ей с самого начала ее существования, и которое выражает основные принципы научного социализма Маркса.

3) Касса остается общей. В распоряжение гр. «Осв. Тр.» предоставляется кассой союза 200 франков в месяц на ее издания.

4) Администрация будет выбрана на следующих основаниях: на первое полугодие будут выбраны два лица, примыкающие к гр. «Осв. Тр.», а три — из лиц другой части Союза, а во второе — наоборот.

5) Американские 700 франков считаются за группой «Осв. Тр.», причем выдача Союзом 200 франков гр. «Осв. Тр.» начинается с октября месяца сего года.

6) Все суммы, поступающие до соглашения в кассу гр. «Осв. Тр.», остаются в ее распоряжении впредь до соглашения. Если соглашение состоится, то эти суммы засчитываются в счет упомянутых ежемесячных ассигновок, указанных в параграфе 4.

7) Издания гр. «Осв. Тр.» будут выходить под ее редакцией и будут считаться изданиями и собственностью Союза русск. соц.-демократов.

8) Группа «Осв. Труда» и лица, к ней примыкающие, не участвуют в выборе редакции Союза.

> П р и м е ч а н и е. Поступления от отдельных лиц, имеющие специальное назначение, будут расходоваться гр. «Осв. Тр.» сообразно этому назначению.

Г. ПЛЕХАНОВ.

ПРОЕКТ СОГЛАШЕНИЯ ГРУППЫ «ОСВОБОЖДЕНИЕ ТРУДА» С «СОЮЗОМ РУССКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ».

1. Союз русских социал-демократов предоставляет группе «Освобождение Труда» право выпускать под своей редакцией свои издания, которые считаются изданиями Союза.

2. Союз предоставляет гр. «Осв. Тр.» печатать в типографии Союза не больше двух листов в месяц.

3. Расходы по изданиям гр. «Осв. Тр.» в размере двух тысяч в год оплачиваются из общей кассы Союза, если только группа не имеет на это своих средств.

4. В кассу гр. «Осв. Тр.» на ее издания поступают только суммы от отдельных лиц, имеющие специальное назначение (на определенные издания). Все остальные суммы гр. «Осв. Тр.» передает в общую кассу Союза.

[На обороте рукой Плеханова написано:]

1. Уполномоченный группы «Освобождение Труда» согласен явиться на съезд в том случае, если ему гарантируют, что он не подвергнется там оскорблениям. Но, ввиду раздражительности некоторых членов противной стороны, он предпочитает иметь дело с отдельными уполномоченными.

ЛОНДОНСКИЙ СОВЕТ РАБОЧИХ СОЮЗОВ.

ОРГАНИЗАЦИОННОМУ КОМИТЕТУ С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ СТАЧКИ.

[Перевод с английского.]

Лондон, 13 августа 1896.

Товарищи!

Соединенный комитет, организованный здесь для собирания денег в помощь великой с.-петербургской стачке, шлет вам свои братские поздравления и выражает свое сердечное удовольствие по поводу результатов, достигнутых вашими усилиями.

Мы с удовольствием узнали, что вследствие этой стачки русское правительство нашло себя вынужденным назначить комиссию для установления путем закона нормальной минимальной заработной платы и сокращения числа часов рабочего дня; конечно, еще неизвестно, выйдет ли что-либо из этих мер правительства, но мы вполне уверены, что те, которые умели так спокойно переносить лишения и так мужественно бороться во время стачки, сумеют добиться победы и в этом случае.

Кроме того Соединенному комитету хотелось бы сообщить вам, что известие о вашей стачке было принято здесь с величайшим удовольствием, лучшим доказательством чему и служит выражение своего сердечного сочувствия британскими рабочими в самой практической форме — подписки в пользу основанного нами фонда (русской стачки). Окончательным результатом усилий нашего комитета нужно считать, кроме 65 фунтов стерлингов (около 650 рублей), уже пересланных вам комитетом фонда вольной русской прессы, имеющиеся в наших руках в пользу петербургских стачечников 70 фунтов стерлингов (700 руб.), которые и будут

пересланы вам немедленно по получении от вас прямого известия.

Для нас крайне важно и желательно иметь от вас письмо, которое будет принято — мы уверены — великобританским рабочим народом за вещественное доказательство международных товарищеских отношений, которые существуют между нами; мы, конечно, понимаем те трудности и опасности, при которых вам приходится работать, и потому не настаиваем на том, чтобы ваше письмо было подписано какими-нибудь именами, но, тем не менее, мы убедительно просим вас прислать нам прямое известие от вашего комитета, которое мы могли бы показать здешним рабочим. С отсылкой собранных денег и опубликованием отчета о них, работа нашего комитета будет окончена, однакоже мы уверены, что при повторении подобных же обстоятельств британский народ не замедлит опять выразить свою готовность оказать поддержку своим русским братьям.

Поэтому, и имея в виду, что наша помощь может потребоваться и в будущем, мы самым настоятельным образом обращаем ваше внимание на необходимость сообщить нам, с вашей стороны, имя какого-нибудь вполне надежного лица в России, на которое мы могли бы переводить деньги, чрез какой-нибудь (международный) банк, во избежание ненужной потери времени, так как всякому понятно, что помощь, для того чтобы быть действительной, должна быть быстрой.

Препровождаем это письмо тем же вполне надежным путем, который был рекомендован нам вашими (русскими) товарищами, и надеемся, что вы сможете ответить нам таким же образом.

С наилучшими пожеланиями всякого успеха в нашем общем деле.

Остаемся братски вашими за Соединенный комитет:

Поч. секретарь: *Дж. Макдональд.*

Поч. секретарь: *Н. Чайковский.*

Члены комитета:

С. Вудс — секр. парлам. комиссии тред-юнион. конгресса.

Бен Купер — председатель Лондонского Совета рабочих союзов; муниц. советн.

Дж. Грегори — депут. общ. каменщиков в Лондонском Совете рабочих союзов.

В. С. Стэдмен — муниц. советн.; деп. общ. кораб. плотн. в Лондонском Совете рабочих союзов.

Том Манн — общий секретарь Независимой рабочей партии.

Вилль Торн — депутат от союза газовых рабочих и чернорабочих.

Бен Тиллет — муниц. советник; деп. от союза дачных рабочих.

Дж. Г. Вильсон — член парламента; депутат союза матросов и кочегаров.

Майкель Дэвит — член парламента от Ирландии.

Дж. Ф. Грин, Ж. Г. Перрис и *Адольф Смит* — представители от Общества друзей русской свободы.

Феликс Волховский и *Лазарь Гольденберг* — представители Фонда вольной русской прессы.

Кассиры:

Эд. Пит — от Общества друзей русской свободы и Фабианского общества.

В. Кеджерс — от Лондонского Совета.

Секретари комитета:

Дж. Макдональд — секретарь Лондонского Совета.

Н. Чайковский — председатель Фонда вольной русской прессы.

Л. ДЕЙЧ.

«ФИНАНСЫ» ГРУППЫ «ОСВОБОЖДЕНИЕ ТРУДА».

В печати неоднократно упоминалось — и мною в том числе, — что группа «Освобождение Труда» начала свое существование при самых неблагоприятных условиях: при крайне враждебном отношении к ней большинства эмигрантов, при чрезвычайно ограниченном численно личном составе, ничтожных финансовых средствах, отсутствии связей с Россией и пр. Теперь почти все эти сделанные голословно сообщения могут быть подкреплены несомненными цифровыми данными, так как, оказывается, в бывшем архиве департамента государственной полиции, ныне Революционном архиве, сохранилась моя записная книжка, отобранная у меня немецкими полицейскими во Фрейбурге при моем аресте в марте 1884 г. [1]). Точная выписка из этой книжки была прислана мне Ленинградским отделом Истпарта, за что приношу здесь последнему мою глубокую благодарность. Помещаемые ниже без всяких изменений, но с моими пояснениями цифры лучше всяких слов говорят: они дают конкретное отражение тогдашней жизни и деятельности нашей группы со дня ее возникновения почти вплоть до моего ареста.

Считаю при этом нужным заметить, что эти записи я вел лишь для себя, не будучи обязан никому отдавать отчет в финансовом положении: цифровые данные, заносимые мною во всегда бывшую при мне записную книжку, давали мне возможность в любой момент ориентироваться в нашем финансовом положении, строить те или другие расчеты, планы и пр.

---

[1]) См. об этом

ЗАМЕТКИ [ИЗ] ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ.

Приход.

Август (1883 г.)

От В. Н. (Дмитр [о] заем) [1])	1 000 фр.
В счет брош [юры] «Разв [итие] Соц [ализма]» [2]) .	250 »
В « «Попул [яризация] Маркс [а]	243 »
В « « то-же	75 »
От Эльпидина [3]) за издания	50 »
Через Веру от Саши [4])	24 »
Заем у Вер [ы] (К.К.) [5])	90 »
Итого	1732 фр. [6])

---

[1]) Вас. Ник. Игнатов. Дмитро (Як. Стефанович) «заем» означает, что эти 1 000 фр. были взяты из предназначенной Вас. Ник. неприкосновенной суммы для устройства побега Стефановича, а также для посылок ему на Кару (см. об этом «Первые шаги гр. Осв. Тр.», сборн. № 1, стр. 14).

[2]) Не помню, от кого были получены эти и следующие деньги на популяризацию «Капитала» Маркса: по всей вероятности от приезжавшего тогда из Москвы студента Светлицкого, о котором я сообщил в статье «Оригинальное юбилейное произведение» (см. наш сборник № 3).

[3]) Эльпидин — известный эмигрант, владелец книжного магазина в Женеве, бравший на комиссию издания, но почти никому ничего не плативший.

[4]) По всей вероятности — Александра Валентиновна, сестра Георгия Валентиновича, а возможно, что и сестра Веры Засулич — Алек. Ив. Успенская.

[5]) «Красный Крест», т. е. «Загр. Отд.» его, финансовой частью которого заведывала, главным образом, В. И. Засулич. При крайней нужде я и другие товарищи «перехватывали» у нее на время в долг небольшие суммы, на что она весьма неохотно соглашалась и ужасно расстраивалась этими займами. Как видно из ее писем к П. Л. Лаврову, особенно огорчало ее, что он из попадавшихся ему сумм давал безвозвратные ссуды не только на жизнь видным народовольцам Тихомирову, Ошаниной, но и на выходивший под его и Тихомирова редакцией «Вестн. Нар. В.» (см. «Прол. Рев.» за 1922 г.).

[6]) Итак всего в августе 1883 г. мною было получено 1 732 фр., что составляло 692 руб. 80 коп., так как курс франка, насколько мне помнится, был в то время равен 40 коп.

Сентябрь.

От Ильи Н[иколаевича] [1] . . . . 1240 фр.
Из Румел. (от Рос[селя] и Луц[кого] [2]) . . . . . 99 »
От Павла (возвращ[енные] 25 р.) [3]) . . . . . . 60 »
От Веры (принесен. Трус[овым]) [4]) . . . . . . 98 »

Итого: . . . . 1497 фр. [5])

Октябрь.

От Веры Лавр[ов] [6]) . . . . 200 фр.
От Цюрихского кружка . . . . 240 »

Итого . . . . . 440 фр.

[1]) Илья Николаевич Игнатов, младший брат Василия. На стр. 16 статьи «Первые шаги гр. О. Т.» я, оказывается, несколько увеличил размер этой присылки, сообщив по памяти, что он прислал 1 500 фр. Как я там писал, получение этой суммы решило вопрос о нашем выступлении в качестве новой группы. Таким образом вновь подтверждается правильность моего заявления, что своим появлением в 1883 г. наша группа обязана братьям Игнатовым, чего не должны забывать русские марксисты.

[2]) Д-р Россель, он же — Н. Судзеловский — известный эмигрант, а также бывший морской офицер Луцкий входили в 1882 г. в парижскую группу содействия, когда мы, собираясь объединиться с народовольцами, заводили всевозможные предприятия. Затем в поисках за заработком они переселились в Восточную Румелию, где вскоре недурно устроились; оттуда от времени до времени они присылали незначительные суммы как за получаемые от нас литературные новинки, так и на те или другие наши нужды.

[3]) Павел Борисович Аксельрод, повидимому, возвратил сделанный им, а может быть и кем-либо другим, заем.

[4]) Не могу припомнить, какие это деньги? Труевов — тот старый эмигрант, у которого, как я сообщил в ст. «Перв. шаги», нами была куплена (в рассрочку) часть его типографии за 2 000 фр.

[5]) Общий приход за сентябрь равнялся 1 497 фр., или 598 руб. 80 коп. Таким образом, приступая в октябре к изданию первых произведений, мы располагали 1 291 руб. 60 коп.

[6]) Эта запись также мне теперь не ясна; вместе с этой суммой всего в октябре заприходовано 440 фр., или 176 руб.

Ноябрь.

От Жоржа (Кр. Кр.) [1]) . . . . 120 фр.
От Дрезденск. студ. 25 р. [2]) . . . . 60 »
От книгопродавца Георга [3]) . . . . 35 »
От упрямицы [4]) . . . . 40 »
От Лильк. знак. [5]) . . . . 25 »
От сестры Девушки [6]) . . . . 150 »

Итого: . . . . . . 430 фр. [7])

Декабрь.

От русского немца 15 м. [8]) . . . . 18 фр. 40 с.
От Мол. Т. (35 р.) [9]) . . . . 85 »
Нашел на улице [10]) . . . . 10 » 50 с.
От «добрейш[ей]» 50 м. — 4 [11]) . . . . 62 »
От нее же (пока заем у Ани) 100 р. . . . . 242 » 50 с.
От Дрезд. юноши (25 р.) . . . . 60 »

Итого: . . . 478 фр. 40 с. [12])

Теперь посмотрим, на что была израсходована эта сумма, так как статьи расхода в моей записной книжке в точности обозначены.

[1]) Т. е. от Георгия Валентиновича, очевидно, передавшего мне для внесения в кассу «Красного Креста».

[2]) «Дрезденский студент», или «юноша» — Ос. Еф. Слободской.

[3]) Швейцарец, по фам. George, имевший в Женеве большой книжный магазин, брал на комиссию русские издания.

[4]) Если память мне не изменяет, так провал я Варв. Ив. Бородаевскую, о которой сообщил в ст. «Перв. шаги».

[5]) Лилькин знакомый — кажется, упомянутый студ. Светлицкий.

[6]) Не могу припомнить, кто это.

[7]) Всего в ноябре заприходовано 430 фр., или 172 руб.

[8]) Не помню, кто.

[9]) То же.

[10]) Эти деньги были найдены мною на улице, около театра, что было очень кстати, так как касса в то время была почти пуста.

[11]) Так я провал приехавшую кузину Фанни Степняк, Веру Личкус. Она же обещала уплатить полученные мною заимообразно от Анны Марковны Кулешовой-Турати 100 рублей.

[12]) Всего за декабрь поступило 478 фр. 40 сан., или 191 руб. 36 коп. А за пять месяцев 4 577 фр. 40 сан., или 1 830 руб. 96 коп.

Расход (общий).

Авг[уст 1883 г.]

За перевод «Развит. соц.» Вере . . . . . . 80 фр.
Жоржу за брошюру «Попул. Марк.» . . . 55 »
Пфейферу в счет взятых Жорж[ем] . . . . 50 »
На приезд Павлу [из Цюриха] . . . . . . 20 »
Посылка книг . . . . 3 » 40 сан.
Марка . . . . 1 »
Перо, клей, хим. чер. . . . . 1 » 70 сан.
23 Авг. Розе [т. е. Розалии Марковне] в счет Жоржев[ского заработка] . . . . 5 фр. 25 сан.
Письма М[аленькой] Лиз[е Хотинской] . . . — » 95 «
2 поч[тов]. к[арты] и 2 суб [?] . . . . . — » 20 «
Жоржу (в счет Марк[са]) . . . . 1 » 50 «
ему же . . . . 2 »
Иванy [Бохановскому] за набор 1-го л[иста] «Разв. [научн.] соц[иализма]» . . . . . . 36 фр.
Поездка в Париж [1]) . . . . 206 »
Павлу . . . . 50 »
[Вероятно, разные] . . . . 20 »

Итого: . 533 ф. (213р.20к)

Сент[ябрь].

Розе [Роз. Марк.] . . . . . . 20 фр.
Жоржу [Георг. Вал.] (в Париж[е]) 5 »
Розе [Роз. Марк.] . . . . 5 »
Жоржу [Георг. Вал.] в счет работ . . . . 100 фр.
Трусову в счет типогр. . . . . 800 »
Всякая мелочь при покупке . . 2 »
Павлу на приезд (из Цюриха) . 20 »
Розе [Роз. Марк.] . . . . . . 4 »
Розе [Роз. Марк.] . . . . 6 »

[1]) Об этой поездке вместе с Георг. Вал., чтобы выручить задержанные М. Ошаниной и Л. Тихомировым письма ко мне Я. Стефановича я подробно сообщил в ст. «О сближении и разрыве с «Н. В.» (см. «Прол. Рев.»).

Сер[гею Степняку] . . . . . 2 фр.
Линдегеру [носильщику из типографии в скоропечатную] 5 »
Ему же . . . . 1 » 50 сан.
Закупки для типографии . . . 10 »
Наборщику . . . . 15 »
Квартира (типогр.) . . . . . 45 »
Вещи Дмитру [в Сибирь] . . . 25 »
Почтов. расходы . . . . . . 1 »
25. Наборщику (Рольнику) . . . 20 »
На приезд Гринф[еста из Цюриха] 20 »
Почтов. расходы и марки . . . 1 »
27. Экспедиция «Объявления» [о возникновении группы «Освобождение Труда»] . . . 2 фр. 65 сан.
Мелочи . . . . 1 » 70 «
29. Наборщ. (Герас[имову]) . . 10 »
30. Жоржу . . . . 8 »
30. Ивану (в счет долга Пфейф.) 60 »

Итого: 1189 фр. 85 сан. (475 р. 94 к.).

Окт[ябрь].

2. В Россию (Кр[асному] Кр[есту]) . . . 250 фр.
Почтов. расходы . . . . 1 » 50 сан.
Жоржу . . . . 80 »
3. За карточки Дмитра . . . . 8 »
3. Коррек[турная] бумага . . . . . . 3 » 25 сан.
Ящик для (опускания в него) писем в типогр. . . . . 2 »
8. Книги в К.......нь [?] . . . . . . 6 »
» Долевичу [1]) . . . . 1 »
15. Рольнику . . . . 30 »
16. Марка и отсылка книг . . . . . . 2 » 50 сан.
Щетка и коврик [для типогр.] . . . . 5 »
Жоржу . . . . 35 »

[1]) Карандашом приписано: 2 5—2, 5, 5, 10 (?).

Жоржу . . . . 10 фр.
Ему же . . . . 30 »
Угощ. наборщ. [по окончании брошюры] 3 »
27. Посылка книг [очевидно, на Кару] . . . 80 »
Бумага [для брошюр] . . . . . . 150 » 60 сан.
Печка [в типогр.] . . . . 14 » 50 «
2 стула [для нее же] . . . . . . 6 »
Кокс, уголь, дрова [туда же] . . . . 4 »
28. Рольнику [наборщику] . . . . . . 20 »
Линдегеру [носильщику шрифта] . . . 7 »
Трусову [в счет платы за типограф.] . . . 600 »

Итого: . . . . . 1349 фр. 35 сан.
[539 р. 74 к.]

Ноябрь.

1. Типогр. краска . . . . 1 фр. 50 сан.
Фальну [скоропечатне] за объявл. и брошюру] . . . . 58 » 50 сан.
Наборщику (2 раза по 5) . . . . . . 10 »
5. На отъезд Гринф[еста в Россию] костюм . 75 »
« « « пенснэ, книга, проводы . 8 »
« Наличными . . . . 175 »
Из Цюриха он взял [в счет нашей группы] 200 »
6. Рольнику [наборщику] . . . . . . 35 »
Экспедиция . . . . 4 » 45 сан.
8. Переплетчику за брош. «Соц. и П[олит] Б[орьба]» . . . . 25 фр.
Ему же за книгу для Рос[сии] . . . . 3 » 50 сан.
Ее отправка . . . . — » 40 «
10. Рольнику [наборщику] . . . . . . 10 »
За мытье пола в типографии . . . . 1 » 50 сан.
12. Покупка [для] Дм[итра тепл. вещей в дорогу] . . . . 20 » 50 »
Посылка их . . . . 20 » 40 «
Рольнику [наборщику] . . . . . . 20 » 40 »
Типограф. расходы . . . . 3 »
Жоржу . . . . 10 »
Мелочи . . . . 1 » 30 сан.

20. Рольнику . . . . 15 фр.
Переплетчику . . . . 23 »
Носильщ[ику Линдегеру] . . . . . . 2 »
Пенснэ . . . . 2 » 50 сан.
Павлу 50
Рольнику 5
Из Цюр. Гринф[ест] взял (кроме 200) . . 40

Итого: . . . . 820 фр. 95 сан.
[328 р. 38 к.]

Декабрь.

Рольнику . . . . 29 фр.
5. Жоржу . . . . 10 »
6. Дмитру (Стефановичу) . . . (50 р.) . 125 »
Отсылка и марки . . . . 2 » 50 сан.
9. Рольнику . . . . 5 »
Розе и Вере (по 5) . . . . 10 »
Голдовскому за «Календ[арь Нар. Воли]» . 3 »
13. Рольнику . . . . 5 »
21. Ему же . . . . 15 »
Пер[еплетчику] . . . . 3 »
За шрифт [прикупили] . . . . . . 41 »
Жоржу . . . . 5 »
Сергею 10
Поездка моя в Германию [1]) . . . . . 80 » 90 сан.
Павлу . . . . 12 » 50 »
Отопл. типографии 4
24. За типогр. квартиру 45
Трусову 50
Рольнику 41
Жоржу 35
Вере 20
Почт. расходы . . . . 2 » 50 сан.
Переплетчик 3
Закупки . . . . 4 » 50 сан.
Жоржу 3

---

[1]) Для свидания с уезжавшей в Россию Верой Личкус.

29. Костюм (ему)	30	фр.
31. На бал [1]	9	»
Рольнику	5	»
Итого:	608	фр. 90 сан
	[243 р. 56 к.]	

Всего израсходовано за пять месяцев 4 502 фр. 05 сан. (1 800 руб. 82 коп.).

Приход (общий)

Январь 1884 г.

5. От Георга [книгопрод.] (за изд. «Соц. Рев. Библ.»)	48	фр.
9. Продажа кольца и часов	25	»
10. От приехавщего [Яновича]	67	»
12. От него же 50 р.	121	»
22. От помещика [?] 200 руб.	484	»
25. За сербскую брошюру (заказ. в типогр.)	400	»
25. От Др. [?] (106 р.)	250	»
26. От Цюрихск. кружка	122	»
Итого:	1517	фр.
	[606 р. 80 к.]	

Февраль.

От Ивановой [Бернского кружка]	360	фр.
Итого:	360	фр. [144 р.]

Расход (овщий).

1884 г. Январь.

2. Рольнику	6	фр.
3. Жоржу	5	»
5. В эмигр. кассу	23	»
8. Жоржу	5	»
» Ему на жилет	8	»
» » » на выкуп вещей	23	»
12. Ему же	60	»

[1]) Общеэмигрантский вечер встречи нового года.

13. Рольнику	20	фр.
Линдегеру	4	»
Почтов. расходы	2	»
Переплетчику	3	» 50 сан.
За свою квартиру	47	»
Долг	20	»
19. Переплетчику	35	»
Экспедиция	15	»
За шрифт (серб[ский])	35	»
22. Трусову	150	»
Розе	160	»
Сергею	10	»
Жоржу шляпа и наличн.	10	»
За получен[ный] шрифт	7	»
25. Рольнику	60	»
Волянскому [наборщику]	25	»
Розе	45	»
Жоржу на поездку [в Цюрих]	55	»
Для Павла	30	»
Книги Иоське [Аптекману в Якут. обл.]	15	»
Вере	30	»
Итого:	908	фр. 50 сан.
	[363 р. 40 к.]	

Февраль.

Розе	20	фр.
Волянскому [наборщику]	5	»
Кокс	5	»
Ступ	5	»
Рольнику	70	»
Андрес [приезжая, учившаяся набирать]	15	»
Яновичу [известному впослед. шлиссельбуржцу]	100	»
На линейки для типогр.	20	»
За уборку кор. в типогр.	2	» 50 сан.
Вере	8	» 50
Жорж взял из привезенных	67	»
Рольнику	10	»
Волянскому [наборщику]	10	»
Телеграм. Милош.	1	» 50 сан.

Вере	22 фр. 50 сан.
Жоржу	50 »
Рольнику	40 »
Вере	25 »
Волянскому	12 »
Долг в Берне	250
Дорога до Базеля	28 »
Павлу	18 »
Обед	3 » 50 сан.
Езда [1])	—
Итого:	788 фр. 50 сан. [315 р. 40 к.]

Кроме общей записи я заносил, очевидно, еще приходо-расходные статьи детально, по категориям:

Стр. 5-ая [записной книжки]:

За издания:

От Е. Ефрона — за «Соц. и Пол. Бор.»	1 фр.
От Бронского за 2 экз.	2 »
От поляка	1
От армян	1
В типогр[афии было продано]	3 »
От немцев с русск. душой [?]	15 »
От Лившицкого] знак[омого]	25 »

Стр. 7-ая [зап. кн.]:

Займы:

У Веры Иван. (из денег Кр. Кр.)	250 фр.
Деньги, прислан. сестрой Лев[ушки] 60 р.	150 »
За издания от Эльпид. 20 р.	50 »
Трусову за типогр. (160 р.)	400 »
За бумагу . . . (35 р.)	87 » 50 сан.
За издан. Р.Р.Б. от Эль.	48 »
От приезж. (Ян[овича] 50 р.)	125 »
От него же	40 »

[1]) На этом оставливается недоконченный счет, так как, известно, в конце февраля я отправился в Берн, оттуда в Цюрих, затем в Базель, оттуда во Фрейбург, где я и был арестован...

Байдаков	25 фр.
У Ивановой . . . . . (150 р.)	375 »

Т. обр., всего поступлений до моего ареста было 6 454 фр. 40 сан., или 2 581 р. 76 к., израсходовано 6 199 фр. 05 сан., или 2 479 р. 62 к. Как видим из этих записей, сюда вошли:

уплата за приобретенную у Трусова наборню	1 600 фр.	(640 р.)
на пополнением ее шрифтом	83 »	(33 р. 20 к.)
оборудование и содерж. наборни	174 »	(69 р. 60 к.)
приобретение бумаги	153 » 85 сан.	(61 р. 54 к.)
зарплата наборщикам	639 »	(255 р. 60 к.)
гонорар сотрудникам (Плеханову, Аксельрод и Засулич)	1 269 фр. 25 сан.	(507 р. 70 к.)
переносчику шрифта из наборни в скоропечатню	19 фр. 50 сан.	(7 р. 80 к.)
переплетчику	96 »	(38 р. 40 к.)
поездки (в Париж, в Германию, из Женевы в Цюрих и из Цюриха в Женеву)	429 фр. 90 сан.	(171 р. 96 к.)
поездка Гринфеста (делегата) в Россию	458 фр.	(173 р. 20 к.)

Кроме расходов, непосредственно связанных с задачами группы, как видим, некоторая часть шла для ушедшего в Сибирь на каторгу Стефановича, так как предназначенная, как я уже упомянул, для него Игнатовым сумма поступила в кассу нашей группы. Из приведенных записей, полагаю, вырисовывается материальное положение членов первой марксистской группы, на долю которых приходилась буквально ничтожная часть средств.

Но, как известно из печатающихся на страницах наших сборников писем и воспоминаний разных лиц, после моего ареста их материальное положение еще в значительной степени ухудшилось. Отчасти вследствие нужды и лишений Плеханов, Засулич и Аксельрод стали к тому же тяжело хворать. Однако, несмотря на сыпавшиеся на этих пионеров русского марксизма со всех сторон беды, они все же не теряли бодрости и по мере их сил продолжали вести свою неимоверно тяжелую работу в течение многих лет.

Л. ДЕЙЧ.

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ИСТИНЫ.

(БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ЗАМЕТКА.)

Небезызвестный историк социал-демократической партии М. Лядов опубликовал свои воспоминания «Из жизни партии», 1903—1907 гг. Они не были бы лишены интереса, но, к сожалению, автор, по собственному признанию, страдает следующим неудобным для такого рода произведений дефектом.

«Мне лично очень трудно, — пишет он в самом начале своей книжки, — вспоминая то или иное событие, припомнить, кто именно принимал в нем участие... Особенно трудно восстановить в памяти именно, где я встречал того или иного товарища. Так что в отношении моих воспоминаний о лицах у меня будет не мало ошибок и пробелов» (стр. 3).

Действительно, как сейчас увидим, «ошибок и пробелов», к тому же чрезвычайно крупных, очень много в его записках. Я, поэтому, остановлюсь лишь на наиболее крупных из мне известных обстоятельств и лиц, — пусть другие участники движения того периода сделают то же.

«Сейчас же после раскола [1]), — сообщает он, — большинство заграничных русских колоний высказалось, конечно, за меньшевиков» (стр. 6).

Я входил в число членов администрации заграничной Лиги, заведывавшей колониями, но хорошо помню, что никакого опроса мы не производили, поэтому сообщение М. Лядова совершенно голословно. В действительности колонии поделились поровну на «большевиков» и «меньшевиков».

[1]) Автор имеет в виду II съезд.

«В то время, — продолжает М. Лядов, — как большинство делегатов большевиков поехало в Россию, чтобы найти там в российских организациях опору, меньшевики двинули свои лучшие силы на завоевание заграничных колоний» (стр. 6—7).

Также и это неверно: в течение многих месяцев после II съезда, среди меньшевиков шла усиленная работа по налаживанию сперва задуманного, было, нового органа, затем — съезда «Заграничной Лиги»; у нас происходили продолжительные совещания с Плехановым и представителем ЦК (т. Ленгником) по поводу кооптации в редакцию «Искры» отвергнутых съездом старых членов; далее начались хлопоты по организации транспорта, по завязыванию сношений с русскими организациями, находившимися раньше в ведении товарища Крупской, в качестве секретаря редакции, — все это отняло время вплоть до зимы 1903/04 года. Решительно не могу поэтому сообразить, откуда Лядов почерпнул свои сведения о деятельности меньшевиков?

Столь же ошибочно и его заявление, будто в то время главным источником материальных средств для центральных учреждений служили именно сборы в заграничных колониях.

«Завоевав на свою сторону большинство заграничного студенчества, — пишет он, — меньшевики тем самым лишили средств редакцию «Искры» и весь технический аппарат ЦК по перевозке через границу литературы и нелегальных работников» (стр. 7).

Начиная с 1902 г. я, главным образом, заведывал финансами сперва организации «Искры», затем, после раскола, — меньшевистской фракции и хорошо помню, что сборы в колониях все время были совершенно ничтожны по сравнению со средствами, притекавшими от отдельных состоятельных лиц, а именно: от А. М. Калмыковой, О. Слободского, С. Ганелина, Рыбака — все эти лица после раскола продолжали помогать меньшевикам. Вновь, поэтому, недоумеваю, откуда М. Лядов взял, будто главным источником служили сборы в заграничных колониях.

В таком же роде почти все его сообщения, касающиеся меньшевиков. Не берусь судить, насколько точно изложена

его собственная деятельность, его беседы с разными лицами, в том числе с самыми видными представителями социалистических партий Франции, Германии. Одно могу лишь заметить: очень странно, что, как сообщает М. Лядов, такие вожаки, как Бебель, Зингер, Гед, Каутский, находившиеся в течение многих лет в самых близких отношениях с членами группы «Освобождение Труда», «имели, — по его словам, — самые смутные, превратные представления о нашем революционном движении». Едва ли Гед, Бебель, Зингер говорили: «ваша партия — ведь это исключительно студенческая молодежь, которая учится в наших университетах» (стр. 11).

Никто из нас, которым в течение многих лет приходилось встречаться с перечисленными Лядовым западно-европейскими социалистами, не замечал у них такого полного незнания нашего движения. Да это было бы совершенно невероятно. Не говоря уже про то, что в течение предшествовавших встрече М. Лядова с Бебелем, Зингером и др. *нескольких десятилетий* эти выдающиеся немцы часто видались с Плехановым, Засулич, Аксельродом, читали их статьи о России в «Neue Zeit» и в «Vorwärts'e», — в самой Германии, как известно, в течение многих лет тогда жили также хорошо знавшие русское революционное движение Роза Люксембург, Мархлевский, Бухгольц и др., которые, конечно, информировали немецких вожаков насчет нашей страны.

Подтверждением того, что М. Лядов нередко не только слышал, но и видел то, чего в действительности не было, является многое из его сообщений об Амстердамском конгрессе.

Рассказав о состоявшемся на площади за городом митинге, М. Лядов пишет:

«После него (то есть Плеханова) выступил Дейч и рассказал иностранцам про свои 16 лет, проведенных в Сибири» (страница 47).

Тут уже, как говорится, с документами в руках можно доказать, что М. Лядову изменила память, так как *я ни разу нигде не выступал*, — это, кроме свидетельских показаний участников, опровергается печатными отчетами названного конгресса.

Я объясняю себе это ошибочное сообщение следующим образом. Перед самым конгрессом вышла моя книга под указанным заглавием в Амстердаме на голландском языке; ввиду конгресса она всюду была выставлена издателем-социалистом Суупом (Soop'ом), так что часто попадалась на глаза. Поэтому в памяти М. Лядова — в связи с Амстердамским конгрессом — удержалось что-то насчет «16 лет в Сибири», а по прошествии 20 с чем-то лет смутное воспоминание перешло в представление, будто он видел меня на трибуне перед многотысячной толпой, собравшейся на площади.

Дальнейшие его сообщения об этом конгрессе, не менее ошибочные, объясняются теми же причинами.

В бюро, — рассказывает далее Лядов, — рассматривался вопрос о допущении в русскую делегацию поздно прибывших в Амстердам его, Лядова, и Красикова.

Сообщив о происшедшем при этом обсуждении споре между двумя последними и Георгием Валентиновичем, наш автор пишет: «после Плеханова слово взял старый Адлер: «Знаешь, Георгий, я всегда считал тебя большим нахалом, но все же не предполагал, что ты такой нахал» (страница 49).

Фраза эта столько же соответствует действительности, как и уже мною указанные неверные сообщения: влагаемые М. Лядовым в уста Адлера грубые слова *не были и не могли быть* произнесены последним.

Прежде всего Плеханов, за единственным исключением по отношению швейцарца Эритье, ни с кем другим из западно-европейских социалистов не был на «ты», затем, только при недостаточном знании Плеханова, а также Адлера, можно вложить в уста последнего эту грубую речь и Плеханова представить молча и спокойно ее выслушавшим. Если бы, допустим, — хотя это абсолютно не вяжется с Адлером, по характеру мягким, вежливым и очень дружившим с Г. В., — если бы, повторяю, Адлер — да и кто бы то ни было другой, еще более близкий Плеханову товарищ — позволил себе сказать приведенную выше фразу, Г. В. так бы его отчитал, что он едва ли смог бы остаться в качестве делегата и продолжать вместе с Плехановым заседать в президиуме конгресса. Вышел бы такой крупный скандал, о кото-

ром говорили бы все участники съезда, и этот инцидент давно попал бы в печать.

После вышеприведенных грубых слов Адлер, будто бы, сказал Плеханову:

«Сам же ты с Аксельродом прожужжал нам уши о ваших разногласиях с Лениным. Я его не знаю, не знаю, прав ли он, но ведь он получил большинство на съезде. Как же ты отрицаешь это теперь?» (стр. 49).

Со времени второго нашего съезда до Амстердамского конгресса прошло около года, в течение которого ни Плеханов, ни Аксельрод не виделись и не переписывались с Адлером, что не трудно доказать документально, — как же мог последний сказать Плеханову, будто бы он ему «прожужжал уши»? Ясно, что Адлер этого не сказал, и вся приписанная ему речь есть не более как результат присущей Лядову слабой памяти, что, как мы знаем, он сам констатирует.

Ею также объясняется вложенная в уста Розы Люксембург следующая характеристика, будто бы сделанная последнею относительно Г. В. Плеханова, по поводу его информации бюро конгресса насчет присланной Лениным телеграммы.

«Ну, мне эти плехановские штучки знакомы, — во фракционной борьбе он ни перед чем не остановится, он может и запрос выдать за поздравительную телеграмму. Только здесь эта штучка не пройдет» (стр. 48), — будто бы сказала Роза Люксембург.

Оставляя в стороне всем известные свойства Г. В. — корректность, точность, исполнительность относительно всякого рода документов, имевших какой-либо общественный характер, — лицам, сколько-нибудь знакомым с процедурами съездов и конгрессов, трудно себе представить, чтобы президиум, не прочитав присланной ему телеграммы на иностранном языке, передал ее члену бюро, а последний позволил бы себе дать ей ложное толкование, несмотря на присутствие других лиц, знавших иностранные языки, а затем, будучи уличен в этом, остался бы, как ни в чем не бывало, не только на конгрессе, но и в его президиуме. И этот инцидент, — произойди он, — также, конечно, не мог бы не вызвать крупного скандала и, конечно, попал бы

в печать: ведь все, что совершалось на международных конгрессах, становилось известным прессе.

Если бы, далее, приведенная М. Лядовым характеристика Плеханова действительно была сделана Розой Люксембург, то ее следовало бы причислить к самым двуличным людям: все время Амстердамского конгресса Роза Люксембург была в наилучших отношениях с Георгием Валентиновичем, что опять же не трудно доказать свидетельскими показаниями. Поэтому, если бы Роза Люксембург придерживалась приведенного М. Лядовым взгляда, то она являлась бы отчаянной лицемеркой, чего решительно никто из сколько-нибудь знавших ее лиц не скажет о ней.

Столь же мало соответствует действительности его сообщение, будто Плеханов на этом конгрессе «боялся» (!) противопоставить точке зрения немцев свою точку зрения, а все наше движение, все наше партийное строительство он пытался втиснуть в проторенную немцами колею и т. д. (стр. 50).

Излишне доказывать, что Г. В. никогда ничего не боялся и не стремился слепо итти по чьим-либо стопам, — утверждать то, что здесь сообщает М. Лядов о Плеханове, значит иметь о последнем диаметрально противоположное действительности представление.

«Плеханов, — рассказывает М. Лядов далее, — поместил в «Искре» открытое письмо к ЦК под заглавием «Теперь молчание невозможно». В этом письме, ссылаясь на тайную (? — *Л. Д.*) информацию Носкова, Плеханов требует от ЦК лишения полномочий Ленина, обвиняя его во всех смертных грехах» (стр. 42).

Это письмо Г. В. помещено в XIII томе собрания его сочинений (стр. 106—110), и читатели могут убедиться, что в нем нет ни «требования от ЦК лишения полномочий Ленина», ни обвинения последнего «во всех смертных грехах». Ясно, что М. Лядов не удосужился перечитать письмо Плеханова. В этом же томе, в «Ответе т. Лядову», Плеханов, между прочим, уже опроверг указанное неправильное утверждение М. Лядова. Г. В. писал:

«Я не требовал, чтобы ЦК лишил его (т. е. Ленина. — *Л. Д.*) доверия и решительно не знаю, почему таковая на меня, с вашей стороны, ябеда. Я только полагал и полагаю, что

если ЦК не одобряет политики Ленина, то ему надо лишить этого товарища тех полномочий, которые даны ему как заграничному представителю этого учреждения, и назначить другого уполномоченного, лучше выражающего его, ЦК, стремления. Вот только и всего» (стр. 112).

По поводу этого «Ответа т. Лядову» последний в своих воспоминаниях сообщает, будто он («Ответ») был «написан генеральским тоном, в котором явно сквозило пренебрежение к рядовому работнику, осмелившемуся задавать вопросы признанному генералу от марксизма» (стр. 42). Так ли это?

А вот судите сами по следующим выдержкам из «Ответа товарищу Лядову» Плеханова.

«Прежде всего я поставлю вам на вид, что ваше письмо написано странным и, — при данных обстоятельствах, — очень смешным тоном допроса, который в старой юридической практике назывался допросом с пристрастием. Я решительно не понимаю, что дает вам право говорить со мною таким тоном. Неужели те два обстоятельства, что вы — член партии, и что вы голосовали за меня на втором съезде? Но подумайте немного, если только ваше очевидное раздражение не совсем лишило вас склонности к размышлению, и вы поймете, что этих обстоятельств еще не достаточно для того, чтобы позволить вам допрашивать меня так, как вы вздумали допрашивать» (стр. 111).

Как видите, на «генеральский тон» совершенно не похоже это начало «Ответа товарищу Лядову». Нет его и в дальнейшем:

«...Вы, почтеннейший, обязаны вести себя прилично и помнить, что тон допроса с пристрастием и непозволителен, и нецелесообразен, ибо напугать меня или кого-нибудь из остальных редакторов «Искры» не так легко, как это вы повидимому воображаете. Значит, вы только даром ставите себя в нелепо-смешное и смешно-нелепое положение» (та же стр.).

Уже по этим выдержкам не трудно заключить, «сквозит» ли в них «пренебрежение к рядовому работнику», как сообщает М. Лядов, который на следующей странице своих воспоминаний заявляет, будто Плеханов в своем ему ответе «назвал себя тамбовским дворянином» (стр. 43). Вот соответствующее место, непосредственно примыкающее к приведенной мною выше выдержке:

«Что касается собственно ваших допросных пунктов, то я, не служащий дворянин Тамбовской губернии Георгий Валентинович сын Плеханов, у исповеди и святого причастия очень давно уже не бывший, не токмо за страх, но и за совесть отвечаю» (стр. 111—112).

Неужели не очевидно М. Лядову, что весь «Ответ» Плеханова, в том числе и упоминание о «тамбовском дворянине», был написан в добродушно насмешливом, юмористическом тоне и дает ли это основание М. Лядову на протяжении двадцати с чем-то лет повторять, будто Г. В. сам «называл себя тамбовским дворянином»?

Я далеко не исчерпал всех сделанных М. Лядовым, вследствие слабой памяти, неверных сообщений о Плеханове, совершенно не соответствующих действительности. Не буду останавливаться на аналогичных же неправильных рассказах, касающихся В. И. Засулич, П. Б. Аксельрода, а также меня. Скажу лишь, что лица, сколько-нибудь знавшие В. И. и П. Б., едва ли поверят, будто Засулич заявляла Лядову: «Я с вами больше не знакома», а Аксельрод угрожающе прошептал: «За это вы будете отвечать пред Советом партии»... будто «во главе с Мартовым и Засулич, они (меньшевики) устроили кошачий концерт» и так далее (страница 63). Все это из той же области, что и сообщения о Плеханове.

Надо совершенно не знать всех названных лиц, чтобы так изображать их.

По этой же причине М. Лядов и обо мне сообщает небывальщину.

«Дейч, — сообщает он, — был назначен представителем ЦК за границей вместо Ленина. Он страшно боялся, что мы будем перехватывать пожертвования, направленные в «Искру» в пользу нашей кассы. Страсти до того разгорелись, что Дейч не постеснялся обвинить Ленина в том, что он зажилил 10 франков, предназначенных для меньшевиков» (стр. 57—58).

Это столько же соответствует действительности, сколько и сообщение, будто я на площади в Амстердаме рассказывал о моих «16 годах в Сибири».

Я не был «назначен представителем ЦК вместо Ленина», столь же неверно и все остальное, сообщенное обо мне в этой книжке. Но довольно.

Захлебываясь от восторга, М. Лядов сообщает, как он сообща с другими составлял каррикатуры на Плеханова и его товарищей. Но едва ли этой деятельностью уместно теперь, четверть века спустя, гордиться.

ИЗ АРХИВА Г. В. ПЛЕХАНОВА В ПАРИЖЕ.

(Продолжение [1]*).*

57. Примечания и заметки Плеханова по поводу брошюры проф. Штейна.

58. Планы библиографических заметок Плеханова.

59. Несколько слов о Горьком.

60. Плеханов и его связи с иностранным социалистическим движением.

61. Заметки к биографии Г. В. Плеханова и В. И. Засулич.

62. Проект сборника об общ[ественном] движ[ении].

63. Разбор драмы Зудермана «Среди цветов» (отрывок).

64. Материалы к биографии Плеханова.

65. План статьи против Богданова.

66. Дискуссии с Лениным о рабочем съезде.

67. Засед. Бюро Интернационала в июле 1914 г. для объединения русск. соц.-дем. (заметки и план речи).

68. Речь Плеханова в Амстердаме.

69. Оригиналы рукописей Плеханова: а) лекция о Герцене и б) статья об Ирландии.

70. Статья «А что если разгонят?»

71. Оригинал брошюры «Лассаль».

72. Оригинал статьи о Бернштейне.

73. Оригинал главы о Радищеве.

74. Проект программы Польской соц. партии, исправленный рукой Плеханова.

75. Статья Л. И. Аксельрод о пьесе Чирикова «Евреи».

76. Заметки Плеханова по поводу речи Чернова.

77. Рукопись статьи о Махе, написанная под диктовку Г. В. и им исправленная.

78. Стихотворение в прозе: «Идем», неизвестного автора.

79. Тетради с заметками по естествознанию, написанные рукой Г. В. при посещении им лекций Фохта по сравнит. анатомии.

80. Разные выписки Г. В. из Герцена, фон-Штейна и Богданова.

---

[1]) Помещаем продолжение списка материалов, находящихся в архиве Г. В. (см. № 5 сборника «Гр. Осв. тр.») в том виде, в каком этот список получен нами от Р. М. Плехановой. — *Ред.*

81. Статья: «К критике программы с.-д. партии»; из литературного наследства К. Маркса (перевод, исправленный Плехановым).

82. Оригинал коллективного обращения к трудящимся России по поводу необходимости обороны России, со вставками, сделанными Авксентьевым, Бунаковым и др.

83. Библиографич. заметки неизвестного автора по поводу брошюры «Самодержавие и стачки».

84. Статья неизвестного автора, за подписью Н. Т., под названием «Записки невольного путешественника».

85. Записная книжка Г. В. с выписками из «Русск. арх». за 1884, 1887 и 1888 гг. как материал к «Ист. русск. общ. мысли».

86. Заметки и проект статьи «О Ленине» (написаны рукой Плеханова).

87. Протест студ. Женевского университета по поводу «Vademecum» и «Ответ».

88. Заметки Плеханова о секте беспоповцев.

89. Заметки Г. В. о Татищеве.

90. Книжка с материалами для «Ист. русск. общ. мысли».

91. Копия корреспонд. из Петербурга через т. Степанова.

92. Заявление редакции «Магометанина».

93. «Neue Zeit» — ст. Плеханова о войне. Резолюция 2-й народн. группы. Плеханов о студенч. забастовке. Откр. письмо в ред. «Соц.-дем.». Печатное извещ. от с.-д. партии, печатн. записка к общепартийной конференции.

94. Конверт с пометкой Л. Г. Дейча: «Интернациональные вопросы».

95. Конверт с пометкой Л. Г. Дейча: «Государственная дума» (Плеханов и выборы в Гос. думу 1906 г. Декларация думской фракции, подписанная Жордания. Материалы к вопросу о выборах в Гос. думу. Протест во II Думе против ареста с.-д. фракции. Список членов Думы. Первое проявление меньшевистского центра (гектографированн.). Резолюция Московского окружного комитета по поводу Думы. Письма Бурьянова в Париж. Письмо Федорова).

96. Приветствия по поводу 25-, 30-, 35- и 40-летия деятельности Г. В., а также по поводу его возвращения в Россию в 1917 г. (конверт с пометкой Л. Г. Дейча).

97. Материалы и письма по поводу войны и революции: Алексинского, Финна, Андроникова, Авксентьева, Бунакова, Иорданского, Эм. Гуревича, Турского, Воронова.

98. К истории революционного движения и Интернационала.

99. Телеграмма о вызове Г. В. в Россию. Ответ Плеханова на поздравления разных лиц с революцией в России.

100. Реферат, прочитанный 1 мая в Женеве.

101. Речи Г. В. в разных заседаниях.

102. Проект комиссии по примирению Г. В. Плеханова с Фреем (В. И. Лениным).

103. 6 блок-нотов с заметками Г. В.

104. Заметки (о послепетровском периоде).

105. Материалы к истории литературной деятельности Г. В.: письмо Кусковой с предложением сотрудничать в «Товарище», письмо сына Чернышевского редакции «Возрождения»; письма, относящиеся к изданию газеты «Единство».

106. К бойкоту Думы, к событиям после II съезда.

107. Отношения между группой «Осв. труда» и рабочедельцами.

108. Плеханов и семья.

109. Циркуляр Бюро Интернационала по поводу ареста матросов в Констанце.

110. Инцидент с Кобылянским.

111. Ко всем членам фракции меньшевиков.

112. Документы по поводу проектированной большевиками ежедневной газеты.

113. Документ, касающийся студенческих волнений в 1901 г.

114. Документы II Интернационала, относящиеся к вопросу о всеобщей стачке в случае войны.

115. Конверт с пометкой Л. Г. Дейча «Разные партийные документы» (обращение Троцкого, циркуляры Орнатского (Чичерина), письма Федорова и др.).

116. Горин — ответ на дискуссию о «Голосе с.-д.» ликвидаторов.

117. Запись ответов на дискуссию *об объединении; отв. т. Мееровичу, Самсонову, Вадиму.*

118. Ответ товарищу с Кавказа на дискуссию 1908 г. о необходимости вмешаться в борьбу русск. фракций в СДП и запрос т. Валентинова об автономии (на II съезде, неподписанный).

119. Дискуссия о съезде ЦК делегатов и пр.

120. Дискуссия относительно съезда или конференции — разбор решений съезда.

121. Дискуссия с Мартовым об единстве партии, борьба с ликвидаторством.

122. Дискуссия с с.-р. о терроре, разбор журнала «Революц. Россия».

123. Доклад об экономизме, повидимому, Мартова, заметки Г. В. по дискуссии.

124. Об объединении или соглашении с эсерами.

125. Речь 19 августа 1910 года по поводу «Письма с Кавказа».

126. Дискуссия с анархистами — заметки.

127. Заметки на дискуссии с Черновым.

128. Заметки на дискуссии по поводу Гапона, его книги, его зачисления в партию с.-д. и по поводу созыва им конференции. Возражения Акимову.

129. Спор с рабочедельцами.

130. Спор с эсерами.

131. Плеханов в защиту евреев от погромов.

132. Проект Лейтейзена издания социалистической энциклопедии.

133. К истории «Зари» — письмо Влад. Канцеля 1903 г. (?). К истории «Дневников» — письмо К. Декабрева 1909 г.

134. Лично-общественное, к инциденту с Лифшицем, вызов Веры Ивановны к третейскому суду.

135. Копии писем Г. В.: 1) привет конгрессу польских социалистов; 2) Грюнвальду от 1912 г. по поводу нужных Г. В. книг для работы

3) телеграмма фракции с.-д. в Думе; поздравление с ее основанием; 4) черновик телеграммы в Париж президенту митинга в память Жореса; 5) страница, продиктованная дочери, о Шатобриане; 6) часть письма к Гэду.

136. Плеханов и Интернационал.

137. Письмо за подписью Замятина 1887 г.

138. Письмо к Вандервельде.

139. Письмо по поводу статьи в «Искре».

140. Документ Загран. бюро ЦК.

141. К дискуссии с эсерами по поводу статьи Г. В. о Балмашеве.

142. Выписки Г. В. из разных русских журналов и из соч. Дьяконова: «Власть московских государей».

143. Разные выписки из франц. и англ. авторов. Разбор статьи редакции журнала «Вперед». Лондон, 1874 г. Статья: «Задачи революц. пропаганды в России».

144. Записная книжка «О выкупе». Речь по поводу организации с.-д. фракции в Думе.

145. Выписки из Майкова.

146. Тетрадь заметок к статье Струве: «Критика нечистого разума». Там же выписки и заметки из Бертона о жизни и войнах первобытных народов.

147. Заметка о Мережковском.

148. Рецензия на книгу Г. В. «История русск. обществ. мысли» д-ра Ж. А. (Из швейцарской газ. «Рундшау», от X/1925 г.)

149. Письма X. Раковского.

150. План лекции по полит. экономии.

151. Материалы к истории партийцев.

152. О проекте Витте, неизвестного автора.

153. Материалы к вопросу об ассоциациях. Указания на разных авторов: Насиг, Дюпанлу против Жореса, о сельских ассоциациях, Куле, Зомбарт. К плану о синдикализме. Сравнение бакунизма с синдикализмом. Движение обществ. мысли во время смуты.

154. Отрывок статьи: «Очерки студенч. движения».

155. План прочитанного в Женеве в 1904 году реферата об Амстердамском конгрессе.

156. Конспект реферата, прочитанного в конце 90-х или в начале 900-х гг. О возникн. неравенства.

157. Работа об Островском (неполная).

158. Цитаты из Энгельса, Лассаля и «Синдикалистского листка» во время Копенгагенского конгресса.

159. К партийной дискуссии.

160. План к «Религиозным исканиям».

161. К работе о Воронцове.

162. План доклада на Брюссельском конгрессе 1891 года.

163. К борьбе с ликвидаторами.

164. Записные книжки Г. В.

165. Воспоминания о Скрябине. Оригинал Г. В.

166. Письма к Розалии Марковне.

167. Заседания Бюро соц. Интернационала во время конфликта герм.-франк.-итал. относительно Триполи, опасение войны. Дискуссия по поводу возможности всеобщей стачки, чтобы остановить войну и вообще о форме протеста для предупреждения будущей войны. Наброски рукой Г. В.

168. Предисловие к франц. изд. брошюры «О войне».

169. Письма тов. Староверу от ЦК РСДРП к примирению расколовшихся частей партии.

170. Письма Говорухина из Болгарии.

171. Письмо к товарищам, подписанное группой меньшевиков-литераторов 10 июля 1907 года.

172. Открытое письмо Г. В. к сознательным рабочим по поводу выборов в Госуд. думу второго созыва.

173. Краткий отчет о собрании членов РСДРП 2 сентября 1904 г. в Женеве.

174. Речь Г. В. на конференции кавказского социалистического течения.

175. Привет Г. В. от кавказского тов. Мухтаидзе из Лейпцига.

176. Стихи в честь «Искры».

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН.

ОГЛАВЛЕНИЕ.